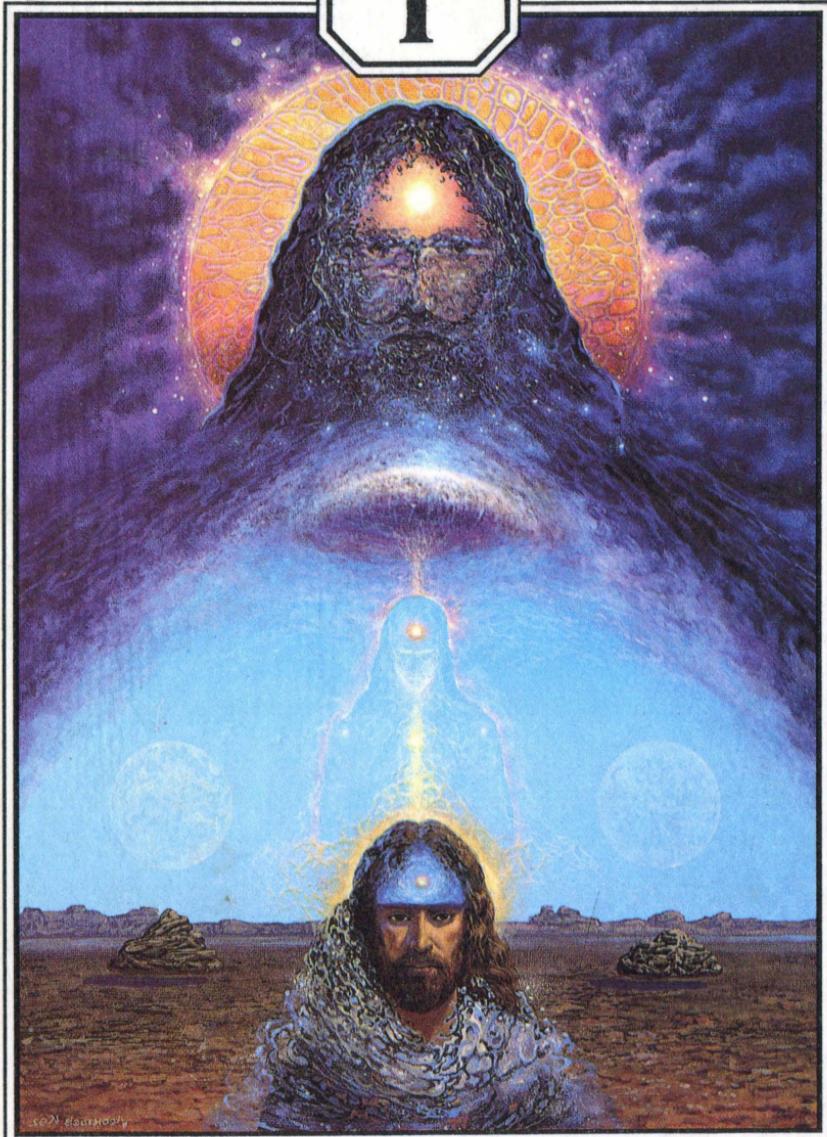

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

1

ФИЛИП ФАРМЕР

Сканировал и создал книгу - vmakhankov

WORLDS OF PHILIP FARMER

1

THE WORLD OF TIERS

THE MAKER OF UNIVERSES

THE GATES OF CREATION

**«POLARIS» PUBLISHERS
1996**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

1

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

**СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННЫХ
ВРАТА ТВОРЕНИЯ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996**

Серия основана в 1996 году

Миры Филипа Фармера. Т. 1 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 351 с.

В этот том, открывающий собрание сочинений известного американского фантаста Филипа Хосе Фармера, включены первые два романа из цикла «Многоярусный мир»: «Создатель вселенных» и «Врата творения».

Эти романы, представляющие собой прекрасные образы авантюрной фантастики, могут удовлетворить самого требовательного читателя. Жестокие схватки, удивительные народы, могущественные и безжалостные властители — все это можно найти в Многоярусном мире.

**Произведения, включенные в данное издание,
охраняются законом Российской Федерации об
авторском праве. Перепечатка отдельных романов
и всего издания в целом запрещена без разрешения
издателя. Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключительно с
письменного разрешения издателя.**

ISBN 5-88132-136-7

The Maker of the Universes
Copyright © 1965 by Philip José Farmer

The Gates of Creation
Copyright © 1966 by Philip José Farmer

© Издательство «Полярис»,
перевод, составление, оформление,
название серии, 1996

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В первом томе полного собрания фантастических произведений Филипа Хосе Фармера издательство «Полярис» представляет первые романы из сериала «Многоярусный мир». Этот цикл, писавшийся на протяжении четверти века, по праву принадлежит к числу наиболее интересных и своеобразных произведений во всей современной научной фантастике.

Уже первый роман, «Создатель вселенных», с которым читатели могут познакомиться в этом томе, вызвал неоднозначную реакцию критики, последующие же принесли Фармеру признание и уважение. Идея отнюдь не была новой — далеко не первое поколение фантастов эксплуатировало мысль, что наш мир является творением некоего всемогущего существа (читай — Господа Бога). Первые рассказы на эту тему появились еще в тридцатые годы, да и после «Многоярусного мира» ее продолжали использовать — в качестве примера можно назвать книги Джека Чалкера. Но Филип Фармер придал ей совершенно неожиданный поворот.

Место благостных ангелоподобных пришельцев (богов, творцов, демиургов) в Многоярусном мире (правильнее было бы сказать «во вселенной Многоярусного мира», но не совсем точное название уже устоялось) занимают властители — последние представители древней расы, создавшей в период своего расцвета чуть больше тысячи.. Вселенных. Маленьких, правда — чуть больше нашей Солнечной системы. Зато устроенных по вкусу владельца. Кому-то по вкусу перемены — пожалуйста, появляется лавалитовый мир, где за один день гора может стать равниной, а соседние холмы оказаться в тысяче километров друг от друга. Кому-то больше нравится стабильность — а вот и вынесенный в название серии многоярусный мир Властителя Ядавина, построенный по принципу детской пирамидки — колоссальные каменные диски положены один на другой. Кому из нас не хотелось в детстве, чтобы мир был плоским и антиподы не ходили вниз головами! А кому-то по нраву естественная эволюция — и мы видим Землю, созданную в полном соответствии с библейским мифом несколько тысячелетий назад такой, какой она стала бы в результате миллиардов лет естественного

развития. Так что не стоит посыпать звездолеты, чтобы те не уперлись в стенку с нарисованными галактиками, как когда-то уперлись космические корабли властителей — потому что те тоже происходят из карманного мира, созданного неизвестными прародителями, не оставившими из него даже выхода...

Но люди остаются людьми, даже приобретая божественное могущество — а властители, несомненно, люди, ведь и мы с вами, по Фармеру, их потомки. И за века безраздельной власти над своими мирками Властители становятся похожи на богов Древней Греции. Лучшие качества их душ отмирают за ненадобностью — к чему они, если ты в своем мире и царь, и бог, ты бессмертен, и отвечать за свои действия тебе не перед кем и незачем? Остаются своеволие, жестокость и ненасытная жажда власти. Каждый из властителей цепляется за свой собственный мирок, как жилец в коммуналке — за свою комнату, и точно так же стремится выжить соседей — ну, может быть, несколько более радикальными средствами, но без применения ядерного оружия.

Быть может, в прежние времена для таких конфликтов и не было почвы — каждый желающий делал себе новую вселенную и, как один король у Андерсена, «уходил в свое королевство, громко хлопнув дверью». Но в том-то и состоит безнадежный ужас положения властителей, что секрет управления миросозиательными машинами давно утерян в кровопролитной войне, в которой погибло большинство властителей, и среди них — инженеры и учёные. Остались обыватели, дорвавшиеся до власти. Быть может, утерянные знания и возможно было вернуть — но зачем, если проще зарезать соседа (мужа, отца, сына) и занять его место?

Таков мир, созданный буйным воображением Филипа Фармера. Конечно, он не проработан до мелочей, как вымышленная вселенная Реки, многие его детали остаются неясны, но масштаб сотворенного писателем мира (а, вернее, миров) продолжает поражать нас и спустя четверть века после написания первой книги.

Под стать вселенной и ее многочисленные обитатели. На статистов Фармер не поспешился — список народов, населяющих один только Многоярусный мир Властителя Ядавина, занял бы целую страницу, не говоря уже о существах более экзотических, вроде гарпий или кентавров, и просто уникальных, вроде зебриллы Ипсева или мерзкой твари, в которую превратил Властитель Уризен собственного сына Теотормона. Однако главных героев в сериале не так много, как в уже упомянутом «Мире Реки», и проследить за их приключениями не составляет труда даже в многообразных и неизменно красочных мирах.

Необычна и психологическая обрисовка персонажей. Американский психотерапевт Джеймс Джаннини, использовавший романы из

цикла «Многоярусный мир» для ролевой терапии невротических подростков, сказал как-то, что избрал для своей работы книги Фармера, поскольку «его персонажи — это мечта Юнга, полный набор архетипов», то есть типовых образов, характерных для той или иной культуры. Каждый из них словно иллюстрирует ту или иную сторону человеческой натуры или модель поведения, часто мифологизированную, как, например, в случае Кикахи, героя-трикстера, или; наоборот, предельно жизненную, как жаждущая власти любой ценой Вала.

Отличительной чертой «Многоярусного мира», выделяющей сериал из ряда ему подобных, является полная отстраненность от этических вопросов. Для героев, за исключением, пожалуй, Вольфа-Ядавина, основными проблемами являются личные их взаимоотношения — любовь и ненависть, гордость и тщеславие — и проблемы эти часто оказываются болезненными, а решения их — кровавыми. Но ни один из героев, даже жуткие Черные Звонари или жестокий эгоист Рыжий Орк, не олицетворяет добро или зло в чистом виде, как это принято в романах, близких к жанру «фэнтези» — а «Многоярусный мир», несомненно, смыкается со сказкой. Замени автор технику на колдовство — скажем, лучеметы на магические жезлы — и различие стерлось бы окончательно. Впрочем, сверхвысокая технология властителей и без того мало отличается от волшебства, в полном соответствии с известным принципом Артура Кларка.

Трудно переоценить значение «Многоярусного мира» как для творчества Фармера, так и для развития фантастики в целом. Фармер, пытавшийся написать обычный авантюрно-фантастический роман, оказался в плена собственного творения. Но этот плен оказался необычайно плодотворным. Разрушив каноны написания сериалов — если первые книги отделены друг от друга, то следующие легче воспринимать как части одного романа, — перенеся акцент с финала (нередко смазанного) на постоянно дляющееся действие, выведенное из жестких рамок стандартной схемы — завязка, кульминация, развязка, — Филип Фармер расширил границы дозволенного в научной фантастике.

В открывающем сериал романе «Создатель вселенных» удивительное стечние обстоятельств забрасывает в Многоярусный мир пожилого преподавателя Роберта Вольфа, ничем не примечательного, кроме странных обстоятельств начала его жизни — в возрасте двадцати лет он был найден полностью потерявшим память. Но воздух Многоярусного мира возвращает ему молодость, а встречи на долгом пути к вершине мира, ко дворцу властителя постепенно возвращают память — он родился и вырос в этом мире. Спутником и проводником Вольфа по этажам «детской пирамидки» становится

Пол Янус Финнеган по прозвищу Кикаха, явно воплощающий автора книги (английские инициалы Финнегана — P.J.F. — совпадают с инициалами Филипа Хосе Фармера, а своим родным городом он называет то же местечко Терре-Хота, где появился на свет и сам Фармер). Имя его несет еще два значения — с одной стороны, трудно не воспринять его фамилию как отсылку к «Поминкам по Финнегану» Джеймса Джойса, с другой — индейское прозвище, означающее «ловкач», намекает на героя-трикстера, жестокого шутника, а второе имя — Янус — вполне прозрачно намекает на «двуликость» этого персонажа, цивилизованного землянина и одновременно члена индейского племени хроваков, обитающего на ярусе Америндии. История Кикахи зеркально отражает судьбу Вольфа — рожденный на Земле, он предпочитает жизнь в Многоярусном мире Но истинное прошлое Вольфа долго остается скрытым — к счастью для него, потому что Владыка Ядавина, пусть даже изгнанного коварным соперником, не слишком любят подданные, особенно те из них, кто стал жертвами его биологических экспериментов. Однако на стертую память Ядавина наложилась новая личность, и теперь уже Вольфу предстоит победить самозваного Владыку Арвура, чтобы бессердечие его двойника Ядавина не показалось детской забавой.

Второй роман серии — «Врата творения» — написан почти в том же ключе. Насладиться обществом прекрасной Хрисеиды Вольфу не дает его собственный отец Уризен, собирающийся избавиться от надоедливых потомков самым простым способом — уничтожив их под корень, чтобы не угрожали его власти. Описание встречи родных и двоюродных братьев и сестер Ядавина заставляет меркнуть свары потомков Оберона в Амберском цикле Роджера Желязны (кстати, очень высоко оценивавшего и «Многоярусный мир», и все творчество Филипа Фармера). Даже угроза жизни с трудом заставляет властителей объединиться для борьбы с общим врагом. Но у этой ловушки оказывается двойное дно — и Вольф узнает об этом слишком поздно, когда отступить — значит погибнуть.

Издательство «Полярис» впервые представляет российскому читателю всемирно известный сериал Филипа Хосе Фармера полностью, в новых, профессионально выполненных переводах. Ниже мы помещаем состав сериала.

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

**СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННЫХ
ВРАТА ТВОРЕНИЯ
ЛИЧНЫЙ КОСМОС
ЗА СТЕНАМИ ТЕРРЫ
ЛАВАЛИТОВЫЙ МИР
ГНЕВ РЫЖЕГО ОРКА
БОЛЬШЕ ЧЕМ ОГОНЬ**

**СОЗДАТЕЛЬ
ВСЕЛЕННЫХ**

ГЛАВА 1

Из-за дверей донесся призрачный трубный зов. Семь нот казались слабым и далеким сиянием серебряного фантома, как если бы звуки превратились в вещество, из которого создаются тени.

Роберт Вольф знал, что за раздвижными дверцами не может быть ни рога, ни человека, трубящего в него. Минуту назад он уже осматривал внутренности стенного шкафа. Если не считать цементного пола, белых оштукатуренных стен, вешалок и крючков для одежды, полки и лампочки над головой, шкаф казался абсолютно пустым.

И все же он слышал звуки трубы — слабые, будто бы приходящие из-за неведомой грани нашего мира. Роберт Вольф был один, поэтому никто не мог подтвердить истинность события, которое, по его мнению, выходило за рамки возможного. Комната, в которой он стоял как завороженный, совершенно не годилась для подобного переживания. Но сам он был к нему готов. В последнее время его сны наполняли беспокойные причудливые видения. В течение дня в голове возникали странные мысли и проблески каких-то картин, пусть мимолетные, но очень яркие и даже пугающие — непрощенные, нежданные и неотразимые образы.

Вольф забеспокоился. Было бы нечестно пережить психическое расстройство, едва заработав себе пенсию. Однако если это уже случалось с другими, то могло произойти и с ним. Ему давно следовало показаться доктору, но он не мог заставить себя прислушаться к голосу рассудка и продолжал выжидать, никому ничего не говоря, даже жене.

Он стоял в комнате отдыха нового дома в районе новостроек «Хохокам Хоумс» и удивленно рассматривал дверцы стенного шкафа. Если рог протрубит еще раз, он раздвинет их и убедится, что внутри никого нет. И тогда, зная, что звуки порождаются его больным воображением, он откажется от покупки дома. Он пропустит мимо ушей истерические

протесты жены, отправится к своему доктору, а потом навестит психотерапевта.

— Роберт! — позвала его жена. — Что ты там так задержался? Поднимайся к нам. Я хочу поговорить с тобой и мистером Бессоном!

— Одну минуту, милая, — крикнул он в ответ.

Она еще раз окликнула его и теперь так близко, что он обернулся. Бренда Вольф стояла на верхней площадке лестницы, ведущей в комнату отдыха. Как и ему, ей было шестьдесят шесть лет. Полнота, густо нарумяненные и припудренные морщины, толстые стекла очков и волосы синевато-стального цвета навсегда погребли былую красоту Бренды.

Он вздрогнул, увидев ее, как вздрагивал при каждом взгляде в зеркало, замечая свою лысую голову, глубокие складки от носа до рта и звездочки морщин в уголках покрасневших глаз. Не в этом ли его проблема? А может быть, он до сих пор не смирился с тем, что происходит со всеми людьми, нравится им это или нет? Может быть, причина его неприязни заключена не в физическом угасании, а в понимании того, что и ему, и Бренде не удалось осуществить мечты своей юности? Когти и жернова минувших лет оставили свои следы на плоти, но время сжалось над ним, разрешив дожить до старости, и он не мог оправдывать отсутствие гармонии в душе словами о недолговечности и бренности существования. Мир не виноват в том, что он превратился в старика. Ответственным за все был он, и только он; по крайней мере, ему хватало мужества признавать этот факт, и Вольф ни в чем не упрекал вселенную или ту ее часть, которая олицетворялась его супругой: Он не кричал, не ворчал и не хныкал, как Бренда.

Хотя бывали времена, когда хотелось и поскучить, и поплакать. Не так уж много на свете людей, потерявших память о первых двадцати годах своей жизни. Он подумал о двадцати годах, так как Вольфы, усыновившие его, говорили, что Роберт был тогда именно в этом возрасте. Его нашел старик Вольф во время своих скитаний по холмам Кентукки около границы штата Индиана. И уже тогда Роберт не знал, откуда и как он попал сюда. «Кентукки» и даже «Соединенные Штаты Америки» казались ему бессмысленными звуками — впрочем, как и весь английский язык.

Вольфы взяли его к себе и оповестили об этом шерифа. В ходе расследования властям так и не удалось установить его личность. В другое время такая история могла бы привлечь внимание широкой общественности, но страна находилась на

грани войны с кайзером, и людей волновали более важные вопросы. Роберт, названный в честь умершего сына Вольфов, начал помогать старикам в работе на ферме. Ему пришлось пойти в школу, так как все воспоминания о предыдущем обучении исчезли без следа.

Его невежество в вопросах поведения оказалось еще большей неприятностью, чем отсутствие номинальных знаний. Он то и дело смущал и обижал других людей. Обитатели холмов изводили его презрительными, а иногда и жестокими насмешками, но он быстро учился — и его готовность к тяжелой работе плюс огромная сила и умение постоять за себя заслужили всеобщее уважение.

За удивительно короткий срок, словно повторяя усвоенное, Роберт закончил начальную и среднюю школы. Скорость обучения и прохождение классов экстерном не помешали ему без труда сдать вступительные экзамены в университет. Здесь у него появилась и сохранилась на всю жизнь любовь к классическим языкам. Больше всего ему нравился греческий, потому что этот язык задевал в нем какую-то струнку души и казался чуть ли не родным.

Получив в чикагском университете степень доктора философии, он преподавал в учебных заведениях восточных и среднезападных штатов. А потом Роберт женился на Бренде — красивой девушке с замечательной душой. Или это ему так казалось вначале. С годами иллюзии рассеялись, но и тогда он был относительно счастлив.

Однако необъяснимая потеря памяти и тайна его происхождения по-прежнему волновали Вольфа. Долгое время это не тревожило его, но теперь, после ухода на пенсию...

— Роберт, — закричала Бренда, — сейчас же поднимайся сюда! У мистера Брессона очень мало времени!

— Я уверен, что мы не первые клиенты мистера Брессона, которым захотелось без спешки осмотреть все помещения, — мягко ответил он. — Или ты уже решила отказаться от дома?

Бренда сердито взглянула на него, с негодованием отвернулась и вперевалку заспешила восвояси. Вольф вздохнул, предчувствуя обвинения в том, что он якобы нарочно выставил ее в глупом виде перед агентом по продаже недвижимости.

Он снова повернулся к дверцам стенного шкафа. Может быть, набраться смелости и открыть их? Какая нелепость — стоять словно в шоке, переживая приступ невротической нерешительности. Но он не мог сдвинуться с места и лишь вздрогнул, когда охотничий рог вновь прорубил семь нот.

Как и раньше, звуки доносились из-за толстой преграды, но теперь они стали значительно громче.

Сердце глухо застучало, словно кто-то изнутри колотил кулаком в грудную кость. Он заставил себя подойти к дверям, протянул руку к покрытой латунью выемке, которая находилась на уровне пояса, и толкнул в сторону одну из створок. Дверца отъехала, заглушив звуки рога тихим урчанием роляков.

Белые оштукатуренные доски стены исчезли. Они превратились в выход на сцену, придумать которую он бы не мог, несмотря на то что, по идее, она являлась порождением его сознания.

Солнечный свет хлынул в проем, размеры которого вполне позволили бы Роберту, чуть пригнувшись, пройти через него. Обзор перекрывали растения, чем-то напоминавшие деревья — но не земные деревья. Сквозь ветви и причудливые листья он увидел ярко-зеленое небо. Его взгляд скользнул вниз и остановился на пятачке земли под деревьями. Шесть или семь кошмарных тварей собрались у подножия гигантского валуна. Скала из красной породы с кварцевыми блестками немного походила по форме на поганку. Мерзкие существа с черными, лохматыми и уродливыми телами стояли к нему спиной, но одно из них повернулось боком, и его профиль резко выделялся на фоне зеленого неба. Голова монстра вполне могла сойти за человеческую, если бы не грубые, недоразвитые черты и не злобный оскал, исказивший лик. Тело, лицо и голову твари покрывали шишечки и нарости, которые придавали ей вид чего-то недоделанного, словно ее создатель забыл завершить свое творение. Две короткие ноги выглядели как задние собачьи лапы. Чудовище тянуло длинные руки к молодому человеку, который стоял на плоской вершине валуна.

Одежду мужчины составляла лишь набедренная повязка из оленьей кожи и мокасины. Он был высокого роста, мускулистый и широкоплечий, его кожу покрывал коричневый загар, длинные густые волосы отливали красновато-бронзовым оттенком, скуластое лицо дышало силой, верхняя губа чуть выдавалась вперед. Человек держал в руках инструмент, который, видимо, и являлся источником услышанных Вольфом звуков.

Ударом ноги мужчина сбросил вниз одну из уродливых тварей, когда та, карабкаясь по скале, добралась до вершины. Он поднял серебряный рог к губам, чтобы еще раз про-

трубить свой зов, как вдруг заметил стоявшего в проеме Вольфа. Его лицо озарила улыбка, сверкнули белые зубы.

— Так ты наконец пришел! — воскликнул он.

Вольф не ответил ни словом, ни жестом. Он только подумал: «Теперь я действительно сошел с ума! К слуховым галлюцинациям прибавились зрительные. А что дальше? Закричать и броситься прочь или тихо уйти, сказав Бренде, что мне необходимо увидеться с доктором? И надо действовать прямо сейчас! Без промедлений и объяснений. Закрой рот, Бренда, я уже ухожу».

Вольф сделал шаг назад. Проем начал закрываться, белые стены вновь обретали материальность. Или, скорее, он с новой силой восстановливал пошатнувшиеся границы своего мира.

— Эй! — крикнул юноша на вершине валуна. — Лови!

Он бросил рог. Крутясь в воздухе и сверкая серебром в лучах солнечного света, проникавшего сквозь листву, инструмент летел прямо к открытому проему. За секунду до того, как стены сомкнулись, рог проскочил отверстие и удариł Вольфа по коленям.

Он охнул от боли. Резкий удар рассеял его сомнения по поводу реальности происходящего. Сквозь узкую щель он увидел, что человек с рыжими волосами поднял руку, соединив в кольцо большой и указательный пальцы. Он улыбнулся и крикнул:

— Удачи тебе! Надеюсь, мы вскоре увидимся! Я Кикаха!

Отверстие сжималось, словно глаз, закрывающийся в дреме. Свет угасал, и предметы теряли очертания. Но, бросив последний взгляд, Вольф заметил девушку, которая выглядывала из-за ствола дерева.

Ее огромные глаза, непропорционально большие по отношению к лицу, походили на кошачьи, а полные губы темно-красного цвета создавали приятный контраст с золотисто-коричневой кожей. Густые волнистые волосы, свободно ниспадавшие вдоль щек, имели тигровую окраску, и, когда она выглядывала из-за дерева, слегка вьющиеся пряди почти касались земли.

А потом стены стали белыми, словно закатившиеся белки в глазах покойника. Все вокруг приобрело свой прежний вид. Остались только боль в коленях да рог, который твердым краем упирался в лодыжку Вольфа.

Он поднял инструмент и повернулся, чтобы осмотреть предмет в полосе света из комнаты отдыха. Вольф больше не считал себя безумным, хотя по-прежнему был ошеломлен. Он

заглянул в другую вселенную и что-то получил оттуда, но почему и как — Вольф не знал.

Эта вещь, длиною около двух с половиной футов и чуть меньше четверти фунта весом, напоминала бы по форме рог африканского буйвола, если бы не широкий раструб. На узком конце плотно сидел мундштук из какого-то золотистого материала, а сам рог был сделан из серебра или покрытого серебром металла. Не обнаружив клапанов, Вольф повертел инструмент в руках и нашел ряд из семи небольших кнопок. Внутри раstrуба на расстоянии полдюйма находилась сеточка из серебристых нитей. Когда он держал рог под углом к свету лампы над головой, создавалось впечатление, что сеточка находится глубоко в основании.

Тут свет упал на корпус как-то по-особому, и он увидел деталь, пропущенную при первом осмотре: между мундштуком и раструбом виднелся едва заметный иерогlyph. Ничего подобного он прежде не встречал, хотя считался экспертом по любым типам алфавитной письменности, идеограммам и пиктографии.

— Роберт! — позвала его жена.

— Уже поднимаемся, милая.

Он положил рог в правый передний угол стенного шкафа и закрыл дверь. Выбора у него не оставалось, разве что бежать из дома вместе с рогом. Если он сейчас возьмет его с собой, жена и Брессон начнут задавать вопросы. И раз уж Вольф не вносил инструмент в дом, он не мог объявить его своей собственностью. Брессон потребует сдать инструмент ему на хранение, поскольку предмет нашли в доме, принадлежавшем его агентству.

Вольфа терзали сомнения. Неужели ему не удастся вынести рог из дома? А главное, Брессон может привести сюда новых клиентов, причем, вероятно, еще сегодня, и кто-нибудь, открыв дверь стенного шкафа, найдет спрятанный рог. И тогда клиент может отнести его Брессону.

Вольф поднялся по ступеням и вошел в большую гостиную. Бренда встретила его сердитым взглядом. Брессон, круглолицый мужчина в очках, лет тридцати пяти, чувствовал себя неловко, хотя и улыбался.

— Как вам понравились помещения? — спросил он.

— Они великолепны, — ответил Вольф, — и чем-то напоминают мне наш старый дом.

— Мне здесь тоже нравится, — сказал Брессон. — Я родился на Среднем Западе и вполне понимаю ваше нежелание

жить в домах, построенных наподобие ранчо. Только не подумайте, что я их критикую. Я и сам живу в таком доме.

Вольф подошел к окну и выглянул на улицу. Полуденное майское солнце ярко светило с голубых небес Аризоны. Лужайку покрывала изумрудная бермудская трава, посаженная три недели назад, — абсолютно новая, как и все дома в этом недавно построенном районе «Хохокам Хоумс».

— Почти все дома одноэтажные, — рассказывал Бressон. — В почве много селитры, поэтому земляные работы обошлись в большую сумму, но эти дома стоят недорого. Вы получаете их почти даром.

«А если бы эту селитру не выкопали и не создали пространство для комнаты отдыха? — подумал Вольф. — Что бы тогда увидел человек с другой стороны в момент раскрытия прохода? Неужели он увидел бы только землю и навсегда потерял бы шанс избавиться от рога? Да, в этом нет никаких сомнений».

— Вы, наверное, читали, почему нам пришлось отложить строительство этого района? — поинтересовался Бressон. — Во время земляных работ мы наткнулись на древний город хохокамов.

— Хохокамов? — спросила миссис Вольф. — Это еще кто такие?

— Многие люди, приехавшие в Аризону, никогда не слышали о них, — ответил Бressон. — Но, прожив какое-то время в районе Финикса, вы обязательно что-нибудь о них узнаете. Это индейцы, жившие давным-давно в Долине Солнца; они появились в этих местах по крайней мере тысячу двести лет назад. Хохокамы рыли оросительные каналы и строили города; их цивилизация набирала мощь. Но что-то случилось с ними, хотя никто не знает истинных причин. Они просто взяли и исчезли несколько столетий тому назад. Некоторые археологи утверждают, что индейцы племен папаго и пима являются их потомками.

Миссис Вольф фыркнула:

— Видела я этих индейцев. И вряд ли они могут строить что-нибудь еще, кроме тех жалких глинобитных лачуг, которые встречаешь в резервации.

Вольф повернулся к ней и раздраженно оборвал жену:

— Про современных майя тоже не скажешь, что они могли когда-то построить свои храмы и изобрести понятие нуля. Но они это сделали.

Бренда открыла рот. Улыбка мистера Бressона стала еще более натянутой.

— Так или иначе, — сказал он, — мы приостановили выемку грунта, пока археологи не дали нам своего разрешения. Отсрочка работ длилась около трех месяцев, и мы ничего не могли поделать, потому что правительство связало нам руки. — Он помолчал и добавил: — Хотя вам, возможно, это сыграло на руку. Если бы нас не задержали, дома могли быть уже проданы. Поэтому все обернулось к лучшему, не так ли?

Он бодро улыбнулся и взглянул на каждого из клиентов.

Вольф помолчал, тяжело вздохнул, догадываясь, что сейчас услышит от Бренды, и степенно произнес:

— Мы его берем. И давайте подпишем документы прямо сейчас.

— Роберт! — вскричала миссис Вольф. — Ты даже не спрашиваешь меня?

— Прости, моя милая, но я уже принял решение.

— Ах так! Но его еще не приняла я!

— Ну что вы, уважаемые! Не стоит торопиться, — поспешил вмешаться Брессон.

Он отчаянно пытался сохранить на лице улыбку.

— Не спешите, обсудите все как следует. Если кто-нибудь приедет и купит этот дом — а такое может случиться еще до конца дня; мы продаем их, как горячие пирожки, — найдется множество других домов с точно таким же расположением комнат.

— Но я хочу этот дом.

— Роберт, а не сошел ли ты с ума? — возмутилась Бренда. — Я никогда не видела, чтобы ты вел себя так прежде.

— Я уступал тебе почти во всем, — сказал он. — Я всю жизнь пытался сделать тебя счастливой. Так уступи и мне хотя бы раз. Я не прошу у тебя чего-то особенного. Вспомни, еще утром ты говорила, что хочешь дом именно такого типа, а «Хохокам Хоумс» — единственный район, дома которого нам по карману. Давай оформим купчую, а в качестве залога я могу выписать чек.

— Я ничего не буду подписывать, Роберт.

— Почему бы вам не отправиться домой и не обсудить эту проблему наедине? — предложил Брессон. — Как только вы придете к обоюдному согласию, я буду полностью в вашем распоряжении.

— А моей подписи вам недостаточно? — спросил Вольф.

— Я сожалею, но миссис Вольф тоже должна поставить свою подпись, — ответил Брессон, выдавливая из себя напряженную улыбку.

Бренда победоносно усмехнулась.

— Тогда обещайте мне, что вы больше никому не покажете этот дом, — попросил Вольф. — Хотя бы до завтрашнего дня. Если вам нужны гарантии на покупку, я готов уплатить задаток.

— О, в этом нет необходимости. — Брессон направился к двери, и его поспешность выдавала желание как можно скорее выбраться из неловкой ситуации. — Я не буду никому показывать дом, пока не услышу утром от вас окончательного ответа.

На обратном пути в Тэмп, где в мотеле «Пески» супруги снимали комнаты, оба хранили гордое молчание. Застыв в непривычной позе, Бренда смотрела на дорогу через ветровое стекло. Время от времени Вольф поглядывал на жену, отмечая, что ее нос становится все острее, а губы тоньше. Еще немного, и она будет выглядеть как жирный попугай.

И когда ее, наконец, прорвет, крики и брань будут звучать как клекот жирного попугая. Все тот же старый, затасканный, не убывающий со временем поток упреков и угроз извергнется на поверхность, и она будет кричать, что он пренебрегал ею все эти годы. А напоследок, Бог знает, в который раз, она напомнит ему, что он либо сидел, уткнувшись носом в книги, либо стрелял из лука, фехтовал или карабкался по скалам, специально выбирая те виды спорта, в которых она не могла участвовать из-за своего артрита. Она начнет разматывать годы неудач, перечисляя события, которые считала несчастьями, а потом, как обычно, все закончится громкими и горькими рыданиями.

Почему он до сих пор с ней не расстался? Вольф и сам не знал. Может быть, из-за того, что безумно любил ее в молодости, и из-за того, что в ее обвинениях всегда имелась доля правды. К тому же сама мысль о разводе казалась тягостной ему — еще более тягостной, чем перспектива остаться с Брендой.

Проработав столько лет преподавателем английского и классических языков, он имел право насладиться результатами своего труда. И теперь, скопив небольшую сумму, обладая свободным временем, он мог бы заняться исследованиями, от которых его раньше отвлекали служебные обязанности. Сделав этот дом в Аризоне своим опорным пунктом,

он мог бы даже путешествовать. А почему бы и нет? Бренда тоже не откажется сопровождать его — наверное, даже сама навязчесь в попутчицы. Но вскоре ей все это так наскучит, что его существование превратится в ад. И ее ни в чем нельзя винить — просто у них нет общих интересов. Но неужели ради ее счастья он должен отказаться от своих занятий и приключений, которые наполняли его жизнь смыслом? Тем более что она все равно не станет от этого счастливой.

Как он и ожидал, после ужина язычок Бренды стал гораздо активнее. Вольф слушал ее, пытался спокойно убеждаться, указывая на отсутствие логики, несправедливость и необоснованность обвинений; но это не помогало. Она, как всегда, закончила рыданиями, угрожая оставить его или покончить с собой.

Но на сей раз он не уступил.

— Я хочу этот дом, и я хочу наслаждаться жизнью по своему разумению, — твердо заявил Вольф. — Вот так!

Он накинул на плечи пиджак и направился к выходу.

— Вернусь поздно. Если вообще вернусь.

Она закричала и запустила в него пепельницей. Он пригнулся, и пепельница отскочила от двери, отщепив кусок дерева. К счастью, Бренда не кинулась за ним следом и не стала устраивать скандал вне дома, как часто делала прежде.

Уже стемнело, но луна еще не взошла, и ему приходилось довольствоваться светом из окон мотеля, уличными фонарями и блеском фар многочисленных машин на бульваре Апачей. Вырулив на шоссе, он поехал на восток, затем свернул на юг, и через несколько минут его машина мчалась по дороге в «Хохокам Хоумс». При мысли о том, что ему предстояло сделять, сердце тревожно забилось и по спине побежал холодок. Впервые в жизни он всерьез задумал совершить преступление.

«Хохокам Хоумс» освещали фонари, из динамиков звучала громкая музыка, на улицах играли и кричали дети, родители которых в это время осматривали новые дома.

Не сбавляя скорости, он проехал через Месу, сделал разворот, вернулся в Тэмп и по шоссе Ван Бьюрена направился в центр Финикса. Машина неслась на север, потом на восток, пока не показался городок Скоттсдейл. Здесь Вольф сделал остановку и полтора часа просидел в маленькой таверне. Успокоив себя четырьмя рюмочками из «бочонка 69 года», он решил расплатиться. Пить больше не хотелось — вернее, он боялся перебрать, понимая, что при осуществлении плана ему потребуется ясная голова.

Когда Вольф вернулся в «Хохокам Хоумс», фонари уже не горели и в пустыню вернулась тишина. Оставив машину за домом, который ему хотелось сегодня купить, он надел на правую руку перчатку и выбил кулаком окно комнаты отдыха.

Когда ему наконец удалось забраться внутрь, его тело сотрясалася нервная дрожь, а сердце билось так, словно он пробежал несколько кварталов. Несмотря на испуг, Роберту вдруг стало смешно. Будучи человеком с богатым воображением, он не раз представлял себя в роли взломщика — и не каким-нибудь простым воришкой, а самим Рэффлзом-везунчиком. Но теперь он знал, что огромное уважение к закону никогда бы не позволило ему стать крупным или хотя бы мелким преступником. Совесть терзала Роберта даже за этот незначительный проступок, а ведь он считал его полностью оправданным. Более того, мысль о возможном разоблачении чуть не заставила Вольфа забыть о роге. Если он попадется на краже, вся его тихая, спокойная и респектабельная жизнь будет предана позору. А стоил ли рог всего этого?

Но Вольф решил действовать. Отступив сейчас, он весь остаток жизни будет жалеть об упущененной возможности. Быть может, его ждет величайшее из приключений — приключение, которое еще никто никогда не переживал. И если он сейчас сдастся, это будет равносильно самоубийству — он не вынесет потери рога и укоров души за проявленную трусость.

В комнате было так темно, что ему пришлось пробираться к стенному шкафу вслепую. Нащупав раздвижные дверцы, он сдвинул левую створку в сторону и, избегая резкого шума, начал осторожно подталкивать ее локтем. Время от времени Вольф замирал и прислушивался к звукам на улице.

Когда дверь полностью открылась, он отступил на несколько шагов и, прижав мундштук рога к губам, тихо затрубил. Резкий звук так напугал его, что Роберт выронил инструмент. Обшарив пол, он нашел рог в углу комнаты.

Во второй раз Вольф затрубил в полную силу. Раздался еще один звонкий звук, не намного громче, чем первый. Какая-то деталь механизма — вероятно, серебряная сеточка раструба — регулировала уровень громкости. Постояв несколько минут в нерешительности, он попытался воссоздать в уме точную последовательность услышанных нот. Семь маленьких кнопок на нижней стороне инструмента определяли различные гармонии. Но чтобы найти нужное сочетание звуков, ему потребуется время и несколько попыток. Все это может привлечь внимание охраны.

Вольф пожал плечами и прошептал:

— Подумаешь!

Он снова затрубил, начиная аккорд с первой, ближней к себе кнопки. Прозвучало семь громких нот. Их длительность соответствовала той мелодии, которую он помнил, но последовательность оказалась несколько иной.

А когда замер последний звук, издалека донесся крик. Вольф едва не запаниковал. Он выругался, вновь поднес рог к губам и начал перебирать клавиши в том порядке, который, по его мнению, должен был воспроизвести таинственное «сезам», став музыкальным ключом к другому миру.

В тот же миг луч фонарика пробежал по разбитому стеклу и двинулся в сторону. Но едва Вольф затрубил еще раз, луч света вернулся к окну и снова послышались крики. Вольф отчаянно пробовал одну комбинацию за другой. Третья попытка завершилась копией той мелодии, которую трубил юноша на вершине валуна-поганки.

Чья-то рука просунула фонарик в окно, и глухой голос прорычал:

— Эй, ты, выходи! Выходи, или я буду стрелять!

Одновременно с этим на стене появилось зеленоватое зарево. Оно вдруг прорвалось сквозь доски дерева и выпало в дыру, через которую заструился лунный свет. Деревья и валун возникли, как темные силуэты на фоне зеленовато-серебряного сияния огромного небесного тела, край которого показался в расширявшемся проеме.

Вольф больше не медлил. Его заметили. На колебания не оставалось времени, и теперь могло помочь только бегство. Другой мир сулил неизвестность и опасность, но здесь его ждал лишь неминуемый позор и жалкое бесславие. Охранник за окном снова закричал, но Вольф оставил за собой и этот грубый голос, и старый знакомый мир. Ему пришлось пригнуть голову и переступить через высокий край дыры, которая начинала сокращаться. А когда он оказался на другой стороне и оглянулся, чтобы бросить прощальный взгляд, отверстие не превышало размеров корабельного иллюминатора. Но через несколько секунд исчезло и оно.

ГЛАВА 2

Вольф сел на траву и попытался отдохнуться. Если возбуждение окажется чрезмерным для его шестидесятишестилетнего сердца, это будет пределом черного юмора, подумал он.

Умер по прибытии. УПП! Они — кем бы «они» ни оказались — похоронят его и напишут на надгробной плите: НЕ-ИЗВЕСТНЫЙ ЗЕМЛЯНИН.

Роберт почувствовал себя лучше. Он даже тихо засмеялся, поднимаясь на ноги. Смело и по-хозяйски Вольф осмотрелся вокруг. Воздух был приятным и теплым — около семидесяти градусов по Фаренгейту, прикинул он. Окружающее пространство наполняли незнакомые и очень приятные фруктовые ароматы. Повсюду кричали птицы — и он надеялся, только птицы. Откуда-то издалека доносился тихий грохот, но он не испугался. Без всякого на то основания у него появилась уверенность, что это рокот прибоя, приглушенный расстоянием. Полная и огромная луна превосходила спутницу Земли по меньшей мере вдвадцать с половиной раза.

Небо растеряло нежную зелень, которая наполняла его в течение дня. Несмотря на сияние луны, оно казалось таким же черным, как ночное небо покинутого им мира. А там, в вышине, мириады крупных звезд неслись по разным направлениям, и у пришельца закружилась голова от страха и замешательства. Одна из них помчалась к нему, становясь все больше и ярче. Звезда пролетела в нескольких футах над его головой, и в оранжево-желтом зареве, исходившем от ее хвоста, он увидел четыре громадных эллипсоидных крыла, свисавшие тонкие ноги и на долю секунды мелькнувший силуэт головы с длинными усиками.

Всего лишь светлячок с размахом крыльев футов в десять, если не больше.

Вольф наблюдал, как перемещаются, расширяются и сжимаются живые созвездия, пока не привык к этому зрелищу. Он задумался, в каком направлении ему идти, и шум прибоя в конце концов определил его решение. Береговая линия может стать надежной точкой отсчета, куда бы он потом нишел. Вольф двигался медленно и осторожно, часто оставляясь, чтобы прислушаться и присмотреться к теням.

Неподалеку кто-то вздохнул — для такого звука требовалась огромная грудь. Вольф расплатался на траве в тени устого куста и затаил дыхание. Раздался шорох, треснула ухая ветка. Он приподнял голову и осмотрел залитую лунным светом поляну. В нескольких ярдах от него вразвалку двигалась огромная, вертикальная двуногая фигура, покрытая гуской темной шерстью.

Гигант остановился, и сердце Вольфа застучало с перебоями. Голова существа повернулась сначала в одну сторону,

потом в другую, и Роберт успел разглядеть профиль, как у гориллы. Но то была не горилла — во всяком случае, не земная. Шерсть существа лишь на первый взгляд казалась черной, на самом же деле по всему телу и ногам зигзагами чередовались широкие черные и узкие белые полосы. Его руки были намного короче, чем у земных горилл, а ноги — не только длиннее, но и прямее. Кроме того, скошенный лоб, несмотря на выпирающую надбровную кость, выглядел необычайно высоким.

Самец тихо заворчал, издавая не рык и не мычание животного, а четкий ряд модулированных звуков. Горилла пришла не одна. За массивным торсом существа зеленоватая луна высвечивала чью-то голую фигуру — фигуру женщины, которая шла рядом с животным и чьи плечи обнимала огромная лапа гориллы.

Вольф не видел ее лица, но хорошо разглядел стройные ноги, круглые ягодицы, изящную ручку и длинные черные волосы. На миг у него появилось желание узнать, так ли она прекрасна и спереди.

Женщина заговорила с гориллой, и звук ее голоса напоминал звон серебряных колокольчиков. Гигант что-то ответил. Затем они вышли из пятна лунного света и исчезли в темноте джунглей.

Вольф встал не сразу, его все еще сотрясало дрожь.

Наконец он поднялся и двинул сквозь подлесок, который выглядел значительно реже, чем заросли джунглей Земли. Кусты здесь росли на некотором расстоянии друг от друга, и, если бы растительность вокруг не казалась такой экзотической, ему бы и в голову не пришло сравнивать ее с джунглями. Она больше походила на парк, а трава, мягкая и короткая, выглядела как недавно подстриженный газон.

Пройдя лишь несколько шагов, он вздрогнул, услышав громкое фырканье, и на него едва не наскочило какое-то животное. Он мельком разглядел красноватые олени рога, белесый нос, огромные тусклые глаза и тело с узором в «горошек». Ломая ветки, зверь бросился в сторону и исчез, но через несколько секунд Вольф услышал позади шаги. Он обернулся и увидел в десяти футах все то же оленеподобное создание. Почувствовав взгляд человека, оно медленно шагнуло вперед и ткнулось влажным носом в протянутую ладонь. Потом замурлыкало и попыталось потереться о незнакомца боком. Но поскольку животное весило не меньше четверти тонны, оно было просто оттолкнуло Вольфа от себя.

Поэтому Роберт прижался к нему сам. Он погладил его шерстку за большими чашеподобными ушами, почесал ему нос и слегка похлопал по бокам. Невиданный олень лизнул его несколько раз длинным мокрым языком, который оказался таким же шершавым, как у льва. Вольф надеялся, что зверю когда-нибудь надоест проявлять свою привязанность, и вскоре его желание исполнилось — животное исчезло так же внезапно, как и появилось.

После встречи с оленем Вольф немного поуспокоился. Разве животное вело бы себя так дружелюбно с совершенно незнакомым существом, если бы здесь водились плотоядные хищники или существа, которых следовало бы опасаться?

Шум прибоя становился все громче и громче. Через десять минут Вольф вышел к берегу моря. Он спрятался за широкой разлапистой елью и начал рассматривать пляж, залитый лунным светом. Берег был покрыт чем-то белым, при ближайшем рассмотрении выяснилось — очень мелким песком. Пляж тянулся в обе стороны, насколько хватало взгляда. Ширина пространства между лесом и морем составляла примерно двести ярдов. Вдали с обеих сторон пылали костры, вокруг которых кружили силуэты мужчин и женщин. Их приглушенные расстоянием крики и смех еще больше убеждали его в том, что он встретил людей.

Вольф осмотрел близлежащую часть пляжа. В трехстах ярдах от себя, наискосок и почти у самой воды, он заметил парочку существ. При виде их у него перехватило дыхание.

Его потрясло не то, чем они занимались. Вольфа поразила конструкция их тел. Выше талии мужчина и женщина выглядели такими же людьми, как и он, но там, где должны были начинаться ноги, их тела переходили в рыбьи хвосты.

Не в силах сдержать любопытство, он спрятал рог в пучках пушистой травы и пополз вдоль края джунглей. Оказавшись напротив странной пары, он остановился и продолжил наблюдение. К тому времени мужчина и женщина уже лежали бок о бок и тихо разговаривали. Вольфу удалось рассмотреть их более обстоятельно. Прежде всего он убедился, что у них нет оружия. Скорость передвижения этих существ по суше исключала возможность агрессивного нападения, поэтому он смело направился к ним. Они выглядели вполне дружелюбно.

В двадцати ярдах от них он остановился и еще раз присмотрелся к ним. Роберт мог бы назвать их водяными людьми, но ни в коем случае не полурыбами. Плавники на концах длинных хвостов располагались в горизонтальной плоскости,

а не вертикально, как у рыб. Чешуя на хвостах отсутствовала, гибридные тела сверху донизу покрывала гладкая коричневая кожа.

Он тактично покашлял — они приподняли головы. Мужчина вскрикнул, женщина пронзительно завизжала. А потом их движения были так быстры, что он, не разбирая подробностей, лишь смутно уловил, как они в мгновение ока поднялись на кончики хвостов, взвились в воздух и скрылись среди волн. В воде мелькнула темная голова, в свете луны блеснул вскинутый кверху хвост.

Прибой грохотал, разбиваясь о белый песок. Сияла огромная зеленая луна. Ветерок, прилетевший с моря, потрепал вспотевшее лицо Роберта и помчался дальше в джунгли. Из темноты за его спиной донеслось несколько таинственных криков, а со стороны пляжа раздавались звуки шумного веселья.

Он погрузился в размышления. Речь двух представителей водяного народа показалась ему чем-то очень знакомой, впрочем, это же касалось и языка, на котором говорили женщина и зебрилла (его собственное определение для гориллы в полоску). Он не понимал отдельных слов, однако звуки и их ассоциативные связи пробуждали в его памяти какое-то смутное знание. Но о чём? Вне всяких сомнений, он никогда не слышал диалекта, на котором говорили местные жители. Возможно, он напоминает один из существующих языков Земли, который Вольф мог слышать в записях или фильмах?

Чья-то рука сжала его плечо. Вольфа приподняли в воздух и повернули. Распяленный нос и впавшие глаза зебриллы приблизились к его лицу; в ноздри ударили запах винного перегара. Зебрилла что-то сказал, из кустов вышла женщина и медленно приблизилась к ним. В любое другое время у него перехватило бы дыхание при виде такого великолепного тела и прекрасного лица. К сожалению, он и сейчас дышал с трудом, но совсем по другой причине. К тому же гигантская обезьяна в любой момент могла швырнуть его в море с легкостью и быстротой, перед которыми поблекло бы даже внезапное исчезновение водяных людей. Или пальцы огромной руки могли сомкнуться, раздавив плоть и раздробив кости.

Женщина что-то сказала, и зебрилла ответил. Неожиданно для себя Вольф понял несколько слов. Их язык имел родственные связи с микенским диалектом, на котором говорила догомеровская Греция.

Ему хотелось объяснить свои добрые намерения, но слова не шли с языка. Во-первых, он был ошеломлен и не мог

собраться с мыслями. Во-вторых, его знание греческого языка той эпохи ограничивалось отсутствием первоисточников и почти во всем основывалось на творчестве слепого певца аэолической Ионии.

Ему все же удалось выдавить из себя несколько неуместных фраз, но его интересовало не столько значение слов, сколько стремление выразить свою безобидность. Выслушав его, зебрилла хмыкнул, сказал что-то девушке и опустил Вольфа на песок. Тот облегченно вздохнул, но боль в плече заставила его поморщиться. Огромная лапа монстра обладала невероятной силой, хотя вполне напоминала человеческую руку, только огромную и волосатую.

Женщина дернула Вольфа за рубашку. На ее лице появилось легкое отвращение — позже он понял, что именно ей в нем не понравилось. Она никогда еще не видела толстого старого мужчины. Более того, ее озадачила одежда. Женщина продолжала стягивать с него рубашку. Испугавшись, что она прикажет зебрилле раздеть его, он снял рубашку добровольно. Женщина с любопытством осмотрела ее, понюхала, сказала «Уй!» и сделала рукой неопределенный жест.

Вольф предпочел бы не понять ее, еще меньше он горел желанием подчиняться, но сопротивление было бесполезно. Его отказ мог рассердить женщину и тем самым вызвать гнев зебриллы, поэтому он сбросил одежду и стал ждать дальнейших указаний. Женщина пронзительно захохотала, зебрилла закашлялся и заколотил себя по бедру огромной рукой. Звуки его шлепков напоминали удары топора по дереву. Он и женщина обнялись и, надрываясь от смеха, пьяной походкой побрали по пляжу.

Взбешенный и униженный, Вольф начал натягивать брюки, благодаря судьбу за то, что остался цел. Подобрав нижнее белье, носки и ботинки, он устало поплелся по песку обратно в джунгли. Вытачив рог из тайника, он сел на землю и долго думал о том, что ему делать дальше. В конце концов его сморил сон.

Он проснулся утром, голодный, томимый жаждой, с затекшими мышцами.

Пляж бурлил своей жизнью. К виденной им ночью парочке водяных прибавилось несколько больших тюленей с ярко-оранжевыми шкурами: шлепая ластами, они гонялись взад и вперед за шарами из янтаря, которые подбрасывали водяные люди. Человек с коротким козлиным хвостом, мохнатыми ногами и бараньими рогами гнался по пляжу за женщиной,

которая во многом походила на спутницу зебриллы. Ее отличали лишь желтые волосы. Она бежала до тех пор, пока рогатый мужчина не прыгнул на нее и, смеясь, не повалил на песок. Их дальнейшие забавы убедили Вольфа в том, что эти создания, подобно Адаму и Еве, еще не познали значения греха и запретов морали.

Картина выглядела более чем интересно, но вид завтракавшей русалки пробудил у Вольфа другие, более насущные желания. В одной руке она держала большой овальный желтый плод, а в другой — полусферу, похожую на половинку кокосового ореха. Всего лишь в нескольких шагах от Вольфа у костра на песке сидела женщина той же породы, что и мужчина с бараньими рогами. Она жарила рыбу, насыженную на кончик палки, и от аппетитного запаха рот Вольфа наполнился слюной, а в животе громко заурчало.

Но больше всего ему хотелось пить. И поскольку единственным водоемом в поле зрения был океан, он вышел на пляж и зашагал к прибою.

Его встретили так, как он и ожидал — с удивлением, настороженностью и даже с долей опасения. Все прервали свои занятия, какими бы увлекательными они ни казались, и, выпучив глаза и разинув рты, уставились на него. Как только Вольф приближался к кому-нибудь из присутствующих, тот поспешно отступал. Некоторые из мужских особей не желали уступать дорогу, но, судя по их виду, они бы удрали прочь при одном его резком слове. Но он не испытывал желания бросать им вызов, так как даже самый слабый из них мог без труда одолеть его измученное старое тело.

Он вошел в прибой по пояс и попробовал воду на вкус. Вольф надеялся, что она будет пригодна для питья: он видел, как другие пили ее прямо из океана. Вода оказалась чистой и свежей, хотя и обладала резким, абсолютно незнакомым привкусом. Напившись вдоволь, Роберт почувствовал себя так, словно ему перелили молодую кровь. Он вышел из океана и направился через пляж в сторону джунглей. Прибрежные жители вернулись к еде и развлечениям. Несмотря на то что они провожали его дерзкими прямыми взглядами, никто не сказал ему ни слова. Сначала он улыбался им, но, заметив, что это вызывает у обитателей пляжа испуг, отказался от попыток понравиться. Поиски в джунглях увенчались успехом, он нашел плоды и орехи, которыми лакомилась русалка. Желтый плод напоминал по вкусу персиковый торт, а мякоть внутри псевдококосового ореха походила на нежное мясо, смешанное с мелкими кусочками грецкого ореха.

После еды он мог бы считать себя наверху блаженства, если бы не одно невыполнимое желание — ему не хватало его трубки. Казалось, в этом раю есть все, кроме табака.

Следующие несколько дней он провел в джунглях, лишь изредка подходя к океану и прибрежной полосе. К тому времени обитатели пляжа привыкли к нему и даже посмеивались, когда он по утрам выходил из леса. Однажды несколько мужчин и женщин набросились на Вольфа и, дико хохоча, сорвали с него одежду. Он кинулся в погоню за женщиной, убежавшей с его брюками, но она умчалась в джунгли и вскоре вернулась с пустыми руками. Роберт уже мог изъясняться на вполне понятном для них языке, хотя поначалу с трудом произносил целые фразы. После долгих лет преподавательской работы и самообразования он обладал солидным знанием греческого языка, и ему оставалось лишь овладеть интонациями и словами, которые отсутствовали в его «разговорнике»

— Зачем ты это сделала? — спросил он прекрасную черноглазую нимфу.

— Я хотела посмотреть на то, что ты прятал под этими уродливыми лохмотьями. Голый ты безобразен, но тряпки придавали тебе еще более отвратительный вид.

— А как же приличия? — спросил он, однако она не поняла этого слова.

Вольф пожал плечами и вспомнил пословицу о чужом монастыре и своем уставе, но этот мир больше напоминал ему Сад Эдема. Приятное тепло сохранялось и днем и ночью; разница температур не превышала семи градусов. Здесь каждый мог без труда добыть пищу, никто не заставлял работать или платить за аренду земли. Никакой политики и напряженности, за исключением легко удовлетворяемого сексуального возбуждения. Здесь не было национальных и расовых конфликтов. Здесь никто не требовал оплаты по счетам. Или все-таки требовал? Основной принцип земного мира гласил, что за просто так и комар на нос не сядет. А как с этим делом здесь? С кем-то же надо расплачиваться.

Ночью он спал на куче травы в дупле большого дерева. Он мог бы найти точно такое же дупло на любом из нескольких тысяч деревьев этой особой породы. Но утро никогда не заставало его в постели. В течение нескольких дней он вставал перед рассветом и любовался тем, как появлялось солнце «Появление» казалось ему более подходящим словом,

чем «восход», потому что солнце на самом деле никогда не восходило. По другую сторону моря возвышалась огромная горная гряда. Она тянулась по всему горизонту, и ей не было видно конца. Солнце выползло из-за горы и при этом находилось уже довольно высоко. Оно по прямой пересекало зеленый небосвод и скрывалось, так и не коснувшись воды, за той же грядой, но уже на другой стороне этого мира.

Час спустя появлялась луна. Она выходила из-за горы, проплывала на одном и том же уровне по небесам и исчезала за грядой в другой части горизонта. Каждую вторую ночь в течение часа шел сильный дождь, и Вольф в это время обычно просыпался, потому что воздух становился немного холodнее. Он зарывался в сухие листья и долго дрожал, стараясь заснуть.

С каждой последующей ночью засыпать становилось все труднее. Роберт думал о своем собственном мире, о друзьях, работе и утехах прожитой жизни. Он думал о жене. Как там теперь Бренда? Конечно, горюет о нем. Пусть она часто бывала злой, раздраженной и нудной, но в ее сердце всегда жила любовь. Его исчезновение будет для нее тяжелым ударом и потерей. Хотя она предусмотрела и это. Каждый год Бренда заставляла его страховаться жизнь на непомерные суммы, что не раз становилось причиной ссор между ними. Затем ему пришло в голову, что какое-то время, в связи с отсутствием доказательств по факту его смерти, она не получит из страховки ни цента. Но даже если ей придется ждать официального признания его смерти, она спокойно проживет на социальное пособие. Его хватит, чтобы как-то существовать, хотя, конечно, придется сильно затянуть ремешок.

И все же у него не было никакого желания возвращаться. Он начинал заново обретать молодость. Несмотря на хорошее питание, Вольф терял в весе, а его мышцы становились сильнее и крепче. Появилась упругость в ногах, и все чаще возникало чувство радости, утраченное им однажды на третьем десятке лет. На седьмое утро, решив почесать лысый затылок, он обнаружил небольшую щетину, а на десятое — Вольф проснулся от боли в деснах. Потирая опухшие щеки, он гадал о причине недуга. Роберт успел забыть о таком явлении, как болезнь, и чувствовал себя абсолютно здоровым; да и «пляжники», как он их называл, казалось, тоже никогда не болели.

Боль в деснах продолжала изводить его всю неделю, и ему приходилось снимать ее «ореховым пуншем» — напитком из перебродившего сока. Орехи росли крупными гроздьями на

самой верхушке дерева с короткими, хрупкими розовато-лиловыми ветвями и желтыми листьями, по форме похожими на курительные трубки. Стоило срезать кожистую оболочку кончиком заостренного камня, как тут же чувствовался аромат фруктового пунша. На вкус он напоминал джин с тоником и примесью вишневой настойки, а ударял в голову, как глоток текилы. Это лекарство действовало отлично, успокаивая не только боль в деснах, но и нервы, взвинченные ею до предела.

Через девять дней после того, как возникли осложнения с деснами, у Роберта прорезались десять крошечных белых и крепких зубов. Более того, в процессе естественного восстановления тканей с остальных зубов начали слетать золотые коронки. И его прежде лысую голову уже покрывала густая черная поросль.

Но этим дело не кончилось. Плавание, бег и лазание по деревьям согнали с него весь жир. Выступавшие от старости вены втянулись в гладкую упругую плоть. И теперь он мог пробегать большие расстояния, не чувствуя одышки и не страшась, что сердце разорвется от напряжения. Все это приводило Роберта в восторг, хотя и наводило на размышления о причинах происходящего.

Он расспрашивал некоторых пляжников о повсеместной на первый взгляд молодости. Все отвечали одинаково:

— Такова воля властителя.

Сначала Вольф думал, что они говорят о Боге, и это казалось ему странным. Насколько он мог судить, у них не было религии. И конечно же, у них не было никаких культов, ритуалов и таинств.

— Кто такой властитель? — спрашивал Вольф.

Он подумал, что, вероятно, неправильно понял значение слова «ванакс», которое могло иметь слегка иной смысл, чем у Гомера.

❷ Зебрилла Ипсев, самый умный из всех, кого он до сих пор встретил, ответил так:

— Он живет на вершине мира, за пределами Океана. — Ипсев ткнул пальцем в сторону моря, указывая на далекую горную гряду. — Властитель живет в прекрасном неприступном дворце на вершине мира. Он создал этот мир и всех нас. Иногда он спускается вниз, чтобы повеселиться с нами. Мы делаем все, как говорит властитель, и играем с ним. Но мы всегда испытываем страх. Если властитель рассердится или будет недоволен, он может убить всех нас. Или сделать что-нибудь похуже.

Вольф улыбнулся и кивнул. Как и люди Земли, Ипсев и его соплеменники не имели разумного объяснения по поводу происхождения или условий функционирования их мира. Но у пляжников имелась особенность, которая напрочь отсутствовала у жителей Земли, — единство мнений. Все, кого бы он ни спрашивал, давали ему тот же ответ, что и зебрилла:

— Такова воля властителя. Он создал мир, он создал нас
— Откуда вы знаете? — спрашивал Вольф.

Задавая этот вопрос, он не ждал каких-то особых отличий от того, что слышал на Земле. Но ему преподнесли сюрприз.

— Так нам сказал сам властитель, — ответила русалка Пайява. — И еще мне об этом говорила мать. А она-то уж знает. Властитель создал ей тело; она помнит, как он его делал, хотя все было давным-давно.

— Неужели правда? — удивился Вольф.

В глубине души Вольф подозревал, что она морочит ему голову, и отплатить ей той же монетой было бы трудно.

— А где твоя мать? Мне бы хотелось поговорить с ней.

Пайява махнула рукой на запад:

— Где-то там.

«Где-то» могло означать тысячи миль, потому что он до сих пор не знал, насколько далеко простирался пляж.

— Я ее уже давно не видела, — добавила Пайява.

— И как давно? — спросил Вольф.

Пайява сморщила прекрасный лоб и поджала губы — губы, созданные для поцелуев, подумал Вольф. А это тело! Возвращение молодости воскрешало сильное влечение к противоположному полу.

Пайява улыбнулась и сказала:

— Ты начинаешь проявлять ко мне интерес, не так ли?

Он покраснел и ушел бы прочь, но ему хотелось получить ответ на свой вопрос.

— Сколько лет прошло с тех пор, как ты видела свою мать? — спросил он еще раз.

Но Пайява не знала ответа. В ее словарном запасе отсутствовали слова, означавшие года.

Вольф пожал плечами и торопливо ушел, стараясь как можно скорее скрыться в буйно раскрашенной растительности за пляжем. Она звала его, сначала лукаво, а потом сердито, когда ей стало ясно, что возвращаться он не собирается. Она отпустила в адрес Вольфа несколько язвительных замечаний, сравнивая его с другими мужчинами. Он не стал

разубеждать ее — это было бы ниже его достоинства, к тому же все, что она говорила, являлось чистой правдой. И хотя тело Роберта вновь наполнялось молодостью и силой, оно по-прежнему не шло в сравнение с окружавшими его почти идеальными эталонами мужской стати.

Вскоре эта тема надоела ему, и он задумался над словами Пайявы. Если бы Вольфу удалось найти ее мать или одну из ровесниц ее матери, он бы многое узнал о властителе. Роберт почти не подвергал сомнению рассказ Пайявы, хотя на Земле его бы посчитали просто невероятным. Люди этого мира не знали лжи. Вымысел для них был чужд. Такая правдивость имела свои преимущества, хотя иногда указывала на явную ограниченность воображения. У них почти отсутствовало чувство юмора и понимание острот. Они смеялись часто, но по очевидным и незначительным поводам. Их забавы не поднимались выше дешевого фарса и грубых розыгрышей.

Вольф выругался, так как мысли начали разбегаться в разные стороны. С каждым днем ему все реже удавалось сохранить концентрацию на выбранной теме. Так о чем он думал перед тем, как сбиться на беды, которые возникали из-за его неприспособленности к местному обществу? Ах да, о матери Пайявы! Кто-нибудь из старожилов мог бы просветить его — если только их удастся найти. Но как отличить стариков от молодых, если все взрослое население выглядит на один и тот же возраст? Из нескольких сотен существ, которых он видел, лишь малая часть, а точнее, трое, казались немного моложе других. Более того, среди многих животных и птиц (причем довольно странных на вид) он заметил всего шесть птенцов и детенышей.

При таком малом количестве рождений баланс удерживался отсутствием смертей. Вольф видел только трех мертвых животных; двое погибли в результате несчастного случая, а третий — во время поединка с соперником из-за самки. Но и эту смерть можно списать на несчастный случай, так как потерпевший поражение самец — похожий на антилопу лимонного цвета, с четырьмя изогнутыми в виде восьмерок рогами — бросился бежать и сломал себе шею, перепрыгивая через бревно.

Труп животного даже не успел разложиться и завонять. Несколько вездесущих созданий, этих маленьких двуногих лисиц с белыми носами, обезьяньими лапками и ушами, отвисавшими, как у такс, обгладали его за какой-то час. Лисы очищали джунгли и убирали все — плоды, орехи, ягоды, трупы. Испытывая слабость к любым гнилым продуктам, они

отдавали предпочтение побитым плодам и не трогали свежие фрукты. Но и они не вносили грустных нот в симфонию красоты и жизни. Уборщики мусора нужны даже в Саду Эдема.

Временами Вольф смотрел на голубой, с белыми барашками волн океан, и его взгляд уносился к горной гряде, которую все называли Таяфаявоэд. Может быть, именно там живет правитель. И возможно, стоит попытаться пересечь море и взобраться на грозные кручи в надежде раскрыть одну из загадок таинственной вселенной. Но чем больше он прикидывал высоту Таяфаявоэда, тем меньше его занимали подобные мысли. Черные скалы поднимались все выше и выше, пока не уставали глаза и не смущался разум. Человеку не выжить на этих вершинах. Там просто нечем дышать.

ГЛАВА 3

Однажды Роберт Вольф достал серебряный рог из тайника в дупле дерева. Пройдя через лес, он направился к валуну, с которого человек, назвавшийся Кикахой, бросил ему этот инструмент. Кикаха и бугристые твари больше не появлялись. Они исчезли, словно их вообще не существовало, и никто из тех, с кем разговаривал Роберт, никогда не видел и не слышал о них. Вольф хотел вернуться в свой родной мир и попробовать начать жизнь сначала. Если преимущества Земли превысят достоинства планеты Сада, он останется там. Или, возможно, будет путешествовать из одного мира в другой, извлекая из обоих самое лучшее. А если ему надоест один из них, он устроит себе каникулы в другом.

По пути, уступив уговорам Эликопиды, он немного задержался, чтобы выпить с ней и поболтать. Эликопида, чье имя означало «ясноглазая», была прекрасной, великолепно сложенной дриадой. Из тех, кого он здесь встречал, она больше всех походила на «нормальную» женщину. Если бы ее как следует одеть и перекрасить темно-пурпурные волосы, она бы пользовалась на Земле вниманием, которое обычно воздается там женщинам исключительной красоты.

К тому же она оказалась одной из немногих, кто мог поддерживать интересный разговор. И она отнюдь не считала, что беседа может состоять лишь из безудержной болтовни, громкого беспричинного смеха и наплевательского отношения к словам предполагаемого собеседника. Вольф страшно огорчался и возмущался тем, что большая часть пляжников и жителей леса, какими бы они ни казались страстными и

общительными в своих речах, в основном предпочитали только монолог.

Эликопида отличалась от них — возможно, потому, что не принадлежала ни к одной из групп, хотя скорее всего причина заключалась в чем-то другом. Обитатели взморья, уступая в вопросах технологии даже австралийским аборигенам (впрочем, и нисколько не нуждаясь в ней), состояли друг с другом в очень сложных социальных отношениях. Каждая группа, помимо четко определенных участков пляжа и леса, обладала внутренними уровнями престижа. И каждый ее представитель мог подробно описать (причем с огромной охотой) свое положение на горизоналях и вертикалях шкалы оценок по сравнению с другими членами группы, численность которой обычно не превышала тридцати человек. Они могли без устали перечислять (и перечисляли) доводы и соглашения, недостатки и достоинства характера, атлетическую мощь или отсутствие таковой, ловкость в их многочисленных детских играх и оценку сексуальных способностей друг друга.

Но вдобавок ко всему Эликопида обладала чувством юмора, таким же искрометным, как ее глаза, хотя дриаду выделяла и некоторая чувственность. А сегодня она припасла особую приманку: стеклянное зеркало в золотой оправе, украшенной бриллиантами, — один из немногих виденных им здесь предметов материальной культуры.

— Где ты его достала? — спросил Вольф.

— О, мне его подарили властитель, — ответила Эликопида. — Когда-то, давным-давно, я стала одной из его фавориток. И спускаясь с вершины мира, чтобы навестить нас, он проводил со мной много времени. Меня и Хрисеиду он любил больше всех. И можешь поверить, остальные ненавидят нас за это до сих пор. Вот почему я такая одинокая — хотя их общество мне не очень-то нравится.

— А как выглядел властитель?

Она засмеялась и сказала:

— От шеи и ниже он выглядел почти так же, как любой высокий, хорошо сложенный мужчина вроде тебя

Она обняла Вольфа за шею и начала целовать его в щеку. Ее губы не спеша приблизились к уху.

— А его лицо? — спросил Роберт

— Не знаю. Я могла касаться его, но не видела. Меня ослепляло исходящее от него сияние. Оноказалось таким ярким, что, когда он приближался ко мне, я закрывала глаза.

Эликопида закрыла его рот поцелуем, и вскоре он забыл о своих вопросах. Но позже, когда она лежала рядом с ним в

полудреме на мягкой траве, Вольф поднял зеркало и взглянул в него. Сердце сладко затрепетало от восторга. Наверное, он выглядел так в пору своего двадцатипятилетия. Роберт знал, что здорово изменился, но лишь сейчас убедился в этом полностью.

— А вдруг я состарюсь после возвращения на Землю — состарюсь так же быстро, как обрел свою молодость здесь? — Он вскочил на ноги и погрузился в размышления. — Да кого я пытаюсь обмануть? — в конце концов воскликнул Вольф. — Я же не собираюсь возвращаться.

— Если ты сейчас уйдешь от меня, — сонно забормотала Эликопида, — обязательно разыщи Хрисеиду. С ней что-то случилось; стоит кому-нибудь появиться рядом, как она тут же убегает прочь. Даже мне, ее единственной подруге, не удалось к ней подступиться. Наверное, случилось что-то ужасное, о чем она и говорить не хочет. А тебе она понравится. Хрисеида не похожа на других; она совсем как я.

— Хорошо, — рассеянно ответил Вольф. — Я поищу ее.

Он шел до тех пор, пока не забрел в отдаленный уголок леса. Отбросив мысль о возвращении на Землю через ход, с помощью которого он попал сюда, Вольф просто хотел поэкспериментировать с инструментом. Наверное, есть и другие врата. И возможно, они открываются в любом месте, где прозвучит мелодия.

Дерево, под которым он остановился, оказалось одним из многочисленных «рогов изобилия». Достигая двухсот футов в высоту и тридцати футов в обхвате, оно обладало гладкой, почти маслянистой, лазурной корой. Ветви толщиною с бедро и длиной в добрые шестьдесят футов не имели ни сучков, ни листьев, но на конце каждой из них располагался скрученный в раковину цветок, который достигал в длину восьми футов и идеально походил на рог изобилия.

Из «рогов» на землю стекали прерывистые струйки густой жидкости шоколадного цвета. На вкус продукт напоминал мед с едва ощутимым привкусом табака — довольно странная смесь, но ему нравилась. Ею питались все обитатели леса.

Бот под этим деревом он и протрубил в рог. Никаких «врат» не появилось. Он отошел на сто ярдов и попробовал снова, но с тем же успехом. И тогда Вольф понял, что рог действует лишь в определенных местах или, возможно, только вблизи валуна, похожего на поганку.

Краем глаза он заметил голову девушки — той самой, которая выглядывала из-за дерева, когда врата открывались

в первый раз. То же личико в форме сердечка, огромные глаза, полные малиновые губы, длинные в тигровую полоску темно-каштановые волосы.

Вольф поприветствовал ее, но она бросилась бежать. Его восхитило прекрасное и пропорциональное тело, хотя таких длинных ног он у женщин никогда не видел. Более того, по сравнению с другими слишком фигуристыми и большегрудыми женщинами этого мира она казалась удивительно стройной.

Вольф помчался за ней. Девушка оглянулась, отчаянно вскрикнула и побежала быстрее. Роберт едва не остановился — подобной реакции у местных жителей он еще не встречал. Они могли поначалу отбежать в сторону, но никогда не впадали в столь явную панику и неподдельный испуг.

Девушка бежала, пока хватало сил. Тяжело дыша, она остановилась у небольшого водопада и прижалась к покрытому мхом валуну. Ее лодыжки утопали в ковре из желтых цветов, похожих на маленькие вопросительные знаки. С вершины камня, прищурив совиные глаза, на непрошенных гостей смотрела птица со спиральными крыльями и длинными, согнутыми вперед ногами. Она издавала тихий клекот — уи-уи-уи!

Медленно приближаясь к девушке, Вольф улыбнулся и сказал:

— Не бойся меня. Я не причиню тебе зла. Мне просто хочется поговорить с тобой.

Девушка указала трясущимся пальцем на рог и дрожащим голосом спросила:

— Где ты взял его?

— Мне дал его человек, которого зовут Кикаха. Ты тоже видела его. Скажи, тебе знаком Кикаха?

Огромные глаза девушки сияли темной зеленью; они казались ему самыми прекрасными из всех, которые он когда-либо видел в жизни. Они нравились ему, несмотря на кошачьи зрачки — а может быть, именно из-за них.

Красавица покачала головой:

— Нет. Я не знаю этого юношу и впервые увидела его, когда те... твари...

Она с трудом сглотнула слюну и внезапно побледнела, словно ее вот-вот стошнит.

— ...они загнали его на валун. И я видела, как они стащили его со скалы и увезли за собой.

— Так, значит, они его не кончили? — спросил Вольф, намеренно избегая слов «убили», «зарезали» или «умертвили», поскольку здесь они считались запретными.

— Нет. Но возможно, эти твари собирались сделать с ним что-то более ужасное... чем просто кончить его

— Почему ты убегала от меня? — спросил Вольф. — Я же не похож на этих чудовищ.

— Я... я не могу говорить об этом.

Вольф знал, почему она не хотела говорить о неприятном. Привыкнув к легкой жизни, где почти не оставалось места для отвратительных и опасных явлений, местные жители не могли справиться даже с неприятной мелочью, которая выпадала на их долю.

— Меня не волнует, хочешь ты или нет, — сказал он. — Ты должна обо всем рассказать. Это очень важно

Она отвернулась.

— Все равно не буду.

— В какую сторону они направились?

— Кто?

— Чудовища. И Кикаха.

— Я слышала, что он называл их гворлами, — сказала девушка. — Я никогда раньше не слышала этого слова. Они... эти гворлы... пришли откуда-то оттуда.

Она указала в сторону моря и вверх.

— Наверное, они спустились с горы. Откуда-то сверху.

Девушка вдруг повернулась к Вольфу и подошла поближе. Взгляд ее огромных глаз остановился на его лице, и он не мог налюбоваться изысканными чертами лица и гладкой кремовой кожей незнакомки.

— Давай уйдем отсюда! — воскликнула она. — Далеко-далеко! Эти твари все еще здесь. Может быть, некоторые из них и забрали Кикаху, но другие остались! Несколько дней назад я видела двух чудовищ. Они прятались в дупле дерева. Их глаза горели, как у зверей, и от них шел ужасный запах, как от заплесневевшего плода!

Она положила руку на рог

— Мне кажется, им нужно вот это!

— А я только что трубил в рог, — задумчиво произнес Вольф. — И если гворлы где-то поблизости, то они слышали его!

Роберт осмотрел пространство между деревьями. При мерно в сотне ярдах от них за кустом что-то блеснуло.

Он не сводил глаз с куста и вскоре заметил новый отблеск солнечного света и дрогнувшую ветку. Вольф осторожно сжал маленькую ладонь девушки.

— Пошли, — сказал он. — Но иди так, как будто мы ничего не замечаем. Постарайся казаться беспечной.

Она притянула к себе его руку и спросила:

— Что-нибудь не так?

— Только без истерики. По-моему, я что-то увидел за кустом. Возможно, там никого нет, но мне показалось, что за нами следят гврлы. Не смотри туда! Ты нас выдашь!

Он предупредил ее слишком поздно, и девушка успела обернуться. Охнув, она прижалась к Вольфу.

— Они... они!

Он взглянул туда, куда указывала девушка, и увидел две темные приземистые фигуры, которые неуклюже выходили из-за куста. Каждая из тварей сжимала в руке длинный, широкий изогнутый стальной клинок. Размахивая ножами, они что-то закричали хриплым, резавшим слух голосами. На их темных мохнатых телах без всяких признаков одежды виднелись лишь широкие ремни с ножнами, из которых торчали рукоятки тесаков.

— Только не паникуй, — сказал Вольф. — Я думаю, на таких кривых коротких ножках они быстро не побегут. Куда бы нам от них удрать, чтобы сбить со следа?

— Только на море, — сказала она дрожащим голосом. — Не думаю, что они найдут нас, если мы намного опередим их. Мы можем уплыть на гистоихтисе.

Она имела в виду одного из огромных моллюсков, которые в большом количестве обитали в море. Их тела покрывали тонкие как бумага, но очень прочные оболочки, напоминавшие по форме корпус гоночной яхты. На спине каждого моллюска выступал удивительно крепкий вертикальный хрящ, и на этой естественной мачте рос треугольный парус из тонкой просвечивающей плоти. Угол наклона паруса определялся движением мышц, а давление ветра на пленчатое полотно плюс извержение мощных струй воды помогали этим созданиям легко передвигаться в море как в штиль, так и при ветре. Водяной народ и другие обитатели пляжа часто использовали моллюсков для прогулок, управляя ими простым нажатием на обнаженные нервные центры.

— А ты считаешь, что гврлы пользуются лодкой? — спросил он. — В таком случае им придется подождать, пока они не построят новую. Хотя я никогда не видел на море ни лодок, ни кораблей.

Роберт часто оглядывался. Гврлы шли быстрым шагом, их тела при каждом движении раскачивались как у пьяных матросов. Вольф и девушка подбежали к мелкой речке, шириной которой достигала семидесяти футов. Поток в самых глубоких местах доходил им до пояса. Вода оказалась холодной

но не настолько, чтобы вызвать озноб. В чистых струях сновали взад и вперед серебристые рыбы. Выбравшись на другой берег, беглецы спрятались за большим деревом «рогов изобилия». Девушка умоляла Вольфа бежать дальше, но он возразил:

— На середине потока они будут в невыгодном положении.

— Что ты хочешь сказать? — спросила она.

Он не ответил. Положив рог за деревом, Вольф осмотрелся и нашел камень размером в половину человеческой головы, круглый, но достаточно шершавый, чтобы крепко держать его в руке. Он приподнял упавший плод «рога изобилия». Несмотря на огромные размеры, тот оказался полым и весил не больше двадцати фунтов. К тому времени два гворла выбежали на противоположный берег реки. И Роберт тут же обнаружил слабость этих отвратительных существ. Они метались взад и вперед по берегу, яростно размахивая ножами, и даже из своего укрытия Вольф слышал их громкие крики на странном гортанном языке. Наконец один из них сунул в воду широкую, вывернутую наружу ступню. И тут же отдернул ее, затряс ногой, как кошка мокрой лапой, и что-то прорычал второму гворлу. Тот ответил резким, скрежещущим звуком, а потом заорал на него.

Гворл с мокрой ногой огрызнулся, но все-таки полез в воду и неохотно начал переходить реку вброд. Не спуская с него глаз, Роберт заметил, что другой гворл по-прежнему топчется на берегу, ожидая, пока его спутник пройдет середину потока. Вольф схватил одной рукой «рог изобилия», другой — камень и бросился к реке. Девушка за его спиной пронзительно вскрикнула. Он выругался: ее крик предупредил врагов о его приближении.

Тварь остановилась по пояс в воде, зарычала на Вольфа и начала размахивать длинным ножом. Вольф молчал, не считая нужным тратить слова впустую. Он стремительно приближался к реке, тогда как гворл рванулся ему навстречу. Вторая тварь на другом берегу при виде Вольфа замерла, затем бросилась в воду и поспешила на помощь. Это вполне совпадало с планами Роберта, и оставалось надеяться, что ему удастся расправиться с первым гворлом до того, как второй достигнет середины реки.

Ближний гворл метнул нож; Вольф поднял перед собой «рог изобилия». Лезвие с глухим стуком вонзилось в тонкую, но прочную оболочку, и сила удара едва не вырвала цветок из его руки. Гворл потянулся за вторым ножом. Времени, чтобы

вытащить из цветка застрявшее оружие, не оставалось. Вольф продолжал бежать. И когда гворл поднял нож, чтобы вонзить широкое лезвие в грудь врага, Роберт высоко поднял огромный колокол «рога изобилия» и нахлобучил его на голову твари.

Чудовище приглушенно завопило под оболочкой. «Рог изобилия» опрокинулся вместе с гворлом, и их начало сносить вниз по течению. Вольф поднял камень, вбежал в поток и схватил гворла за одну из брыкающихся в воде ног. Он торопливо взглянул на второго противника и увидел, что тот заносит нож для броска. Вольф схватил рукоятку клинка, застрявшего в оболочке цветка, вырвал его и, пригнувшись, спрятался за колоколом. При этом ему пришлось выпустить волосатую ногу гворла, но он уклонился от ножа, и тот, скользнув по краю оболочки, зарылся по рукоятку в прибрежном иле.

В тот же миг из-под «рога изобилия», отплевываясь и рыча, выбрался первый гворл. Вольф ударил его ножом в бок, но лезвие скользнуло по одному из хрящевых наростов. Тварь завизжала и повернулась к нему. Вольф подпрыгнул и нанес удар в брюхо чудовища. Нож вошел по рукоятку. Гворл схватился за нее, Роберт отступил на шаг, но тварь рухнула в воду. «Рог изобилия» унесло по течению, и защищаться было нечем. Нож тоже исчез; в руке остался только камень. Второй гворл приближался к нему, выставив оружие перед собой. Он, видимо, боялся промахнуться и хотел разделаться с Вольфом в ближнем бою.

Преодолевая страх, Роберт выжидал, хотя от твари его отделяло не больше десяти шагов. Он немного присел, и вода, доходя ему до груди, скрывала камень, который Вольф переложил из левой руки в правую. Теперь он мог разглядеть гворла как следует: маленький низкий лоб, двойной выступ надбровной кости, густые лохматые брови, близко посаженные лимонно-желтые глаза, плоский нос с одной ноздрей, тонкие и черные звериные губы, выпирающая челюсть без подбородка, которая загибалась вниз, придавая пасти лягушачий вид, и острые, с широкими промежутками зубы плотоядного животного. Голову, лицо и тело покрывал длинный, густой темный мех. Широкая шея плавно переходила в сутулые плечи. Мокрая шкура воняла, как гнилой заплесневевший плод.

Отвратительная внешность твари испугала его, но он не поддался панике. Если бы Вольф дрогнул и побежал, он бы тут же свалился с ножом в спине.

Когда же гврл, шипя и скрежеща на своем отвратительном языке, оказался на расстоянии шести футов, Вольф выпрямился. Он поднял камень, но гврл, разгадав его намерения, вскинул нож для броска. Камень попал точно в цель, с глухим стуком угодив в нарост на лбу. Чудовище качнулось назад, выронило нож и повалилось спиной в воду. Вольф подошел к нему, нащупывая отыскал в речном иле камень и, выпрямившись, едва не ткнулся в морду гврла. Тварь была оглушена, ее глаза слегка косили, но она и не думала отступать. Гврл сжимал в руке еще один нож.

Вольф поднял камень и опустил его на макушку чудовища. Раздался громкий треск. Гврл снова упал, скрылся под водой и всплыл лицом вниз в нескольких ярдах ниже по течению.

И тут наступила реакция. Сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот разорвется; Роберта тряслася и подтаскивало. Но он вспомнил о ноже, застрявшем в илистом берегу, и в конце концов отыскал его.

Девушка по-прежнему стояла за деревом. Она выглядела такой перепуганной, что не могла говорить. Вольф поднял ноги, взял девушку за руку и грубо встряхнул.

— Очнись! Лучше подумай о том, как тебе повезло! Если бы они остались живыми, погибла бы ты!

Она пронзительно закричала и начала плакать. Вольф подождал, пока она успокоится, и тихо сказал:

— Я даже не знаю твоего имени.

Ее огромные глаза покраснели, лицо осунулось и как будто постарело. Но даже сейчас, подумал он, с ней не могла бы сравниться ни одна из женщин Земли. Ее красота заставила его забыть об ужасе схватки.

— Я Хрисеида, — сказала она. Словно гордясь этим, но в то же время робея от своей гордости, она добавила: — Я здесь единственная женщина, которой разрешено носить это имя. Властитель запретил другим называться подобно мне.

— Опять властитель, — возмутился Вольф. — Безде и всюду ващ властитель. Кто он такой, черт бы его побрал?

— Ты действительно не знаешь? — недоверчиво спросила она.

— Да, не знаю.

Он помолчал, а затем произнес ее имя, будто пробуя на вкус:

— Так ты Хрисеида? Это имя до сих пор не забыто на Земле, хотя, боюсь, в моем университете нашло бы немало невежд, которые никогда о нем не слышали. Они знают, что Гомер сочинил «Илиаду», — вот примерно и все. А Хри-

сеиду, дочь Хриса, жреца Аполлона, при осаде Трои пленили греки, и она досталась Агамемнону. Но чтобы отвратить погибельный мор, насланный Аполлоном, Агамемнона заставили вернуть ее отцу.

Хрисеида молчала, и вскоре Вольф начал терять терпение. Он чувствовал, что им пора уходить, но еще не выбрал направление и не знал, насколько долгим будет их путь.

Хрисеида нахмурила брови.

— Это было так давно, — внезапно произнесла она. — Я уже почти ничего не помню. Все стало каким-то зыбким и смутным.

— О чём ты говоришь?

— О себе. О своем отце и Агамемноне. О войне.

— Да? И что ты о них можешь сказать?

Вольф решил отправиться к подножию горы. Только там он мог получить представление о сложности подъема.

— Я Хрисеида, — сказала девушка. — Та самая, о которой ты говорил. Но твои слова звучат так, словно ты только что с Земли. Скажи мне, это правда?

Он вздохнул. Местные жители не лгали; они слепо верили в правдивость своих рассказов. Но, вдоволь наслушавшись их небылиц, он понял, что они не только плохо знают историю мира, но и часто воссоздают прошлое на собственный лад — и делают это, конечно, со всей искренностью.

— Мне бы не хотелось разрушать твой маленький мир грез, — сказал он, — но та Хрисеида — если она вообще когда-нибудь существовала — умерла, по крайней мере три тысячи лет назад. Более того, она выглядела как обычная женщина, и у нее не было кошачьих зрачков и волос в тигровую полоску.

— А я и не выглядела так... тогда. Но властитель, похитив и забрав меня в свою вселенную, изменил мое тело. И точно так же он похищал остальных, изменяя людей или помещая их мозг в созданные им тела. — Она указала рукой в сторону моря и вверх. — Он живет теперь там, и мы видим его все реже и реже. Некоторые говорят, что он давным-давно исчез и на смену ему пришел новый властитель.

— Давай уйдем отсюда, — предложил Вольф. — Мы можем поговорить об этом позже.

Не прошли они и четверти мили, как Хрисеида жестом дала понять, что им надо спрятаться за густой куст с пурпурными ветками и золотистыми листьями. Он пригнулся рядом с ней и, слегка раздвинув ветки, увидел тех, кто вызвал ее тревогу. В нескольких ярдах от них стоял мужчина с поросшими

длинной шерстью ногами. Макушку его головы украшали тяжелые бараны рога. А рядом, на низкой ветке, на уровне глаз мужчины, восседал огромный ворон. Он походил размерами на орла и поражал своим высоким лбом. В такой череп мог бы поместиться даже мозг фокстерьера.

Но Вольфа удивили не размеры ворона — он повидал здесь немало огромных существ. Его до глубины души потрясло то, что птица и сатир разговаривали друг с другом.

— Око Властителя, — шепнула Хрисеида. И в ответ на недоуменный взгляд показала пальцем на ворона. — Это один из соглядатаев властителя. Они летают по всему миру, следят за тем, что происходит, а потом доносят обо всем властителю.

Вольф вспомнил довольно искреннее замечание Хрисеиды о размещении мозгов в других телах. На его вопрос она ответила:

— Да, но я не знаю, может ли он наделять воронов человеческим разумом. Скорее всего, он вырастил их маленькие мозги по образцу больших человеческих, а затем обучил языку. Или властитель мог использовать какую-то часть человеческого мозга.

Как они ни напрягали слух, им удалось уловить лишь несколько отдельных слов. Прошло несколько минут. На искашенном, но вполне понятном греческом языке ворон громко прокаркал: «Прощай!» — и сорвался с ветки. Он начал падать вниз, но огромные крылья быстро забились в воздухе и унесли его вверх, прежде чем тело коснулось земли. Через минуту он скрылся за густой листвой деревьев. А чуть позже Вольф еще раз мельком увидел его в просветах между кронами. Гигантская черная птица медленно набирала высоту, направляясь к горе по ту сторону моря.

Роберт заметил, что Хрисеида дрожит, и удивленно спросил:

— Почему ты так напугана, и что такого может рассказать властителю ворона?

— Я боюсь не столько за себя, сколько за тебя. Если властитель узнает, что ты здесь, он пожелает убить тебя. Он не любит незваных гостей в своем мире. — Она положила руку на рог и еще раз вздрогнула от страха. — Я знаю, что тебе его дал Кикаха. Ты не мог отказаться, и здесь нет твоей вины. Но властитель может обо всем не знать. Или, хуже того, может не принять во внимание твою невиновность. Если он решит, что ты как-то связан с похищением рога, гнев его

будет страшным. Властитель может сотворить с тобой что-нибудь ужасное; и лучше уж тебе покончить с собой сейчас, чем попасть в его руки.

— Неужели Кикаха похитил рог? Откуда ты знаешь?

— О, поверь мне, я знаю. Рог принадлежит властителю. Кикаха украл его, иначе как бы он овладел вещью, которую властитель никогда никому не отдавал?

— Я ничего не понимаю, — сказал Вольф. — Но может быть, когда-нибудь мы проясним этот вопрос. В данный момент меня беспокоит лишь то, где нам найти Кикаху.

Хрисеида указала на горную гряду:

— Говоры повели его туда. Но прежде чем увели его...

Она закрыла лицо руками, и между пальцами просочились слезы.

— Они с ним что-то сделали? — спросил Вольф.

Она покачала головой:

— Нет, не с ним. Они сделали это с... с...

Вольф мягко опустил ее руки.

— Если ты не в силах говорить об этом, то, может быть, объяснишь жестами?

— Я не могу. Это... слишком ужасно. И мне нехорошо.

— Все равно покажи.

— Я отведу тебя туда. Но не проши меня смотреть на нее... еще раз.

Она двинулась вперед, он последовал за ней. Время от времени девушка останавливалась, но Вольф мягко наставлял, и она продолжала свой путь. Пройдя полмили по извилистый тропе, Хрисеида остановилась. Впереди виднелись заросли кустов, вдвое превосходящие рост человека. Ветви кустов переплетались друг с другом. Широкие светло-зеленые листья с крупными красными прожилками походили на слоновьи уши и заканчивались цветами, напоминавшими ирис очень странного ржавого оттенка.

— Она там, — сказала Хрисеида. — Я видела, как говоры поймали... и затащили ее в кусты. Я пошла следом... И я..

Больше она не могла говорить.

С ножом в руке Вольф раздвинул ветви кустов и оказался на небольшой поляне, в центре которой на тонком ковре травы валялись останки человеческого тела. На серых обглоданных костях виднелись следы мелких зубов, и Роберт понял, что до трупа добрались двуногие лисицы-мусорщики.

Он не испытывал ужаса, но мог себе представить, что почувствовала Хрисеида. Видимо, она стала свидетельницей изнасилования, за которым последовало извращенное убийство

И ее реакция вполне соответствовала стилю жизни обитателей Сада. Смерть считалась здесь чем-то настолько ужасным, что слова, означавшие ее, превратились в запретные, а затем и вообще исчезли из языка. Тут предавались лишь приятным мыслям и занятиям, глухо отгораживаясь от всего остального.

Роберт вернулся к Хрисеиде и по ее огромным глазам понял, как ей хочется услышать, что на поляне ничего нет.

— Теперь там только кости, — сказал Вольф, — и она больше не испытывает страданий.

— Гворлы поплатятся за это! — яростно закричала девушка. — Властитель не позволит причинять вред его созданиям! Это его Сад, и все, кто смеет вторгаться сюда, будут сурово наказаны!

— Вот и хорошо, — сказал он. — А то я уже начал думать, что ты от страха лишилась дара речи. Можешь ненавидеть гврлов сколько угодно; они этого заслуживают. Но тебе нужно освободиться от страха.

С криком бросившись к Вольфу, Хрисеида заколотила по его груди кулаками и потом заплакала. Он заключил ее в объятия, потом приподнял лицо девушки за подбородок и поцеловал. Она ответила ему страстным поцелуем, несмотря на слезы, которые по-прежнему лились из ее глаз.

Чуть позже она поведала свою историю до конца:

— Я побежала на пляж, чтобы рассказать о том, что увидела. Но никто не хотел ничего знать. Они отворачивались от меня и притворялись, что не слышат. Я пыталась заставить их прислушаться к моим словам, но Овисандр — человек с баранными рогами, который беседовал с вороном, — ударил меня кулаком и велел убираться прочь. А потом они вообще перестали со мной разговаривать. И я... Мне тоже нужны друзья и любовь.

— Ты не добьешься ни любви, ни дружбы, говоря им то, чего они не хотели бы слышать, — сказал он. — Ни здесь, ни на Земле. Но у тебя есть я, Хрисеида, а у меня есть ты. Поэтому я начинаю влюбляться в тебя, если только это не реакция на одиночество и присутствие самой красивой девушки в моей жизни. А может быть, всему виной моя вернувшаяся молодость. — Он сел и показал рукой на горную гряду. — Если гворлы появились здесь впервые, то откуда они пришли? Почему они охотятся за рогом? Зачем они забрали Кикаху с собой? И кто такой Кикаху?

— Он тоже пришел сверху. Но мне кажется, он землянин.

— Что значит «землянин»? Ты же говорила, что родилась на Земле.

— Я хотела сказать, что он появился здесь недавно. Впрочем, я не знаю. Просто мне так кажется.

Он встал и поднял ее за руки.

— Давай отправимся за ним.

Хрисеида отпрянула от него и, судорожно вздохнув, прижала руку к груди.

— Нет!

— Хрисеида, я мог бы остаться с тобой и, наверное, был бы счастлив — какое-то время. Но мне не дают покоя мысли о властителе и о том, что случилось с Кик~~х~~ой. Я видел его лишь несколько секунд, но он мне очень понравился. И потом, он бросил мне рог не потому, что я там оказался. У меня такое предчувствие, что у него была на то веская причина, которую я должен узнать. Я не успокоюсь, пока он будет оставаться в руках этих тварей, гворлов.

Роберт отвел ее руку от груди и поцеловал в ладонь.

— Тебе самое время покинуть этот обманчивый рай. Ты не можешь оставаться здесь вечно — вечным ребенком.

Она покачала головой:

— Я ничем не могу тебе помочь. И в пути стану обузой. Покинув этот мир, я... я могу кончиться.

— Тебе придется научиться новым словам, — сказал он. — Смерть станет одним из немногих понятий, о которых ты вскоре будешь говорить без колебаний и дрожи. И тогда ты превратишься в настоящую женщину. Сама знаешь: сколько бы мы ни закрывали себе рот руками, смерть этим не остановишь. И как бы тебе ни хотелось забыть о своей подруге, ее кости лежат в тех кустах.

— Но это ужасно!

— С истиной такое часто случается.

Вольф отвернулся от нее и зашагал к пляжу. Пройдя около сотни ярдов, он остановился и оглянулся. Она бросилась к нему. Роберт дождался ее, обнял, целуя в губы, пообещал:

— Возможно, наш путь покажется тебе трудным, Хрисеида, но скучать ты больше не будешь, и отныне тебе не придется напиваться до потери сознания, чтобы мириться с постылой жизнью.

— Надеюсь, что так оно и будет, — тихо ответила она. — Но я боюсь.

— Я тоже боюсь, но мы все-таки пойдем.

ГЛАВА 4

Взявшись за руки, они пошли к ревущему прибою. Не пройдя и сотни ярдов, Вольф увидел гворла. Тот вышел из-за дерева, и эта встреча удивила его не меньше, чем их. Он взвыл, выхватил нож, а затем, повернувшись, позвал остальных. Через несколько секунд появились еще шестеро гворлов, и каждый держал длинный изогнутый нож.

Роберт и Хрисеида остановились в пятидесяти ярдах от них. Сжав одной рукой ладонь девушки и держа рог в другой, Вольф помчался изо всех сил.

— А что теперь? — на бегу крикнул он.

— Не знаю, — в отчаянии ответила она. — Можно спрятаться в дупле дерева, но если они нас найдут, мы окажемся в ловушке.

Они побежали дальше. Время от времени Вольф оглядывался; густые заросли кустарника скрывали некоторых гворлов, но один или два неотступно маячили сзади.

— Валун! — воскликнул Вольф. — Он как раз впереди. Бежим туда!

Внезапно он понял, как ему не хотелось уходить в свой родной мир. И хотя этот путь означал спасение и временное укрытие, Роберт с радостью отказался бы от него. Перспектива застрять там и потерять надежду на возвращение казалась ему настолько ужасной, что поначалу он даже решил не трубить в рог. Но Вольф знал, что придется это сделать. Куда же им еще идти?

Сомнения отпали сами собой. Когда он и Хрисеида приблизились к валуну, Роберт заметил несколько темных фигур, которые прятались у подножия скалы. Гворлы вскочили; блеснули ножи и длинные белые клыки.

Как только Вольф и девушка свернули в сторону, трое у валуна присоединились к погоне. Они оказались ближе остальных, их отделяло от беглецов каких-то двадцать ярдов.

— Неужели ты не знаешь никакого укрытия? — задыхаясь, прокричал Роберт.

— Только за гранью, — ответила она. — Это единственное место, куда они, возможно, не отважатся пойти. Однажды я спустилась по поверхности скалы и нашла несколько пещер. Но там очень опасно.

Он ничего не сказал, приберегая дыхание для бега. Ноги отяжелели, легкие и горло резало. Хрисеида находилась в лучшей форме — длинные ноги несли ее, как по воздуху; она дышала глубоко и ровно, почти без усилий.

— Еще пара минут, и мы там, — сообщила она.

Две минуты показались вечностью, но каждый раз, когда чудилось, что еще миг — и он свалится на землю, Роберт оглядывался на гворлов, и это придавало ему силы. Твари отставали все больше и больше, но по-прежнему оставались на виду. Они покачивались на коротких кривых ногах; бугристые морды выражали непреклонную решимость.

— Может быть, они оставят нас в покое, если ты отдашь им рог? — спросила Хрисеида. — Мне кажется, им нужен рог, а не мы.

— Я отдам его, когда посчитаю нужным, — ответил он, с трудом переводя дух. — И только в самом крайнем случае.

Им предстояло одолеть крутой склон. Казалось, что на ноги подвесили гири, но к нему пришло второе дыхание, и Роберт почувствовал, что может пробежать еще немного. Вскоре они оказались на вершине холма, одна сторона которого резко обрывалась вниз.

Хрисеида заставила его остановиться. Она быстро подошла к краю обрыва, постояла, осмотрелась и жестом подозвала его. Встав рядом с ней, Вольф взглянул под ноги. Его желудок сжался в комок.

Отвесная стена черной блестящей скалы тянулась вниз на несколько миль. А дальше не было ничего.

Ничего, кроме зеленого неба.

— Так это... край света! — воскликнул он.

Хрисеида не ответила. Она побежала вдоль обрыва, поглядывая в бездну и временами ненадолго останавливаясь, чтобы осмотреть поверхность грани.

— Еще около шестидесяти ярдов, — сказала Хрисеида. — Вон за теми деревьями, которые растут у самого края.

Она побежала быстрее, и Роберт поспешил за ней. Внезапно из кустов, росших недалеко от пропасти, выскочил гворл. Он обернулся и издал призывный крик, уведомляя своих собратьев о том, что настиг беглецов. А затем, не дожидаясь остальных, тварь ринулась в атаку.

Вольф прыгнул навстречу. Заметив, что чудовище поднимает нож для броска, он швырнул рог. Это явилось для гворла полной неожиданностью — или, возможно, рог, вращаясь, ослепил его отблесками солнечного света. Какой бы ни оказалась причина, Роберт тут же воспользовался его промедлением и бросился на гворла, когда тот пригнулся и протянул руку к рогу. Огромные волосатые пальцы обхватили инструмент, тварь издала скрежещущий вопль восторга, но рядом оказался Вольф и нанес удар, целясь в выпирающее

брюхо. Но гворл быстро поднял нож, и два клинка с лязгом встретились в воздухе.

Потерпев неудачу, Роберт подумал о бегстве. Вне всяких сомнений, эта тварь владела искусством боя на ножах. Вольф довольно неплохо фехтовал и в прошлой жизни тренировался до самой старости. Но дуэль на рапирах во многом отличалась от грязной поножовщины, и он это хорошо понимал. Тем не менее отступать было поздно. Во-первых, не успеет он сделать и четырех шагов, как гворл вонзит в его спину нож. Во-вторых, в левом кулаке, покрытом шишками, гворл сжимал серебряный рог. И Вольф с этим смириться не мог.

Понимая, что противник оказался в очень невыгодном положении, гворл оскалился, обнажив длинные, острые желтые верхние клыки. С такими, подумал Вольф, и нож не нужен.

Мимо него пронеслась золотисто-коричневая фигура с разевающимися длинными волосами в черную и каштановую полоску. Глаза гворла расширились, и не успел он повернуться влево, как в его грудь вонзился толстый конец длинной палки. Другой конец держала Хрисейда. Приподняв голову сук, словно шест для прыжков, она разбежалась изо всех сил и нанесла такой удар, что чудовище рухнуло на спину. Рог выпал, но нож по-прежнему оставался в руке гворла.

Вольф прыгнул вперед и воткнул клинок в толстую шею твари, попав между двумя хрящевыми выступами. Мышцы там оказались крепкими и мощными, но не настолько, чтобы остановить лезвие. Оно застряло лишь тогда, когда сталь рассекла дыхательное горло.

Роберт протянул Хрисеиде нож гворла:

— Вот, держи!

Она взяла его, явно будучи в шоке. Вольф сердито дал ей несколько пощечин, и ее взгляд тут же прояснился.

— Ты сделала все, как надо! — сказал он. — Неужели тебе хотелось бы увидеть мертвым меня, а не его?

Роберт снял с трупа пояс и надел на себя. Теперь у него было три ножа. Он сунул окровавленное оружие в ножны, одной рукой схватил рог, другой — сжал ладонь Хрисеиды и снова побежал. Позади раздался свирепый вой, и на вершине холма появились гворлы. Но беглецов отделяло от них около тридцати ярдов, и они удерживали это расстояние до тех пор, пока не достигли небольшой группы деревьев на самом краю пропасти. Хрисеида взяла руководство на себя. Она легла на край обрыва и скользнула вниз. Прежде чем последовать за ней, Вольф глянул вниз и увидел небольшой выступ, который находился примерно в шести футах от него. Хрисеида при-

села на небольшой площадке, а затем повисла на руках. Спрятавшись вниз, она оказалась на узком карнизе. Но и на этом дело не кончилось: дальше начиналась расщелина, которая под углом в сорок пять градусов сбегала вниз по поверхности скалы. Встав лицом к каменной стене и двигаясь боком, раскинув руки в стороны и прижимаясь к поверхности грани, они могли бы пройти по ней какое-то расстояние.

Вольф засунул рог за пояс и, полагаясь на силу рук, последовал за девушкой.

Сверху раздался вой. Роберт поднял голову и увидел гворла, который спускался на первый выступ. Вольф оглянулся на Хрисеиду и чуть не сорвался вниз от потрясения — девушка исчезла.

Роберт медленно повернул голову и взглянул через плечо в пропасть. Он с ужасом ожидал увидеть, как она падает вдоль скалы или погружается в зеленую бездну.

— Вольф! — раздался голос Хрисеиды. Ее голова появилась прямо из скалы. — Здесь пещера. Поспеши.

Дрожа и обливаясь потом, он дюйм за дюймом пробирался к ней по узкому карнизу, пока наконец не пролез в широкое отверстие. Свод над головой возвышался на несколько футов; вытянув руки в стороны, он почти касался стен; но внутреннюю часть пещеры скрывала тьма.

— И далеко она уходит?

— Не очень. Но тут есть природный колодец — разлом в скале, ведущий вниз. Он выходит на Дно Мира, ниже которого нет ничего, кроме воздуха и неба.

— Этого не может быть — и тем не менее это так, — озадаченно произнес он. — Мы находимся во вселенной, основанной на совершенно иных принципах, чем земной мир. Плоская планета с отвесными краями. Но я не понимаю, как тогда здесь действует гравитация. И где ее центр?

Хрисеида пожала плечами:

— Кажется, властитель рассказывал мне об этом давным-давно, но я все забыла. Я даже забыла, что он однажды назвал Землю круглой.

Вольф снял кожаный пояс, выдернул из него ножны и нашел овальный черный камень, который весил примерно десять фунтов. Он просунул ремень через пряжку и положил внутри петли. Проткнув острием ножа новую дырку, Роберт туго затянул петлю и застегнул пряжку. В его руках оказалась плеть с тяжелым камнем на конце.

— Встань позади и чуть сбоку от меня, — сказал он. — Если я промахнусь и какой-нибудь гворл проскочит мимо,

сразу же толкай его. Но только не свались сама. Как думаешь, ты справишься с этим?

Она кивнула, но, видимо, не очень верила в себя.

— Тебе потребуется все твое мужество. Я понимаю, ты очень устала. Но в твоих жилах течет кровь великого рода древних эллинов. Им еще и не то приходилось делать в этом выхолощенном псевдораю, и ты не могла растерять свою былую силу.

— Я принадлежу не к ахейцам, — ответила она, — а к сминфеям. Но в каком-то смысле ты прав. И я чувствую себя не так плохо, как мне казалось прежде. Только...

— Только к этому надо привыкнуть, — подхватил Вольф.

Он обрадовался, потому что ожидал от нее иной реакции. Если ей удастся взять себя в руки, вдвоем они смогут постоять за себя. Но их наверняка убьют, если при нападении гворлов она потеряет голову и ему придется присматривать за истеричной женщиной.

— А вот и те, о ком мы говорили, — прошептал он, увидев, что на краю отверстия показались черные, волосатые и шишковатые пальцы.

Он с силой взмахнул ремнем, и камень в петле раздробил пальцы гворла. Раздался рев удивления и боли, а затем долгий завывающий вопль падающей в бездну твари. Вольф не стал дожидаться следующего противника. Он приблизился к выступу на краю отверстия, высунулся, насколько хватало храбости, и снова взмахнул ремнем. Камень стукнулся обо что-то мягкое. Послышался еще один вопль, который вскоре замер в пустоте зеленого неба.

— Троих долой, осталось семеро! Если только к ним не присоединились другие. — Вольф повернулся к Хрисеиде. — Возможно, им не удастся ворваться сюда. Но они могут уморить нас голодом.

— А если отдать им рог?

Он рассмеялся:

— Даже если я отдам его, они нас не отпустят. И у меня нет желания отдавать им рог. Лучше я выброшу его в небо.

На фоне отверстия пещеры появился силуэт фигуры, спрыгнувшей откуда-то сверху. Гворл влетел, опустился на ноги, за долю секунды восстановил равновесие и бросился вперед. Он прокатился по дну пещеры волосатым шаром и вновь оказался в боевой стойке. Это настолько удивило Вольфа, что он не успел отреагировать. А главное, он не ожидал, что тварям удастся забраться выше пещеры и спуститься вниз. Скала над входом выглядела совершенно гладкой и неприступной. Но

гврл пробрался к ним. И теперь стоял перед Робертом, сжимая в руке изогнутый нож.

Вольф раскрутил камень на конце ремня и метнул его в противника. Тварь бросила нож. Вольфу пришлось уверачиваться, и, может быть, поэтому бросок не удался. Нож слегка задел его плечо, и камень пролетел над косматой бугристой головой. Вольф нагнулся за ножом, который лежал на полу, и мельком увидел, как сверху в пещеру прыгнула вторая темная фигура, а у края отверстия появился третий гврл.

Что-то ударило Вольфа по голове. В глазах потемнело, чувства начали угасать — и он рухнул на колени.

Когда Роберт очнулся от боли в левой половине головы, у него возникло пугающее ощущение. Ему показалось, что он плывет вверх тормашками над огромным полированным черным диском. Кто-то связал за спиной его руки, шею стягивала веревка; он висел вверх ногами в пустом пространстве, и все же петля на шее оставалась лишь слегка затянутой.

Откинув голову, он увидел, что веревка тянется вверх и уходит в колодец на поверхности диска. Из неимоверно глубокой щели струился бледный призрачный свет.

Роберт застонал и закрыл глаза, но вскоре снова открыл. Казалось, мир перевернулся. Внезапно он сориентировался. Вольф понял, что висит на веревке, спущенной со дна нижней стороны планеты, а не болтается вверх ногами вопреки всем законам гравитации. И зелень под ним тут же превратилась в небо.

«Мне бы полагалось давным-давно задохнуться, — подумал он. — Но здесь нет гравитации, и тело не натягивает веревку».

Он подрыгал ногами, и реактивная сила понесла его вверх. Отверстие колодца приблизилось, в него прошла голова, но тут вмешалась какая-то сила. Движение замедлилось и прекратилось, а затем невидимая пружина силового поля медленно отбросила Вольфа вниз. Полет продолжался до тех пор, пока веревка не натянулась до предела.

Такое могли придумать только гврлы. Оглушив Роберта, они спустили тело в колодец или, что более вероятно, просто отнесли его вниз. Ширина колодца позволяла спускаться по нему, упираясь спиной в одну из стен и ногами — в другую. Двигаясь таким манером, человек содрал бы всю кожу, но волосатые шкуры гврлов были настолько прочными, что могли без ущерба выдержать и спуск и подъем. А потом им,

наверное, спустили веревку, и они, затянув петлю на его шею, сбросили тело через дыру в днище мира.

Ему никогда не удастся подняться наверх. Он умрет от голода и жажды. Его тело будут раскачивать ветры пространства, пока не сгниет веревка. Но даже тогда он не упадет, а будет дрейфовать в тени диска планеты. Те гворлы, которых он сбросил с карниза, тоже упали вниз, но ускорение относило их все дальше и дальше.

Несмотря на свое отчаянное положение, Вольф не мог не подумать о конфигурации гравитационного поля плоской планеты. По идеи центр должен находиться в самом низу: но тяготение действует только на поверхности и в самой массе планеты. На этой стороне гравитация напрочь отсутствовала.

А что произошло с Хрисейдой? Неужели гворлы убили девушки, как и ее подругу?

Вольф знал, что, как бы гворлы ни обошлись с ней, они намеренно не повесили ее рядом с ним. Им хотелось, чтобы частью его мучений стало полное неведение о ее судьбе. И до конца своей жизни на веревочной петле он будет гадать, что с ней произошло. В его уме будут возникать все новые и новые картины, одна ужаснее другой.

Какое-то время Роберт висел, немного отклонившись от перпендикулярной оси. Его отнесло в сторону ветром, а при отсутствии гравитации законы маятника не работали.

Оставаясь в тени черного диска, он мог следить за движением солнца. Светило, скрытое диском планеты, оставалось вне поля зрения, но свет его падал на край огромной дуги. Зеленое небо под солнечными лучами ярко светилось, тогда как неосвещенная часть погружалась во тьму. Чуть позже Вольф заметил, что свечение на краю диска стало слабее, и понял, что на смену солнцу пришла луна.

Должно быть, полночь, подумал он. Если гворлы решили забрать Хрисеиду с собой, они могли проплыть по морю немалое расстояние. Или она могла быть уже мертва, если ее подвергли пыткам. Если же ей уготована более мерзкая участь, осталось надеяться лишь на то, что она не мучилась долго.

Он висел во мраке под Дном Мира и вдруг почувствовал, как веревка на его шею дернулась. Петля затянулась, но не настолько, чтобы задушить. Кто-то подтягивал Вольфа к отверстию. Он выгнул шею, пытаясь увидеть своего спасителя, но взгляд тонул в темноте отверстия. А затем (словно через поверхностное натяжение воды) голова Роберта прорвалась через паутину гравитации, и его вытащили из бездны.

Огромные сильные руки обхватили Вольфа и прижали к твердой теплой мохнатой груди. Кто-то дыхнул на него винным перегаром, жесткие губы оцарапали щеку. Стиснув Роберта в объятиях, существо дюйм за дюймом поднималось вверх. Мех терся о скалу; ноги гиганта разгибались, рывком поднимаясь, отыскивали точку опоры, и вновь слышалось шуршание меха.

— Ипсев? — спросил Вольф.

— Ипсев, — подтвердил зебрилла. — А теперь замолчи. Мне надо поберечь дыхание. Нелегкое это дело.

Роберт подчинился, с трудом удерживаясь, чтобы не спросить о Хрисеиде. Когда они выползли из колодца, Ипсев снял с шеи пленника веревку и опустил его на пол пещеры.

И только тогда тот отважился задать вопрос:

— Где Хрисеида?

Ипсев мягко опустился рядом, перевернул Вольфа на живот и начал развязывать узлы на его запястьях. Он никак не мог отышаться после путешествия, но все же ответил:

— Гворлы усадили ее в большую лодку, выдолбленную из дерева, и поплыли через море. Она кричала, умоляя меня помочь ей. Потом гворл ударил ее, и она, как мне кажется, потеряла сознание. Я сидел, пьяный, как правитель, и почти ничего не соображал от орехового сока после гулянки с Автонией — ну, ты знаешь, с той большеротой аковилой.

Но прежде чем Хрисеиду оглушили, — продолжал Ипсев, — она успела крикнуть, что ты висишь под дырой на Дне Мира. Я не понял, о чём она говорила, потому что давно здесь не бывал. И мне даже не хочется говорить, сколько лет с тех пор прошло. Собственно, я и сам не знаю. Теперь уже все в густом тумане — да ты и сам понимаешь.

— Нет, не понимаю — Вольф поднялся и растер запястья. — Но если мне придется остаться здесь еще на какое-то время, боюсь, я тоже могу оказаться в алкогольном тумане.

— Я хотел подойти к ней, — сказал Ипсев. — Но гворлы бросили в меня несколько длинных ножей и пообещали убить. Я смотрел, как они вытаскивают из кустов лодку, и вдруг подумал: какого черта, ну и что, если они убьют меня? Я не собирался спускать им угроз, и мне было все равно, что они тащат Бог знает куда бедную малышку Хрисеиду. В былые деньки в Троаде* мы, сам знаешь, немного дружили с этой девчонкой, хотя здесь я с ней одно время практически не

* Троада — область Малой Азии, центром которой была Троя (Здесь и далее примеч пер.)

общался. И думаю, довольно долгое время. Но сейчас мне вдруг захотелось какого-то настоящего приключения, какого-то истинного волнения — я и возненавидел этих отвратительных бугристых тварей.

Я побежал за ними, — продолжал он, — но они к тому времени спустили лодку на воду и усадили туда Хрисеиду. Я осмотрелся в поисках гистоихтиса, подумав, что могу проторанить моллюском их лодку. Если бы мне удалось сбросить их в воду — с ножами или без них, — то они бы оказались у меня в руках. Поскольку то, как гворлы вели себя в лодке, подсказывало мне, что на море они чувствуют страх и неуверенность. Я даже сомневаюсь, что они умеют плавать.

— Я тоже сомневаюсь, — согласился Вольф.

— Но в пределах досягаемости не оказалось ни одного гистоихтиса. А ветер уносил их лодку все дальше и дальше. Они поставили большой треугольный парус. Я вернулся к Автонии и выпил еще. Я мог бы забыть о тебе точно так же, как пытался забыть о Хрисеиде. Я знал, какие ей предстоят мучения, и не мог вынести мыслей об этом. Мне захотелось напиться до чертиков. Но Автония, будь блажен ее пьяный мозг, вдруг вспомнила, что говорила про тебя Хрисеида. Я бросился сюда и долго осматривался, потому что никак не мог вспомнить, где находятся карнизы, ведущие в пещеру. Я чуть не плунул и не напился снова. Но что-то удержало меня — наверное, мне захотелось сделать какой-нибудь добрый поступок в этой вечности безделья, где нет ни добра, ни зла.

— Если бы ты не пришел, я бы висел там, пока не умер от жажды. А теперь, если мне удастся найти Хрисеиду, у нее появится шанс на спасение. Я отправляюсь за ней. Хочешь пойти со мной?

Вольф чувствовал, что Ипсев согласится. И все же ему не верилось, что гигант сдержит слово, когда дело дойдет до реального путешествия через море. Однако вскоре Ипсев удивил его еще раз.

Зебрилла отплыл от берега, ухватился за выступ раковины проплывавшего мимо гистоихтиса и забрался на спину моллюска. Он подвел его к берегу, прижимая рукой нервные окончания, пропустившие темно-пурпурными кляксами на коже сразу же за конусовидной раковиной, которая служила кораблю-моллюску носом.

По указанию Ипсева Вольф надавил на особое пятно рыбы-паруса (буквальный перевод слова «гистоихтис») и так удерживал ее у полосы прибоя. Зебрилла принес несколько охапок плодов и множество пуншевых орехов.

— Нам придется есть и пить. Особенно пить, — прорвичал Ипсев. — Путь через океан к подножию горы может оказаться долгим. Хотя, по правде говоря, я этого точно не знаю.

Через несколько минут, уложив припасы в одну из естественных впадин на раковине рыбы-паруса, они отплыли от берега. Тонкий хрящеватый парус поймал ветер, и огромный моллюск, заглотив порцию воды, с силой выпустил ее через задний мускульный клапан.

— Гворлы уплыли вчера вечером, — сказал Ипсев, — но они уступают нам в скорости. И они окажутся на другом берегу не намного раньше нас.

Он вскрыл пуншевый орех и предложил Вольфу. Тот согласился. Несмотря на огромную усталость, он был взвинчен до предела, и ему требовалось какое-то сногсшибательное успокоительное, которое позволило бы забыться и уснуть. Изгиб раковины создавал пещерообразную нишу, куда он мог заползти. Роберт лег и прижался к гладкой коже рыбы-паруса, от которой исходило тепло. Вскоре он начал засыпать. Последней в его сознании запечатлелась плечистая фигура Ипсева, который разглядывал пятна моллюска. Полосы на шкуре зебриллы слились в лунном свете; он поднял над головой еще один пуншевый орех и высосал все его содержимое выпяченными губами.

Проснувшись, Вольф обнаружил, что солнце едва появилось из-за горы. Полная луна (которая всегда оставалась полной, так как на нее никогда не падала тень планеты) быстро скользила за другую сторону гряды.

Отдохнувший и голодный, он съел несколько плодов и богатых протеинами орехов. Ипсев показал ему, как можно разнообразить диету «кровавыми ягодами». Эти блестящие шары темно-бордового цвета грозьями висели на кончиках мясистых стеблей, росших прямо из раковины. Каждая ягода выглядела чуть меньше бейсбольного мяча, а из-под тонкой кожицы проступала жидкость, на вид и вкус напоминавшая кровь. Мякоть внутри походила на сырое мясо в соусе из креветок.

— Созрев, они осыпаются, и большая часть достается рыбам, — сказал Ипсев. — Но некоторые доплывают до берега. И все же, когда срываешь их прямо со стебля, они вкуснее всего.

Роберт присел рядом и, набив рот вкусной едой, с трудом произнес:

— Гистоихтисы очень удобны. Они кажутся мне какими-то слишком уж хорошими.

— Властитель придумал и создал их для нашего и своего удовольствия, — ответил Ипсев.

— Неужели эту вселенную создал властитель? — спросил Вольф.

С некоторых пор он причислял подобные истории к мифам.

— Тебе лучше поверить в это, — ответил Ипсев, прокашав. — Потому что, если ты не поверишь, властитель прикончит тебя. Впрочем, мне кажется, в любом случае долго пожить тебе не удастся. Он не любит незваных гостей. — Ипсев поднял орех и произнес: — Пью за то, чтобы ты остался незамеченным. За скорую погибель и вечное проклятие нашего властителя!

Внезапно он выронил орех и прыгнул на Вольфа. От неожиданности Роберт не оказал никакого сопротивления. Ипсев затолкал его в полость раковины, где тот провел ночь, и прикрыл своим телом.

— Тихо, — приказал зебрилла. — Свернись в комочек и лежи, пока я не скажу, что все в порядке. Над нами Око Властителя.

Вольф прижался к раковине и постарался слиться с тенью внутри углубления. Он успел заметить промелькнувшую тень ворона, а затем и саму птицу. Злобное создание пронеслось над ними, развернулось и начало снижаться, нацеливаясь на корму рыбы-паруса.

— Черт бы его побрал! Он меня обязательно заметит, — тихо прошептал Вольф.

— Без паники! — приказал Ипсев. — Ух ты!

Послышался глухой удар, всплеск и пронзительный крик, от которого Вольф подскочил и больно ударился головой о раковину. Из глаз посыпалась искры, но он увидел, как ворон безвольно повис в двух огромных когтистых лапах. И если Око Властителя по размерам напоминало орла, то его убийца, стрелой упавший с зеленых небес, казался в первые секунды потрясения громадным, как птица Рух. Придя в себя, Роберт увидел орлицу с бледно-красной головой, желтоватым клювом и светло-зелеными перьями. Гигантская птица раз в шесть превосходила размерами ворона, и ее крылья, каждое по меньшей мере футов тридцать в длину, тяжело били по волнам, когда она пыталась подняться из воды, в которой оказалась вместе со своей жертвой после столь стремительной атаки. С каждым мощным взмахом крыльев орлица

поднималась вверх на несколько дюймов и вскоре набрала высоту. Но, прежде чем исчезнуть вдали, она повернула голову, и Роберт увидел ее глаза. Они показались ему двумя черными щитами, в которых отражалось пламя смерти. Вольф содрогнулся: он никогда не видел такой неприкрытой жажды убийства.

— Да, можешь содрогаться, — сказал Ипсев, просовывая ухмылявшуюся морду в углубление раковины. — Это одна из пташек Подарги. Подарга ненавидит властителя, и будь у нее возможность, она бы сама напала на него, даже если бы это стоило ей жизни. И поверь мне, стоило бы. Но она не может приблизиться к нему и поэтому приказывает своим птичкам пожирать Очи Властителя. Что они и делают, как ты смог заметить.

Вольф выбрался из своего укрытия и стоял, провожая взглядом удалявшиеся силуэты орлицы и ее добычи.

— Кто такая Подарга?

— Она, как и я, чудовищное создание властителя. Она тоже когда-то жила на берегу Эгейского моря и была прекрасной юной девой. В те времена властвовал великий царь Приам и жили богоподобный Ахилл и коварный Одиссей. Я знал их всех, и они оплевали бы критянина Ипсева, некогда храброго моряка и копьеносца, если бы увидели меня сейчас в этом виде. Впрочем, я рассказываю о Подарге. Властитель забрал ее в свой мир, создал чудовищное тело и поместил в него мозг. Она живет где-то там, — продолжал Ипсев, — в пещере на склоне горы. Ее сжигает лютая ненависть к властителю, но Подарга ненавидит и обычных людей. Она пожирает их, если только прежде ими не полакомятся ее пташки. Но больше всех Подарга ненавидит властителя.

Ипсев, по-видимому, знал о ней очень много, но он вспомнил, что до похищения ее звали иначе и когда-то давно они даже дружили. Вольф принялся расспрашивать дальше. Его интересовало все, что Ипсев мог рассказать об Агамемноне, Ахилле, Одиссее и других героях гомеровского эпоса. Он сообщил зебрилле, что Агамемнон считается историческим персонажем. Но можно ли то же сказать об Ахилле и Одиссее? Неужели они существовали на самом деле?

— Конечно, существовали. — Ипсев хмыкнул. — Я смотрю, тебе не терпится послушать о тех временах. Но рассказывать мне в общем-то нечего. Это было очень давно, и прошло слишком много бесполезных дней. Да разве только дней? Может быть, веков и тысячелетий — один властитель знает. К тому же столько выпито...

Весь остаток дня и часть ночи Роберт донимал Ипсева вопросами, но его старания были напрасны. Заскучавший Ипсев выпил половину своего запаса орехов и в конце концов захрапел.

Рассвет окрасил гору в зеленые и золотистые тона. Вольф засмотрелся на воду. Она была такой прозрачной, что он мог видеть сотни тысяч рыб, поражавших воображение фантастическими очертаниями и великолепием раскрасок. Держа во рту существо, похожее на живой бриллиант, из глубины всплыл ярко-оранжевый тюлень. Он вспугнул небольшого спрута с пурпурными прожилками, и тот метнулся в сторону. Далеко-далеко внизу на секунду возникло нечто огромное и белое и тут же исчезло в глубине.

Вскоре до слуха Роберта донесся шум прибоя, и у подножия Таяфаявоэда показалась тонкая белая полоска пены. Гора, выглядевшая такой гладкой на расстоянии, оказалась испещренной расщелинами, выступами и шипами скал, крупными обрывами и застывшими каменными фонтанами. Таяфаявоэд вздыпался в небо, ему не было конца, и казалось, он нависает над всем миром.

Вольф толкал Ипсева до тех пор, пока зебрилла, постывая и бурча, не поднялся на ноги. Он поморгал покрасневшими глазами, почесал затылок, сморщился, но все же закончил фразу: — Попытаться прибить его! Вот так! Я знал, что вспомню это слово. Но у меня ничего не получилось. Не хватило духу пойти на это в одиночку.

— А теперь мы вместе — ты и я, — сказал Вольф.

Ипсев покачал головой и отхлебнул из ореха еще раз.

— Теперь — это теперь. Вот если бы ты оказался со мной тогда... Впрочем, что толку болтать? Ты тогда даже и не родился. Даже твой прапрапрапрадушка еще не родился. А теперь уже слишком поздно.

Он замолчал и занялся проводкой рыбы-паруса через отверстие в горе. Огромный моллюск резко свернулся в сторону. Хрящеватый парус сложился и плотно прижался к мачте из жесткого, крепкого, как кость, хряща. Его белое тело взлетело на огромной волне, и путешественники оказались в спокойных водах узкого темного фиорда с невероятно высокими берегами.

Ипсев указал на ряд неровных выступов в скале

— Залезай туда. По ним ты можешь забраться очень далеко. А вот как далеко — не знаю. Я устал, натерпелся страхи и уплываю обратно в Сад. Надеюсь, мне никогда не придется сюда возвращаться вновь.

Вольф долго упрашивал Ипсева. Он говорил, что ему не раз понадобится сила гиганта и что Хрисеида нуждается в его помощи. Но зебрилла лишь мрачно качал массивной головой

— Я благословляю тебя на все, что бы ты ни предпринял.

— А я благодарю тебя за то, что ты сделал, — сказал Вольф. — Если бы ты не позаботился обо мне, я бы до сих пор болтался на конце веревки. Возможно, мы еще увидимся с тобой. Вместе с Хрисеидой.

— Властитель могуч, — ответил Ипсев. — Неужели ты думаешь, что справишься с существом, которому удалось создать для себя целую вселенную?

— Всегда есть шанс, — сказал Вольф. — Покуда я сражаюсь, шевелю мозгами и держу удачу за хвост, моим возможностям нет предела.

Он спрыгнул с раковины и чуть не поскользнулся на мокром выступе скалы.

— Дурное знамение, друг мой! — воскликнул Ипсев.

Вольф обернулся, улыбнулся и ответил:

— Я не верю в знамения, мой суеверный греческий друг! Пока!

ГЛАВА 5

Он начал восхождение и в течение часа ни разу не посмотрел вниз и ни разу не остановился. К тому времени огромное белое тело гистоихтиса превратилось в тонкую бледную нить, а Ипсев стал черной точкой на ее оси. Прекрасно зная, что его уже невозможно разглядеть, Вольф все же помахал Ипсеву рукой и продолжил восхождение.

А еще через час, цепляясь за трещины и карабкаясь по скалам, он выбрался из фиорда и оказался на широком карнизе отвесной скалы. Здесь его снова встретил яркий солнечный свет. Гора оказалась такой же высокой, как и снизу, да и путь легче не стал. Впрочем, Роберт не мог бы назвать его слишком трудным, но этому радоваться не приходилось. Руки и колени кровоточили, подъем утомил его. Он даже собирался было провести здесь ночь, но вскоре пересмукал. Пока светло, он должен этим воспользоваться.

Роберт вновь усомнился в истинности слов Ипсева, который утверждал, что гворлы выбрали именно этот путь. Ипсев говорил, что там, где море врезается в гору, есть и другие проходы внутрь гряды, но они находятся очень далеко. Вольф долго выискивал признаки того, что гворлы прошли этой дорогой, но ничего не нашел. Однако отсутствие следов еще не означало, что гворлы выбрали другую тропу — если только эту потрескавшуюся вертикаль можно назвать тропой.

Через несколько минут он достиг одного из многих деревьев, которые росли прямо из скалы. Под перекрученными серыми ветвями с пестрыми зеленовато-коричневыми листьями валялись пустые ореховые скорлупки и огрызки плодов, которые выглядели довольно свежими. Кто-то недавно останавливался здесь, чтобы перекусить. И этот факт придал ему новые силы. В ореховой скорлупе осталось немногого мякоти, которой хватило, чтобы унять чувство голода. А остатки плодов утолили жажду и освежили пересохший рот.

Он карабкался вверх шесть дней, отдыхая по ночам. К его удивлению, жизнь существовала даже на отвесном склоне. На карнизах, из пещер и трещин росли маленькие деревья и большие кусты. Там же обитали всевозможные птицы и множество мелких животных. Они питались ягодами, орехами и друг другом. Вольф наловчился убивать птиц камнями и ел их сырое мясо. Он нашел кремень и смастерили из него грубый, но острый нож, а затем с его помощью сделал короткое копье с деревянным древком и кремневым наконечником. Роберт похудел, ладони, ступни и колени покрылись толстыми мозолями и засохшими ссадинами. У него стала отрастать борода.

На утро седьмого дня он взглянул вниз с карниза и прикинул, что находится, по крайней мере, в двенадцати тысячах футов над уровнем моря. Но дышалось по-прежнему легко, и воздух оставался таким же теплым, как и в начале подъема. Море выглядело как широкая река. А еще дальше находились край мира и Сад, откуда он пустился в погоню за гворлами и Хрисейдой. Полоска земли казалась не шире кошачьего усика, и за ней виднелось лишь зеленое небо.

На восьмой день в полдень Вольф наткнулся на змею, пожиравшую мертвого гворла. Все ее сорокафутовое тело покрывали черные ромбы и темно-красные печати Соломона. Тело, которое по древнему проклятию должно быть безногим, имело по бокам ступни, до омерзения похожие на человеческие. В раскрытой пасти виднелось три ряда акульих зубов. Заметив торчащий посреди нож и сочившуюся кровь, Роберт

храбро напал на змею. Она зашипела, развернула спираль своих колец и попыталась скрыться. Вольф ткнул рептилию несколько раз копьем, и она бросилась на него. Он вогнал острие из кремня в большой тускло-зеленый глаз Змея громко зашипела и взвилась вверх, лягаясь двадцатью пятипалыми ступнями. Вольф вырвал копье из окровавленного глаза и звоткинул его в мертвенно-бледный участок чуть ниже челюсти змеи. Кремень вошел глубоко; змея дернулась так сильно, что вырвала из его рук древко. А затем, тяжело дыша, тварь упала на бок и через некоторое время сдохла.

Сверху раздался пронзительный крик, и над головой Вольфа пронеслась огромная тень. Он слышал этот крик во время плавания на рыбе-парусе. Он отпрыгнул в сторону и кубарем прокатился по небольшому карнизу. Поравнявшись с расщелиной, он юркнул в нее и повернулся, чтобы посмотреть, что ему угрожало. Роберт увидел огромную ширококрылую орлицу с зелеными перьями, красной головой и желтым клювом. Птица нахохлившись сидела на змее и мощным клювом, острым, как акульи зубы поверженной твари, выщипывала куски мяса. Глотая их, она свирепо посматривала на Вольфа, и тот попытался забиться в расщелину как можно дальше.

Он понимал, что ему придется оставаться в расщелине до тех пор, пока птица не насытится. Но прошел день, а орлица все охраняла два трупа. Вольф начал испытывать голод, жажду и прочие неудобства. К утру он рассердился. Птица сидела на трупах, сложив крылья и опустив голову. Спит, подумал Роберт и решил бежать. Но едва он вылез из трещины в скале, морщась от боли в затекших мышцах, орлица вскинула голову, расправила крылья и заклекотала. Вольф снова забился в расщелину.

К полудню орлица по-прежнему не выказывала желания убираться прочь. Она еще немного поела и теперь, казалось, боролась с дремотой. Иногда она выгибалась шею и отрыгивала излишки мяса. Солнце застыло над трупами и птицей; все трое нещадно воняли: И Вольф пришел в отчаяние. Он понял, что орлица останется здесь до тех пор, пока не обглодает рептилию и гворла до костей. К тому времени Вольф будет полумертвым от голода и жажды.

Роберт вышел из расщелины и поднял копье. Оно выпало из тела змеи, когда птица раздирила мясо. Он угрожающе ткнул им в сторону орлицы, и та свирепо уставилась на человека. Потом зашипела и издала резкий крик. Вольф крикнул в ответ и стал медленно отступать. Слегка покачиваясь, орлица осторожными короткими шагами двинулась

за ним. Роберт остановился, еще раз закричал и прыгнул. Та испуганно отскочила и заклекотала.

Он возобновил свое медленное отступление, но на этот раз птица не стала его преследовать. А когда изгиб горы скрыл хищницу из виду, Вольф продолжил восхождение. Здесь хватало мест, куда бы он мог спрятаться, если бы орлица бросилась в погоню. Но ни одна тень больше не нависала над его головой. Возможно, птица хотела лишь защитить свою добычу.

К середине следующего утра он набрел еще на одного гворла. Тот сидел, прижавшись спиной к стволу небольшого дерева. Раздробленная нога не позволяла ему встать, и он размахивал ножом, отгоняя от себя дюжину красных мускулистых свиноподобных зверей с копытами, как у горных коз. Те разгуливали взад и вперед перед покалеченным гворлом и глухо похрюкивали. Время от времени одно из животных совершило короткий бросок, но останавливалось в нескольких футах от мелькавшего ножа.

Вольф влез на валун и кинул в парнокопытных плотоядных несколько камней. Через минуту он уже ругал себя за то, что привлек их внимание. Звери карабкались по отвесным граням валуна, как по лестнице. И только быстро действуя копьем, ему удавалось сталкивать их обратно на выступ скалы. Кремневый наконечник входил в их жесткие шкуры неглубоко и не мог причинить им серьезных ран.

Они с визгом падали на камни и снова карабкались вверх. Их клыки щелкали так близко, что дважды чуть не поранили ногу. Отбивая атаки, он не мог предпринять решительных действий, но, уловив момент, когда все звери оказались внизу на выступе, Вольф отложил копье, поднял камень раза в два больше человеческой головы и швырнул его на спину одного горного вепря. Зверь завизжал и попытался уползти, волоча задние ноги. Стая набросилась на него и начала объедать неподвижные конечности своего сотоварища. А когда раненое животное попыталось защищаться, ему перегрызли горло. Через минуту мертвое тело разорвали на части.

Вольф подобрал копье, спустился с другой стороны валуна и подошел к гворлу, не сводя глаз с кабанов, но те лишь подняли головы и, убедившись, что на их добычу никто не посягает, продолжали поедать труп.

Гворл зарычал на Вольфа, приподнимая длинный нож. Роберт остановился на безопасном расстоянии. Из ноги гворла чуть ниже колена торчал осколок кости. Глаза твари, глубоко

запавшие под низким подбровием, выглядели как стеклянные пуговицы.

Вольф сам не ожидал, что так поступит. Раньше он немедленно без жалости убил бы любого попавшегося гворла, но с этим ему хотелось поговорить. После долгих дней и ночей восхождения Роберт чувствовал себя ужасно одиноким и рад был обмоловиться словечком даже с этим отвратительным существом.

— Могу ли чем-то тебе помочь? — спросил он по-гречески.

Гворл что-то гортанно проговорил и поднял оружие. Вольф стал подходить к нему — но быстро отскочил в сторону когда над его головой просвистел клинок. Он подобрал нож, затем подошел к гворлу и заговорил с ним еще раз. Тварь что-то проскрежетала в ответ, голос его был очень слабым Вольф нагнулся, чтобы повторить вопрос, и тут гворл плонул ему в лицо.

Страх и ненависть человека вырвались наружу. Он всадил нож в толстую шею, тварь несколько раз взмыкала ногой и испустила дух. Вольф вытер нож о темный мех гворла и осмотрел содержимое кожаной сумки на поясе мертвца. Он нашел там сущеное мясо, сухофрукты, немного черствого хлеба и флягу с огненным напитком. Его смущила мысль о происхождении мяса, но он напомнил себе, что голодному выбирать не приходится. Вольф попробовал хлеб: тот оказался твердым как камень. Но смоченные слюной темные комочки сухарей по вкусу не уступали печенью из пшеничной муки.

Вольф продолжал восхождение. Дни и ночи сменяли друг друга, и он больше не встречал никаких следов гворлов. Воздух оставался таким же теплым и чистым, как на уровне моря, хотя, по оценкам Вольфа, он одолел добрые тридцать тысяч футов. Море внизу казалось тонким серебряным поясом на талии мира.

Как-то ночью он проснулся, почувствовав прикосновение дюжины маленьких мохнатых рук. Роберт рванулся, но высвободиться не удалось. Одни маленькие ручки крепко держали Вольфа, в то время как другие связывали его по рукам и ногам какими-то травяными веревками. Затем Вольфа подняли и вынесли на каменный козырек перед пещерой, в которой он остановился на ночлег. В сиянии лунного света Роберт увидел несколько десятков двуногих созданий, каждое из которых не превышало ростом двух с половиной футов. Они были покрыты гладким мышино-серым мехом с белыми воротничками вокруг шеи. Черные острые мордочки напоми-

нали летучих мышей. Голову венчали огромные заостренные уши.

Они молча протащили Вольфа по площадке и внесли в другую трещину. Узкое отверстие переходило в большую пещеру, около тридцати футов в ширину и двадцати в высоту. Лунный свет, проникая сквозь щель в каменном своде, освещал груду костей с остатками гниющего мяса. Похитители уложили Роберта неподалеку от кучи, а сами отступили в угол пещеры и о чем-то заговорили между собой, вернее, зачирикали. Один из них подошел к Роберту, с минуту смотрел на него, затем опустился на колени — и в горло Вольфа впились крохотные, но очень острые зубы. За первым вампиrom последовали другие и начали вгрызаться во все его тело.

Все это происходило в мертвой тишине — в буквальном смысле слова. Даже Вольф не издавал ни звука, и лишь когда пытался разорвать веревки, из его груди вырывались хриплые стоны. Острая боль в местах укусов быстро прошла, словно в кровь ввели какое-то слабое анестезирующее средство.

Вольф почувствовал, что засыпает, и, несмотря на свой нрав и убеждения, перестал бороться. По его телу расползлось приятное оцепенение. А стоит ли сражаться за жизнь, и не уйти ли в мир иной столь приятным образом? По крайней мере, его смерть не будет бесполезной. Какое благородство — отдать свое тело этим маленьkim существам, чтобы они могли набить им животы. Умереть и сделать их на несколько дней сытыми и счастливыми...

В пещеру ворвался луч света. Сквозь теплую мглу Вольф увидел, как вампиры отпрянули от него. Потом отбежали в дальний конец пещеры и сбились в кучу. Свет стал ярче и постепенно превратился в факел из пылающей сосновой ветви. Из мрака возникло лицо старика, которое склонилось над Вольфом. Роберт увидел длинную белую бороду, впалый рот, крючковатый острый нос и огромные, нависшие, косматые брови. Иссохшее тело прикрывал грязный белый балахон. Рука, покрытая сетью крупных вен, сжимала посох, конец которого венчал крупный, с кулак Вольфа, чудесный сапфир в виде гарпии.

Роберт попытался заговорить, но с губ слетали неразборчивые слова, словно он только что начинал выходить из-под наркоза после операции. Старик взмахнул посохом, и от массы серых шерсток отделилось несколько вампиров. Не сводя со старика испуганных раскосых глаз, они бегом прошмыгнули через пещеру и быстро связали Вольфа. Ему

удалось подняться, но ноги не слушались, и старику пришлось поддерживать Роберта до самого выхода из пещеры.

— Скоро ты почувствуешь себя лучше, — заговорил стариик на микенском наречии. — Яд долго не действует.

— Кто ты? Куда ты меня ведешь?

— Подальше от опасности, — произнес стариик.

Роберт задумался над загадочным ответом. К тому времени, когда он окончательно пришел в себя, стариик подвел его ко входу в очередную пещеру. Вольф потерял счет числу каменных залов, через которые они проходили, постепенно поднимаясь все выше и выше. Наконец, после двух миль пути стариик остановился перед железной дверью. Он передал факел Вольфу, открыл дверь и жестом пригласил его войти. Роберт вошел в большую пещеру, ярко освещенную факелами. Дверь за спиной со скрипом затворилась, и раздался глухой стук задвигаемого в спешке засова.

Прежде всего Вольфа ошеломил удущливый запах. И только потом — вид двух зеленых красноголовых орлиц, которые приблизились к нему. Одна из них голосом гигантского по-пугая приказала ему идти вперед. Он подчинился, обнаружив вдруг, что существа-вампиры похитили его нож. Хотя оружие здесь вряд ли пригодилось бы. Пещера кишила гигантскими птицами, каждая из которых была больше Вольфа.

У боковой стены стояли две клетки из тонких железных прутьев. В одной из них сидело шесть гврлов. В другой находился высокий, прекрасно сложенный молодой человек в набедренной повязке из оленьей кожи. Он улыбнулся Вольфу и сказал:

— Так, значит, тебе удалось! Но как ты изменился!

И только теперь эти красновато-бронзовые волосы, выпяченная верхняя губа и скуластое веселое лицо показались Вольфу знакомыми. Он узнал человека, который бросил ему рог с валуном, осаждаемого гврлами, — того, кто назывался Кикахой.

ГЛАВА 6

Роберт не успел ответить, потому что в этот миг одна из орлиц открыла дверь клетки, орудуя лапой, как человеческой рукой. Могучая голова с твердым клювом втолкнула его за решетку, и дверь со скрежетом захлопнулась.

— Итак, ты тоже здесь, — сказал Кикаха густым баритоном. — Теперь надо подумать, что делать дальше. Наше

пребывание в этой пещере может оказаться коротким и неприятным.

Сквозь прутья Вольф увидел высеченный в скале трон, на котором восседала женщина. Вернее, полуженщина, потому что человеком она была лишь выше пояса, все остальное было птичьим, вместо рук — крылья. По сравнению с обычным земным орлом ее ноги казались непропорционально толстыми. Но им приходится нести большую тяжесть, подумал Роберт. Он уже понял, что видит еще одно чудовищное творение, созданное в лаборатории властителя. И скорее всего — Подаргу, о которой рассказывал Ипсев.

Выше пояса она была женщиной — видеть такую доводилось лишь немногим мужчинам: молочно-опаловая кожа, роскошная грудь и шея, словно великолепная колонна. Длинные черные прямые волосы обрамляли лицо еще более прекрасное, чем лицо Хрисеиды — до сих пор Вольф считал такое невероятным.

Но эта красота казалась зловещей. Ее взор переполняла лютая ненависть, как у попавшего в клетку сокола, которого задразнили до невыносимого состояния.

Вольф отвел от нее глаза и осмотрел пещеру.

— А где Хрисеида? — шепотом спросил он у Кикахи.
— Кто?

Вольф в двух словах описал ее и рассказал о том, что с ними произошло.

Кикаха покачал головой:

— Я ее не видел.
— А эти гврлы?

— Они шли двумя отрядами. Наверное, рог и Хрисеида находятся у второй группы. Но не очень-то переживай. Если мы не уговорим хозяйку отпустить нас, нам конец. И довольно-таки отвратительный.

Роберт спросил о старике, и Кикаха ответил, что тот когда-то считался любовником Подарги. Он принадлежал к числу первых людей, которых властитель перенес в свою вселенную сразу после того, как сотворил ее. Гарпия держала старика для черной работы, которая требовала человеческих рук. И именно по ее приказу он избавил Роберта от маленьких вампиров. Фавориты Подарги уже несколько дней подряд докладывали своей хозяйке о каждом шаге Вольфа в ее владениях.

Подарга беспокойно заерзала на троне и расправила крылья со звуком, похожим на далекий раскат грома.

— Эй, вы, двое! — закричала она. — Хватит шептаться! Итак, Кикаха, что ты можешь сказать в свою защиту перед тем, как я спущу на тебя своих птичек?

— Рискуя показаться утомительным, я могу лишь повторить то, о чем уже рассказывал, — громко ответил Кикаха. — Я такой же враг властителя, как и ты. Он ненавидит меня и с удовольствием бы прикончил. Ему известно, что я украл его рог. Теперь я стал для него опасен. Очи Властителя ищут меня по четырем уровням мира. А ты...

— И где же тот рог, который ты похитил у властителя? Почему его нет с тобой? Мне кажется, ты лжешь, стараясь спасти свою никчемную тушку.

— Я уже говорил, что мне удалось открыть врата в другой мир. Я бросил рог человеку, который пришел на мой зов. И этот человек теперь перед тобой.

Подарга повернула голову, слегка склонив ее набок, как это делают орлы. Ее взгляд застыл на Вольфе.

— Я не вижу никакого рога. Передо мной лишь жесткий, жилистый кусок мяса с черной бородой

— Он рассказал мне, что рог у него отобрала другая банда гворлов — ответил Кикаха. — Он гнался за ними, пытаясь вернуть эту вещь, но твари с мордами летучих мышей поймали его, и вот теперь ты великодушно спасла ему жизнь. Освободи нас, добрая и прекрасная Подарга. Мы вернем рог, и тогда у нас появится возможность сразиться с властителем. А тирана можно победить. Пусть его мощь велика, но он не всемогущ. Иначе он давно вернул бы свой рог и нашел всех нас.

Подарга встала, расправила крылья и, сойдя со ступеней трона, подошла к клетке. Она не подскакивала при ходьбе, как птицы, а шла твердой прямой походкой.

— О, как мне хочется тебе поверить! Я жду этого годы, века и тысячелетия — так долго, что сердце болит при мысли о пропавшем времени! И если бы я знала, что оружие для ответного удара наконец попало в мои руки.. — Пронзив пленников взглядом, она сложила крылья перед собой и горько произнесла — Видите! Я говорю «мои руки», но у меня нет рук и нет тела, которое когда-то принадлежало мне. Этот

Она разразилась неистовой бранью, которая заставила Вольфа поежиться. Но холодок по его спине пополз не от слов, а от ярости, которая граничила либо с гневом богов, либо с безумством умалишенного существа

— Если бы удалось низвергнуть властителя — а я думаю, это вполне возможно, — ты бы вернула свое человеческое тело, — сказал Кикаха, когда она умолкла.

Едва дыша в тисках бушевавшего гнева, она уставилась на людей с жаждой убийства во взоре. Вольф подумал, что их участь решена, но последующие слова Подарги обнаружили истинный объект ее ярости.

— Прежний властитель давным-давно пропал; во всяком случае, так утверждают слухи. Я послала одну из своих птиц разузнать, в чем дело, и она принесла мне странную весть. Она сказала, что появился новый властитель, но ей показалось, что это тот же тиран и мучитель, принявший новый облик. Я отправила птицу обратно к властителю с просьбой вернуть мне человеческое тело, но он не внял моим мольбам. Так какая разница, тот это властитель или другой? Он такой же злой и ненавистный, как прежний, если только он действительно не прежний. И это я должна узнать.

Но кем бы он ни был, он должен умереть, — продолжала Подарга. — И если прежний тиран покинул эту вселенную, я обишу все миры и найду его!

— Ты не сделаешь этого без рога, — сказал Кикаха. — Он, и только он открывает врата в другой мир, если только они не оборудованы предохранительными устройствами.

— А что, собственно говоря, я теряю? — внезапно спросила Подарга. — Если ты лжешь и пытаешься меня обмануть, я в конце концов доберусь до тебя, и охота может оказаться забавной. Если же ты говоришь правду, мы посмотрим, как сложится судьба.

Она что-то сказала сопровождавшей ее орлице, и та открыла дверь клетки. Вслед за гарпией Кикаха и Вольф пересекли пещеру и подошли к большому столу, вокруг которого стояли кресла. И лишь теперь Роберт понял, что помещение было сокровищницей, в которой хранились богатства этого мира. Сверкающие драгоценные камни, жемчужные ожерелья, золотые и серебряные чаши изысканных форм переполняли массивные открытые сундуки. Вольф увидел небольшие фигурки, вырезанные из слоновой кости и какого-то блестящего очень твердого черного дерева. На стенах висели великолепные картины. Огромные кучи доспехов и оружия всех видов (за исключением огнестрельного) громоздились на полу.

Подарга приказала пленникам сесть в резные кресла с изогнутыми львиными ножками, после чего взмахнула крылом — и из темной ниши вышел молодой человек. Он нес тяжелый золотой поднос, на котором стояли три прекрасные

чаши из кварца в виде изогнутых рыб с открытыми ртами. В чашах плескалось густое темно-красное вино.

— Еще один из ее любовников, — шепнул Кикаха, заметив, что Вольф с любопытством рассматривает статного белокурого юношу. — Он унесен орлицами с уровня, называемого Дракландией, или Тевтонией. Бедный малый! Но это лучше, чем быть заживо съеденным ее птичками. К тому же, пока у него есть надежда сбежать отсюда, жизнь его вполне терпима.

Кикаха выпил густой бодрящий кровь напиток и удовлетворенно вздохнул. Вольф почувствовал, что вино бежит по пищеводу, точно живое. Подарга подняла чашу кончиками крыльев и поднесла к губам.

— За смерть и вечные муки властителя! И следовательно, за ваш успех!

Мужчины выпили еще раз. Подарга опустила чашу и слегка ударила Вольфа по лицу кончиком черного крыла.

— Расскажи мне свою историю.

Вольф рассказывал долго. Он пил вино и закусывал жареным мясом горной полусвиньи, светло-коричневым хлебом и фруктами. Голова начала кружиться, но Роберт все рассказывал и рассказывал, прерываясь лишь тогда, когда Подарга его о чем-то спрашивала. Факелы догорели, их заменили новыми — а он все говорил и говорил.

Внезапно он проснулся. Из соседней пещеры лился солнечный свет, освещая пустую чашу и стол, за которым он уснул, уронив голову на руки. Рядом, ухмыляясь, стоял Кикаха.

— Пошли, — сказал он. — Подарга хочет, чтобы мы отправились в путь пораньше. Ей не терпится отомстить. А я хочу убраться отсюда, пока она не передумала. Ты даже не представляешь, как нам повезло. Мы единственные пленники, кому она даровала свободу.

Вольф выпрямился и застонал от боли в плечах и шее. Голова казалась распухшей и немного тяжелой, но он переживал и не такое похмелье.

— Что вы делали, когда я уснул? — спросил Роберт Кикаха широко улыбнулся:

— Я заплатил последнюю цену. Это было не так плохо, совсем не плохо. Сначала довольно непривычно, но я парень непривередливый.

Они вошли в соседнюю пещеру, а оттуда выбрались на широкий скальный выступ. Вольф обернулся и увидел орли, застывших, как зеленые изваяния, у входа в пещеру

Мелькнула белая кожа и черные крылья — то на негнущихся ногах мимо гигантских птиц прошла сама Подарга.

— Идем же, — произнес Кикаха. — Подарга и ее пташки голодны. Тебе повезло, что ты спал и не видел, как она заставляла гворлов молить о пощаде. Но надо отдать им должное — они не скулили и не кричали. Они лишь плевали в нее.

Вольф невольно вздрогнул, когда из пасти пещеры донесся душераздирающий вопль. Кикаха взял его за руку и быстро повел прочь. Из орлиных клювов вырывались хриплые крики, и алчный клекот сливался с завываниями существ, объятых страхом смерти и болью.

— Такая участь ожидала бы и нас, если бы нам не удалось выкупить свои жизни, — сказал Кикаха.

Путешественники начали восхождение и к ночи одолели еще три тысячи футов. Кикаха развязал свой кожаный мешок и извлек оттуда множество различных вещей. Обнаружив среди них коробок спичек, он разжег костер. Затем из мешка появились хлеб, мясо и небольшая бутылка радамантейского вина. Мешок со всем содержимым им подарила Подарга.

— Нам придется подниматься еще четыре дня, — сообщил Кикаха. — Затем мы выйдем на следующий уровень и окажемся в легендарной Америндии.

Вольф начал было задавать вопросы, но Кикаха заявил, что прежде ему следует уяснить физическую структуру планеты. Роберт терпеливо слушал, и удивительный рассказ не вызывал у него ни насмешек, ни сомнений. Более того, объяснение Кикахи соответствовало его собственным наблюдениям. Вольфу хотелось узнать, как Кикаха, явный уроженец Земли, оказался здесь, но вопросы пришлось отложить. Сославшись на то, что он долго не спал, а вчерашняя ночь оказалась особенно изнурительной, юноша заснул не-пробудным сном.

Вольф задумчиво смотрел на пламя угасавшего костра. Как много нового он повидал и пережил за такой короткий срок! А что ему еще придется испытать! При условии, что он останется жив.

В глубине каньона раздался призывный клич, и откуда-то с вершины отвесной скалы донесся крик огромной зеленой орлицы.

Роберт задумался. Где теперь Хрисеида? Жива ли она, и если да, то что делает? И где рог? Кикаха сказал, что, прежде

чем рассчитывать на какой-то успех, необходимо вернуть инструмент. Без него удачи не видать.

С такими мыслями он и уснул.

Через четыре дня, когда солнце находилось в зените, они перебрались через грань. Перед ними до самого горизонта на добрых сто шестьдесят миль простиравась равнина. По обеим ее сторонам на расстоянии миль ста возвышались горные хребты. По высоте их можно было бы сравнить с Гималаями, но они казались мышками рядом с монолитом Абхарплунты, которая господствовала в этом секторе многоярусной планеты. Абхарплунта, как утверждал Кикаха, находилась в полутора тысячах миль от грани, но казалось, что до нее не больше пятнадцати миль. Она выглядела такой же высокой, как и гора, которую они только что преодолели.

— Теперь перед тобой наглядный пример, — сказал Кикаха. — Этот мир не похож на грушу. Это планетарная Вавилонская башня. Пирамида, сложенная из высочайших колонн, каждый ярус которых чуть меньше предыдущего. А на вершине этой башни, не уступающей по размерам Земле, находится дворец властителя. Как видишь, нам предстоит довольно долгий путь. Но жизнь великолепна, если она продолжается! — добавил он. — Время, которое я провел здесь, было бурным и изумительным! И если сейчас меня сразит властитель, я не буду жаловаться на судьбу. Впрочем, нет — буду. Ведь мы с тобой обычные люди, и жаль погибать в расцвете лет. Да-да, поверь, приятель, я в расцвете лет!

Вольф не мог удержаться от улыбки. Его юный спутник выглядел таким веселым и жизнерадостным, что чем-то напоминал бронзовую статую, которая внезапно ожила и источала бьющую через край радость жизни.

— Ладно! — воскликнул Кикаха. — Прежде всего мы должны достать для тебя какую-нибудь подходящую одежду. Нагота ценится в мире уровнем ниже, но здесь все по-другому. Ты будешь носить набедренную повязку и перо в волосах, иначе туземцы начнут тебя презирать, и ты либо попадешь в рабство, либо погибнешь.

Он зашагал вдоль грани. Вольф поспешил за ним.

— Эй, Боб, взгляни, какая здесь зеленая и сочная трава! Она доходит до колен. Великолепное пастище! Но тут водятся очень злобные и проворные хищники. Так что будь осторожен! В траве может затаиться равнинная пuma или ужасный волк, полосатая охотничья собака или гигантская ласка. Здесь еще водится «фелис атрокс», которого я называю

жестоким львом. Когда-то он бродил по юго-западным прериям Северной Америки, но вымер около десяти тысяч лет назад. Здесь же он еще жив, выглядит на треть больше африканского льва и раза в два его опаснее. Эй, посмотри-ка туда! — вдруг закричал он. — Мамонты!

Вольф хотел остановиться и понаблюдать за огромными серыми животными, которые паслись в четверти мили от них. Но Кикаха велел идти дальше.

— Тут этих зверей полным-полно. Наступит час — и тебе захочется, чтобы их proximity не оказалось. Лучше следи за травой. Если она шевельнется против ветра, тут же предупреди меня.

Они быстро прошли две мили и наткнулись на табун диких лошадей. Жеребцы заржали, подбежали к путешественникам и остановились. Так они стояли, фыркая и роя копытами землю, до тех пор, пока путники не прошли мимо. Это были великолепные животные, высокие и гладкие, черные, глянцево-красные и каурые в черное и белое яблоко.

— Это тебе не какие-нибудь там индейские пони, — заметил Кикаха. — Я думаю, властитель импортировал сюда лишь самые лучшие породы.

Вскоре он остановился возле кучи камней.

— Это мой ориентир, — сказал Кикаха и двинулся дальше.

Пройдя еще милю по прерии, путешественники достигли высокого дерева. Юноша подпрыгнул, ухватился за нижнюю ветвь и начал взбираться вверх. Добравшись до середины ствола, он залез в дупло и вытащил оттуда большой мешок. Спустившись, Кикаха достал из мешка два лука, два колчана со стрелами, набедренную повязку из оленьей кожи и пояс с длинным стальным ножом в кожаных ножнах.

Вольф надел набедренную повязку и пояс, затем поднял лук и колчан.

— Ты знаешь, как им пользоваться? — спросил Кикаха.

— Всю жизнь тренировался.

— Вот и хорошо. Тебе не раз представится возможность попрактиковаться. Пошли. Нам еще идти и идти.

Они тронулись «волчьим скоком» — сто шагов бегом, сто — шагом. Кикаха показал на горный кряж, который виднелся справа.

— Там живет мое племя. Их зовут хроваками, что означает «медвежий народ». До них восемьдесят миль. Там мы можем передохнуть и подготовиться к долгому путешествию.

— Ты не похож на индейца, — сказал Вольф.

— И ты, мой друг, не похож на шестидесятилетнего старика. Однако здесь мы живем по другим законам. Ладно.

Я не рассказывал тебе свою историю, потому что хотел сначала выслушать твою. Но сегодня вечером ты ее узнаешь.

Они почти не разговаривали в этот день. Только Вольф иногда удивленно вскрикивал при виде экзотических животных. Здесь бродили огромные стада бизонов — темных, лохматых, бородатых и куда более крупных, чем их земные сородичи. Встречались все новые и новые табуны лошадей и животных, похожих на верблюдов. Путешественники видели мамонтов и даже семейство степных mastodontov. Какое-то время спутников сопровождала стая ужасных волков, которые бежали всего в ста ярдах сбоку. В холке их высота доходила Вольфу до плеча.

Заметив тревогу спутника, Кикаха засмеялся:

— Они не нападут на нас, если не голодны. А при таком изобилии дичи вокруг это почти невероятно. Они просто очень любопытны.

Вскоре гигантские волки свернули в сторону и, вспугнув в роще несколько полосатых антилоп, резво помчались за убегавшими животными.

— Это Северная Америка, какой она была задолго до прихода белого человека, — сказал Кикаха. — Дикая, необъятная страна с многочисленными животными и несколькими кочевыми племенами.

Над головами путешественников пролетела сотня крякающих уток. С зеленого поднебесья камнем упал ястреб. Он с глухим стуком врезался в клин — и в стае на одну утку стало меньше.

— Страна счастливой охоты! — вскричал Кикаха. — Но иногда она бывает не очень счастливой.

Когда до захода солнца осталось несколько часов, они устроили привал у небольшого озера. Кикаха нашел подходящее дерево и соорудил на нем помост.

— На ночь остановимся здесь. Один будет сторожить, другой — спать, потом поменяемся. На дерево к нам может забраться только гигантская ласка, но и этого вполне достаточно. К тому же здесь шныряют боевые отряды индейцев, а они еще хуже ласки.

Кикаха взял лук, нырнул в траву и через пятнадцать минут вернулся с крупным толстым кроликом. Вольф развел маленький костер из сухих веток, которые почти не дымили. Они зажарили кролика, и во время еды Кикаха объяснил Роберту топографию местности.

— Что бы там ни говорили о властителе, но, проектируя свой мир, он неплохо потрудился — этого у него не отнимешь.

Возьмем, к примеру, наш нынешний уровень, Америндию. На самом деле он не такой плоский, как кажется. Здесь есть цепь легких изгибов, каждый из которых тянется примерно на сто шестьдесят миль. Изгибы ландшафта позволяют воде стекать, образуя ручьи, реки и озера. На этой планете не бывает снегопадов — да это и невозможно без смены сезонов и при довольно однообразном климате. Но дожди идут каждый день, а облака приходят откуда-то из окружающего пространства.

Съев кролика, друзья засыпали костер. Вольф вызвался караулить первым, но Кикаха проговорил все дежурство Вольфа, а тот не засыпал всю смену Кикахи, слушая его удивительный рассказ.

Давным-давно, в начале времен, более двадцати тысячелетий назад, властители обитали во вселенной, которая существовала параллельно земной. И тогда их никто не считал властителями. В те времена, после победы в тысячелетней битве с другими видами разумных существ, выжили лишь немногие. Их осталось не больше десяти тысяч.

— Но нехватку количества они полностью компенсировали качеством, — рассказывал Кикаха. — Наши земные достижения по сравнению с их наукой и технологией выглядели мудростью аборигенов Тасмании. Они могли создавать свои личные вселенные. И они их создавали. Сначала каждая вселенная являлась своего рода игровой площадкой, — продолжал Кикаха, — таким микрокосмическим загородным клубом для небольших групп. Но однажды они разругались. Это должно было произойти, потому что люди всегда остаются людьми, как бы они ни походили на богов. Их сердца переполняло чувство собственничества, не менее сильное, чем у нас. Поэтому среди них началась борьба. Я полагаю, что не обошлось без несчастных случаев и самоубийств. Изоляция и одиночество породили у них манию величия. Но это естественно, если учсть, что каждый властитель разыгрывал из себя маленького бога и со временем входил в свою роль.

Если вкратце описать историю, длившуюся многие века, властитель, создавший эту вселенную, в конце концов оказался в полном одиночестве. Его звали Ядавином. И у него не было спутницы жизни. Но властитель не жалел об этом. Зачем делить мир с равной себе, когда он, как Зевс, мог обладать миллионами Европ и самыми прекрасными Ледами планеты?

Он населил свой мир существами, похищенными из других вселенных, но главным образом с Земли. Многих он создал

сам в лабораториях дворца на вершине самого верхнего яруса. Он создавал божественных красавиц или, когда ему хотелось, экзотических чудовищ.

Единственная проблема заключалась в том, что властителей не удовлетворяла власть лишь над одной вселенной. Они домогались миров друг друга, и их борьба не прекращалась ни на минуту. Они воздвигали почти неприступные оборонительные рубежи и изобретали почти неотразимые средства наступления. Битва стала смертельной игрой. И они уже не могли изменить фатальный ход событий, потому что тоска и скука превратились в постоянных спутников и врагов каждого властителя. Когда ты почти всемогущ, а твои создания слишком жалки и слабы, чтобы вечно занимать тебя, — что еще может быть таким волнующим и трепетным, как риск потерять свое бессмертие в борьбе с другими бессмертными?

— Но как во все это угодил ты? — спросил Вольф.

— Я? На Земле меня звали Пол Янус Финнеган. Второе имя я получил от фамилии матери. Как тебе известно, Янусом звали и латинского бога ворот, бога старого и нового года, обладавшего двумя лицами, одно из которых смотрело вперед, а другое — назад. — Кикаха хитро усмехнулся. — Тебе не кажется, что имя «Янус» мне очень подходит? Я человек двух миров, и мне удалось пройти сквозь врата между ними. Впрочем, я никогда потом не возвращался на Землю, да и не хотел этого. Здесь я пережил такие приключения и добился такого положения, о которых и думать не смел на нашем мрачном старом глобусе. И здесь меня знают не только как Кикаху. Я вождь на этом уровне и такая же большая шишка на других ярусах, в чем ты со временем убедишься.

Вольф задумался над его словами. Он начал подозревать, что уклончивость Кикахи принадлежит второму его лицу, о котором тот не собирался говорить.

— Я представляю, о чем ты думаешь, но ведь ты и сам в это не веришь, — произнес Кикаха. — Да, мне часто приходится обманывать, но с тобой я откровенен. А кстати, знаешь, что означает мое имя на языке «медвежьего народа»? Кикаха у них считается мифологическим героем, полубожественным обманщиком. Что-то вроде Старого Койота Прерий, или Нанабожо у оджибве, или Вакджункаги у виннебагов. Когда-нибудь я расскажу тебе, как мне удалось заслужить это имя и стать советником у хроваков. Но сейчас я должен рассказать тебе нечто более важное.

ГЛАВА 7

Пол Финнеган любил лошадей, поэтому в 1945 году в возрасте двадцати трех лет записался добровольцем в кавалерию США. А чуть позже он стал танкистом, служил в Восьмой армии и в конечном счете переправился через Рейн. Однажды, после того как танкисты помогли пехоте взять небольшой городок, он обнаружил в развалинах местного музея необычный предмет. Это был полумесец из серебристого металла, который оказался таким прочным, что удары молотком не оставляли на нем следов, а ацетиленовой горелке так и не удалось его расплавить.

— Я расспросил о предмете нескольких горожан. Но они знали только то, что он находился в музее с давних пор. Один профессор химии, проведя с ним кое-какие опыты, пытался заинтересовать им мюнхенский университет, но у него ничего не вышло.

После войны я увез полумесец с собой вместе с другими трофеями. Вскоре мне удалось восстановиться в университете штата Индиана. Отец отвалил приличную сумму, чтобы как можно реже видеть меня в течение нескольких лет, поэтому денег хватило и на небольшую милую квартируку, и на спортивную машину, и на кое-что другое.

Один из моих приятелей работал газетным репортером. Я рассказал ему о полумесце, странных свойствах металла и неизвестном составе. Парень настрочил статью, которую напечатали в Блумингтоне, и эту историю подхватил газетный синдикат. Она не вызвала большого интереса у ученых — фактически никто и не откликнулся. Но через три дня в моей квартире появился человек, который представился мистером Ваннаксом. Из-за фамилии и иностранного акцента я решил, что он голландец. Ваннакс захотел взглянуть на полумесец. Я оказал ему такую любезность. Он очень раз волновался, хотя и пытался казаться спокойным. А потом он сказал, что хочет купить его у меня. Я спросил о цене, а он заявил, что готов отвалить десять тысяч долларов и ни цента больше.

— «Мне кажется, вы могли бы добавить, — сказал я. — В ином случае ничего не получите». — «Как насчет двадцати тысяч?» — спросил Ваннакс. — «Накиньте еще», — предложил я. — «Тридцать тысяч?»

И тогда Финнеган решил сыграть по-крупному. Он спросил Ваннакса, может ли тот заплатить ему сто тысяч. Ваннакс даже побагровел и раздулся, «будто жаба перед прыжком», как выразился Финнеган-Кикаха. Тем не менее ответил, что в течение суток добудет нужную сумму.

— И тут я понял, что у меня в руках действительно большая ценность. Но вот какая именно? И почему этот тип так хотел заполучить ее? Мне стало интересно, что же он за фрукт такой? Ни один нормальный человек в здравом уме не попался бы так быстро на удочку. Поэтому я решил не спускать с него глаз.

— А как выглядел этот Ваннакс? — спросил Вольф.

— Ну такой, знаешь, здоровяк. Он довольно неплохо сохранился для своих шестидесяти пяти. Я помню его орлиный нос и проницательный взгляд. Он был одет в строгий костюм. Очень сильная личность, хотя он старался этого не демонстрировать и вел себя по-настоящему любезно. Но хорошие манеры давались ему с трудом. Он казался человеком, который не привык к возражениям. «Хорошо, — сказал я, — триста тысяч долларов — и он ваш». Мне и в голову не приходило, что он согласится. Я думал, старик рассердится и уйдет. Мне уже расхотелось продавать полумесяц, дай он хоть миллион.

Ваннакс рассвирепел, но сказал, что согласен заплатить триста тысяч долларов. И попросил Финнегана дать ему двадцать четыре часа.

— «Но сначала вам придется рассказать мне, почему вы хотите приобрести полумесяц и что в нем такого хорошего», — заявил я ему. — «Ни за что! — закричал он. — Хватит и того, что ты грабишь меня, свинья продажная, земляной... червяк!» — «А ну-ка, выметайтесь, сэр, пока я вас не выброшу сил вон. Или пока мне не пришлось вызвать полицию».

Ваннакс начал кричать на каком-то иностранном языке. Финнеган пошел в спальню и вернулся с пистолетом сорок пятого калибра. Ваннакс не знал, что оружие не заряжено. Он ушел, ругаясь и что-то бормоча себе под нос, а затем уехал на «роллс-ройсе» образца 1940 года.

Той ночью Финнеган никак не мог заснуть. Около двух часов ночи ему это все же удалось, но он то и дело просыпался. И вот во время одного из таких пробуждений он услышал шум в передней. Финнеган тихо выбрался из постели, достал из-под подушки заряженный пистолет и, выйдя из спальни, взял с бюро электрический фонарик.

Луч света настиг Ваннакса, когда тот склонился над чем-то посреди гостиной. В руке его блеснул серебристый полумесяц.

— Затем я увидел на полу второй полумесяц, который Ваннакс принес с собой. И я застал его как раз в тот момент, когда он складывал обе половинки вместе. Из них получился

полный круг. Я не знал, зачем он это делал, но через несколько минут все выяснилось само собой.

Я велел ему поднять руки вверх. Ваннакс подчинился, но поднял и ногу, чтобы шагнуть в круг. Я сказал ему, что если он еще раз шевельнется, то тут же получит пулю. И когда он поставил ногу в круг, мне пришлось нажать на курок. Я выстрелил поверх его головы, и пуля улетела в угол комнаты. Мне просто хотелось припугнуть его. Я надеялся, что у него развязается язык после хорошей встряски. Он испугался, спору нет, и тут же отскочил.

Я шел к нему через гостиную, а он пятился к двери. Ваннакс что-то мямлил, как маньяк, угрожал расправой и тут же предлагал мне полмиллиона. Я решил прижать своего гостя к двери и пощекотать дулом его живот. Тогда бы он точно заговорил и выложил всю правду о полумесяце.

Но, подходя к нему, я ступил в круг, образованный двумя серебряными половинками. Увидев это, Ваннакс закричал, чтобы я остановился. Но он опоздал. Он и моя квартира исчезли, а я по-прежнему стоял в круге, но в каком-то другом. Меня закинуло в другую вселенную, и я оказался во дворце властителя на самой вершине этого мира.

Кикаха сказал, что мог бы тогда просто сойти с ума. Но с четвертого класса начальной школы он увлекался мистикой и научной фантастикой, поэтому имел представление о параллельных вселенных и устройствах для прохода из одного мира в другой. Он относился к таким идеям довольно спокойно и, в сущности, почти верил в них. Эта гибкость мышления помогла ему не только гнуться, не ломаясь, но и развернуться во всю свою мощь. Несмотря на испуг, его одолевали восторг и любопытство.

— Я понял, почему Ваннакс не последовал за мной через врата. Два полумесяца, сложенные вместе, создавали «контуры». Но они не действовали, пока живое существо не входило в излучаемое ими «поле». Затем один полукруг оставался на Земле, а другой переносился через врата в эту вселенную и сцеплялся с поджидавшей его другой половинкой. Иначе говоря, чтобы создать замкнутый контур, требовалось три полумесяца. Первый должен находиться в мире, куда ты отправляешься, а два других — в мире, который ты покидаешь. Когда человек вступает в круг, одна из двух частей переносится к полумесяцу в другой вселенной, а в мире, из которого совершился переход, остается третья половинка.

Скорее всего, Ваннакс явился на Землю с помощью этих устройств. Но он бы туда не попал и просто не мог бы пройти

через врата, если бы на Земле к тому времени не оказалось третьего полумесяца. Каким-то образом — и вряд ли мы узнаем каким — он потерял на Земле одну из половинок. Возможно, ее украл человек, который не понимал истинной ценности предмета. Так или иначе, но Ваннакс искал утерянную деталь, и когда в газетах появилась история о моей находке в Германии, он смекнул, о чем идет речь. Переговорив со мной, Ваннакс понял, что я могу и не продать свой полумесяц. Поэтому он проник в мою квартиру и прихватил с собой вторую половинку. Он уже сложил круг и хотел совершить переход, но я остановил его.

Наверное, он застрял на Земле и не может попасть сюда, пока не найдет еще один полумесяц. Насколько мне известно, на Земле их должно быть несколько. И тот, который нашел я в Германии, скорее всего, никогда ему не принадлежал.

Несколько дней Финнеган бродил по дворцу, огромному, потрясающему прекрасному и экзотическому, наполненному сокровищами, драгоценными камнями и странными предметами. В нем были лаборатории, или, вернее сказать, синтезаторы биопроцессов. Финнеган видел в них странные существа, которые медленно создавались в огромных прозрачных цилиндрах. И еще там находилось множество стоеч с действовавшими приборами, но он понятия не имел, что они собой представляли. Под клавишами и рычагами стояли незнакомые символы.

— Мне повезло. Дворец был оборудован ловушками, которые предназначались для поимки и ликвидации незваных гостей. Но они почему-то были выключены — не знаю почему. Впрочем, тогда я не знал, что дворец необитаем. Мне посчастливилось там оказаться в период безвластия.

Финнеган покинул великолепные залы и вышел в изысканный сад, который окружал дворец со всех сторон. А затем он приблизился к краю монолита, на котором стояло это удивительное сооружение.

— Ты повидал достаточно, чтобы представить себе мое состояние, когда я выглянул за край. Монолит тянулся вниз на тридцать тысяч футов. А ниже располагался ярус, который властитель назвал Атлантидой. Не знаю, может быть, именно об этой Атлантиде говорили в земном мифе о пропавшем континенте. Или, возможно, властитель позаимствовал это название из древней легенды.

Ниже Атлантиды располагался ярус, названный Дракландией. Под ним находилась Америндия. Все это я охватил одним взглядом, точно так же, как космонавт видит из ракеты

целое полушарие Земли. Сам понимаешь, никаких подробностей — только огромные облака, большие озера, моря и очертания континентов. Добрая часть каждого нижнего уровня скрывалась за ярусом, который ему предшествовал. Но я разобрался в структуре Вавилонской башни этого мира, хотя в то время и не понимал того, что открылось передо мной. Все казалось мне слишком неожиданным и чуждым. Увиденная картина не складывалась в логическое целое и не имела для меня никакого смысла.

Тем не менее Финнеган понимал, что находится в отчаянном положении. Не имея под рукой никаких средств, он не мог спуститься с вершины, хотя у него по-прежнему оставалась возможность вернуться на Землю с помощью круга из полумесяцев. В отличие от других монолитов, поверхность самого верхнего из них казалась гладкой, как у шарика подшипника. А использовать круг ему не хотелось, потому что Баннакс, вне всяких сомнений, только этого и ждал.

И хотя ему не угрожала голодная смерть — пищи и воды хватило бы здесь на долгие годы, — он не хотел, да и не мог, оставаться во дворце. Финнеган побаивался возвращения хозяина, поскольку у того мог оказаться весьма скверный характер. А некоторые вещи во дворце вызывали у него невольную дрожь.

— Но вот пришли гворлы. Мне кажется... Нет, я уверен, что они явились из другой вселенной, пройдя через врата, похожие на те, которые открыли дорогу для меня. В то время я еще не знал, как и почему они оказались во дворце. Но я был рад, что попал туда первым. Стоило бы мне оказаться в их руках... Потом до меня дошло, что гворлов послал другой властитель. Он отправил их сюда, чтобы они похитили рог. Я видел его во время своих скитаний по дворцу и даже немного потрубил в него. Но откуда мне было знать о звуковых комбинациях, которые заставляли инструмент работать? И прежде всего, я ничего не знал о его истинном предназначении.

И вот гворлы пробрались во дворец — сотни или около того свирепых тварей. К счастью, я увидел их первым. Страсть к убийствам тут же сослужила им недобрую службу. Они попытались убить несколько Очей Властителя — огромных, с орла величиной, ворон, которые жили в саду. До этого я их почти не замечал, и они, очевидно, считали меня гостем или безвредным существом.

Гворлы попытались перерезать горло одному из воронов, и вся стая набросилась на них. Твари отступили во дворец, но крупные птицы последовали за ними. Все то крыло дворца

было загажено кровью и перьями, кусками бугристых волосатых шкур и трупами с обеих сторон. Во время битвы я заметил гворла, который вышел из зала с рогом в руках. Он бродил по коридорам и, видимо, что-то искал.

Финнеган прокрался за ним в следующий зал и оказался в помещении размером с пару ангаров для дирижаблей. Там находился плавательный бассейн и множество интересных приспособлений. На мраморном пьедестале возвышалась большая золотая модель планеты, и на каждом из ее уровней мерцало несколько драгоценных камней. Финнеган обнаружил, что алмазы, рубины и сапфиры располагались в форме символов. Они обозначали различные резонансные точки.

— Резонансные точки?

— Да. Символы являлись кодированными записями сочетаний нот, которые требовалось воспроизвести для открытия врат в особых местах. Некоторые врата открывались в другие вселенные, а остальные являлись проходами на различные ярусы этого мира. Они давали властителю возможность в мгновение ока переходить с одного уровня на другой. Символы, указанные на крохотных макетах, сообщали о характерных особенностях тех мест, где размещались резонансные точки ярусов мира.

Наверное, властитель чему-то научил того гворла с рогом, и тварь разбиралась в символах. Скорее всего, гворл хотел убедиться в действии рога перед тем, как доложить о нем своему хозяину. Он повернулся к бассейну и протрубил семь нот. Воды раздвинулись, и появился кусочек суши с алыми деревьями и зеленым небом над ними.

Вот таким причудливым образом прежний властитель про никал на ярус Атлантиды прямо через бассейн. В то время я не знал, куда вели эти врата. Но мне они показались единственной возможностью вырваться из дворца, и я решил ею воспользоваться. Подкравшись к гворлу сзади, я выхватил у него рог и стукнул в бассейн — но не в проход, а в воду.

Ты никогда не слышал таких криков, визга и плеска. Гворлы не знали бы страха, если бы не их умопомрачительная боязнь воды. Тварь погрузилась в воду, вынырнула, крича и отплевываясь, и ей удалось зацепиться за край раскрывавшихся врат. У врат, как ты знаешь, довольно реальные края, несмотря на то, что они меняют свои размеры.

Я услышал позади себя рев и крики. В помещение ворвалась дюжина гворлов с большими окровавленными ножами. Я нырнул в дыру, которая уже начала затягиваться. Она стала такой маленькой, что я содрал кожу с колен, проползая

сквозь нее. Но мне это удалось, и дыра закрылась. Ее края обрубили гворлу обе руки, когда он попытался вылезти из воды, чтобы последовать за мной. С тех пор я стал обладателем рога и на какое-то время оказался вне их досягаемости.

Кикаха усмехнулся, смакуя свои воспоминания.

— Так, значит, властитель, пославший гворлов в разведку, и есть нынешний тиран, верно? Но кто же он?

— Арвур. Пропавшего без вести властителя звали Ядави-ном. Скорее всего, он и есть тот человек, который назвался мне Ваннаксом. Арвур занял его место и теперь изо всех сил старается разыскать меня и рог.

Кикаха вкратце обрисовал свои приключения на ярусе Атлантиды. В течение двадцати лет (по земному времени) он жил то на одном уровне, то на другом, маскируясь и меняя внешность. Но гворлы и вороны, которые перешли на службу властителю Арвтуру, никогда не прекращали поисков похищителя рога. Хотя бывали времена, когда Кикаху не тревожили по два, а то и по три года кряду.

— Подожди, не спеши, — сказал Вольф. — Если врата между уровнями закрыты, как же гворлы спустились вниз, чтобы преследовать тебя?

Кикаха и сам этого не понимал. Но когда гворлы схватили его на уровне Сада, он кое-что узнал от них. Несмотря на свою угрюмость, они ответили на несколько его вопросов. Их спустили на ярус Атлантиды с помощью тросов.

— Но тридцать тысяч футов! — воскликнул Вольф.

— А почему бы и нет? Дворец — это сказочный склад со множеством комнат. Если бы я поискал как следует, то и сам бы наткнулся на них. Во всяком случае, гворлы сказали мне, что властитель Арвур приказал им не убивать меня. Даже в том случае, если я при этом на какое-то время скроюсь. Поймав меня, он хочет насладиться серией изысканных пыток. Гворлы сказали, что Арвур разрабатывает новые тонкие приемы истязаний и совершенствует некоторые хорошо зарекомендовавшие себя старые методы. Можешь представить, как я потел от страха на обратном пути во дворец.

После пленения в Саду Кикаху переправили через Океан к подножию монолита. Во время восхождения их остановил ворон-Око. Когда он сообщил властителю о поимке Кикахи, его отослали назад с новым приказом. Гворлам предписывалось разделиться на два отряда. Первой группе полагалось доставить Кикаху во дворец, второй предстояло вернуться к грани Сада. И если человек, овладевший рогом, пройдет

через врата, им следовало взять его в плен. Рог же требовалось принести властителю.

— Я думаю, Арвур хотел, чтобы тебя тоже привели к нему, — сказал Кикаха. — Он, по-видимому, забыл передать этот приказ через ворона или полагал, что гворлы сами догадаются. Арвур не учел, что они абсолютно лишены воображения и все понимают буквально. Вот только зачем они забрали Хрисеиду? Возможно, гворлы хотят преподнести ее властителю как искупительную жертву. Он недоволен ими, потому что я не раз водил их за нос в этой долгой и порой забавной погоне. Они это знают и, очевидно, надеются укротить его гнев, доставив к нему самый прекрасный шедевр прежнего властителя.

— Значит, нынешний властитель не может путешествовать по ярусам через резонансные точки?

— Без рога — нет. И готов поспорить, что сейчас его кидает то в холодный, то в горячий пот. В любую минуту гворлы могут использовать рог для бегства в другую вселенную, где получат за него милость любого властителя. Впрочем, они не знают мест, в которых находятся резонансные точки. А если бы они отыскали одну из них... Но гворлы не воспользовались такой возможностью у валуна, и я начинаю думать, что они не испытывают его и в других местах. Да, твари злобные, но умом не блещут.

— Если властители такие мастера в сверхнауке, то почему Арвур не путешествует по ярусам на самолете? — спросил Вольф.

Кикаха хохотал до слез.

— В том-то и весь фокус, — ответил он. — Властители владеют наукой и мощью, которые намного превосходят земные. Но их ученые и конструкторы давно погибли. Те, кто живет сейчас, умеют нажимать на кнопки, но они не понимают принципов действия сложной техники и уж тем более не могут ее починить. Тысячелетняя битва за власть уничтожила всех, за исключением немногих. Но, несмотря на огромную мощь, это лишь горстка невежд. Ты можешь называть их бездельниками, живущими в роскоши, или параноиками с манией величия, но только не учеными. Вполне возможно, что Арвур оказался обездоленным властителем, — продолжал Кикаха. — Скорее всего, он бежал, спасая свою жизнь, и овладел этим миром только потому, что Ядавин по какой-то причине исчез. Но Арвур пришел во дворец с пустыми руками, у него нет доступа к могуществу, которое даруют приборы. Многие из них находятся во дворце, но он не

знаком с их управлением. Арвур победил в игре властителей за обладание музыкальными вселенными, но он по-прежнему находится в невыгодном положении.

Кикаха заснул, и Вольф всматривался в ночь, охраняя его сон. Он не считал эту историю невероятной, но находил в ней все новые и новые сомнительные места. Кикахе придется объяснить еще очень многое. Потом Роберт задумался о Хрисеиде. Он вспомнил желанное прекрасное лицо с тонкими скулами и огромными глазами, в которых сверкали кошачьи зрачки. Где она сейчас? Что с ней? И увидит ли он когда-нибудь свою Хрисеиду снова?

ГЛАВА 8

Во время второго дежурства Вольф заметил, как между двух кустов в лунном свете быстро промелькнуло что-то черное и длинное. Роберт пустил в хищника стрелу. Зверь издал свистящий визг, поднялся на задние лапы и оказался вдвое выше лошади. Вольф вытащил из колчана еще одну стрелу, вставил в тетиву и выпустил ее в белое брюхо. Убить животное ему не удалось: оно убежало, посвистывая и с треском пробираясь сквозь кусты.

Кикаха вскочил и, сжимая в руке нож, встал рядом с Вольфом.

— Тебе повезло, — воскликнул он. — Их не всегда заметишь, а потом — цап! — и они уже терзают твое горло.

— Тут пригодилось бы ружье на слонов, — сказал Вольф, — но я не уверен, что и оно остановило бы его. Кстати, почему гворлы — да и индейцы, о которых ты мне рассказывал, — не пользуются огнестрельным оружием?

— Оно строго запрещено властителем. Видишь ли, ему кое-что не нравится. Он хочет удерживать свой народ на определенном демографическом и технологическом уровне, внутри особых социальных структур. Властитель жестко управляет планетой. Вот, например, ему нравится чистота. Ты сам видел, что люди Океана — ленивая, беспечная и праздная компания. И все же они всегда убирают за собой. Нигде никакого мусора. То же самое происходит на этом, да и на других уровнях. Индейцы соблюдают такую же личную гигиену, как дракланцы и атланты. Просто так хочет властитель, и наказанием за неповинование является смерть.

— А как ему удалось ввести свои правила? — спросил Вольф.

— По большей части, внедрив их в нравы обитателей планеты. Поначалу он поддерживал тесный контакт со жрецами и знахарями. Используя религию и лично выступая в качестве божества, он оформил и утвердил обычай населения. Властитель любил аккуратность и не любил огнестрельное оружие, впрочем, как и любую форму развитой технологии. Не знаю, возможно, он романтик, но все общества на этой планете в основном законопослушные и статичные.

— То есть он устранил возможность прогресса.

— Ну и что? Разве прогресс всегда хорош? И разве статичное общество так уж нежелательно? Лично я, при всей моей ненависти к высокомерию, жестокости и отсутствию гуманности властителя, вполне одобряю некоторые из его деяний. За некоторыми исключениями мне этот мир нравится намного больше, чем Земля.

— Тогда ты тоже романтик!

— Может быть. Ты уже знаешь, что этот мир достаточно реален и мрачен, но он свободен от опилок и копоти, здесь нет болезней и мух, москитов и вшей. Юность продолжается до тех пор, пока ты жив. И в целом это не такое уж плохое место для жизни. Во всяком случае, для меня.

Последнее дежурство Вольфа подходило к концу, когда солнце выкатилось из-за угла мира. Звездные светлячки поблекли, и небо превратилось в зеленое вино. Ветер ощупал мужчин холодными пальцами и омыл их бодрящими струями. Они потянулись и, спустившись с помоста, отправились добывать что-нибудь на завтрак. Набив животы жарким из кролика и сочными ягодами, они снова тронулись в путь.

А вечером третьего дня, когда солнце готовилось ускользнуть за монолит и от горы его отделяла полоска шириной в ладонь, путешественники вышли из зоны прерий. Перед ними возвышался холм, за которым, как говорил Кикаха, начинались небольшие леса. Одно из высоких деревьев могло послужить им убежищем на ночь.

Внезапно из-за холма выехало около сорока всадников. Волосы каждого из темнокожих воинов были заплетены в две длинные косы, а лица раскрашены бело-красными полосами и черными крестами. От локтя до запястья их руки прикрывали небольшие круглые щиты; у каждого воина были лук и копье. Некоторых украшали шлемы из медвежьих голов, других — перья, воткнутые в колпаки, третьих — широкополые шляпы с крупными изогнутыми птичьими перьями.

Увидев перед собой двух пеших людей, всадники закричали и пустили лошадей в галоп. Копья со стальными наконечниками

грозно опустились, в луки вставляли стрелы, в воздух поднялись тяжелые стальные топоры и утыканные шипами палицы.

— Стой спокойно! — усмехаясь, сказал Кикаха. — Это хроваки, «медвежий народ» Мое племя.

Шагнув вперед и обеими руками подняв лук над головой, Кикаха что-то прокричал приближившимся всадникам на их языке Речь его изобиловала резкими остановками, словно он глотал слова, носовыми гласными, быстро восходящими и медленно убывающими интонациями

Узнав его, они закричали:

— АнгКунгавас ТреКикаха!

Прокрикав галопом перед ним, они втыкали копья в землю у самых ног Кикахи, ни разу не задев его; их дубинки и топоры свистели у его лица или над головой; стрелы вонзались в траву у ног или между ними.

С Вольфом обошлись точно так же, и он выдержал это испытание не моргнув глазом. Как и Кикаха, он старался улыбаться, но чувствовал, что улыбка у него получается слегка натянутой.

Хроваки развернули коней и приблизились снова. На этот раз они на всем скаку осадили перед стоящими лошадей; кони взвились на дыбы, заржав и лягаясь передними копытами. Кикаха подпрыгнул и стащил с коня юношу в шляпе с пером. Смеясь и пыхтя, они боролись на земле, пока Кикаха не уложил хровака на лопатки. Он встал и представил Вольфу побежденного противника:

— НгашуТангис — один из моих шуринов.

Двою америндцев спешились и долго обнимали Кикаху, что-то взволнованно говоря Кикаха дождался, когда они замолчат, а затем заговорил так же длинно и торжественно, часто тыча пальцем в сторону Роберта. После пятнадцатiminутной речи, прерываемой изредка краткими вопросами, он с улыбкой повернулся к Вольфу:

— Нам повезло. Они отправляются в набег на ценаклов, которые живут недалеко от Деревьев Множества Теней. Я объяснил им, что мы здесь делаем, хотя кое-что утаил. Они не знают, что мы решили лягнуть самого властителя, и я не собираюсь им этого рассказывать. Но теперь им известно, что ты мой друг и что мы идем по следу Хрисеиды и гворлов. Я сказал индейцам, что нам помогает Подарга. Они испытывают к ней и ее орлицам огромное уважение и хотели бы по возможности оказать ей какую-нибудь услугу. А еще у них есть несколько свободных лошадей, так что выбирай себе любую

Мне не нравится только то, что ты не войдешь в вигвамы «медвежьего народа», а я не увижу своих двух жен — Гиу шовей и Ангванат. Но нельзя иметь все сразу.

Этот и следующий день отряд воинов скакал без пере дышки, меняя лошадей каждые полчаса. Вольф натер зад о седло — вернее, об одеяло. Но на третье утро он был в такой же форме, как и любой из хроваков, и мог оставаться на лошади целый день, уже не чувствуя боли во всех мышцах тела и даже в некоторых костях.

А утром четвертого дня отряд сделал вынужденную остановку на восемь часов. Путь ему преградило стадо гигантских бородатых бизонов; животные двигались плотной колонной в две мили шириной и десять миль длиной, создав барьер, который не мог преодолеть ни зверь, ни человек. Вольф нервничал, но остальные воины не слишком огорчались, потому что и всадники, и кони одинаково нуждались в отдыхе. Позади колонны бизонов они увидели около сотни охотников из племени шаникоцов, которые копьями и стрелами добивали отставших животных. Хроваки хотели напасть на них и перебить всю группу, но пылкая речь Кикахи удержала их от этого намерения. Как потом Роберт понял из слов Кикахи, люди «медвежьего народа» считали, будто каждый из них равен десятку мужчин любого другого племени.

— Они прекрасные воины, но слишком самоуверенные и надменные. Если бы ты только знал, сколько раз мне приходилось уговаривать их не ввязываться в историю, где они бы потерпели полное поражение!

Отряд хроваков поскакал дальше, но примерно через час их остановил НгашуТангис, бывший в этот день одним из разведчиков. Он мчался к ним, что-то крича и жестикулируя.

После быстрых расспросов Кикаха повернулся к Вольфу:

— Одна из птиц Подарги опустилась на дерево в двух милях отсюда и потребовала, чтобы НгашуТангис привел меня к ней. Сама она к нам прилететь не может: ее заклевала стая воронов, и орлица умирает. Поспешим!

Птица сидела на нижней ветви одинокого дерева. Ее когти обхватили тонкий сук, который согнулся под тяжестью огромного тела. Зеленые перья покрывала красно-черная засохшая кровь, один глаз был вырван. Другим же она грозно осматривала воинов «медвежьего народа», которые остановились на почтительном расстоянии. Она обратилась к Кикахе и Вольфу на микенском наречии:

— Я Аглай. Мы давно знакомы с тобой, Кикаха-обманщик. И я видела тебя, о Вольф, когда ты гостили у великолыкой Подарги, сестры моей и королевы. Именно она отправила многих из нас на поиски дриады Хрисеиды, гворлов и рога властителя. Но лишь мне одной удалось увидеть, как гворлы подходили к Деревьям Множества Теней по ту сторону прерий. Я налетела на них, надеясь застать врасплох и выхватить рог из волосатых рук. Но они заметили меня и встретили частоколом ножей, о которые я бы только поранилась. Тогда я взлетела на небо так высоко, что они не могли меня больше видеть. Но я, дальновидная попирательница небес, видела их по-прежнему прекрасно.

— Эти птицы надменны даже у порога смерти, — по-английски прошептал Кикаха. — И они имеют на это право.

Орлица выпила воду, которую он ей предложил, и продолжила рассказ:

— Когда наступила ночь, они разбили лагерь на краю рощи. Я спустилась на дерево, под которым, завернувшись в плащ из оленьей кожи, спала дриада. Плащ покрывала засохшая кровь, и я думаю, он принадлежал человеку, которого убили гворлы. Они освежевали тело убитого и намеревались зажарить его над своими кострами.

Я слетела на землю по другую сторону дерева и надеялась поговорить с дриадой, а возможно, даже помочь ей бежать. Но сидевший рядом с ней гворл услышал шелест моих крыльев. Он выглянул из-за дерева, и это стало его ошибкой, потому что мои когти вцепились ему в глаза. Гворл выронил нож и попытался отодрать меня от своего лица. И ему это удалось, но в моих когтях остались оба его глаза и часть бугристого лица. Тогда я предложила дриаде бежать, но она приподнялась, и плащ соскользнул с ее тела. Я увидела, что она связана по рукам и ногам.

Я скрылась в кустарнике, оставив гворла скулить и оплакивать свои глаза, а вместе с ними и жизнь, потому что его сбратья не станут обременять себя возней с ослепшим воином. Я проскакала по земле через рощу и выбралась в прерию. Там мне удалось взлететь, и я полетела в гнездовье «медвежьего народа», чтобы рассказать вам об этом, о Кикаха, и ты, о Вольф, возлюбленный дриады. Я летела всю ночь и весь день.

Но охотничья стая Очей Властителя заметила меня. Они летели высоко, солнце было мне в глаза, и я их не заметила. Они обрушились на меня, ничтожное подобие ястребов. Они застали меня врасплох. Я начала падать под градом ударов и

тяжестью дюжины врагов, вцепившихся в меня когтями. Я падала, переворачиваясь вновь и вновь, истекая кровью, истерзанная их острыми, как кремень, клювами.

И тогда я, Аглай, сестра Подарги, собралась с силами и стала защищаться. Я хватала каркающих воронов, откусывала им головы, вырывала крылья и ноги. Я перебила дюжину тех, кто вцепился в меня, но тут налетела остальная стая. И я сражалась до конца. Они гибли, но, умирая, убивали меня — и только потому, что их оказалось слишком много.

Наступило молчание. Орлица свирепо смотрела на людей уцелевшим глазом, но жизнь, как нить, покидала ее, пока не показалась пустая катушка смерти. Воины «медвежьего народа» притихли, и даже лошади перестали всхрапывать. Шепот ветра в небесах стал самым громким звуком.

Наконец Аглай снова заговорила слабым, но по-прежнему надменным резким голосом:

— Передайте Подарге, что ей не придется стыдиться за меня. И обещай мне, о Кикаха, — обещай без всякого обмана, — что Подарге обо всем расскажут.

— Я обещаю, о Аглай, — сказал Кикаха. — Твои сестры прилетят сюда и унесут твое тело далеко за грани ярусов в небеса. Тебя пустят плыть через бездну, где нет ни смерти, ни жизни, и ты будешь парить, пока не упадешь на солнце или не обретешь покой на луне.

— Я полагаюсь на твое слово, отважнейший среди людей, — прошептала она.

Голова птицы опустилась, и она рухнула вниз. Но железные когти вцепились в ветвь мертвый хваткой, и она, повиснув вверх ногами, закачалась взад и вперед. Крылья обвисли и раскрылись, кончики перьев задевали стебли травы.

Кикаха отдал несколько распоряжений. Двух воинов он отправил искать орлиц, чтобы известить их о смерти Аглай и передать им ее рассказ. Ему пришлось потратить некоторое время на то, чтобы обучить обоих краткой речи на микенском диалекте, но он ни словом не обмолвился о роге. Удовствовавшись в том, что посланники запомнили нужные фразы, он отправил их в путь. Но отряд задержался еще на какое-то время, подвешивая тело Атлаи на самую вершину дерева, где его не смогли бы достать плотоядные животные, кроме пумы и стервятников.

Для этого пришлось срубить сук, в который вцепилась орлица, и поднять тяжелое тело на верхние ветви. Там ее поставили на ноги и привязали к стволу сыромятными ремнями.

— Вот так! — произнес Кикаха, когда работа подошла к концу. — Ни одна тварь не приблизится к ней, пока она будет выглядеть живой. Все боятся орлиц Подарги.

На шестой день после встречи с Аглаей в полдень отряд надолго задержался у источника. Лошадям дали отдохнуть и вдоволь набить животы длинной зеленой травой. Кикаха и Вольф сидели бок о бок на вершине высокого холма и ели мясо антилопы. Вольф с интересом разглядывал небольшое стадо мастодонтов, которые паслись всего в четырехстах ярдах от них. Рядом с огромными слонами в траве затаился полосатый лев — девяностофунтовый экземпляр вида «фелис атрокс». Очевидно, лев выжидал момент, чтобы напасть на одного из детенышей.

— Гворлам чертовски повезло, что они добрались до леса в целости и сохранности, — сказал Кикаха. — К тому же они идут пешком. Между ними и Деревьями Множества Теней обитают ценаквы и другие племена. И еще есть Хинг-Гатаврит.

— Полукони? — спросил Роберт.

За несколько дней общения с хроваками он освоил потрясающее количество словарных единиц и уже начал понимать кое-что из сложного синтаксиса.

— Полукони. Hoi Kentauroi. Кентавры. Как и других чудо-вищ этого мира, их сделал властитель. Многочисленные племена полуконей обитают во всех уголках прерий Америндии. Некоторые из них говорят на языках скифов и сарматов, так как в качестве исходного материала для кентавров властитель использовал похищенных им жителей древних степей. Остальные племена переняли языки своих соседей-людей. И все они — с небольшим отклонением — придерживаются племенной структуры прерий.

Вскоре отряд воинов вышел на Великий Торговый путь. Тропа обозначалась в прерии вогнанными в землю столбами, которые устанавливались через милю друг от друга и венчались вырезанными из черного дерева изображениями Ишкветламму — тишкветмоакского бога торговли. Едва они выехали на Торговый путь, Кикаха велел отряду перейти в галоп и не останавливал индейцев до тех пор, пока тропа не осталась далеко позади.

— Если бы Великий Торговый путь вел к лесу, а не шел параллельно ему, нам бы и голову ломать не пришлось, — сказал он Вольфу. — Пока мы находимся на нем, нас никто

не потревожит. Путь — священное место, и это признают даже полуконы. Все племена покупают тут стальное оружие, одеяла, драгоценности, шоколад, высококачественный табак и тому подобные вещи. Они приобретают их у тишкветмоаков — единственного цивилизованного народа на этом ярусе. Я хотел поскорей пересечь Торговый путь, потому что не мог бы помешать хровакам остановиться на несколько дней для торговли, если бы нам повстречался торговый караван. Заметь, у наших храбрецов на лошадях мехов больше, чем нужно. Они взяли их на всякий случай. Но теперь все идет как нужно.

В течение шести дней отряд не встречал никаких признаков враждебных племен и лишь раз вдали промелькнули вигвамы иреннуиссоиков, раскрашенные в черно-красные полосы. Никто из воинов этого племени не отважился бросить им вызов, но Кикаха не успокоился до тех пор, пока они не проскакали несколько миль. На следующий день прерии начали меняться: ярко-зеленая трава высотой по колено постепенно сменялась голубоватой травкой, поднимавшейся над землей всего на несколько дюймов, и вскоре отряд скакал по холмистой голубой равнине.

— Это исконные земли полуконей, — предупредил Кикаха и выслал разведчиков в дальний дозор. — Не давайся живым, — напомнил он Роберту, — и особенно полуконям. Человеческие племена прерий могут пощадить тебя и принять в свои ряды, если у тебя хватит духу распевать веселые песни и плевать им в рожи, пока твои пятки поджариваются на медленном огне. Но полуконы не берут даже в рабство. У них ты будешь неделями выть под пытками.

На четвертый день после этого разговора, поднимаясь на вершину холма, они увидели впереди черную ленту.

— Это деревья, которые растут вдоль реки Виннакакнау, — сказал Кикаха. — Мы проехали почти полпути до Деревьев Множества Теней. Будем гнать лошадей, пока не доберемся до реки. У меня такое предчувствие, что запасы нашей удачи подошли к концу.

Внезапно он замолчал, заметив, как и все остальные, отблеск солнца на чем-то белом в нескольких милях справа. А потом белая лошадь их разведчика Сирепого Ножа исчезла в ложбине между холмами, и через несколько секунд на холме появилась черная лавина врагов.

— Полуконы! — закричал Кикаха. — Быстрее! К реке! Мы можем дать им отпор только среди деревьев!

ГЛАВА 9

В едином порыве отряд воинов пустился в галоп. Вольф пригнулся к шее коня, великолепного чалого жеребца, погоняя его, хотя тот в этом и не нуждался. Чалый вкладывал в бег всю душу — и равнина превратилась в размытое пятно. Несмотря на огромную скорость, Вольф продолжал поглядывать вправо. Белая кобыла Свирепого Ножа время от времени мелькала на холмах. Разведчик направлял ее под углом к движению отряда. А за ним менее чем в четверти мили, настигая его все больше и больше, мчалась орда полуконей. Их было около ста пятидесяти, а возможно, даже и больше.

Пришпорив золотистого жеребца с хвостом и гривой серебристого цвета, Кикаха подскакал к Вольфу

— Когда они нас догонят — а они догонят, — оставайся рядом со мной! Я построю отряд в колонну по два. Это классический маневр — проверенный и надежный. Таким образом каждый будет защищать бок другого!

Он отстал, чтобы передать приказ остальным. Вольф направил своего чалого следом за Лапами Росомахи и Спит Стоя. А позади, выстраиваясь в ряд, пытались держаться на равном расстоянии от него Белоносый Медведь и Большое Одеяло. Остальной отряд растянулся в полном беспорядке, но Кикаха с помощью младшего вождя Паучьи Ноги выстраивал воинов в линию.

Вскоре все сорок образовали неровную колонну Кикаха подскакал к Вольфу и закричал, перекрывая стук копыт и свист ветра:

— Хроваки глупы, как дикобразы. Они хотели развернуться и пойти в атаку на кентавров! Но я им втолковал, что к чему!

Слева навстречу скакали два других разведчика — Пьяный Медведь и Слишком Много Жен. Кикаха жестом велел им пристроиться в хвост. Но вместо этого два воина продолжали двигаться под прямым углом к колонне и промчались мимо задних рядов отряда

— Эти дурни думают, что могут спасти Свирепого Ножа!

Двоих разведчиков и Свирепый Нож сближались. От колонны их отделяло ярдов четыреста, и примерно на таком же расстоянии за ними катилась волна полуконей. С каждой секундой кентавры сокращали разрыв, без труда догоняя лошадей, обремененных всадниками. А когда они приблизились еще больше, Вольф наконец-то понял, что собой представляют полукони

Они действительно выглядели как кентавры, хотя художники Земли изображали их немного иначе. И неудивительно. Властителю, создавшему полуконей в своих биолабораториях, приходилось подстраиваться к реальности. В основном изменения диктовались потребностью организма в кислороде. Часть тела, взятая от животного, тоже нуждалась в воздухе, и этот факт упускали все традиционные земные изображения. Кислородом требовалось снабжать не только верхнюю, человеческую, часть — торс, но и нижнее звериное тело. Относительно небольшие легкие верхней части не могли бы обеспечить все тело необходимым количеством воздуха.

Вне всяких сомнений, желудок торса задерживал бы поступление продуктов в большое нижнее тело. И если бы к мощным пищеварительным органам последнего присоединили маленький желудок человека, питание превратилось бы в огромную проблему. А человеческие зубы быстро стерлись бы, перетирая траву.

Поэтому гибридные существа, которые теперь так грозно и быстро приближались к людям, не во всем совпадали со своими мифическими прототипами. Большие рты и толстые шеи пропорционально соответствовали огромному количеству потребляемого кислорода. Вместо человеческих легких в груди кентавров находился орган, который походил на кузнецкие мехи и гнал воздух через горлоподобное отверстие в большие легкие мощного, как у гиппопотама, тела. И так как вертикальный торс увеличивал потребность в кислороде, эти легкие были значительно крупнее лошадиных. Пространство для более мощных легких создавалось после удаления объемных, ориентированных на траву, пищеварительных органов и замены их на сравнительно меньший желудок плотоядного животного. Кентавры питались мясом, включая в свой рацион плот пойманых американцев.

Конская часть достигла размеров земного индейского пони. Шкуры были окрашены в красные, черные, белые, опаловые и пегие тона. Конские волосы покрывали все тело, кроме широких скуластых и большеносых лиц, которые выглядели в два раза крупнее лица обычного человека. Они напоминали увеличенные копии индейцев земных прерий — лица Римского Носа, Сидящего Быка и Бешеной Лошади. Их расцвечивала боевая раскраска, на головах красовались шляпы с перьями и щлемы из шкур буйвола, увенчанные рогами.

Вооружение кентавров ничем не отличалось от оружия хроваков. Исключение составлял один предмет — «бола» — два круглых камня, закрепленных на концах сыромятного

ремня. Стоило Вольфу подумать, что он станет делать, если болу бросят в него, как он тут же увидел разрушительную мощь этого оружия. Свирепый Нож, Пьяный Медведь и Слишком Много Жен встретились и скакали бок о бок примерно в двадцати ярдах впереди своих преследователей. Пьяный Медведь обернулся и выпустил стрелу. Она вонзилась чуть ниже человеческой груди одного из кентавров — выпуклый мехоподобный орган. Полуконь рухнул, перевернулся несколько раз и затих. Торс неестественно согнулся, что могло означать лишь перелом позвоночника. И это несмотря на то, что универсальное соединение кости и хряща в зоне слияния человеческого и лошадиного тел делало торс необычайно гибким.

Пьяный Медведь закричал и взмахнул луком. Он совершил свое первое убийство, и его подвиг будут много лет воспевать на совете старейшин непобедимого племени хроваков.

«Если только кто-нибудь из них останется в живых, чтобы рассказать об этом», — подумал Вольф.

Мельнуло несколько бол, раскрученных с такой скоростью, что камни стали почти не видны. Вращаясь, словно сорвавшиеся с вала пропеллеры самолета, они понеслись к своей цели. Камень на конце одной из них раздробил шею Пьяного Медведя и выбросил юношу из седла, оборвав на середине победную песню. Другая бора обернулась вокруг задней ноги его коня, и животное с шумом рухнуло на землю.

Роберт и несколько хроваков выпустили стрелы. Он не был уверен в точности своего выстрела — трудно прицелиться и метко выпустить стрелу, сидя на скачущей лошади. Но четыре стрелы угодили в цель — и четверо полуконей пали. Вольф тут же вытащил из колчана за спиной новую стрелу и мельком заметил, что Слишком Много Жен и его лошадь повалились наземь. Из спины воина торчала стрела.

Свирепого Ножа догнали. Но вместо того чтобы заколоть хровака копьями, полукони разомкнули строй и начали обходить его с флангов.

— Нет! — закричал Вольф. — Не давайся им!

Однако Свирепый Нож заслужил свое имя не без веских оснований. И если полукони хотели пленить индейца, чтобы подвергнуть пыткам, и потому не убили его, они дорого заплатили за свою ошибку. Он метнул длинный тишкаветмоакский нож в лошадиное тело ближайшего к нему полуконя. Кентавр закувыркался колесом. Свирепый Нож вытащил из

ножен тесак, но копье врага вонзилось в его лошадь, и он прыгнул на кентавра, нанесшего этот удар.

Вольф едва видел его сквозь массу тел. Свирепый Нож оседлал полукона. Кентавр чуть не упал при столкновении, но сумел сохранить равновесие и поскакал дальше. Свирепый Нож вонзил тесак в человеческую спину полукона. Мелькнули копыта, над волной тел взметнулся хвост, а затем круп и задние ноги раненого существа.

Вольф решил, что Свирепый Нож погиб. Но нет, тот каким-то чудом оказался на ногах, а затем вдруг оседлал другого кентавра, и на сей раз его нож сверкнул у самого горла врага. Скорее всего, он угрожал полуконо перерезать яремную вену, если тот не унесет его прочь от остальных.

Но копье, брошенное сзади, пронзило спину Свирепого Ножа. И все же, прежде чем пасть под копыта врагов, он выполнил свою угрозу и перерезал шею кентавра, на котором скакал.

— Я видел это! — закричал Кикаха. — Я видел подвиг Свирепого Ножа! После того, что он сделал, даже беспощадные полуконы не посмеют уродовать его тело! Они чтят врага, который дал им сокрушительный отпор. Хотя они, конечно, потом все равно поедают его.

ХингГатаврит приблизились к концу цепочки хроваков. Они разделились надвое и увеличили скорость, обгоняя людей с обеих сторон. Кикаха крикнул Вольфу, что полуконы сначала не будут атаковать их всеми силами. Они постараются немного поразвлечься с противником и дадут возможность молодым, не испытанным в бою воинам показать свою ловкость и храбрость.

Полуконы в черно-белое яблоко, чью голову украшала лента с единственным ястребиным пером, отделился от основной колонны слева. Раскручивая болу правой рукой и сжимая в левой оперенное копье, он поскакал, срезая угол, прямо на Кикаху. Камни на концах сыромуятного ремня превратились в размытый круг и вырвались из его руки. Кентавр направил болу вниз, в ноги коня.

Кикаха нагнулся и ловко удариł по боле наконечником копья. Удар оказался настолько своевременным, что пришелся как раз на середину ремня. Кикаха поднял копье, а бола все вертелась и вертелась, пока не намоталась на древко. Большую часть энергии поглотило длинное копье, но древко отнесло ударом по дуге в правую сторону, и оно чуть не задело Вольфа, которому даже пришлось пригнуться. Кикаха едва не выпустил копье, которое чуть не выскоцило из его

руки, увлекаемое инерцией болы. Но он удержал его и потряс копьем с болой на конце.

Со стороны двух колонн кентавров раздался рев одобрения и восхищения. Расстроенный полуконь яростно погрозил кулаком и хотел броситься на Кикаху с копьем, но его опередил подскакавший вождь. Он сказал юному воину несколько слов и с позором отправил его в задние ряды колонны. Рослого чалого вождя украшали многочисленные перья на шляпе и несколько пересеченных полосой черных шевронов, нарисованных на боках лошадиного тела.

— Атакующий Лев, — по-английски представил его Кикаха. — Он решил, что я достоин его внимания.

Кикаха что-то прокричал на языке вождя, а затем разразился смехом, когда темная шкура кентавра стала еще темнее. Атакующий Лев взревел и ринулся на обидчика. Правой рукой он нанес колющий удар пикой, но Кикаха отбил его копьем. Два древка отскочили друг от друга, и Кикаха молниеносно сорвал с левой руки небольшой щит из шкуры мамонта. Он парировал копьем еще один удар кентавра, а затем, словно диск, метнул кожаный щит. Тот мелькнул в воздухе и вонзился в правую переднюю ногу Атакующего Льва.

Кентавр споткнулся, упал на колени и заскользил по траве. Пытаясь подняться, он понял, что его правая передняя нога сломана. Воины его отряда закричали; дюжина вождей в широких шляпах устремилась к Атакующему Льву с копьями наперевес. А тот держался храбро и, сложив руки на груди, гордо ждал смерти, которая подобала великому, но ныне поверженному и раненому полуконю.

— Передайте по цепи: замедлить скачку! — приказал Кикаха. — Лошади долго не выдержат, их бока уже в пене. Возможно, нам удастся их немного поберечь и потянуть время, если полуконы захотят опробовать кого-нибудь из своих новобранцев. А если не захотят, какая разница?

— Тогда позабавимся на славу, — ответил Вольф. — По крайней мере, перед смертью можно будет сказать, что мы не скучали.

Кикаха подскакал поближе и хлопнул Вольфа по плечу.

— Ты запал в мое сердце, парень. И я счастлив, что познакомился с тобой. Ого! А вот и еще один необстрелянный! И он решил вызвать на бой Лапы Росомахи!

Лапы Росомахи, один из тестей Кикахи, скакал во главе колонны хроваков, как раз перед Вольфом. Он крикнул полуконю что-то обидное, и тот рванулся к нему, раскручивая болу. Хровак метнул копье, но полуконь, увидев летевшее

к нему оружие, выпустил болу чуть раньше, чем собирался. Копье пронзило его плечо, а бола обмоталась вокруг Лапы Ресомахи. Потеряв сознание от удара камня, он упал с коня.

Лошади Кикахи и Вольфа перепрыгнули через поверженное тело. Кикаха нагнулся вправо и проткнул индейца копьем.

— Они не получат удовольствия, пытая тебя, о Лапы Ресомахи! — воскликнул Кикаха. — И ты заставил их заплатить жизнью за свою жизнь.

Наступила пора поединков. Молодые, не бывшие в бою полуконы по очереди выскакивали из основной группы и бросали вызов одному из людей. Иногда побеждал человек, иногда — кентавр. И через тридцать кошмарных минут из сорока хроваков в живых осталось двадцать восемь. Когда подошла очередь Роберта, ему достался рослый воин, вооруженный палицей, усаженной стальными шипами. Воспользовавшись маленьkim круглым щитом, он попытался повторить трюк Кикахи, но прием ему не удался, так как Вольф отбил смертоносный диск острием копья. Однако человек на секунду замешкался, и этим не замедлил воспользоваться кентавр. Он подскочил к нему так близко, что Вольф уже не мог развернуться и занести копье.

Палица взлетела вверх; на острых кончиках шипов сверкнуло солнце. Огромное, грубо раскрашенное лицо кентавра щерилось триумфальной ухмылкой. Роберт не успел бы увернуться от удара, а попытавшись он перехватить палицу, его рука была бы раздроблена. Совершенно не задумываясь, он совершил поступок, который удивил не только кентавра, но и его самого. Возможно, Роберта вдохновил подвиг Свирепого Ножа. Он прыгнул с коня и, пролетев над палицей, обхватил кентавра за шею. Его враг пронзительно вскрикнул от страха. А потом они рухнули наземь, и сила удара сбила у обоих дыхание. Вольф вскочил на ноги, надеясь, что Кикаха поймет его коня за узду и поможет вновь взобраться в седло. Кикаха действительно держал коня, но он не думал подводить его к Роберту. Хроваки и полуконы остановились.

— Закон войны! — крикнул Кикаха. — Кто первый схватит оружие, тот и победит!

Роберт и кентавр, который к тому времени тоже пришел в себя, метнулись к палице, лежавшей примерно в тридцати футах от них. Скорость четвероногого была слишком велика для двуногого, и кентавр добежал до палицы первым, опередив Вольфа на десять футов. На скаку он нагнулся и подхватил оружие, а затем замедлил шаг и, резко развернувшись, встал на дыбы.

Вольф продолжал бежать. Он подскочил к полуконою и прыгнул на него, когда тот взвился на дыбы. Кентавр хотел нанести удар копытом, но Роберт увернулся, и нога лишь слегка задела его. Он с разбегу врезался в верхнюю часть тела полукона, и они оба снова упали.

Вольф ухватился правой рукой за шею кентавра и повис на ней, пока полуконь упорно пытался подняться на ноги. Кентавр потерял палицу и теперь надеялся одолеть человека голыми руками. Он снова ухмылялся, так как весил больше Вольфа по крайней мере на семьсот фунтов. Его торс, грудь и руки были намного массивнее, чем у Роберта.

Кентавр напирал, но Вольф напряг ноги и не сдвинул с места ни на шаг. Он все сильнее сжимал огромную шею, и полуконь начал задыхаться.

Кентавр выхватил нож, но Роберт поймал запястье противника другой рукой и вывернул его. Кентавр закричал от боли и выронил оружие.

Со стороны наблюдавших полуконон раздались возгласы удивления. Им никогда не доводилось видеть такую силу у обычного человека.

Вольф напрягся, рванул кентавра на себя и поставил его на передние колени. Потом нанес нижний резаный удар по тяжело вздывающимся мехам, и левый кулак глубоко вошел под ребра. Полуконь громко ухнул. Роберт ослабил захват, отступил на шаг и ударил кентавра справа по челюсти — тот уже был в полуобморочном состоянии. Голова его откинулась назад, полуконь рухнул как подкошенный, и прежде чем к нему вернулось сознание, Вольф раздробил череп противника его же палицей.

Роберт вскочил на коня, и всадники поскакали легким галопом. Какое-то время полуконы не нападали на людей. По-видимому, их вожди о чем-то совещались. Но что бы кентавры ни думали предпринять, через минуту они упустили свой шанс.

Отряд всадников перевалил через небольшой холм и спустился в широкую ложбину. Так уж случилось, что никто из воинов не заметил залегший там львиный прайд. Очевидно, двадцать с чем-то представителей вида «фелис атрокс» полакомились прошлой ночью протоверблюдом и, задремав, не обратили внимания на приближающийся стук копыт. Но теперь, когда незванные гости внезапно оказались на их территории, огромные кошки быстро перешли к действию. Ярость зверей увеличивалась желанием защитить своих детенышей.

Вольфу и Кикахе повезло. Несмотря на то что со всех сторон их окружали огромные полосатые тела, на них никто не кинулся. Но Роберта притерли к одному из самцов, и он успел разглядеть внушающие трепет подробности. Человек и зверь почти касались друг друга, а такого, пожалуй, и при желании не сделаешь. Размерами животное уступало лошади, но, несмотря на отсутствие привычной львиной гривы, величия и свирепости ему было не занимать. Он пробежал мимо Вольфа и набросился на ближайшего кентавра, который с воплем упал на землю. Огромные челюсти сомкнулись на горле поверженного. Но вместо того чтобы заняться трупом, как поступил бы лев в нормальных условиях, самец налетел на другого полукона и расправился с ним с той же потрясающей легкостью.

Все смешалось: рычали огромные кошки, ржали лошади, кричали люди и полуконы. Каждый сражался сам за себя, послав ко всем чертям предыдущую битву.

Вольфу, Кикахе и тем хровакам, которым посчастливилось уцелеть, потребовалось не больше тридцати секунд, чтобы выбраться из ложбины. Им не нужно было подгонять лошадей, наоборот, их приходилось даже сдерживать, чтобы не загнать насмерть перепуганных животных.

Позади на значительном расстоянии из ложбины выбирались ускользнувшие от львов кентавры. Вместо того чтобы броситься в погоню за хроваками, они отбежали от разъяренных кошечек на безопасное расстояние и остановились, оценивая урон. В конечном счете они потеряли не больше дюжины воинов, но бойня в ложбине сильно потрясла полуконей.

— Надо воспользоваться их замешательством! — закричал Кикаха. — Но если мы не доберемся до леса прежде, чем они снова догонят нас, нам всем конец! Кентавры больше не будут устраивать поединков. Они пойдут в атаку всем скопом!

Лес, к которому они стремились, по-прежнему казался таким же далеким, как и раньше. Вольф сомневался, что его лошадь, несмотря на ее великолепную стать, преодолеет это расстояние. Шкура жеребца потемнела от пота, дыхание с каждой минутой становилось тяжелее. Но он мчался вперед, словно машина из прекрасно закаленной плоти и духа, которая могла мчаться, пока не разорвется сердце.

Полуконы поскакали быстрым галопом, постепенно настигая людей. Через несколько минут они оказались в пределах досягаемости выстрела из лука. Несколько стрел, выпущенных преследователями, вонзились в траву, поэтому кентавры пока

воздерживались от стрельбы, понимая, что поразить на скаку удирающую мишень из лука весьма непросто.

Кикаха вдруг издал восторженный вопль.

— Не снижайте скорости! — закричал он остальным. — Да поможет нам дух Акджаудимиса!

Вольф недоуменно взглянул туда, куда указывал палец Кикахи. Все пространство перед ними покрывали тысячи чуть скрытых в высокой траве земляных холмиков, около каждого из которых сидело существо, похожее на полосатых степных собак.

В следующий миг хроваки ворвались в колонию животных, за ними следом мчались полуконы. Раздались вопли и крики; лошади и кентавры с грохотом падали на землю, попадая ногами в глубокие норы. Рухнувшие животные и полуконы лягались, ржали и пронзительно кричали от боли в покалеченных ногах. Кентавры, скакавшие позади первых, взвились на дыбы, пытаясь остановиться, но те, кто бежал следом, врезались в них на всем скаку. В одну минуту на границе поля степных собак образовался клубок переплетенных, брыкающихся четвероногих тел. Полуконы, которым повезло оказаться в задних рядах, остановились и смотрели на своих поверженных соплеменников. Затем они осторожно двинулись вперед, внимательно осматривая землю под ногами. Тем, кто сломал себе ноги и руки, они перерезали горло.

Хроваки, прекрасно понимая, что происходит у них за спиной, не стали медлить и оглядываться. Они мчались вперед, но скорость отряда значительно уменьшилась. У них осталось десять лошадей и двенадцать воинов — лошади Высокой Травы и Жужжит Как Пчела сломали ноги, но всадников подобрали более удачливые спутники.

Увидев это, Кикаха покачал головой. Вольф знал, о чем он подумал. Ему следовало бы приказать Высокой Траве и Жужжит Как Пчела слезть и бежать своим ходом, иначе не только они, но и подобравшие их воины окажутся легкой добычей кентавров. Но Кикаха сказал:

— Да к черту все! Я их не брошу!

Он натянул поводья, быстро переговорил со скакавшими в tandemе воинами и снова поравнялся с Вольфом.

— Пропадать, так всем вместе. Но ты, Боб, не обязан оставаться с нами. Твоя преданность может пригодиться где-нибудь в другом месте. И тебе нет смысла приносить себя в жертву ради нас, рискуя навсегда потерять Хрисеиду и рог

— Я остаюсь, — ответил Вольф.

Кикаха улыбнулся и хлопнул его по плечу.

— Я надеялся, что нам удастся добраться до леса, но ничего не получилось. А ведь мы почти у цели. До того большого холма впереди осталось полмили, но к тому времени, когда мы доберемся до него, они нас настигнут. Как жаль — от него до леса не больше полутора миль.

Колония степных собак осталась позади, холмики в траве исчезли столь же внезапно, как и появились. Хроваки пустили лошадей в галоп. А через минуту кентавры тоже мирились поле и изо всех сил бросились в погоню. На вершине холма люди остановились и стали выстраиваться в круг.

Вольф закричал и указал рукой туда, где пологий склон, переключая в луга, спускался к маленькой реке. Вдоль нее рос лес, но не он вызвал возбуждение Роберта. На берегу реки, почти скрытые деревьями, сияли на солнце вигвамы.

Кикаха присмотрелся и сказал:

— Это ценаквы. Смертельный враги «медвежьего народа» Впрочем, кто им не враг?

— Они собираются напасть на нас! — закричал Вольф. Наверное, их предупредили дозорные.

Он указал на беспорядочную группу всадников, внезапно выехавших из леса. Солнце озаряло белых лошадей, белые щиты и белые перья. Его лучи искрились на кончиках поднятых пик.

При виде их один из хроваков затянул высоким голосом печальную песню. Кикаха прикрикнул на него и, насколько понял Вольф, велел ему заткнуться. Не время для песен смерти — они еще обманут и полуконей, и ценаквов.

— Я хотел устроить здесь нашу последнюю стоянку, — сказал Кикаха. — Но все изменилось. Мы поскакаем к це наквам, затем срежем угол и уйдем от них к лесу вдоль реки И наша судьба будет зависеть от того, сойдутся наши противники в бою или нет. Если одна сторона откажется от схватки, другая уничтожит нас. Но если... Вперед!

Пронзительно завопив «Уай-и!», хроваки пришпорили лошадей и понеслись вниз по склону холма прямо на ценаквов. Роберт оглянулся через плечо и увидел, что полукони мчатся по склону вслед за ними.

— Вот уж не думал, что они попадутся на эту уловку! закричал Кикаха. — Много женщин будет выть сегодня ночью в вигвамах, и не только среди «медвежьего народа».

Хроваки приблизились к ценаквам настолько, что могли различить узоры на их щитах. Вольф даже не удивился, увидев черные свастики. Крючковатый крест был на Земле древним и широко распространенным символом; его знали

трянцы, критяне, римляне, кельты, норвежцы, индийские буддисты и брахманы, китайцы и вся доколумбовская Северная Америка. Он не удивился и тому, что скакавшие им навстречу индейцы оказались рыжеволосыми. Кикаха рассказал ему, что ценаквы специально перекрашивали свои черные волосы.

По-прежнему беспорядочной массой, но сбившись потеснее, ценаквы мчались, грозно опустив пики и издавая боевой клич, который имитировал крик ястреба. Кикаха во главе колонны хроваков поднял руку, подержал ее какое-то время над головой, а затем рубанул ею воздух. Его конь свернулся влево и помчался прочь, за ним последовала вся цепочка воинов «медвежьего народа»: он — голова, остальные — тело змеи.

Свернув почти под носом у врага, Кикаха рассчитал время с точностью до секунды. Пока полуконы и ценаквы с шумом врезались друг в друга, сплетаясь в рукопашном бою, хроваки, пользуясь суматохой, ускользнули. Они добрались до леса, замедлили ход, пробираясь между деревьями и сквозь подлесок, а затем перешли реку вброд. Кикаха начал спорить с несколькими воинами, которым захотелось незаметно переправиться через реку и совершить набег на вигвамы ценаклов, пока все мужское население отражало атаку полуконон.

— По-моему, есть смысл немного задержаться и прихватить свежих лошадей, — сказал Вольф. — Высокая Трава и Жужжит Как Пчела не могут долго скакать за спинами своих друзей.

Кикаха пожал плечами и отдал распоряжение. Набег занял пять минут. Хроваки вновь перешли реку и, выскочив из леса с громкими криками, рассеялись среди вигвамов. Женщины и дети кричали и прятались в жилищах или среди деревьев. Некоторые хроваки решили взять не только лошадей, но и легкую добычу. Кикаха пригрозил, что убьет каждого, кого поймает на краже чего-нибудь, кроме луков и стрел. Затем он склонился с коня и подарил хорошенкой боевитой женщине долгий поцелуй.

— Передай своим мужчинам, что я охотно завалил бы тебя на шкуры и заставил бы навек позабыть о жалких хлюпиках твоего племени! Но нас ждут дела поважнее!

Кикаха захотел и отпустил женщину, которая тут же убежала в свой вигвам. Он задержался еще ровно настолько, чтобы помочиться в большой котел для еды посреди лагеря, нанеся врагу смертельное оскорбление, затем приказал отряду отправиться в путь.

ГЛАВА 10

Они ехали две недели и наконец оказались на краю Деревьев Множества Теней. Здесь Кикаха устроил долгое прощание с хроваками. А потом каждый из них подходил к Вольфу и, положив руки на его плечи, произносил прощальную речь. Теперь он стал одним из них. Вернувшись в их племя, он получит дом, жену и будет выезжать с ними на охоту и войну. Роберт стал КвашингДа — силачом; он сражался бок о бок вместе с ними, он поборол самого сильного полукона, и ему дадут медвежонка, чтобы Роберт вырастил его как своего детеныща; он отмечен милостью властителя, у него будет много сыновей и дочерей, и так далее, и так далее.

Вольф степенно ответил, что не знает большей чести, чем быть принятым в племя «медвежьего народа». И он при этом не кривил душой.

Много дней прошло, но Роберт и Кикаха одолели Множество Теней. Однажды ночью их коней уволокло существо, отпечатки четырехпальых ног которого раз в десять превышали человеческие. Вольф пришел в ярость, потому что успел привязаться к лошади. Он хотел погнаться за Ваганассит и отомстить ему, но Кикаха при этом предложении лишь вскинул в ужасе руки.

— Будь счастлив, что и тебя не унесли! — воскликнул он. — Ваганассит покрыт полукремневой чешуей. Твои стрелы отскочат от нее. Забудь о лошадях. Мы можем когда-нибудь вернуться сюда и поохотиться на этих тварей. Их обычно заманивают в ловушку и жгут огнем. Мне бы тоже хотелось наказать его, но давай не будем терять голову. Пошли.

По другую сторону Множества Теней они соорудили каноэ и поплыли вниз по широкой реке, которая пересекала большие и малые озера. Всюду виднелись высокие холмы с крутыми утесами. Местность напоминала Вольфу лесистые долины Висконсина.

— Прекрасные земли, но здесь живут чакопевачи и энваддиты.

В течение тринадцати дней им трижды приходилось яростно грести, спасаясь от быстрых каноэ с грозными воинами. Затем они оставили лодку на берегу, пересекли широкую гряду высоких холмов, пробираясь в основном по ночам, и вышли к большому озеру. Сделав еще одно каноэ, они отправились в долгое плавание. Друзья не выпускали весел из рук и в конце концов через пять дней достигли Абхарплунты. Они начали медленное восхождение, столь же опасное, как и

подъем по первому монолиту. К тому времени, когда путники добрались до вершины, запас их стрел подошел к концу, и они страдали от нескольких неприятных ран.

— Теперь ты можешь понять, почему сообщение между ярусами такое ограниченное, — сказал Кикаха. — Конечно, прежде всего оно запрещено властителем. Но только запрет не мог бы удержать торговцев от попыток преодолеть границу. А что тогда говорить о непочтительных и склонных к авантюрам людях? Между гранью и Дракландией на несколько тысяч миль раскинулись джунгли, посреди которых то здесь, то там встречаются большие плоские возвышенности. Всего лишь в ста милях от нас протекает река Газирит. Мы отправимся к ней и попробуем сесть на какое-нибудь речное судно.

Они заготовили кремневые наконечники и древки для стрел. Вольф убил животное, которое напоминало тапира. Мясо оказалось немного жирным, но друзья наелись до отвала. Роберту не терпелось отправиться в путь, и его раздражала медлительность спутника.

Кикаха взглянул на зеленое небо.

— Я надеюсь, что одна из птичек Подарги заметит нас и прилетит, чтобы рассказать свежие новости. Ведь мы не знаем, в каком направлении движутся гворлы. Они идут к горе, и у них есть два пути. Можно пойти напрямик через джунгли, но этот маршрут не рекомендуется, поскольку очень опасен. А можно спуститься на лодке вниз по Газирит. Это тоже опасно, особенно для таких примечательных существ, как гворлы. Но за Хрисеиду здесь дадут большие деньги на рабов.

— Но мы не можем ждать орлиц целую вечность, — нетерпеливо произнес Вольф.

— Да, но нам этого и не придется делать, — ответил Кикаха.

Он указал наверх, и Роберт увидел, как в небе мелькнуло что-то желтое. Пятнышко исчезло, но через миг вновь появилось в поле зрения. Орлица стремительно падала вниз, сложив мощные крылья. Вскоре она приостановила падение и мягко спланировала на землю.

Орлицу звали Фтия. Она тут же заявила, что принесла хорошие новости. Она заметила гворлов и женщину Хрисеиду всего в четырехстах милях впереди. Гворлы сели на торговое судно и плыли по Газирит в страну «людей в доспехах».

— Ты видела рог? — спросил Кикаха.

— Нет, — ответила Фтия. — Но они, несомненно, прячут его в одной из кожаных сумок, которые несут с собой. Я вырвала одну сумку у гворла, надеясь, что рог может оказаться там. Но мне досталась целая куча барахла, и я чуть не получила стрелу в крыло.

— Разве у гворлов есть луки? — удивленно спросил Вольф.

— Нет. В меня стреляли речники.

Роберт спросил о воронах, и птица ответила, что их очень много. По-видимому, властитель приказал им постоянно присматривать за гворлами.

— Это плохо, — сказал Кикаха. — Если они заметят нас, нам не поздоровится.

— Они не знают, как вы выглядите, — успокоила их Фтия. — Я подслушала воронов, когда те разговаривали между собой. Мне пришлось спрятаться, хотя я сгорала от желания схватить их и разорвать на части. Но так мне приказала моя госпожа, и я выполняю ее приказы. Гворлы пытались описать вас Очам Властителя. И вороны ищут двух высоких путников, у одного из которых черные волосы, а у другого — бронзовые. Вот и все, что они знают, а под это описание подходит множество людей. Но вороны высматривают двух мужчин, идущих по следу гворлов.

— Я покрашу бороду, и мы достанем хамшемскую одежду, — воскликнул Кикаха.

Фтия засобиралась в обратный путь. Она спешила к Подарге с отчетом об увиденном и задержалась только для того, чтобы найти Кикаху и Вольфа, а в это время ее сестра продолжала наблюдать за гворлами. Кикаха поблагодарила орлицу и попросил выразить Подарге егоуважение. После того как гигантская птица скрылась за гранью монолита, люди вошли в джунгли.

— Ступай мягко и говори тихо, — предупредил Кикаха. — Здесь водятся тигры. Эти джунгли ими прямо кишат. И еще здесь обитают топороклювы. Эти бескрылые птицы так велики и свирепы, что от них удирают даже любимицы Подарги. Однажды я видел, как два тигра связались с топороклювом, и им бы пришел конец, если бы они вовремя не смылись.

Несмотря на предупреждение Кикахи, живность почти не встречалась, за исключением огромного числа птиц всех цветов и оттенков, нескольких обезьян и рогатых жуков размером с мышь, для которых у Кикахи нашлось лишь одно слово: «ядовитые». С тех пор перед сном Вольф каждый раз проверял свое ложе.

Прежде чем отправиться к ближайшему населенному пункту, Кикаха взялся за поиски растения губхараши. Он искал его полдня и в конце концов нашел несколько кустиков. После чего истолок волокна, сварил их, отжал черноватую жидкость и выкрасился ею с головы до ног, не забыв волосы и бороду.

— А что касается зеленых глаз, то я буду рассказывать сказку о матери-рабыне, которую якобы вывезли из Тевтонии, — заявил он. — На, держи. Тебе тоже не помешает немножко потемнеть.

Они вышли к полуразрушенному каменному городу и зашагали мимо приземистых широкоротых идолов. Горожане оказались невысокими, худощавыми темнокожими людьми, одетыми в темно-бордовые накидки и черные набедренные повязки. Мужчины и женщины смазывали длинные волосы маслом из молока пестрых коз, которые бродили по развалинам и ели траву, проросшую сквозь трещины в каменных плитах. Эти люди, кайдушанги, держали в маленьких клетках кобр и часто выпускали своих любимиц погулять. Еще они жевали дхиз — это растение красило зубы в черный цвет и делало взгляд затуманенным, а движения — медлительными. Изъясняясь на х'вайжуме, гибридном жаргоне речных людей, Кикаха затеял меняться со старейшинами. Он обменял на хамшемскую одежду ногу убитого им с Вольфом зверя, который чем-то напоминал гиппопотама. Оба путника облачились в красный и зеленый тюрбаны, украшенные перьями киггабаша, белые рубашки без рукавов, мешковатые пурпурные шаровары, кушаки, которые следовало несколько раз обматывать вокруг талии, и черные туфли с загнутыми носами.

Несмотря на одуревшие от дхиза мозги, старейшины оказались весьма практичными в вопросах обмена. И лишь когда Кикаха достал из мешка маленький сапфир — одну из драгоценностей, подаренных ему Подаргой, — они порылись в своих запасах, отыскали кривые сабли, похожие на ятаганы, в инкрустированных жемчугом ножнах.

— Надеюсь, что речное судно не задержится, — сказал Кикаха. — Теперь, когда кайдушанги узнали о моих камешках, нам могут попытаться перерезать глотки. Я сожалею, Боб, но ночью придется дежурить по очереди. Кроме того, они могут напустить на нас своих змей, чтобы те сделали за них грязную работу.

В тот же день из-за изгиба реки выплыл торговый корабль. Завидев двух путников, которые стояли на полуразрушенном пирсе и махали длинными белыми платками, капитан приказал бросить якорь и спустить парус.

Вольф и Кикаха сели в спущенную для них лодку, и их отвезли на «Хрилквюэ» — судно около сорока футов длиной, с низкой серединой и высокими палубами на носу и корме, с одним косым парусом и кливером. Матросы в основном принадлежали к шибакубской ветви хамшемского народа. Они говорили на наречии, фонологию и структуру которого Кикаха описал Роберту заранее, и тот почти не сомневался, что это архаическая форма семитского языка, подвергшаяся влиянию местных наречий.

Капитан Архюрель вежливо приветствовал гостей на полуяте. Он сидел, скрестив ноги, на куче подушек и богатых ковров и потягивал густое вино из крохотной чаши.

Кикаха, назвавшийся Ишнакрубелем, рассказал специально приготовленную на этот случай историю. Он и его спутник — человек, давший обет молчания до тех пор, пока не вернется к своей жене в далекую страну Шиашту, — провели несколько лет в джунглях, разыскивая легендарный затерянный город Зикуант.

Капитан удивленно поднял черные косматые брови и погладил темно-коричневую бороду, которая доходила ему до пояса. Усадив гостей и угостив их ахаштумским вином, он попросил их рассказать свою историю. Кикаха сверкнул глазами, усмехнулся и стал рассказывать. Вольф не понимал ни слова, но чувствовал, что его друг сам в восторге от своих богатых на подробности и приключения многословных выдумок. Он только боялся, что Кикаха войдет в раж, потеряет бдительность и капитан усомнится в правдивости его рассказа.

Час за часом каравелла плыла вниз по реке. Матрос с синяком под глазом, одетый лишь в алую набедренную повязку, тихо играл на флейте. Гостям принесли еду на серебряных и золотых тарелках — зажаренную обезьяну, фаршированную птицу, черный черстый хлеб и терпкое желе. Мясо показалось Вольфу чересчур приправленным специями, но он съел все до кусочка.

Солнце скатилось за гору. Капитан поднялся и повел гостей в маленькое святилище позади штурвала, где стоял идол Тартартар, вырезанный из зеленого нефрита. Капитан прочитал молитву, посвященную властителю, опустился на колени перед божком и отдал почтительный поклон. После чего сжег фимиам на крошечном огоньке, который горел в выемке на коленях Тартартара, и по всему кораблю распространилось благовоние. Единоверцы капитана встали на колени и забормотали слова молитвы. После них исполнили свои обряды те члены экипажа, которые поклонялись другим богам.

Гостей положили спать на средней палубе, куда капитан велел принести кучу выделанных шкур.

— Не нравится мне этот Архюрель, — задумчиво произнес Кикаха. — Я рассказал ему, что мы не нашли город Зикуант, зато обнаружили небольшой тайничок с сокровищами. Не Бог весть какое богатство, но достаточно, чтобы прожить без забот, возвратившись в Шиашту. Он не просил меня показать сокровища, хотя я обещал отдать ему за услугу большой рубин. Эти люди делают свои дела без спешки; торопливость в сделке означает оскорбление. Но жадность может победить гостеприимство и этику ремесла, если он решит, что крупный улов оправдывает наши перерезанные глотки и брошенные в реку тела.

Кикаха на мгновение умолк. С веток, нависавших над рекой, раздавались крики птиц; время от времени на мелководье и с берега ревели большие ящеры.

— Если он задумал какую-нибудь гадость, то сделает ее на следующей тысяче миль. Места здесь уединенные, но дальше города и деревни будут попадаться чаще.

На следующий день, сидя под навесом, сооруженным специально для гостей, Кикаха отдал капитану огромный рубин прекрасной огранки. За этот камень Кикаха мог бы купить у капитана все судно с командой в придачу и надеялся, что Архюрель будет более чем доволен. После такой сделки капитан при желании и сам мог бы удалиться на покой. А потом Кикаха сделал то, чего хотел бы избежать, но понимал, что без этого не обойтись. Он достал остальные камни: алмазы, сапфиры, рубины, гранаты, турмалины и топазы. Архюрель улыбнулся, облизнул губы и стал любовно перебирать драгоценности. Только через три часа он заставил себя вернуть их владельцу.

Ночью, перед тем как улечься спать на палубе, Кикаха развернул начертанную на пергаменте карту, которую ему удалось выпросить на время у капитана. Он показал на большой изгиб реки и постучал пальцем по кружку, обозначенному причудливыми завитушками слоговых символов хамшемского письма.

— Город Хотсикш. Люди, построившие его, как и тот город, из которого мы отплыли, давным-давно исчезли. Позже здесь поселилось полудикое племя визвартов. Когда корабль бросит там якорь, мы тихо сойдем ночью на берег, пересечем узкий перешеек и снова выйдем к реке. Возможно, нам удастся выиграть время и перехватить судно, на котором плывут гворлы. Но даже в худшем случае мы на много дней опередим

этот корабль и сядем на другое торговое судно. А если ничего не подвернется, мы наймем визвартский долбленый челнок и пару гребцов.

Через двенадцать дней «Хрилквюз» пришвартовался у солидного, но потрекавшегося пирса. На каменном причале толпились визварты и что-то кричали матросам, показывая им кувшин с дхизом и «золотым дождем», певчих птиц в деревянных клетках, обезьян и сервалов на поводках, предметы роскоши из разрушенных и брошенных в джунглях городов, сумки и кошельки, сделанные из пупырчатых шкур речных ящеров, плащи из тигровых и леопардовых шкур. У них был даже детеныш секиросяпина, за которого, они знали, капитан заплатит хорошие деньги и которого потом продаст королю шибакубов Бashiшбу.

Но главным товаром были женщины. Одетые с головы до ног в дешевые алые и зеленые хлопчатобумажные халаты, они разгуливали взад и вперед по пирсу. Женщины молниеносно распахивали халаты и тут же прикрывались ими вновь, громко выкрикивая цену найма на ночь и зазывая соскучившихся по женщинам матросов. Мужчины, одетые только в белые тюрбаны и фантастические на вид гульфики, стояли в стороне, жевали дхиз и ухмылялись. Каждый имел духовое ружье шести футов в длину и тонкий изогнутый нож, торчавший в спутанных узлах волос на макушке.

Во время торга между капитаном и визвартами Кикаха и Вольф бродили по циклопическим развалинам города. Внезапно Роберт предложил:

— Камни у тебя с собой. Так почему бы нам не взять проводника-визвarta и не уйти прямо сейчас? Зачем нам ждать ночи?

— Мне нравится ход твоих мыслей, — сказал Кикаха. — Ладно. Идем.

Они нашли высокого худого человека по имени Вайвин, который с энтузиазмом принял их предложение, когда Кикаха показал ему топаз. По настоянию двух путников он провел их прямо в джунгли, не предупредив о своем уходе даже жену. Визварт хорошо знал тропы и, сдержав обещание, за два дня довел их до города Киррукшак. В конце пути он потребовал еще один камень, пообещав в этом случае никому ничего о них не рассказывать.

— Этого я тебе не обещал, — сказал Кикаха. — Но мне нравится дух свободного предпринимательства, который ты, друг мой, столь прекрасно проявляешь. Поэтому вот тебе еще один камешек. Но если ты попросишь третий, я тебя убью.

Вайвин улыбнулся, с поклоном взял второй топаз и быстро ушел в джунгли. Глядя ему вслед, Кикаха сказал:

— Может быть, мне все же следовало его убить. В лексиконе визвартов нет слова «честь».

Друзья пошли по развалинам. В течение получаса они карабкались по обвалившимся зданиям и протискивались через завалы, пока не оказались в речном районе города. Здесь толпилось множество долинзов, чья народность принадлежала к той же языковой группе, что и визварты. Но мужчины отличались длинными вислыми усами, а женщины красили верхнюю губу в черный цвет и носили в носу медные кольца. С ними находилось несколько торговцев из страны, которая объединяла название всех людей, говорящих на хамшемском языке.

У пирса не оказалось ни одной речной каравеллы. Увидев это, Кикаха остановился и хотел было повернуть обратно к развалинам. Но он немного запоздал — хамшемы заметили его и подозвали путешественников.

— Веди себя как можно более вызывающе, — шепнула Кикаха Вольфу. — Если я начну кричать, беги как от самого черта! Эти парни торгают рабами.

Каждый из тридцати хамшемов имел ятаган и кинжал. Их сопровождало около пятидесяти солдат — высоких, широкоплечих, с более светлой кожей. Лица и плечи воинов украшали татуировки из спиральных узоров. Кикаха объяснил, что хамшемы часто пользуются услугами шолкинских наемников — знаменитых копьеносцев из горного племени погонщиков овец, которые превратили своих женщин в рабынь и считали, что те в состоянии лишь вести домашнее хозяйство, работать в поле и воспитывать детей.

— Не давайся им живым, — предупредил напоследок Кикаха и тут же, улыбаясь, поздоровался с предводителем хамшемов.

Этого высокого сильного человека звали Абиру. Его лицо можно было бы назвать красивым, если бы не слишком большой нос, изогнутый, как ятаган. Он ответил Кикахе достаточно вежливо, но большие черные глаза оценивали путников как несколько фунтов пригодной для продажи плоти.

Кикаха рассказал ему историю, которую придумал для Архюреля, но значительно сократил ее, ни слова не сказав о драгоценных камнях. Напоследок он сообщил, что они будут ожидать прихода торгового судна, на котором отправятся в Шиашту. Затем Кикаха поинтересовался, как идут дела у великого Абиру.

(К тому времени навык Роберта в изучении языков помог ему немного разобраться в хамшемском наречии, особенно когда беседа шла в пределах обычного разговора.)

Абиру ответил, что благодаря властителю и Тартартару его деловое предприятие оказалось очень прибыльным. Кроме обычного ассортимента рабов он захватил в плен группу странных существ и женщину исключительной красоты. Ничего подобного в мире до сих пор не видывали. Во всяком случае на этом ярусе.

Сердце Вольфа забилось сильнее. Неужели это возможно?

Абиру спросил, не хотят ли они взглянуть на пленников.

Кикаха бросил на Вольфа предостерегающий взгляд и ответил, что ему не терпится посмотреть на странных существ и сказочно красивую женщину. Абиру поманил к себе капитана наемников и велел взять для их сопровождения десять воинов. Тут и Роберт почувствовал опасность, о которой Кикаха предупреждал не раз. Он понимал, что можно попытаться убежать, но вряд ли бы им это удалось. А шолкинам, очевидно, не раз доводилось останавливать беглецов меткими копьями. Ко всему прочему Роберту отчаянно хотелось увидеть Хрисеиду. И поскольку Кикаха не предпринимал никаких действий, он решил последовать его примеру, во всем положившись на опыт друга, который, видимо, лучше знал, как вести себя в подобной ситуации.

Абиру, любезно болтая о прелестях столичной жизни Хамшема, провел их по заросшей кустарником улочке к огромному спиральному зданию с разбитыми статуями на парапетах этажей. Он остановился перед входом, около которого разгуливали еще десять шолкинов. Не успели они войти, как Вольф почувствовал близость гвялов. Перекрывая вонь немытых человеческих тел, вокруг расползлся гнилостный запашок бугристого народа.

Внутреннее помещение оказалось огромным, прохладным и едва освещенным. У дальней стены на кучах мусора, усыпавшего каменный пол, сидели в ряд сто мужчин и женщин. Среди них находились тридцать гвялов. Всех пленников соединяли длинные и тонкие цепи, продетые в железные ошейники каждого из рабов.

Вольф поисками глазами Хрисеиду. Ее здесь не было.

Отвечая на невысказанный вопрос, Абиру лукаво произнес:

— Женщину с глазами кошки я держу отдельно. У нее есть служанка и особая охрана. Она как драгоценный камень окружена заботой и вниманием.

— Мне бы хотелось увидеть ее, — воскликнул Вольф, не в силах сдержать чувств.

Абиру взглянул на него:

— У тебя странный акцент. Почему же твой спутник сказал, что ты тоже из страны Шиашту? — Он махнул рукой наемникам, и те тут же двинулись вперед с копьями наперевес. — Не беспокойся. Если ты так хочешь посмотреть на эту женщину, то увидишь ее с другого конца цепи.

Кикаха возмущенно закричал:

— Мы подданные короля Хамшема и свободные люди! Ты не можешь так с нами поступить! Это будет стоить тебе головы после всех пыток, которые предусматривает закон за подобное преступление.

Абиру засмеялся:

— А я не намерен тащить вас обратно в Хамшем, дружок. Мы отправляемся в Тевтонию, где за тебя отвалят хорошие деньги, потому что ты человек сильный, хоть и слишком много говоришь. Но мы можем исправить этот недостаток, подрезав тебе язычок.

У путников отобрали ятаганы и дорожный мешок. Подталкивая копьями, подвели к концу шеренги, усадили рядом с гврлами и надели железные ошейники. Абиру вывалил на пол содержимое их мешка и, увидев горсть драгоценностей, радостно выругался.

— Так, значит; вы что-то нашли в затерянных городах! О, как нам повезло. Вы обогатили меня, и мне даже захотелось — правда, лишь на миг — отпустить вас с миром.

— Неужели можно быть таким бацальным? — прошептал по-английски Кикаха. — Он говорит, как злодей из второсортного фильма. Черт бы его побрал! Если у меня появится возможность, я отрежу ему вместе с языком и кое-что другое.

Довольный неожиданным богатством, Абиру ушел. Вольф осмотрел цепь, соединявшую ошейники. Ее составляли небольшие звенья, и он мог бы разорвать их, если только железо не слишком высокого качества. На Земле Роберт иногда забавлялся тем, что тайком от всех разрывал такие цепи. Но он решил не испытывать прочность железа до наступления ночи.

За спиной Вольфа раздался голос Кикахи:

— Гврлы не узнали нас в этом гриме, поэтому пусть все так и остается.

— А как насчет рога? — спросил Вольф.

Кикаха попытался вовлечь в разговор сидящих рядом гврлов, обращаясь к ним на тевтонском наречии ранней средне-

вековой Германии. Но, чуть не получив плевок в лицо, он оставил эту затею. Зато ему удалось переговорить с одним из шолкинских солдат и с несколькими рабами-людьми.

Гворлы плыли на корабле «Какииржуб», которым управлял капитан Ракхамен. Прибыв в этот город, капитан познакомился с Абиру и пригласил его на корабль посидеть за чашей вина. Той же ночью — фактически перед тем, как Вольф и Кикаха появились в городе, — Абиру и его люди захватили судно. Во время схватки капитана и нескольких матросов убили. Остальная команда сидела теперь на цепи. А корабль отправили вниз по реке в одну из многочисленных проток для продажи его речному пирату, о котором проведал Абиру.

Что касается рога, никто из команды «Какииржуба» о нем ничего не слышал. Шолкинский наемник не рассказал ничего нового.

Кикаха шепнул Вольфу, что, по его мнению, Абиру вряд ли позволит кому-нибудь узнать об инструменте. Все слышали легенды о роге властителя, и он, видимо, узнал его. Предмет являлся святыней универсальной религии мира и описывался во многих духовных текстах.

Наступила ночь. Наемники внесли факелы и еду для рабов. После еды в помещении остались только двое шолкинов, и наверняка какое-то их количество стояло на страже снаружи. Санитария напрочь отсутствовала; запах стоял удушающий. Очевидно, Абиру не очень-то заботился о соблюдении правил, установленных властителем. Но некоторые из более религиозных шолкинов начали возмущаться, и к ним на уборку прислали группу долинзов. На каждого раба выплеснули бадью воды, а несколько ведер оставили для питья. Когда водой окатили гворлов, они подняли вой и долго еще после этого ругались и ворчали. Кикаха пополнил запас знаний Вольфа, сообщив ему, что гворлы, подобно сумчатым крысам и многим пустынным животным Земли, совершенно не нуждаются в воде. Особая биологическая система, такая же, как у некоторых обитателей засушливых зон, окисляла их жир, превращая его в необходимую окись водорода.

Взошла луна. Рабы спали, прислонясь к стене или растянувшись на полу. Кикаха и Вольф тоже притворились спящими. Когда луна показалась в дверном проеме, Роберт толкнул приятеля и прошептал:

— Я хочу попробовать разорвать свою цепь. Если у меня не хватит времени разорвать и твою, нам придется действовать как сиамским близнецам.

— Давай, — тихо ответил Кикаха.

Длина цепи между каждой парой ошейников составляла около шести футов. Вольф медленно двигался к ближайшему гвярлу, пока цепь между ними не провисла. Кикаха полз вслед за ним. На это ушло около пятнадцати минут: они не хотели, чтобы двое часовых, оставшихся в помещении, заметили их перемещение. Вольф повернулся спиной к охранникам и схватил цепь обеими руками. Он потянул ее, пробуя прочность, и понял, что звенья сделаны на совесть. Медленно натянув цепь, разорвать ее Вольф не смог. Пришлось резко рвануть. Звенья с шумом разорвались.

Двое шолкинов прервали громкую беседу и смех, которыми отгоняли друг от друга дремоту. Вольф не смел обернуться и взглянуть на них. Он ждал, а шолкины гадали, что бы это могло быть. Им даже не приходило в голову, что это звук порванной цепи. Какое-то время, подняв вверх факелы, они разглядывали потрескавшийся потолок, затем один из них отпустил шутку, другой засмеялся, и они возобновили прерванный разговор.

— Не хочешь дернуть и мою? — спросил Кикаха.

— Не хочу, но если я этого не сделаю, мы окажемся в дурацком положении, — ответил Вольф.

Пришлось немного подождать, потому что гвярл, с которым его прежде связывали оковы, проснулся от звука лопнувшей цепи. Он поднял голову и что-то проворчал на своем скрежещущем языке. Вольф даже вспотел. Если тварь сядет или попытается встать, обнаружится, что звенья оборваны.

Тревога сжала сердце тисками, но через минуту гвярл улегся и вскоре снова захрапел. Роберт немного расслабился. Поведение гвярла навело на одну мысль, и он мрачно усмехнулся.

— Сделай вид, что замерз и хочешь погреться, и подползи ко мне поближе, — тихо сказал Вольф.

— Ты, наверное, шутишь? — отозвался шепотом Кикаха. — Тут душно, как в парилке. Ладно. Уже лезу.

Он осторожно придвинулся, и его голова оказалась возле колен Вольфа.

— Когда я порву цепь, не торопись бежать, — сказал Роберт. — Я знаю, как подманить охрану, не потревожив тех, кто снаружи.

— Надеюсь, они не вздумают менять караул, когда мы начнем действовать, — пошутил Кикаха.

— Ну, молись Богу, — прошептал Роберт. — Только нашему, земному.

— На Бога надейся, а сам не плошай, — пробурчал в ответ Кикаха.

Вольф рванул цепь изо всех сил; звенья с шумом лопнули. Охрана снова замолчала, а гворт резко подскочил. Роберт сильно укусил его за палец ноги. Тварь не закричала, но, что-то проворчав, начала подниматься. Один из караульных приказал гворту сесть, и оба шолкина двинулись к нему. Страшилище не понимало их языка, но его убедили поднятые копья и тон угрожающих голосов. Он поднял ногу и начал растирать ее, осыпая Вольфа проклятиями.

Под ногами охранников захрустел мусор и мелкие камни, свет от факелов заблестел на стене.

— Давай! — рявкнул Вольф.

Он и Кикаха вскочили на ноги, стремительно развернулись и оказались лицом к лицу с растерявшимися шолкинами. Наконечник копья почти касался Роберта. Он быстро схватил древко и дернул на себя. Кардинальный открыл рот и хотел закричать, но тупой конец копья помешал ему это сделать, захлопнув челюсть резким ударом снизу.

Кикаха оказался менее удачливым. Шолкин отступил назад и занес копье для броска. Кикаха кинулся на него, как защитник на игрока с мячом, и упал караульному в ноги; они покатились кувырком, и копье ударило в стену.

Тишину разорвали крики одного из охранников. Гворт поднял упавшее рядом копье и метнул его. Наконечник вошел в глотку шолкина.

Кикаха рывком высвободил копье, вытащил из ножен тесак убитого часового и послал его в цель. Лезвие по рукоятку впилось в солнечное сплетение вбежавшего снаружи шолкина. Увидев его гибель, другие караульные, бежавшие следом, поспешили отступили. Вольф забрал нож убитого им охранника, сунул лезвие за кушак и спросил:

— Куда теперь пойдем?

Кикаха вырвал тесак из груди часового и вытер окровавленную сталь о волосы трупа.

— Только не через эту дверь. Там их слишком много.

Роберт показал на дверь в дальнем конце помещения и бросился к ней. По пути он подобрал выпавший из рук охранника факел. Кикаха сделал то же самое. Дверной проем был завален мусором, и беглецам пришлось пробираться на четвереньках. Вскоре они оказались в зале с обвалившимся

потолком. Сквозь дыру в каменных плитах над головой струился свет луны.

— Они наверняка знают об этом выходе! — прокричал Роберт. — Не могли же они быть настолько беззаботными. Нам лучше пока оставаться внутри.

Как только беглецы пересекли пространство под брешью в потолке, наверху замелькали факелы. Друзья побежали изо всех сил, а на краю отверстия зазвучали возбужденные голоса шолкинов. Секунду спустя, едва не попав в ногу Вольфа, в мусор воткнулось копье.

— Теперь они знают, что мы ушли из того большого зала, и бросятся за нами в погоню, — сказал Кикаха.

Они побежали дальше, выбирая ответвления, которые могли вывести их к безопасному выходу. Внезапно пол под ногами Кикахи провалился. Он зацепился за край другого каменного блока и попытался подтянуться, но это ему не удалось. Противоположный конец большой плиты начал подниматься. Кикаха вновь соскользнул вниз, его тело повисло над дырой. Он закричал, выпустил факел и сорвался вниз.

Вольф ошеломленно уставился на поднявшуюся плиту и пролом под ней. Отверстие заполняла темнота. Скорее всего, факел погас при падении, или дыра оказалась настолько глубокой, что свет терялся далеко внизу. Застонав от горя, Роберт пополз к краю и, держа факел в вытянутой руке, заглянул вниз. Шахта, ширина которой достигала десяти футов, а глубина всех пятидесяти, оказалась заваленной мусором и обломками плит. Кикаху он не увидел, как и не увидел никаких следов, отмечавших место его падения.

Вольф окликнул друга по имени, но услышал лишь крики шолкинов, рыскавших по коридорам.

Он еще раз позвал Кикаху, как можно дальше свесился в дыру и осмотрел провал более основательно. Все его попытки осветить темное дно ни к чему не привели, но он разглядел упавший и погасший факел.

Некоторые участки на дне ямы оставались темными, как будто около самых стен были дыры. Возможно, Кикаха свалился в одну из них, подумал Вольф.

Голоса преследователей стали громче, и из-за угла в конце коридора показались первые дрожащие отблески факела. Роберт не мог больше ждать. Он переполз на другую сторону пролома, приподнялся на цыпочки и прыгнул. Он почти горизонтально перелетел через пролом, упал на торчащий конец плиты, сбив с торца влажную глину, и, навалившись всем телом, вернулся

каменный блок на место. Его ноги торчали над краем пролома, но опасность миновала.

Подобрав все еще горевший факел, Роберт пополз вперед. В конце коридора он нашел проход, полностью засыпанный упавшей с потолка глиной. Дверь накрыло огромной плитой из гладкого обтесанного камня, которая застряла в коридоре под углом в сорок пять градусов. Немного ободрав кожу на груди и спине, Вольф протиснулся в щель между камнем и глиной. За дверью находилось огромное помещение, в несколько раз превышающее по размерам тот зал, где держали рабов.

В противоположном конце валялась груда обвалившихся каменных плит. Роберт поднялся по ним до щели между стеной и потолком, в которую лился лунный свет. Через пролом можно было выбраться наружу. Вольф погасил факел. Свет могли заметить шолкины, рыскавшие на верхних этажах здания. Застыв на узком выступе под щелью, он прижался к стене и какое-то время внимательно прислушивался. Если свет факела заметили, его могут поймать, пока он будет вылезать из дыры, и ему не удастся оказать им никакого сопротивления. Но, услышав далекие крики и понимая, что другого выхода нет, Вольф все-таки полез в отверстие.

Он оказался почти на вершине глиняной насыпи, которая скрывала под собой часть здания. Ниже пылали факелы. В их свете он заметил Абиру, который грозил наемнику кулаком и что-то кричал.

Вольф взглянул на глину под ногами и представил камни и пустоты, которые скрывались в глубине. Он представил шахту, на дне которой Кикаха встретил свою смерть.

Роберт поднял копье и прошептал:

— Ave atque vale, Кикаха!

Ему страстно хотелось отомстить за друга и отнять у шолкинов еще несколько жизней, особенно жизнь Абиру. Однако он усмирил ярость и нетерпение. Потому что была Хрисеида и был рог. Но в сердце закралась пустота и слабость, словно он оставил здесь часть своей души.

ГЛАВА 11

Ночь Роберт провел недалеко от города, скрываясь в ветвях высокого дерева. Он решил последовать за работоговцами, при первом удобном случае спасти Хрисеиду и забрать рог. Караван должен был пройти по тропе, рядом с которой он затаился. Только она вела в Тевтонию.

Наступило утро, а Вольф ждал, страдая от голода и жажды. В полдень он потерял терпение. Вряд ли его до сих пор разыскивают в руинах. Вечером Роберт решил ненадолго отлучиться, чтобы напиться воды. Он спустился с дерева и направился к ближайшему ручью. Но рычание животных заставило его взобраться на другое дерево. Вскоре из кустов появилось семейство леопардов, пришедших на водопой. И когда звери наконец напились и исчезли в кустах, солнце почти укатилось за монолит.

Роберт вернулся к тропе, зная, что на таком небольшом расстоянии он бы не мог не заметить длинный караван рабов и надсмотрщиков. Но никто так и не появился. Тогда он прокрался по развалинам к зданию, из которого бежал прошлым вечером. Там тоже никого не оказалось. Убедившись, что все ушли, Вольф стал бродить по заросшим переулкам и улицам и бродил до тех пор, пока не наткнулся на человека, сидевшего под деревом. Одурманенный дхизом, тот почти ничего не соображал, но Роберт, надавав ему пощечин, быстро привел туземца в чувство. Приставив нож к горлу мужчины, он допросил его. Несмотря на ограниченное знание хамшемского языка и еще меньшие навыки в наречии долинцев, Вольф выяснил все, что хотел: Абиру с отрядом утром уплыли на трех больших боевых каноэ с наемными долинскими гребцами.

Ударом кулака Вольф свалил человека наземь и зашагал к пирсу. На пристани не оказалось ни души, и у него появилась возможность выбрать для себя судно по вкусу. Роберт взял узкую легкую лодку с парусом и отправился вниз по реке.

Через две тысячи миль он пересек границу между Тевтонией и цивилизованным Хамшемом. Следуя за караваном, Вольф проплыл триста миль по реке Газирит, а затем шел по суше. Он мог бы давно догнать медленно двигавшуюся вереницу людей, но трижды терял след и время от времени скрывался от тигров и топороклювов.

Тропа шла вверх. Неожиданно из джунглей возникло горное плато. Для человека, дважды преодолевшего подъем в тридцать тысяч футов, восхождение на шеститысячник не составило труда. Поднявшись на плоскогорье, Роберт оказался в совершенно другой стране. Правда, температура воздуха оставалась той же, и росли здесь дубы, платаны, тис, самшит, грецкий орех, хлопковое дерево и липа. Только вот животные не соответствовали привычной флоре. Не прошел

он и двух миль по сумраку дубового леса, как ему пришлось спрятаться.

Мимо него медленно прошествовал дракон. Увидев человека, он зашипел и двинулся дальше. Чудовище во многом напоминало традиционные западные изображения. Его длина достигала сорока, а высота — десяти футов. Тело покрывали большие чешуйчатые пластины. Но он не дышал огнем. Остановившись в сотне ярдах от дерева, в ветвях которого прятался Вольф, он принял обедать высокую траву. Так, подумал Вольф, значит, здесь несколько видов драконов. И усомнившись в том, что ему удастся отличить плотоядный тип от травоядного, он решил впредь знакомиться с ними из безопасного и хорошо защищенного места.

Вольф спустился с дерева. Дракон продолжал чавкать, набивая травой желудок, а может быть, и желудки, издавая при этом утробные звуки, которые напоминали слабые раскаты грома.

Теперь Роберт намного осторожнее проходил под ветвями гигантских деревьев и свисавшими с них водопадами зеленого мха. На рассвете следующего дня он вышел из леса. Перед ним простирался пологий спуск. Местность просматривалась на многие мили вперед. Справа в низине протекала река. На противоположной стороне виднелся крохотный замок, венчавший колонну зубчатой скалы. У подножия скалы располагалась небольшая деревня. При виде дымков, тянувшихся из труб, у Роберта перехватило горло. Ему казалось, что на свете нет ничего лучше, чем сидеть за столом и болтать с друзьями ни о чем, наслаждаясь завтраком и чашкой кофе после доброго сна в мягкой постели. О Господи! Как он соскучился по обычным человеческим лицам и голосам, приюту, где бы ему никто не угрожал!

По его щекам сбежали несколько слезинок. Он смахнул их и продолжил путь. Выбор сделан, и ему остается принимать хорошее наряду с плохим — точно так же, как он поступал на отвергнутой им Земле. А этот мир, особенно сейчас, казался не таким уж и плохим — свежий, зеленый, без телефонных линий и рекламных щитов, газет и консервных банок, разбросанных повсюду, без смога и угрозы атомного взрыва. Как бы плохо ему здесь ни приходилось, он многое мог бы сказать в пользу этого мира. И Роберт обладал здесь тем, за что многие продали бы душу, — он обрел молодость, сохранив опыт зрелых лет.

Однако уже через час он начал сомневаться, что ему удастся сохранить столь бесценный дар. Вольф вышел на

узкую пыльную дорогу и зашагал по ней, как вдруг из-за поворота в сопровождении двух ратников появился рыцарь. Его огромную черную лошадь частично прикрывали латы. На рыцаре сияли черные пластинчато-кольчужные доспехи, которые напомнили Роберту образцы амуниции германских воинов тринадцатого века. Приподнятое забрало открывало мрачное ястребиное лицо с ярко-голубыми глазами.

Рыцарь натянул поводья и окликнул Вольфа на языке средневековой Германии, с которым тот освоился благодаря Кикаке и своей профессии на Земле. Язык, конечно, кое в чем был видоизмененным и пестрел заимствованными словами из хамшемского и других местных наречий. Тем не менее Вольф разобрал большую часть того, что ему говорил всадник.

— Стой смирно, урод! — закричал рыцарь. — Как ты посмел появиться здесь с луком?

— С позволения вашей августейшей светлости, я охотник, — язвительно ответил Роберт, — и потому имею королевское разрешение носить свой лук.

— Ты лжец! Я знаю всех законных охотников на много миль вокруг. И ты такой темный, что выглядишь как сарацин или даже идш. Брось лук и сдавайся, или я зарублю тебя, как свинью, которой ты, собственно говоря, и являешься.

— Если тебе нужен мой лук, попробуй забрать его, — ответил Вольф, едва сдерживая закипевшую ярость.

Рыцарь взял копье наперевес и пустил коня галопом.

Роберт подавил желание отпрянуть в сторону или отбежать назад, уклоняясь от блестящего наконечника копья. То, чего он ждал, произошло за долю секунды. Он рванулся вперед — копье опустилось, чтобы пронзить его, но прошло в дюйме над ним и воткнулось в землю. Словно прыгун с шестом, рыцарь вылетел из седла и, все еще цепляясь за древко, описал в воздухе дугу. Первой завершила полет его голова в шлеме. Должно быть, при падении он сломал себе шею или позвоночник, поскольку, упав, рыцарь больше не шевелился.

Вольф не стал терять время даром. Он снял с рыцаря меч в ножнах и застегнул пояс на своей талии. Конь убитого, великолепный чалый жеребец, вернулся и остановился рядом с мертвым хозяином. Вольф сел на него и поскакал дальше.

Тевтония получила свое название в честь завоевавшего ее Тевтонского ордена, или тевтонских рыцарей госпиталя святой Марии в Иерусалиме. Орден возник во время третьего крестового похода, но позже отклонился от первоначальной цели. В 1229 году Немецкий орден начал завоевание Пруссии

с целью обращения в христианство прибалтийских язычников и подготовки земель к колонизации. Один из отрядов ордена попал на этот ярус планеты либо по случайности, что весьма маловероятно, либо по воле властителя, который умышленно открыл им врата и хитростью вынудил пройти через них.

Какой бы ни была причина, рыцари тевтонских рыцарей покорили аборигенов и создали общество наподобие того, которое оставили на Земле. В ходе естественной эволюции оно, конечно, изменилось, и властителю удалось во многом оформить его на свой собственный лад. Первоначально единое королевство, Великий Маршалиат, выродилось во множество независимых государств. Те в свою очередь состояли из мало связанных друг с другом баронатов, многие из которых управлялись самозванцами и разбойниками.

На этом же плоскогорье находилось государство Идше. Его основатели перенеслись через врата почти одновременно с тевтонскими рыцарями. И опять же никто не знает, прошли они через них случайно или по замыслу властителя. Тем не менее множество говорящих на идше германцев обосновалось на восточном конце плато. И хотя прежде они занимались торговлей, им тоже удалось стать хозяевами туземного населения. Идши переняли феодально-рыцарскую структуру Тевтонского ордена — видимо, им пришлось так поступить, чтобы сохранить свою независимость. Именно это государство и имел в виду встреченный Вольфом рыцарь, обвиняя его в том, что он идши.

Подумав об этом, Роберт довольно рассмеялся. Итак, немцы попали на уровень, где уже образовался архаично-семитский Хамшем, и их современниками стали столь презираемые ими иудеи. Такое стечние обстоятельств можно было бы объяснить случайностью, но Вольф видел за всем этим ироничное лицо властителя, с улыбкой наблюдавшего за ситуацией.

На самом деле в Дракландии не существовало ни христиан, ни иудеев. И хотя две веры по-прежнему использовали свои первоначальные названия, обе претерпели огромные изменения. Властитель занял место Яхве и Господа, и к нему обращались, используя эти имена. Потом в теологии произошли другие изменения: в церемонии, ритуалах и заповедях звучали тонкие и незаметные искажения. В обеих странах этого мира вера предков отвергалась потомками как ересь.

Вольф направился к владениям фон Элгерса. Ему хотелось оказаться там как можно быстрее, но приходилось избегать дорог и деревень. После гибели рыцаря он не смел вступать

во владения барона фон Лорентиса, как планировал прежде. Пропавшего искали по всей округе, и везде шныряли люди с собаками.

Суровые холмы, отмечавшие границу бароната, стали ближайшей выбранной им целью.

Через два дня Роберт добрался до такого места, где, слезая с коня, он не попадал под власть сюзерена фон Лорентиса. Предстояло преодолеть крутой, но не очень-то трудный спуск с холма. За холмом у реки раскинулся широкий луг, и на его противоположных концах располагались два лагеря. В центре каждого из них в окружении множества небольших палаток, походных костров и лошадей стояли нарядные, украшенные флагами и вымпелами шатры. Большинство обитателей лагерей, разделившись на две группы, наблюдали за поединком бойцов, которые атаковали друг друга с копьями наперевес. В тот самый момент, когда Вольф увидел их, противники со страшным лязгом столкнулись на середине поля. Одного из рыцарей от удара отбросило назад; в его щите застряло копье соперника. Но и другой, не удержав равновесия, с грохотом свалился наземь.

Вольф окинул взглядом живописную картину. Сражение не походило на обычный рыцарский турнир. Во-первых, не было крестьян и горожан, которым полагалось толпиться вокруг. Во-вторых, отсутствовал наспех сколоченный помост с рядами, заполненными пышно разодетой знатью и прекрасными дамами. Очевидно, в этом уединенном месте у дороги ставили свои палатки странствующие рыцари, которые вызывали на поединок всех проезжающих рыцарей.

Роберт начал спускаться с холма на виду у всех. Он полагал, что в такой момент вид одинокого странника не вызовет большого интереса. И оказался прав. Никто из обитателей двух лагерей не поспешил к нему с расспросами. Вольф мог подойти к краю луга и не спеша понаблюдать.

Желтый флаг над шатром слева от него украшала звезда Давида. Вольф понял, что там расположил свой лагерь идущий рыцарь. Чуть ниже флага реяло зеленое знамя с серебряной рыбой и ястребом. В другом лагере развевалось несколько государственных и личных вымпелов. Один из них привлек внимание Вольфа, заставив его вскрикнуть от удивления. На белом поле красовалась ослиная голова, а ниже — рука, все пальцы которой, кроме среднего, были сжаты в кулак. Когда Кикаха рассказывал об этом гербе, Роберт хотел до упаду. Только Кикаха мог носить такой герб на своем щите.

Вольф тут же одернул себя, понимая, что герб скорее всего носит какой-нибудь вассал Кикахи, который присматривает за владениями отсутствующего сюзерена.

Роберту захотелось убедиться в том, что обладатель вымпела действительно другой человек, хотя он прекрасно понимал, что кости его друга давно гниют под кучей глины на дне шахты полуразрушенного города в далеких джунглях.

Роберт поехал к лагерю на западной стороне поля. Его никто не останавливал. Ратники и слуги удивленно посматривали на него, но всякий раз, встретив свирепый взгляд незнакомца, торопливо отворачивались. Кто-то назвал его «идшской собакой», но, когда Роберт обернулся, никто не отважился повторить обидные слова. Он объехал привязанных к столбу лошадей и приблизился к рыцарю с заинтересовавшим его гербом. Облаченный в сверкающие красные доспехи с опущенным забралом, тот ожидал своей очереди драться и высоко держал огромное копье. Чуть ниже накоченчника развевался вымпел с изображением красной ослиной головы и человеческой руки.

Роберт остановился около гарцевавшего коня и, едва сдерживая волнение, окликнул по-немецки:

— Барон фон Хорстманн?

Раздалось приглушенное восклицание, последовала пауза, и рука рыцаря откинула забрало. Вольф чуть не зарыдал от радости: из-под шлема на него смотрело веселое, длинногубое лицо Финнегана-Кикахи — фон Хорстманна.

— Ничего не говори, — предостерег его Кикаха. — Я не знаю, как ты, черт возьми, нашел меня, но я, разумеется, этому очень рад. Увидимся через минуту — если, конечно, я останусь в живых. Этот фунем Лейксфалк та еще штучка.

ГЛАВА 12

Заиграли трубы. Кикаха выехал на указанное герольдами место. Бритоголовый священник в длинной рясе благословил его, в то время как на другом конце поля раввин что-то говорил барону фунему Лейксфалку. Идшский паладин был высоким воином в серебряных доспехах и шлеме в виде рыбьей головы. Он гарцевал на огромном могучем черном жеребце. Трубы грянули вновь. Двое соперников склонили коня, салютуя друг другу. Кикаха быстро переложил копье в левую руку и правой осенил себя крестом. (Он всегда строго придерживался религиозных правил того народа, среди которого находился в данный момент.)

После громкого рева длинных труб с большими раструбами раздался мощный стук копыт рыцарских коней и одобриительные крики зрителей. Противники встретились на середине поля, и копья их впились в центры щитов друг друга. Металлический грохот доспехов при падении в который раз за этот день вспугнул птиц с ближайших деревьев. Лошади покатились по земле.

На поле выбежали слуги рыцарей: одни потащили хозяев, другие — коней, сломавших себе шеи. На мгновение Вольфу показалось, что идш и Кикаха мертвы — ни тот ни другой не шевелились. Но когда Кикаху принесли в лагерь, он приподнялся и, слабо улыбнувшись, попросил Вольфа:

— Посмотри, что стало с тем парнем.

Роберт взглянул в сторону другого лагеря.

— С ним все нормально.

— Очень жаль, — произнес Кикаха. — Я надеялся, что он больше не будет путаться у меня под ногами. Этот идш и так уже чересчур задержал меня.

Кикаха велел слугам выйти из шатра и оставить его наедине с Вольфом. Тем, видимо, не хотелось оставлять хозяина с незнакомцем, но они подчинились, подозрительно взглянув на Роберта.

— Я держал путь из своего замка во владения фон Элгерса и повстречал у дороги шатер фунема Лейксфалка. Если бы мы встретились один на один, я бы показал ему нос на его вызов и поспешил бы дальше. Но нас окружали тевтоны, и мне пришлось подумать о вассалах. Я не могу позволить себе обрести репутацию труса, иначе меня забросают тухлой капустой мои же собственные люди, и мне придется сражаться с каждым рыцарем страны, доказывая свою смелость. К тому же я надеялся, что быстренько втолкую этому идшу, кто из нас сильнее, и отправлюсь дальше. Но все вышло по-другому

Герольды назначили мне третью позицию. А это означало, что в течение трех дней я должен был провести поединки с тремя противниками, прежде чем сыграть по-крупному. Конечно, я протестовал, но безрезультатно. Поэтому мне оставалось лишь выругаться про себя и стойко перенести испытания. Ты видел мою вторую стычку с фунемом Лейксфалком. В первый раз мы тоже вышибли друг друга из седел. Но и это больше, чем сделали другие. Потому они так и кипятятся: этот идш нанес поражение всем тевтонам, кроме меня. К тому же двух он убил, а одного искалечил на всю жизнь.

Слушая друга, Вольф осторожно снимал с него доспехи. Кикаха попытался сесть, но застонал и сморщился от боли.

— Эй, а как ты, черт возьми, попал сюда? — спросил он

— В основном на своих двоих. Ведь я думал, что ты погиб.

— Ты был недалек от истины, приятель. Провалившись в шахту, я ударился о какой-то выступ в стене. И после того как я свалился на дно, меня засыпало. Но я скоро пришел в себя. И поскольку засыпало меня не сильно, я не успел задохнуться. Мне пришлось затаиться, потому что как раз в этот момент в яму заглянули шолкины. Они даже бросили вниз копье, и оно вонзилось на волосок от моего тела. А через пару часов я выполз из-под обломков и мусора. Должен тебе сказать, мне здорово пришлось попотеть, чтобы выбраться из ямы. Глина обваливалась, я всякий раз падал на дно. Но через десять часов мне все-таки повезло. Ну а ты-то как сюда попал?

Вольф рассказал свою историю. Кикаха нахмурился:

— Значит, я правильно рассудил, что Абиру по пути заедет к фон Элгерсу. Слушай, мы должны убраться отсюда, да побыстрее. Как ты смотришь на то, чтобы схлестнуться с этим здоровенным идшем?

Вольф сказал, что ничего не смыслит в правилах турнира, а на их усвоение ему потребуется вся жизнь.

— Ты был бы прав, если бы тебе пришлось биться с ним на копьях, — сказал Кикаха. — Но мы вызовем его состязаться на мечах и без щитов. Конечно, бой на мечах — это тебе не дуэль на рапирах или саблях; здесь требуется сила, но тебе ее не занимать!

— Но ведь я не рыцарь. Все видели, что я пришел, как простой бродяга.

— Чепуха! Ты думаешь, что дворяне не разгуливают переодевшись нищими? Я скажу им, что ты сарацин, хамшем-язычник и мой лучший и верный друг. Я скажу, что спас тебя от дракона, или расскажу какую-нибудь другую сказку про белого бычка. И они ее проглотят, будь спокоен. Придумал! Отныне ты будешь сарацином Вольфом. Тут где-то бродит знаменитый рыцарь с таким именем. И ты путешествовал под видом бродяги в надежде найти меня и отслужить свое спасение. Я слишком изранен и не в силах преломить еще одно копье с фуннем Лейксфалком. И это не ложь — я так оглушен и измят, что вряд ли смогу подняться, — поэтому ты принимаешь вызов вместо меня.

Роберт спросил, чем ему мотивировать отказ драться на копьях.

— Я придумаю какую-нибудь байку, — пообещал Кикаха. — Скажу, что какой-то вороватый рыцарь похитил твоё любимое копье и ты поклялся не пользоваться этим оружием, пока не вернешь украденную вещь. Они это поймут. Они каждый день дают такие бесполковые обещания. Эти ребята изображают из себя компанию рыцарей Круглого Стола короля Артура. На Земле подобных рыцарей никогда не существовало, но властителю, по-видимому, нравилось заставлять этих парней вести себя так, словно они только вчера прискакали из Камелота. Что бы они ни говорили, в душе он романтик.

Роберт сказал, что не очень-то хочет драться, но если это ускорит их отъезд к фон Элгерсу, он готов вступить в бой. Доспехи Кикахи оказались ему малы, поэтому для него принесли вооружение идшского рыцаря, которого Кикаха убил за день до этого. Слуги облачили его в голубые латы и кольчугу и подвели к прекрасной лошади опаловой масти, которая тоже прежде принадлежала поверженному Кикахой рыцарю — райтеру рода Ройтфельцеров. Почти не пользуясь помощью, Вольф влез на лошадь. Он думал, доспехи окажутся тяжелыми и его придется поднимать в седло лебедкой. Кикаха подтвердил, что когда-то давно здесь так и делали, но теперь рыцари вернулись к легким латам, а чаще обходились просто кольчугами.

Пришедший секундант объявил, что, несмотря на отсутствие верительных грамот, фунем Лейксфалк принимает вызов сарацина Вольфа. Фунему Лейксфалку вполне достаточно, что за Вольфа ручается доблестный и почтенный разбойник барон Хорст фон Хорстманн. Впрочем, речь вестника представляла собой пустую формальность. Идшский паладин и не подумал бы отвергать брошенный ему вызов.

— Здесь очень важно сохранить лицо, — пояснил Кикаха.

Он, прихрамывая, вышел из палатки и давал другу последние напутствия.

— Эх, парень, как я рад, что ты пришел. Мне не выдержать еще одно падение, но я бы не посмел отказаться.

И вновь затрубили фанфары. Опаловая кобыла и вороной конь рванулись в галоп. Они на всем скаку пронеслись мимо друг друга; всадники взмахнули мечами и с лязгом скрестили их. Вольф почувствовал, что ладонь и рука онемели, как при ударе электрическим током. Но, развернув лошадь, он увидел, что меч противника лежит на земле. Идш быстро спешился, пытаясь добраться до клинка раньше Вольфа. Он так

торопился, что поскользнулся и растянулся на земле во весь рост.

Роберт не спеша подскакал к нему и неторопливо слез с лошади, позволив противнику поднять свой меч. При этом рыцарском поступке оба лагеря разразились криками одобрения. По правилам поединка Роберт мог оставаться в седле и убить фунема Лейксфалка, не дав подобрать оружие.

Противники встали друг перед другом. Идшский рыцарь поднял забрало, открывая красивое лицо с густыми усами и бледно-голубыми глазами.

— Умоляю вас позволить мне увидеть ваше лицо, благородный из воинов, — сказал он. — Вы истинный рыцарь, ибо не сразили меня в минуту моей слабости.

Вольф на несколько секунд поднял забрало. После чего они ринулись в бой, и их клинки вновь скрестились. И опять удар Роберта оказался настолько мощным, что меч противника вылетел из рук.

Фунем Лейксфалк вновь поднял забрало.

— Я не могу больше пользоваться правой рукой, — сказал он. — Не разрешите ли вы мне использовать левую руку?

Роберт отсалютовал ему и отступил. Его противник сжал длинную рукоять меча и, шагнув вперед, изо всех сил нанес боковой удар. И снова ответный выпад Вольфа выбил меч могучего идша.

Фунем Лейксфалк поднял забрало в третий раз.

— Вы паладин, какого я до сих пор еще не встречал. Мне очень неприятно признавать это, но вы победили. И я подобных слов не говорил никогда, да и не думал, что когда-нибудь скажу. Вы обладаете силой самого властителя.

— Вы можете сохранить свою жизнь, свою честь, доспехи и коня, — ответил Вольф. — Я лишь хочу, чтобы мне и моему другу фон Хорстманну позволили отбыть по своим делам без дальнейших вызовов на поединок. Нам назначена неотложная встреча.

Идш обещал, что так оно и будет. Роберт вернулся в лагерь, радостно приветствуемый даже теми, кто про себя называл его хамшемской собакой.

Ликующий Кикаха приказал сворачивать лагерь, но Вольф спросил его, не думает ли он, что без свиты они могли бы передвигаться намного быстрее.

— Разумеется, но так обычно никто не делает, — ответил Кикаха. — Ладно, ты прав. Я отошлю их домой. И мы снимем с себя эти чертовы паровозные трубы.

Не успели они отъехать, как услышали стук копыт. Следом за ними по дороге скакал фунем Лейксфалк, но уже без доспехов.

— Благородные рыцари, — улыбаясь, сказал он. — Я знаю, вы отправляетесь на поиски приключений. Не будет ли слишком бестактным с моей стороны просить вашего позволения присоединиться к вам? Я бы счел это за честь для себя. Мне также кажется, что, лишь помогая вам, я могу искупить свое поражение.

Кикаха взглянул на Вольфа:

— Решать тебе. Но мне нравится его учтивость.

— Согласитесь ли вы помочь нам в чем бы то ни было? Конечно, покуда это не роняет рыцарской чести. Мы можем в любое время освободить вас от данного вами обещания, но вы должны поклясться своей святыней, что никогда не будете помогать нашим врагам.

— Клянусь Господней кровью и бородой Моисея.

Вечером, когда они располагались на ночлег в кустарнике у ручья, Кикаха сказал:

— Появление фунема Лейксфалка может вызвать некоторые осложнения. Мы должны снять краску с твоей кожи, и тебе придется сбрить бороду. Иначе при встрече Абиру тут же узнает тебя.

— Одна ложь всегда порождает другую, — проворчал Вольф. — Давай скажем фунему, что я младший сын барона, который прогнал меня, поверив клевете своего завистливо-го брата. С тех пор я путешествую, приняв облик сарацина. И теперь, после смерти отца, я решил вернуться в родной замок и вызвать на поединок родного дядю.

— Ну просто сказка! Ты скоро станешь вторым Кикахой. А что будет, когда он узнает про Хрисеиду и про рог?

— Что-нибудь придумаем. Возможно, даже скажем правду. Если ему не захочется идти против властителя, он всегда может отказаться.

Все следующее утро они не слезали с коней, пока не добрались до деревни Этцельбранд. Здесь Кикаха приобрел у местного белого мага какие-то химикалии для удаления краски. Выехав из деревни, маленький отряд остановился у ручья. Фунем Лейксфалк сначала с интересом, затем с изумлением, а потом и с подозрением наблюдал, как у Вольфа исчезает борода и меняется цвет кожи.

— Божьи глаза! Я считал вас хамшемом, а теперь вы сойдете и за идша!

И тогда Кикаха за каких-то три часа поведал ему подробную историю жизни Вольфа — внебрачного сына идшской незамужней дамы и тевтонского странствующего рыцаря Покрыв себя славой во время турнира, великий воин Роберт фон Вольфрам остановился в идшском замке. Он и дева полюбили друг друга и даже слишком сильно. Дав обе вернуться к любимой женщине по завершении странствий рыцарь уехал и оставил Райвку беременной. Затем Вольфрам погиб, и дева носила крошку Роберта в бесчестье. Отец избил ее и навечно отправил в маленькую хамшемскую деревушку. При родах она умерла, но старая и верная служанка открыла Роберту тайну его рождения. Внебрачный ребенок поклялся став большим, отправиться в замок родичей и предъявить права на законное наследство. И вот теперь отец Райвки умер, а замком владеет его брат, злой и мерзкий старик Роберт хочет отнять у него баронат, если тот не отдаст владения по-хорошему.

Выслушав повесть до конца, фунем Лейксфалк смахнул набежавшие слезы.

— Я поеду с вами, Роберт, и помогу вам в борьбе против злого дяди. И лишь тогда искуплю свое поражение.

Когда они остались одни, Вольф упрекнул Кикаху за то что тот сочинил такую фантастическую повесть, причем на столько подробную, что он теперь мог легко попасть впросак. К тому же ему ужасно не хотелось обманывать такого человека, как идшский рыцарь.

— Ерунда! Ты не можешь рассказать ему все начистоту, а ложь придумать легче, чем полуправду. Кроме того, посмотри, как он радовался своим скучным слезам! Да, я Кикаха, а «кикаха» — это обманщик, создатель фантазий и реальностей. Я не могу удержаться в границах. Я ускользаю от одних и перехожу к другим. Финнеган тут, Финнеган там. Тебе может показаться, что Кикаха умер, но нет, он появляется вновь и скалит зубы, такой же живой и неуемный. Я быстрее тех, кто сильнее меня, и сильнее тех, кто быстрее. Моя верность для немногих, но она нерушима. Где бы мне ни довелось побывать, женщины сходят с ума от любви, и слезы льются потоками, когда я ускользаю в ночь, словно рыжеголовый призрак. Но ни слезы, ни цепи не держат меня. Я исчезаю, и никому не известно, где мой след объявится снова и каким будет мое новое имя. Меня называют Слепнем властителя, и он не может спать по ночам, потому что я ускользаю от его Очей-воронов и охотников-гвярлов.

Кикаха замолчал и громко засмеялся. Вольф невольно усмехнулся в ответ. Всем своим видом Кикаха давал понять, что просто дурачится. И все же Роберт почти поверил ему. А почему бы и нет? Он не так уж преувеличивал, говоря о себе.

Эта мысль открыла путь цепочке рассуждений, которые окончательно испортили настроение Вольфа. А если под маской Кикахи скрывается сам властитель? Который развлекает себя, бегая то с зайцем, то с гончими? И разве придумаешь лучшую забаву для властителя, который на все готов, лишь бы найти что-нибудь новенькое, чем можно было разогнать свою скучу? Не слишком ли многое необъяснимых вещей для одного человека?

Взглянув в глаза Кикахи, Роберт попытался найти ответы на вопросы, но почувствовал, что его сомнения исчезают. Конечно же, веселое лицо друга не могло оказаться маской отвратительного холодного существа, игравшего чужими жизнями. А этот хужеровский* акцент и идиомы Кикахи? Неужели властитель способен даже на это?

А почему бы и нет? Кикаха так же хорошо владел другими языками и диалектами.

Эти мысли не покидали Вольфа весь долгий день пути. Но обед, выпивка и веселые шутки друзей рассеяли тревогу, поэтому к вечеру он забыл о своих сомнениях.

Трое спутников остановились в таверне небольшой деревушки Гназельшист и с аппетитом поужинали. Вольф и Кикаха разделались с жареным поросенком. Но фунем Лейксфалк, несмотря на то что брился и придерживался многих либеральных взглядов относительно своей религии, отказался есть запретную свинину. Идшский барон поужинал телятиной, хотя и знал, что теленка вряд ли резали кошерно. Друзья осушили по несколько кружек превосходного местного темного пива, и между делом Вольф в пьяной беседе поведал фунему немного отредактированную историю поисков Хрисеиды — вот уж действительно благородное дело, решили они, а затем, пошатываясь, отправились спать.

Утром небольшой отряд двинулся напрямик через холмы. Эта тропа сокращала путь на три дня — правда, если людям удавалось добираться по ней до цели. А путешествовали по этой дороге редко и обходили ее не зря, потому что здесь часто встречались разбойники и драконы. Трое друзей мча-

* Хужеры — уроженцы штата Индиана

лись во весь опор и не видели лесных озорников, да и дракон им попался только один. Чешуйчатое чудовище выползло из канавы в пятидесяти ярдах от них, фыркнуло и исчезло на другой стороне дороги, не меньше их желая уклониться от стычки.

Спускаясь с холма на столбовую дорогу, Вольф шепнул Кикахе:

— За нами следует ворон.

— Да-да, я знаю, не напрягайся. Они кружат повсюду над этой местностью. Но я сомневаюсь, что они нас узнали. Вернее, мне бы хотелось надеяться на это.

К полудню следующего дня они выехали на территорию комтура Трегильна. А еще через двадцать четыре часа перед ними появился замок барона фон Элгерса — его чертоги и средоточие власти. Вольф впервые видел такую большую крепость. Ее построили из черного камня на самой вершине величественного холма в миle от города Трегильна.

Облачившись в доспехи и высоко подняв копья с вымпелами, трое спутников храбро поскакали вперед и остановились около рва, окружавшего огромный замок. Из небольшого блокгауза вышел привратник и вежливо осведомился о причинах их появления.

— Передай благородному господину, что трое рыцарей, пользующихся добром словой, будут рады стать его гостями, — сказал Кикаха. — Также передай, что его приветствуют бароны фон Хорстманн, фон Вольфрам и широко известный идшский барон фунем Лейксфалк. Мы ищем благородного вельможу, который нанял бы нас на службу или отправил в рыцарское странствие.

Сержант окликнул капрала, и тот побежал через подъемный мост. Через несколько минут из ворот выехал один из сыновей фон Элгерса — довольно красивый и роскошно одетый юноша. Когда гости оказались в огромном внутреннем дворе, Вольф увидел людей, вид которых вызвал у него тревогу: там слонялись без дела и играли в кости несколько хамшемов и шолкинов.

— Они нас не узнают, — успокоил его Кикаха. — Веселей, дружище. Если они здесь, значит, Хрисеида и рог тоже в этих стенах.

Удостоверившись, что об их лошадях позаботятся, все трое поднялись в отведенные им покои. Они умылись и надели новые яркие одежды, посланные им хозяином замка. Вольф заметил, что они немного отличаются от нарядов,

которые носили в тринадцатом веке. Кикаха сказал, что это пожалуй, единственное нововведение, возникшее благодаря влиянию аборигенов.

Когда они вошли в огромный пиршественный зал, ужин был в полном разгаре. И слово «разгар» лучше всего описывало происходящее, потому что шум стоял невообразимый. Половина гостей шаталась из стороны в сторону, остальные вообще не шевелились, пройдя стадию пошатывания. Фон Элгерсу удалось приподняться и поприветствовать рыцарей. Он любезно извинился за то, что его застали в столь ранний час в таком непрезентабельном виде.

— Мы несколько дней развлекаем нашего хамшемского гостя. Он подарил нам неожиданное богатство, и мы немного потратили его, отмечая сие чудесное событие.

Барон повернулся, чтобы представить Абиру, но сделала это так быстро, что чуть не упал. Хамшем поднялся и отвесил поклон. Его черные глаза полоснули по незнакомцам, как лезвие меча; улыбка вышла широкой, но неживой. В отличие от других он выглядел абсолютно трезвым. Троє спутников заняли предложенные им места вблизи торговцев рабами. Те, кто сидел здесь раньше, немного перебрали и уже обрели покой под столом. Вольф заметил, что Абиру просто не терпится пообщаться с ними.

— Если вы действительно хотите устроиться на службу к богатому человеку, то я именно тот, кто вам нужен. За деньги барон обещал проводить меня в глубь страны, но мне могут понадобиться верные мечи. Дорога к моей цели длинна и трудна и сопряжена со многими опасностями.

— И куда же вы держите путь? — спросил Кикаха.

Глядя на него со стороны, никто бы не подумал, что он проявляет к Абиру более чем праздный интерес, поскольку в это время фон Хорстманн с восторгом разглядывал белокурую красавицу, которая скромно сидела напротив.

— Здесь нет никакого секрета, — ответил Абиру. — Говорят, что владыка Кранзелькрахта очень странный человек; а еще говорят, что он богаче самого гроссмаршала Тевтонии.

— Я могу это подтвердить, — заметил Кикаха. — Мне однажды довелось бывать у него и видеть его сокровища. Говорят, много лет назад он дерзнул вызвать недовольство властителя и поднялся по высокой горе на ярус Атлантиды. Там он ограбил сокровищницу великого Радаманта и унес с собой целый мешок драгоценных камней. С тех пор Кранзелькрахт еще больше увеличил свое богатство, завоевав не сколько соседних государств. Ходят слухи, что гроссмаршал

обеспокоен этим и объявил его еретиком. Но будь это так, разве властитель не поразил бы его давным-давно своей молнией?

Абиру склонил голову и коснулся лба кончиками пальцев.

— Пути властителя неисповедимы. И кто, кроме него, знает истину? Как бы там ни было, я везу Кранзелькрахту рабов и некоторые редкости. Я надеюсь получить огромную прибыль от моего похода, и те рыцари, которые отважатся сопровождать меня, получат немало золота — не говоря уж о славе.

Абиру отвернулся, чтобы отпить из бокала вина, и Кикаха шепнул Вольфу:

— Этот человек такой же большой лжец, как и я. Он хочет с нашей помощью добраться до Кранзелькрахта, который обитает у подножия монолита. Потом он отправит Хрисеиду и рог наверх, к атлантам, и те отвалят ему за них труды золота и алмазов — если, конечно, его замыслы не идут еще дальше, чем я в данный момент могу полагать. — Он поднял кружку и отпил добрую треть или сделал вид, что пьет. Со стуком опустив ее на стол, он тихо зашептал: — Будь я проклят, если Абиру мне незнаком! Когда я его увидел в первый раз, у меня возникло такое же странное ощущение, но в то время ситуация не позволяла задуматься над этим. А теперь я знаю, что где-то видел его раньше.

Вольф ответил, что такое вполне могло быть. Ведь сколько лиц он перевидал за свое двадцатилетнее странствие!

— Возможно, ты и прав, — пробормотал Кикаха. — Хотя не думаю, что наше с ним знакомство было таким поверхностным. У меня руки чешутся — так хочется содрать его липовую бороду.

Абиру поднялся и извинился, сказав, что наступает час молитвы властителю и его личному божеству Тартартару. После исполнения обрядов он обещал вернуться. Выслушав хамшема, фон Элгерс жестом подозвал двух ратников и приказал им сопровождать гостя до его покоев, дабы как следует обеспечить безопасность дорогого Абиру. Тот поклонился и поблагодарил хозяина за заботу. От Роберта не ускользнул смысл, стоявший за вежливыми фразами барона. Фон Элгерс не доверял хамшему, и тот об этом знал. Несмотря на свой пьяный вид, барон держал ситуацию под контролем и замечал все, что выходило за рамки привычных вещей.

— Ты прав насчет него, — сказал Кикаха. — Он бы не сидел на своем месте, если бы поворачивался к врагам спиной. Но постарайся скрыть нетерпение, Боб. Нам еще

долго придется ждать. Притворись пьяным, помахай ручкой дамам — тебя посчитают гомиком, если ты этого не сделаешь. Только не уходи ни с кем из них. Мы должны оставаться на виду и, когда наступит подходящий момент, уйти все вместе.

ГЛАВА 13

Вольф немного выпил, чтобы расслабиться и избавиться от неловкости и смущения. Он даже заговорил с леди Элисон — женой барона Вензельбрихта Марча. Черноволосая, голубоглазая, величаво красивая женщина была одета в парчовое облегающее платье с таким низким вырезом, что вполне могла бы удовлетвориться тем хмелящим воздействием, которое тот оказывал на мужчин, но она ко всему прочему без конца роняла веер и не спеша поднимала его. В любое другое время Вольф с радостью пофлиртовал бы с ней, и при этом не возникло бы никаких проблем. Баронесса слышала о его победе над фунемом Лейксфалком, и ей даже польстило бы, что великий рыцарь фон Вольфрам проявил к ней интерес. Но он мог думать лишь о Хрисеиде, которая томилась где-то в стенах этого замка. Никто не говорил о ней ни слова, а он не решался расспрашивать. И все же ему так хотелось узнать о Хрисеиде, что несколько раз вопрос едва не срывался с его языка.

Вскоре — и как раз вовремя, потому что, если бы Роберт и дальше пропускал мимо ушей смелые намеки леди Элисон, это могло бы оскорбить ее чувства — к нему на выручку пришел Кикаха. Он привел с собой барона Вензельбрихта, дав тем самым Вольфу достойный повод для ухода. Позже Кикаха признался, что с трудом оттащил мужа леди Элисон от другой женщины, и то лишь после того, как сказал, что его зовет жена. Кикаха и Вольф ушли, и отступившему от пива барону предстояло объяснить супруге, что именно ему от нее понадобилось. А так как ни он, ни леди Элисон этого не знали, у них начался интересный, хотя и немного путаный, разговор.

Роберт жестом предложил фунему Лейксфалку присоединиться к ним. Все трое пьяной походкой побрели на поиски уборной. Но едва друзья удалились из поля зрения пирующих в зале людей, они позабыли о своих мелких нуждах и, пробежав по коридору, без помех одолели четыре лестничных пролета. Появление на пиру в доспехах или с мечом считалось оскорблением, поэтому из оружия у них были только кин-

жалы. Однако перед ужином Вольф успел отвязать от шторы в своих покоях длинный шнур, который предусмотрительно обмотал под рубахой вокруг талии.

— Я подслушал разговор Абиру с его помощником Рамнишем, — сказал идшский рыцарь. — Они говорили на торговом языке х'вайжум, с которым я немного знаком после путешествий в джунглях по реке Газирит. Абиру спросил Рамниша, выяснил ли тот, где фон Элгерс держит Хрисеиду. Рамниш ответил, что потратил немало золота и времени, расспрашивая слуг и часовых. Но ему удалось узнать лишь то, что она находится в восточном крыле замка. Гворлы, кстати, сидят в подземной тюрьме.

— Но почему фон Элгерс забрал Хрисеиду у Абиру? — спросил Вольф. — Разве она считается собственностью торговца?

— Возможно, у барона появились на нее свои виды, — сказал Кикаха. — Если она такая необыкновенная и прекрасная, как ты говоришь...

— Мы должны ее найти!

— Не напрягайся. Мы ее найдем. Ого! В конце коридора часовой. Пошли к нему — и притворяйся пьяным.

Часовой поднял копье, когда гости, покачиваясь, приблизились к нему. Вежливо, но непреклонно он сообщил, что они должны повернуть обратно, так как барон под страхом смерти запретил пропускать сюда посторонних.

— Вот так и надо, — ответил Роберт, едва ворочая языком.

Он начал было поворачиваться — но внезапно прыгнул к часовому и выхватил у него копье. Прежде чем испуганный караульный успел раскрыть рот, его придавили к двери и древком копья пережали ему горло. Роберт надавил на древко — глаза часового выпучились, лицо побагровело, затем начало синеть. Минуту спустя он рухнул замерзло.

Идш поволок тело по коридору и втащил в боковую комнату. Возвратившись, он сказал, что спрятал труп за большим сундуком.

— Очень жаль, — беззаботно отозвался Кикаха. — Он мог оказаться неплохим парнем. Но если придется прорываться с боем, у нас на пути одним человеком будет меньше.

У мертвого часового ключей от двери не оказалось.

— Вероятно, фон Элгерс — единственный, у кого они есть, и мы хлопот не обременя, если попробуем у него их взять, — сказал Кикаха. — Ладно. Пошли в обход.

повел их обратно в коридор, а затем в другую комнату. Друзья вылезли в высокое стрельчатое окно. За карнизом находилось несколько выступов и камней, вырезанных в форме драконьих голов, демонов и кабанов.

Размещение украшений совершенно не гарантировало легкий подъем но храбрый и отчаянный человек мог взобраться по ним почти до самой крыши. В пятидесяти футах под ними в свете факелов на подъемном мосту тускло поблескивала вода, заполнявшая ров. К счастью, луну закрывали густые темные облака и охрана внизу не замечала людей, карабкающихся по стене.

Кикаха взглянул на Вольфа, который цеплялся за каменную горгулью, стоя одной ногой на голове змеи.

Эй Боб, я забыл тебе сказать, что барон держит во рву водяных драконов. Они не очень крупные, всего около двадцати футов длиной, и у них вообще нет ног. Но они обычно недокормленные.

Иногда нахожу твой юмор пошлым, — сердито отозвался Роберт. — Двигай дальше.

Кикаха тихо рассмеялся и продолжал подниматься. Вольф взглянул вниз, удостоверился, что с фунемом все в порядке, и полез следом за Кикахой. Но тот остановился и сообщил:

Здесь окно, но оно зарешеченное. Мне кажется, внутри никого нет. И там темно.

Кикаха снова полез по стене. Вольф остановился и заглянул в окно. Тьма внутри комнаты напоминала черноту в зрачке рыбьего глаза. Он просунул руку через прутья и пошарил. Пальцы нашупали подсвечник. Осторожно вынув из него свечу, он вытащил ее за решетку. Уцепившись рукой за стальной прут, Роберт повис на стене и попытался достать из маленькой сумки на поясе запасной коробок спичек.

Что ты там застрял? — прошептал сверху Кикаха.

Роберт объяснил, в чем дело.

— Я дважды назвал имя Хрисейды, — проворчал Кикаха. — Там никого нет. Не теряй напрасно время!

— Мне хочется убедиться в этом самому.

— Ты слишком дотошный парень, и все твоё внимание расходится по мелочам. Если срубить дерево, надо откалывать щепу побольше. Лезем дальше.

Роберт не ответил и чиркнул спичкой. Она вспыхнула и чуть не погасла на ветру, но он быстро сунул ее в окно. Язычок пламени осветил пустую спальню.

— Теперь доволен? — донесся тихий голос Кикахи. Он успел забраться довольно высоко.

— У нас осталась последняя надежда. Возможно, она в сторожевой башне. Но если и там никого нет... Тогда я просто не знаю, как... о-оу!

Потом Вольф благодарил судьбу за то, что не хотел расстаться с надеждой увидеть в этой комнате Хрисеиду. Он дал спичке дрогнуть и выпустил ее лишь тогда, когда начало жечь пальцы. И тут, сразу после приглушенного восклицания Кикакхи, на него обрушилось его тело. Удар оказался таким сильным, что он едва не вывихнул руку. Роберт охнул и повис на одной руке. Несколько секунд Кикакха, вздрагивая, цеплялся за него, затем глубоко вздохнул и снова стал подниматься. Ни тот ни другой не сказали ни слова, но оба знали: если бы не упрямство Вольфа, им бы пришел конец — Кикакха свалил бы Роберта с каменной химеры. Возможно, упал бы и фунем Лейксфалк, так как в этот момент находился как раз под Вольфом.

Большая сторожевая башня, высотой примерно в треть стены, поднималась вверх, поблескивая светом крестообразного окна. Ряды украшений заканчивались неподалеку от ее основания.

Внизу раздался громкий шум, ему вторили голоса, доносившиеся из замка. Вольф остановился и взглянул на подъемный мост. Неужели их заметили? На мосту и прилегавшей территории столпилось множество ратников и гостей. Многие держали факелы, но никто не смотрел на взбиравшихся по стене людей. Все искали кого-то в кустах и среди деревьев.

Роберт подумал, что их отсутствие обнаружили и нашли тело часового. Теперь им придется выбираться с боем. Но сначала они должны найти и освободить Хрисеиду. У них еще будет время подумать о драке.

Сверху его окликнул Кикакха:

— Боб, быстрее сюда!

Его голос был взволнован, и Вольф решил, что его друг нашел Хрисеиду. Роберт полез наверх, гораздо быстрее, чем позволял здравый смысл. Пришлось подниматься по боку выступавшей части башни, так как нижняя сторона поднималась под углом вперед. Кикакха отполз от края крыши и растянулся на плоской вершине башни.

— Чтобы заглянуть в окно, тебе придется повиснуть вверх ногами, Боб. Хрисеида там, одна. Но бойница слишком узкая, в нее не пролезть.

Вольф перегнулся через край бордюра башни, и Кикакха схватил его за ноги. Роберт все ниже и ниже свешивался с

крыши, прижимаясь к стене. Если бы его не держали, он давно свалился бы в ров. Сквозь узкое окно Вольф увидел лицо Хрисеиды — все такое же прекрасное, хотя и перевернутое вверх ногами. Она улыбалась, но по щекам ее катились слезы.

Потом он не мог вспомнить, о чем они говорили друг с другом, так как лихорадочная экзальтация сменялась холодом отчаяния и безнадежности, вслед за которым вспыхивал жар любви. Он мог бы говорить вечно. Роберт протянул руку и коснулся ладони девушки. Она тщетно тянулась к нему сквозь отверстие в толстой каменной стене.

— Не унывай, Хрисеида, — прошептал он. — И знай, мы здесь. Мы никуда не уйдем без тебя, я клянусь.

— Спроси ее, где рог, — велел Кикаха.

Услышав его голос, Хрисеида ответила:

— Я не знаю, но думаю, что его забрал фон Элгерс.

— А он к тебе не приставал? — свирепо спросил Вольф.

— Пока нет, но, кажется, ему не терпится затащить меня в постель, — ответила она. — Он медлит только потому, что не хочет сбивать цену, которую собирается получить за меня. Барон сказал, что никогда прежде не видел такой женщины, как я.

Роберт выругался, а потом засмеялся. Ну какая другая женщина могла быть настолько откровенной? Впрочем, в мире Сада самовосхищение считалось общепринятой нормой поведения.

— Хватит болтать ерунду, — зашипел Кикаха. — Для этого будет время, когда мы ее оттуда вытащим.

Хрисеида отвечала на вопросы Вольфа по возможности сжато и точно. Ей удалось описать путь в свою комнату, но она не знала, сколько человек стояли за ее дверью и в коридорах.

— Мне известно то, о чем барон даже не догадывается, — сказала Хрисеида. — Он думает, что Абиру везет меня к фон Кранзелькрахту. Но это не так. Абиру хочет подняться на Дузвилнававу к атлантам. Он собирается продать меня самому Радаманту.

— Абиру никому тебя не продаст, потому что я его убью, — ответил Вольф. — Я должен уйти, Хрисеида, но мы вернемся, и очень скоро. Я приду другим путем. Жди и знай — я люблю тебя.

Хрисеида заплакала.

— Тысячу лет никто из мужчин не говорил мне этих слов! О Роберт Вольф, я тоже люблю тебя! Но мне страшно! Я..

— Ничего не бойся, — произнес он. — В этом нет нужды, пока я жив. А умирать я не собираюсь.

Он окликнул Кикаху, и тот втащил его на крышу башни. Роберт встал и чуть не упал: от прилива крови у него закружилась голова.

— Идш уже спустился, — сказал Кикаха. — Я велел ему узнать, можем ли мы вернуться тем путем, каким пришли. Он должен выяснить, отчего в замке такой переполох

— Думаешь, из-за нас?

— По-моему, нет. Тогда охрана поспешила бы к Хри сейде. А они у нее даже не появились.

Спуск оказался более медленным и трудным, чем подъем, но Роберт и Кикаха спустились без происшествий. Фунем Лейксфалк поджидал их у окна, через которое они выбрались на стену.

— Они нашли убитого часового, — сказал он, — но нас не заподозрили. Из подземной темницы бежали гворлы. Они перебили множество ратников и забрали их оружие. Некоторым удалось с боем вырваться из замка.

Друзья выбежали из комнаты и быстро смешались с людьми, которые разыскивали гворлов. Им не удалось подняться по лестнице в башню, где сидела взаперти Хрисеида. Фон Элгерс лично распорядился, чтобы охрану там увеличили в несколько раз.

Пару часов они бродили по замку, знакомясь с расположением комнат. Друзья заметили, что хотя потрясение от побега гворлов несколько отрезвило тевтонов, те по-прежнему едва стояли на ногах. Вольф предложил вернуться в их покой и обсудить план действий. Возможно, им удастся придумать что-нибудь действительно стоящее.

Их комната находилась на пятом этаже, окно располагалось ниже и наискось от бойницы сторожевой башни, где томилась Хрисеида. По пути им встретилось много мужчин и женщин, от которых разило пивом и вином; гости шатались из стороны в сторону, без удержу болтали и ничего не делали. В комнату трех рыцарей никто не входил, и ее никто не осматривал, потому что ключи были только у них и главного привратника. А тому сейчас и без них забот хватало. Но разве гворлы могли бы пройти через запертую дверь?

И все же, как только Роберт вошел в комнату, он понял, что они как-то пробрались сюда. В ноздри ударило затхлой вонью сгнивших фруктов. Он втолкнул спутников внутрь, быстро прикрыл дверь и обернулся, сжимая в руке кинжал. Кикаха тоже выхватил клинок и начал быстро осматривать

комнату; его ноздри тревожно дрожали. Лишь фунем Лейксфалк ничего не понимал, хотя и он почувствовал гадкий, неприятный запах.

Вольф шепотом объяснил причину их беспокойства; идш подскочил к стене, где они оставили свои мечи, — и с удивлением застыл на месте. Подставки оказались пустыми.

Ни слова не говоря, Роберт медленно пошел в другую комнату. Кикаха последовал за ним, освещая дорогу факелом. Пламя затрепетало, по полу поползли горбатые тени. Вольф вздрогнул — ему показалось, что это гврлы.

Факел осветил комнату: тени растворились и превратились в безобидные контуры предметов.

— Они здесь, — тихо произнес Роберт, — они только что ушли. Но куда они могли деться?

Кикаха показал рукой на высокие шторы, закрывавшие окно Вольф бросился к ним и несколько раз проткнул кинжалом пурпурную ткань. Но лезвие встречало только пустоту и каменную стену. Кикаха отдернул шторы — за ними никого не оказалось.

— Они забрались через окно, — сказал идш. — Но зачем?

В этот момент Роберт взглянул на потолок и выругался. Он отступил назад, чтобы предупредить друзей, но они уже смотрели вверх. Там, зацепившись ногами за массивный железный карниз для штор, висели вниз головой два гврлы. Они держали длинные окровавленные ножи.

Один из них сжимал в руке серебряный рог.

Увидев, что их заметили, обе твари разогнули колени, ловко перекувырнулись в воздухе и мягко приземлились на ноги. Тот, что справа, пнул пяткой Вольфа. Тот прокатился по полу и вскочил, приняв боевую стойку. Кикаха сделал выпад ножом, промахнулся, и гврл почти в упор метнул нож в его руку.

Другая тварь бросила нож в фунема Лейксфалка. Лезвие попало идшу в грудь — рыцарь отлетел назад и согнулся. Но через несколько секунд выпрямился. Сквозь порванную рубашку блеснула сталь легкой кольчуги.

В этот момент гврл с рогом полез в окно. Друзья кинулись за ним, но не успели они сделать и двух шагов, как первый гврл набросился на них. Он снова сбил Роберта с ног, на этот раз кулаком. Как вихрь он налетел на Кикаху и, молотя кулаками, отогнал его назад. Идш с ножом в руке прыгнул на гврла, целясь ему в живот, но тварь перехватила его руку и выкрутила запястье — нож выпал, рыцарь застонал от боли.

Лежа на полу, Кикаха поднял голову и врезал пяткой по голени гворла. Тот упал, но перед тем как коснуться пола, оказался в объятиях Роберта. Они завертились в странном танце, сжимая друг друга руками. Каждый пытался опрокинуть противника на спину или сбить с ног. Вольфу удалось перебросить тварь через бедро. Оба ударились о стену, но гворлу досталось сильнее: он со всего маху ахнулся затылком о каменную плиту.

Это на долю секунды оглушило его. Роберт успел крепко прижать к себе вонючее бугристое существо. Он изо всех сил сжал гворла, стараясь сломать ему позвоночник. Но тот оказался слишком мускулистым и крепким для подобного приема. В этот миг на него набросились с ножами двое других людей. Они несколько раз вонзили в него клинки и продолжали искать уязвимое место в этой жесткой, уплотненной хрящами шкуре, но Вольф остановил их.

Роберт выпустил гворла, и тот, истекая кровью, упал на пол с остекленевшим взглядом. Вольф переступил через него, выглянул в окно, высматривая убежавшего с рогом гворла. По подъемному мосту проскасал отряд всадников, который направлялся в сторону города. Свет факелов в руках воинов отразился от гладкой черной поверхности воды; отблески осветили стену, но по ней никто не спускался. Вольф повернулся к поверженному гворлу.

— Этого зовут Дискибибол, а второго называли Смилом, — сказал Кикаха.

— Смил, скорее всего, утонул, — произнес Роберт. — Даже если бы он мог плавать, его бы все равно сцепали водяные драконы. А плавать он не умел.

Вольф подумал об инструменте, который сейчас лежал в иле на дне рва.

— Мне кажется, никто не видел, как Смил упал. И значит, какое-то время рог будет в относительно безопасном месте.

В этот момент гворл заговорил. Он говорил по-немецки, но многие звуки произносил неправильно; слова, будто со скрежетом, вылетали из его горла.

— Вы умрете, люди. Властитель победит. Арвур... Властитель. Его не может победить такая мразь, как вы. Но перед смертью вы испытаете на себе самую... самую... — Он заикался, разбрзгивая кровь, и кашлял, пока не испустил дух.

— Нам лучше избавиться от тела, — сказал Роберт. — Мы вряд ли потом кому-нибудь объясним, что он у нас делал. А фон Элгерс может связать пропажу рога с появлением гвоздя в нашей комнате.

Выглянув в окно, он убедился, что поисковый отряд умчался по утоптанной дороге, ведущей в город. И по крайней мере в этот миг на мосту никого не было. Он поднял тяжелый труп и выбросил его из окна. Перевязав рану Кикахе, Вольф и идш уничтожили все следы борьбы.

После того как они закончили уборку, фунем Лейксфал потребовал объяснений. Его лицо побледнело и стало мрачным.

— Я видел рог владельца и настаиваю, чтобы вы рассказали мне, как он попал сюда и какова ваша роль в этом... в этом богохульстве.

— Теперь самое время открыть ему правду, — произнес Кикаха. — Рассказывай ты, Боб. На сей раз мне что-то не хочется трепаться языком.

Вольф встревожился, увидев побледневшее лицо Кикахи и кровь, простиравшую через толстую повязку. Тем не менее он как можно быстрее ввел идша в курс дела.

Рыцарь внимательно выслушал его, не раз прерывая рассказ вопросами и выкрикивая проклятия, когда Вольф описывал что-нибудь особенно удивительное.

— Клянусь Богом, — вымолвил он наконец. — Эта история о другом мире заставила бы меня назвать вас лжецом, если бы раввины не рассказали мне о предках и древних тевтонах, которые пришли именно оттуда. Книга Второго исхода повествует о тех же событиях и говорит о том, что правитель явился к нам из другой вселенной.

До сих пор я считал эти легенды грезами безусловно святых, но немного безумных людей. Конечно, мне и не снилось, что я когда-нибудь скажу об этом вслух — меня бы тут же забросали камнями за подобную ересь. Впрочем, я до конца и не верил этим рассказам. Всем известно, что правитель карает тех, кто не верит в него, и в этом я не сомневаюсь. Вы поставили меня в весьма затруднительное положение. Я знаю вас как самых доблестных рыцарей, которых мне когда-либо выпадало счастье встречать. И такие люди не могут лгать — за это я готов поручиться жизнью. Ваша повесть звенит истиной, как доспехи великого драконоборца фон Зильбербергla. И все же я смущен. — Он покачал головой. — Пытаться пробраться в цитадель самого правительa,

чтобы нанести удар владыке мира! Это пугает меня. Первый раз в жизни я, лейб-фунем Лейксфалк, признаю, что мне страшно!

— Вы дали нам клятву, — сказал Вольф. — Теперь мы освобождаем вас от нее, но просим, чтобы ваши поступки соответствовали данному обещанию. Мы просим вас никому не рассказывать ни о нас самих, ни о цели наших странствий.

Идш рассердился:

— Но я не говорил, что собираюсь бросить вас! Я этого не сделаю — по крайней мере, пока. Кое-что заставляет меня верить в правдивость произнесенных слов. Властитель всесмогущ, но его святой рог успел побывать и в ваших руках, и в лапах гверлов. И властитель ничего не сделал. Может быть...

Вольф заявил, что у него нет времени ждать, когда рыцарь примет решение. Рог надо найти немедленно, пока есть такая возможность. А потом, при первом удобном случае, они должны освободить Хрисеиду. Друзья прошлись по комнатам других гостей, которые все еще предавались веселью. Там они взяли три меча взамен своего оружия, выброшенного гверлами в ров. Через несколько минут они выбрались из замка, сказав охране, что отправляются в лес на поиски сбежавших преступников.

К тому времени большая часть тевтонов вернулась в замок. Трое воинов дождались момента, когда рыскавшие по лесу ратники решили, что гверлов поблизости нет, и как только последние солдаты проехали через мост, Вольф и его друзья погасили факелы. На мосту у ворот замка виднелась пара часовых, но до них было не меньше ста ярдов, и вряд ли они могли заметить в тени деревьев три крадущиеся фигуры. Кроме того, охранники увлеченно обсуждали события этой ночи и настороженно вглядывались во мрак густого леса. Они совсем недавно заступили на пост, так как во время бегства через мост прежних часовых перебили гверлы.

— Рог должен находиться как раз под нашим окном, — прошептал Роберт. — Вот только...

— Водяные драконы, — добавил Кикаха. — Они увелокли тела Смила и Дискибибала в свои норы, но поблизости могут находиться другие чудовища. Я бы нырнул, но кровь из моей раны тут же привлечет их внимание.

— Я просто рассуждаю вслух, — проворчал Вольф и начал стягивать с себя одежду. — Интересно, ров глубокий?

— Нырнешь — узнаешь, — подбодрил его Кикаха.

Вольф вдруг увидел, как свет далеких факелов на мосту отразился красными точками от чего-то темного в кустах. Словно глаза животных, подумал он. И в следующий миг троих друзей накрыла липкая и вяжущая сеть. Какой-то материал закрыл глаза — и Роберт ослеп.

Он боролся яростно, но молча. Кто бы на них ни напал, Вольф не хотел поднимать на ноги обитателей замка. И чем бы ни кончилась стычка, она не имела к тевтонам никакого отношения — это он знал наверняка.

Чем сильнее Роберт сопротивлялся, тем туже стягивала его паутина. В конце концов, задыхаясь, он оказался совершенно беспомощным. И тогда низкий скрипучий голос произнес какую-то команду. Нож рассек паутину, освобождая его лицо. В тусклом свете далеких факелов Вольф увидел две высокие фигуры, обмотанные липким материалом, вокруг которых толпилась дюжина сгорбленных силузетов. Зловоние сгнивших плодов казалось просто невыносимым.

— Я Гагрилл, здррикх'агх Аббкунг. Вы же Роберт Вольф, наш заклятый враг Кикаха и третий, которого я знать не желаю.

— Барон фунем Лейксфалк! — представился идший рыцарь. — Освободи меня, и ты тут же узнаешь, достоин ли я знакомства с тобой, вонючая свинья.

— Молчать! Нам известно, что вам удалось расправиться с двумя моими лучшими убийцами, Смилом и Дискибиболом, — хотя какой смысл говорить об их свирепости, если они потерпели поражение от таких, как вы? Скрываясь в чаще, мы видели, как вы выбросили Дискибибала из окна. И мы видели, как Смил сорвался с рогом в ров. — Гагрилл помолчал. — Ты, Вольф, отправишься в эти воды за рогом и принесешь его нам. Если ты добудешь его, то, клянусь честью властителя, я освобожу всех троих. Властитель приказал привести к нему Кикаху, но рог ему нужнее. К тому же он приказал не убивать его, даже если он попытается бежать. И мы повинуемся властителю, потому что он — величайший убийца во вселенной.

— А если я откажусь? — спросил Вольф. — Ров кишит драконами, и меня там поджидает почти верная смерть.

— Если откажешься, погибнешь наверняка.

Роберт задумался. Ему пришлось признать, что гворлам не откажешь в логике. Они ничего не знали о доблести идша и его отношении к делу, поэтому не могли позволить ему отправиться за рогом — он мог и не вернуться. Ценность Кикахи уступала лишь рогу. Кроме того, его ранили, и кровь

могла привлечь водяных драконов. А Вольф, если ему дорог его друг Кикаха, обязательно вернется. Гворлы, конечно, не могли быть уверены в искренности их дружбы, но считали риск вполне оправданным.

Одно Роберт знал наверняка — ни один гворл не рискнет сунуться в такую глубину, если для этого можно найти кого-то другого.

— Хорошо, — произнес Роберт. — Развяжи меня, и я пойду за рогом. Но дайте мне хотя бы нож для защиты от драконов.

— Нет, — ответил Гагрилл.

Вольф пожал плечами. После того как его освободили из сети-паутины, он разделся, оставив на себе только рубашку. Она прикрывала обмотанный вокруг талии шнур.

— Не делай этого, Боб! — закричал Кикаха. — Гворлам можно доверять не больше, чем их хозяину. Они отберут у тебя рог, а потом сделают с нами все, что захотят. И они будут смеяться над тобой, заставив работать на себя.

— У меня нет выбора, — ответил Роберт. — Если я найду рог, то вернусь. Если мне не удастся вернуться, ты будешь знать, что я погиб.

— Ты погибнешь в любом случае, — возразил Кикаха.

Раздался глухой удар. Кикаха выругался слабым голосом.

— Если ты скажешь еще что-нибудь, Кикаха, — пригрозил Гагрилл, — я отрежу тебе язык. Властитель этого не запрещал.

ГЛАВА 14

Вольф взглянул на окно, по-прежнему освещенное факелами. Он вошел в воду, довольно прохладную, но не ледяную. Ноги погрузились в густой клейкий ил; казалось, гниющая плоть множества трупов стала частью этой грязи. Он подумал о плавающих в глубине ящерах. Ему крепко повезет, если их не окажется рядом. Однако, если они сейчас поглощены трапезой — объедают тела Смила и Дискибиола... Впрочем, лучше на время забыть о драконах и заняться делом.

Ширина рва достигала в этом месте двухсот ярдов. Вольф доплыл до середины и оглянулся, рассматривая берег. С такого расстояния гворлов уже не было видно.

Но, значит, и они не видели Роберта. К тому же Гагрилл не ограничил его во времени. Однако Вольф знал, что если он не вернется до рассвета, то уже не найдет друзей на берегу

Он нырнул в том месте, куда падал свет из окна. С каждым гребком он опускался все ниже, и вода становилась все холоднее и холоднее. Уши заложило, потом возникла сильная боль. Он выпустил воздух из легких, чтобы ослабить давление, но это почти не помогло. И когда Роберту уже казалось, что барабанные перепонки лопнут, если он спустится ниже, его руки коснулись мягкого ила. Преодолевая желание всплыть на поверхность и избавиться от давления в ушах и глотнуть воздуха, Вольф пошарил руками по дну, но ничего не нашел, кроме ила и чьей-то острой кости. Он заставил себя искать до тех пор, пока не почувствовал, что начинает задыхаться.

Дважды Вольф поднимался на поверхность и снова нырял в глубину. Он понял, что может вообще не найти рог, если даже тот и лежит на дне. Вода была такой мутной, что он мог проплыть в дюйме от него и никогда не узнать об этом. Более того, Смил, видимо, отбросил рог при падении, или водяной дракон мог утащить труп вместе с инструментом в нору и проглотить.

Прежде чем погрузиться в воду в третий раз, Вольф отплыл немного вправо от зоны предыдущих поисков. Он нырнул под прямым углом — вернее, надеялся, что нырнул именно так, поскольку во тьме почти не различал направления. Его руки вспахали ил; он почти касался дна телом, обшаривая пространство вокруг себя, и вдруг его пальцы коснулись холодного металла. Роберт провел ладонью по предмету и нашупал семь маленьких клавиш.

Выбравшись на поверхность, он жадно глотнул воздуха и медленно поплыл назад. Он все больше надеялся на благополучный исход дела: водяные драконы пока не появились.

Его удивила полная темнота вокруг, и он забыл об огромных ящерах. Все исчезло — огни факелов на подъемном мосту, слабые проблески луны в гуще облаков, свет из окна над головой.

Вольф заставил себя плыть дальше, размышляя, что произошло. Вместе со светом пропал и ветер; воздух казался застоявшимся, как в склепе. А значит, он мог находиться только в одном месте, и судьба рассудила так, что, вынырнув на поверхность, Роберт оказался именно здесь. Ему повезло, что он поднимался со дна под косым углом.

Некоторое время Вольф не мог понять, где берег и замок, но, сделав еще несколько гребков, он определил направление. Его руки коснулись камня — каменных блоков стены. Двига-

ясь на ощупь, он обнаружил, что стена изгибается. За плавным изгибом Роберт наткнулся на то, что и надеялся найти. Он нашупал каменные ступени, которые поднимались из воды и вели куда-то наверх.

Роберт медленно поднимался по лестнице, вытянув вперед руку и ощупывая ногой каждый камень. Преодолев двадцать ступеней, он дошел до конца лестницы и увидел коридор, высеченный в скале.

Фон Элгерс или те, кто строил замок, позаботились о потайном ходе. Отверстие в стене ниже уровня воды привело Роберта в небольшую заводь, а затем и в помещения крепости. Теперь он мог пройти незамеченным в замок. Но Вольф не знал, что делать дальше. Может быть, вернуть сначала рог гворлам? А потом он и его спутники проникнут этим путем в обитель барона и разыщут Хрисеиду?

Однако Роберт сомневался, что Гагрилл сдержит слово. Даже если гворлы отпустят пленников, им придется плыть сюда, и кровь из раны Кикахи привлечет водяных драконов. Они погибнут, и у Хрисеиды не останется надежды на спасение. Но оставить Кикаху на берегу и пробираться в замок вдвоем с фунемом тоже нельзя: на рассвете раненого обнаружит стража. Конечно, он может спрятаться в лесу, но там на него могут наткнуться охотники, прочесывающие лес. А этого не миновать, если слуги обнаружат исчезновение трех чужеземных рыцарей.

Вольф решил осмотреть коридор. Ему не хотелось упускать такую возможность. До зари он должен сделать все, что в его силах. Если ничего не получится, он вернется к гворлам с рогом.

А инструмент? Нет смысла брать его с собой. Если Роберта схватят без рога, он может выкупить за него свою жизнь.

Вольф вернулся к лестнице, ступени которой уходили под воду. Он нырнул на дно и оставил рог в иле на глубине около десяти футов.

Вновь выйдя в коридор, Роберт прошел по нему и обнаружил винтовую лестницу, ведущую вверх. Считая ступени, он добрался до пятого этажа. На каждом повороте Вольф ощупывал стену, ища дверь или потайную пружину, но под руку ничего не попадалось.

Где-то на высоте седьмого этажа он заметил вырвавшийся из отверстия в стене крошечный лучик света. Нагнувшись, он заглянул в небольшую щелку. В дальнем конце комнаты за

столом вossaдел барон фон Элгерс. Напротив него расположился Абиру.

Лицо барона раскраснелось, но не только от выпитого вина.

— И это все, что ты мне хотел сказать, хамшем? — сердито закричал он на Абиру. — Или ты заберешь рог у гворлов, или я сниму твою голову с плеч! Но сначала тебя бросят в темницу! А там у меня есть любопытные железные устройства, которые могут тебя очень заинтересовать!

Абиру встал. Несмотря на темную кожу, его лицо побледнело так же, как раскраснелось лицо барона.

— Поверьте мне, ваша светлость, если рог захватили действительно гворлы, он будет возвращен. Им не удастся уйти с ним далеко — если он только действительно у них. Мы легко выследим их банду. Сами знаете, за людей они сойти не могут. К тому же они так глупы...

Барон взревел, вскочил на ноги и треснул кулаком по столу.

— Глупы! Они оказались достаточно умны, чтобы вырваться из своей подземной тюрьмы, а я готов был поклясться, что этого никому не удастся сделать! Они нашли мои покой и забрали рог! А ты называешь их глупыми!

— По крайней мере, они не похитили девушки, — сказал Абиру. — И я получу за нее свои деньги. Она принесет мне сказочное богатство.

— Она тебе ничего не принесет! Девушка моя!

Абиру свирепо взглянул на него и закричал:

— Хрисеида принадлежит мне! Я завладел ею с риском для жизни и пошел на огромные расходы, чтобы доставить ее сюда. Я имею полное право. Да кто ты, наконец, — человек чести или вор?

Фон Элгерс ударил его наотмашь и сбил с ног. Потирая щеку, Абиру тут же вскочил и, без страха взглянув на барона, спросил твердым голосом:

— А как насчет моих драгоценностей?

— Они находятся в моем замке! — закричал барон. — А все, что находится в этих стенах, принадлежит фон Элгерсу!

Он пропал из поля зрения Вольфа — очевидно, открыл дверь. Барон кликнул охрану, и ратники, вбежав в комнату, поволокли Абиру под руки в коридор.

— Тебе еще повезло, что я не убил тебя! — в яности кричал ему вслед барон. — По доброте своей я сохранил тебе жизнь, жалкий пес! Тебе следовало бы пасть на колени

и благодарить меня за это! Сейчас же убирайся прочь из моего замка! Если мне донесут, что ты не спешишь покинуть мои владения, я повешу тебя на ближайшем дереве!

Абиру ничего не ответил; дверь закрылась. Какое-то время барон расхаживал взад и вперед по комнате, затем вдруг двинулся к стене, за которой находился Вольф. Роберт отпрянул от щели и отступил на несколько ступеней вниз. Он надеялся, что избрал для отхода верное направление. Если барон вздумает спускаться по лестнице, Вольфу придется вернуться к воде и даже, возможно, вновь выплыть в ров. Но ему почему-то казалось, что владелец замка отправится на верх.

На секунду свет пропал. В отверстии показался большой палец барона — и часть стены отъехала в сторону. Факел в руке фон Элгерса осветил винтовую лестницу. Роберт пригнулся в тени за поворотом. Затем свет начал слабеть: барон поднимался по лестнице — и Вольф последовал за ним.

Он не мог следить за фон Элгерсом все время. Ему приходилось прятаться на поворотах лестницы — а вдруг барон надумает оглянуться? И Роберт не увидел, как фон Элгерс покинул лестницу. Лишь оказавшись в полной темноте, он сообразил, что барон исчез.

Вольф быстро спустился в комнату, из которой вышел барон, и остановился у глазка. Просунув в него палец, он приподнял вверх небольшую пластину. Вместе с ней поднялась щеколда, замок щелкнул, и перед Вольфом открылась дверь. Ее внутренняя сторона представляла собой часть стены огромных покоев барона. Вольф шагнул в комнату, взял с подставки для оружия тонкий восьмидюймовый кинжал и снова вернулся на лестницу. Закрыв за собой дверь, он двинулся наверх.

Вокруг царил кромешный мрак, и у Вольфа не было никаких ориентиров. Он даже сомневался, что остановился в том месте, где стоял фон Элгерс. Он наспех прикинул расстояние от себя до хозяина замка, когда тот исчез, и ему не оставалось ничего другого, как только попытаться отыскать на ощупь устройство, с помощью которого барон открыл дверь. Роберт приложил ухо к стене, надеясь услышать голоса, но стены хранили молчание.

Его пальцы скользили по кирпичам и крошившейся от старости известке, пока не наткнулись на деревянную панель. Но то оказалась широкая и высокая дверь — и никаких признаков потайного замка.

Он поднялся еще на несколько ступеней и снова ощупал стену. На гладкой поверхности кирпичей не оказалось ни рычагов, ни пружин. Вольф вернулся к стене напротив и ощупал каменные блоки. Ничего.

С ума сойти. Вольф знал: барон отправился в комнату Хрисеиды не для того, чтобы поболтать. Роберт сбежал на несколько ступеней вниз, ощупал стены и вновь ничего не нашел.

Он опять исследовал стены вокруг панели, а затем в отчаянии навалился на дверь. Та даже не шелохнулась. На миг ему захотелось заколотить по ней кулаками. И если бы барон отправился выяснить причину шума, то Вольф мог бы напасть на него сверху.

Но Вольф отбросил эту мысль. Барон слишком хитер, чтобы попасться на такой дешевый трюк. Он вряд ли позовет кого-то на помощь — не пожелает никому открыть секрет потайного прохода. Фон Элгерс может воспользоваться обычным выходом. Конечно, часовой, стоящий за дверью покоеv Хрисеиды, удивится внезапному появлению барона. Но он, скорее всего, подумает, что хозяин вошел к пленнице до смены караула. А если охрана начнет проявлять любопытство, барон заткнет им рот на веки веков. Вольф навалился на дверь с другой стороны, и та распахнулась. Она не запиралась на замок, просто требовалось нажать на определенную сторону панели.

Он тихо застонал — как он не догадался об этом сразу? Роберт сделал шаг вперед. Внутри оказалось темно — он попал в небольшую комнату, напоминающую чулан. Все стены, кроме одной, были выложены из блоков известняка. В деревянной перегородке торчал металлический прут. Прежде чем взяться за него, Вольф приложил ухо к доскам двери. До него донеслись приглушенные голоса — слишком слабые, чтобы понять, кому они принадлежали.

Потянув на себя прут, Роберт привел дверь в движение. С кинжалом в руке он переступил порог и вошел в большое помещение, построенное из крупных блоков. Здесь стояла большая кровать с четырьмя резными столбиками из черного глянцевого дерева и ярко-розовым балдахином с кисточками. За ней виднелось узкое крестообразное окно, через которое он осматривал эту комнату вечером.

Фон Элгерс стоял к нему спиной. Барон сжимал в объятиях Хрисеиду и тащил ее к кровати. Девушка, закрыв глаза, откинула голову назад, уклоняясь от поцелуев негодяя. Вольф отметил, что оба они были одеты.

Он бросился к барону, схватил его за плечи и рванул. Тот выпустил Хрисеиду и потянулся за кинжалом, но вспомнил, что не принес с собой оружия. Очевидно, он боялся, что Хрисеида заколет его при удобном случае.

Раскрасневшееся лицо барона начало сереть. Рот задергался, но от изумления и страха он не успел позвать на помочь стражников, которые стояли за дверью.

И Вольф не дал ему такой возможности. Он отбросил кинжал и ударил барона кулаком в подбородок. Фон Элгерс повалился на пол и лишился чувств. Роберт не терял времени зря. Пройдя мимо побледневшей и удивленной Хрисеиды, он оторвал от простыни две полоски. Меньшую он затолкал в рот фон Элгерса, а большой связал барону руки. Взвалив обмякшее тело на плечо, он повернулся к Хрисеиде и сказал:

— Пошли. Поговорим потом.

Перед уходом Вольф объяснил Хрисеиде, как закрыть за ними дверь. Ему не хотелось, чтобы о расположении тайного хода стало известно сразу в тот миг, когда слуги, обеспокоенные долгим отсутствием барона, в конце концов ворнутся сюда. Хрисеида шла за ним и несла факел, освещая ступени, ведущие вниз. Когда они подошли к воде, Вольф рассказал ей о своем плане побега. Но сначала он отправился за рогом. Достав инструмент со дна, Роберт зачерпнул воду в ладони и плюнул в лицо барону. Увидев, что пленник открыл глаза, он поведал ему о том, что им предстояло сделать.

Фон Элгерс отрицательно замотал головой.

— Либо вы отправляетесь с нами в качестве заложника, рискуя стать добычей водяных драконов, либо умрете прямо сейчас. Каков ваш выбор?

Барон кивнул. Вольф освободил ему руки, но привязал к лодыжке конец шнура. Все трое вошли в воду. Приблизившись к стене, фон Элгерс нырнул. Хрисеида и Вольф последовали за ним. Беглецы проплыли под стеной, край которой находился на четыре фута ниже уровня воды. Вынырнув на другой стороне, Роберт взглянул на исчезающие тучи. Небо прояснялось, а значит, луна скоро вовсю засияет зеленым светом.

Выполняя указание, барон и Хрисеида поплыли наискось к противоположной стене рва. Вольф плыл последним, держа конец шнура в руке. В такой связке они не могли передвигаться быстро. Через пятнадцать минут луна уйдет за монолит, и с другой стороны появится солнце. У Роберта почти не оставалось времени на осуществление своего

плана, но в случае спешки он мог потерять контроль над бароном.

Вольф хотел выбраться на берег в ста ярдах от того места, где его ожидали гворлы и плененные друзья. Еще несколько минут, и они скроются за поворотом замка, и тогда, даже если луна выйдет из-за туч, их не увидят ни гворлы, ни часовые на мосту. Но такой маршрут таил огромную опасность, и каждую секунду их могли обнаружить драконы.

Когда до цели оставалось не больше двадцати ярдов, Роберт вдруг почувствовал какое-то движение в воде. Он обернулся и увидел, что поверхность немного вспучилась и его настигает большая волна. Вольф согнул ноги, изо всех сил ударили ими обо что-то твердое и прочное. Сила удара была такова, что Роберт отскочил в сторону, выпустив конец шнура. Огромная туша проскользнула под ним и Хрисеидой, наткнулась на фон Элгерса — и исчезла в глубине вместе с заложником Вольфа.

Позабыв об уговоре плыть как можнотише, беглецы гребли изо всех сил. И только достигнув берега, взобравшись на небольшой откос и спрятавшись за деревом, Роберт и Хрисеида перевели дух. Жадно хватая воздух ртами, они прильнули к стволу.

Но времени не оставалось, и Вольф не мог ждать, пока отдохнется. Через несколько минут из-за Дузвилнававы появится солнце. Роберт велел Хрисеиде спрятаться. Если он не придет после появления солнца, то не придет очень долго, если вообще придет. В этом случае ей придется затаиться на время в лесу, а потом поступить, как подскажет сердце.

Хрисеида умоляла Вольфа не уходить. Мысль о том, что она останется здесь совершенно одна, казалась ей невыносимой.

— Я должен идти, — ответил он, отдавая ей второй кинжал, который хранил за импровизированным поясом — связанными узлом полами рубашки.

— Если тебя убьют, я заколю себя, — прошептала она.

Роберт чувствовал мучительную боль и сожаление оттого, что оставлял ее здесь без помощи, но по-другому он поступить не мог.

— Лучше убей меня, — рыдала Хрисеида. — Я вынесла столько бед — и не выдержу новых.

Вольф коснулся губами ее губ.

— Ты выдержишь и это, — сказал он — Ты сильнее чем прежде Ты даже не подозревала, какой сильной была

Посмотри на себя. Не моргнув глазом, ты произносишь такие слова, как «смерть» и «убивать».

Пригнувшись, Вольф побежал к тому месту, где оставил друзей и гворлов. Когда до цели оставалось около двадцати ярдов, он остановился и затаил дыхание. Но ничего не услышал, кроме крика ночной птицы и приглушенных пьяных воплей из замка. Встав на четвереньки и зажав кинжал в зубах, он пополз к берегу напротив освещенного окна их комнаты. В любую секунду Вольф ждал появления тошнотворного запаха и группы темных теней на фоне бледнеющей ночи.

Но на берегу никого не оказалось. Лишь остатки серой блестящей и клейкой сети говорили о том, что гворлы ждали его именно здесь.

Вольф заметался по берегу. Но когда стало ясно, что больше никаких следов нет и выползающее из-за горы солнце выдаст его охране на мосту, Роберт вернулся к Хрисеиде. Она прильнула к нему и всхлипнула.

— Видишь, я все-таки пришел, — сказал он. — Но сейчас мы должны уходить.

— Ты поведешь меня к Океану?

— Нет, мы отправимся вслед за моими друзьями.

Обойдя замок, они двинулись к монолиту. Отсутствие барона скоро заметят, и тогда на много миль вокруг укрыться будет негде. Да и гворлы, поняв это, сейчас спешат к Дузвиллаве. Конечно, им хотелось заполучить рог, но оставаться около замка они не могли. Скорее всего, гворлы решили, что Вольф утонул и его сожрали драконы. Поэтому они смирились с потерей инструмента, рассчитывая вернуться за ним немного позже.

Вольф неудержимо рвался вперед. Делая в пути лишь короткие остановки для отдыха, они наконец достигли густого леса Раухвальд. Там им пришлось ползком пробираться под спутанными ветвями терновника и преодолевать непролазные кусты. Суставы ныли, колени кровоточили, и в конце концов Хрисеида рухнула без сил. Вольф собрал несколько горстей ягод. Они проспали всю ночь, а утром вновь пустились в путь на четвереньках. К тому времени, когда Роберт и Хрисеида преодолели Раухвальд, на их тела не осталось живого места. Но, несмотря на опасения Вольфа, на другой стороне леса их никто не ждал.

Это и еще одно обстоятельство несказанно обрадовали его. Он наткнулся на доказательство того, что гворлы тоже шли этой дорогой. На колючках терновника они находили

ключья жесткой шерсти и обрывки ткани. Несомненно, это Кикаха специально отмечал путь на тот случай, если Вольф последует за ними.

ГЛАВА 15

Через месяц Вольф и Хрисеида добрались до подножия монолита Дузвилнававы. Они знали, что находятся на верном пути, так как до них доходили слухи о гворлах. Им даже довелось говорить с людьми, которые видели чудищ издалека.

— Не понимаю, почему гворлы ушли без рога, — недоумевал Вольф. — Может быть, они собираются спрятаться в пещере на склоне горы, а затем вернуться, когда их перестанут искать.

— Или, возможно, они имеют приказ властителя, — добавила Хрисеида. — Приказ привести к нему сначала Кикаху. Он надоел ему, как насекомое в ухе, и властитель, наверное, приходит в бешенство при одной лишь мысли о нем. Очевидно, он хочет убрать Кикаху с дороги перед тем, как отправить гворлов за рогом.

Вольф согласился с ней. И может быть, властитель сам собирался спуститься из дворца по тросам, которыми пользовались гворлы. Хотя это казалось маловероятным — властитель побоялся бы застрять здесь навсегда. Он не мог доверять своим гворлам. А вдруг они отказались бы поднимать его назад?

Роберт осмотрел величественные вершины Дузвилнававы — на этой горе мог бы уместиться целый континент. По словам Кикахи, ее высота в два раза превышала монолит Абхарплунта, который поддерживал ярус Дракландии. Она тянулась ввысь более чем на шестьдесят тысяч футов, а существа, обитавшие на карнизах, в нишах и пещерах, не уступали в мерзости и кровожадности стражам других монолитов. На поверхности Дузвилнававы, неровной, иссеченной ветрами и дождем, изрезанной трещинами, имелась огромная впадина, похожая на темный зевающий рот — казалось, некий гигант готов проглотить любого, кто осмелится досаждать ему.

Осмотрев дикие скалы и оценив их неописуемую высоту, Хрисеида невольно поежилась. Она ничего не сказала, так как давно перестала жаловаться и выказывать страх.

Может быть, она беспокоилась не за себя, подумал Вольф, а за жизнь, которая зарождалась в ней. Хрисеида не сомневалась в своей беременности.

Он обнял ее и поцеловал.

— Я хотел бы начать подъем немедленно, но нам придется потратить несколько дней на приготовления. Мы не справимся с этим чудовищем, если не отдохнем как следует и не запасем еды.

Три дня спустя, облаченные в прочную одежду из оленьей кожи, заготовив веревки, оружие, крюки для восхождения и мехи с водой и едой, они начали подъем. Рог Вольф положил в мягкий кожаный мешок за спиной.

Через девяносто один день они достигли примерно середины пути. Чуть ли не на каждом шагу им приходилось сражаться с гладкой вертикалью, непрочными предательскими скалами и многочисленными хищниками: змеями-многоножками, одну из которых они видели на Таяфаявоэде, волками с огромными цепкими лапами, каменными обезьянами размечом со страуса и мелкими, но смертельно опасными глотопадами.

Роберт и Хрисеида добрались до вершины Дузвилнававы. Через сто восемьдесят шесть дней с начала путешествия. Оба они изменились и душой, и телом. Вольф еще большебросил вес, но в то же время к его силе прибавилась удивительная выносливость. На лице и теле появились шрамы, оставленные глотопадами, каменными обезьянами и топороклювами. Его ненависть к властителю стала еще сильнее, когда примерно на высоте десяти тысяч футов у Хрисеиды произошел выкидыш. Этого следовало ожидать, но, не будь в их жизни властителя, им бы не пришлось карабкаться вверх по чудовищной скале.

Еще до подъема на монолит испытания, выпавшие на долю Хрисеиды, закалили ее физически и психически, но неприятности, поджидавшие их на Дузвилнававе, превосходили прежние беды, и Роберт боялся, что она может не выдержать. Однако Хрисеида оказалась на редкость мужественной, и Вольф окончательно убедился в том, что у нее сильный характер. Тысячелетнее влияние беззаботной жизни в Саду сошло, как старая кожа. Покорив монолит, Хрисеида вновь превратилась в ту женщину, которую вырвали из жестокой и суровой жизни древних эгейцев. Но теперь она стала намного мудрее.

Добравшись до вершины монолита, Вольф решил несколько дней посвятить отдыху. Он охотился, подтягивал луки, заготавливал стрелы и без устали высматривал в небе орлиц. После разговора с Фтией недалеко от разрушенного города у реки Газирит он больше не встречался с ними. Но ни одна красноголовая птица с зелеными перьями так и не появилась,

и, тяжело вздохнув, Роберт решил пробираться через джунгли. Как и в Дракландии, края грани покрывал тысячемильный пояс непроходимых лесов. За ними начиналась Атлантида. Если не считать площади, занимаемой монолитом в центре яруса, на его территории могли бы разместиться Германия и Франция.

Роберту хотелось рассмотреть колонну, на которой находился дворец властителя. Кикаха говорил, что его можно увидеть с края грани. Но весь горизонт застилало огромное темное облако, которое кромсали яркие молнии. Идаквиз-зурхруз скрывала мгла. И сколько бы раз Вольф ни поднимался на высокие холмы или ни забирался на исполинские деревья, он так его и не увидел. Прошла неделя, но грозовые облака продолжали окутывать саваном каменный столп. Это встревожило Роберта: за все три с половиной года, прожитые на этой планете, он не видел такой грозы.

Прошло пятнадцать дней, а на шестнадцатый, пробираясь по узкой заросшей тропе, они нашли обезглавленный труп. В ярде от тела в кустах лежала покрытая тюрбаном голова хамшема.

— Значит, Абиру тоже идет по следу гворлов, — задумчиво произнес Вольф. — Может быть, покинув замок фон Элгерса, гворлы унесли его сокровища. Или он думает, что рог находится у них.

Через полторы мили они наткнулись на хамшема с распоротым животом, из которого торчали внутренности, и человек был еще жив. Вольф попытался расспросить его, но понял, что несчастный уже отходит в мир иной. Он избавил его от мук, заметив, что Хрисеида при этом даже не отвернулась. Роберт заткнул за пояс нож и подобрал кривую хамшемскую саблю. Он чувствовал, что она ему скоро пригодится.

А еще через полчаса Вольф услышал впереди крики. Путешественники поспешили укрыться в кустах. Вскоре на тропу выбежали Абиру и два хамшема, а за ними по пятам вприпрыжку неслась смерть в образе трех приземистых негроидов с разрисованными лицами и длинными курчавыми, выкрашенными в алый цвет бородами. Один из них метнул копье — оно мелькнуло в воздухе и вонзилось в спину хамшема. Тот без звука рухнул наземь и заскользил по мягкой влажной земле, как парусник, уплывающий в вечность, с копьем в спине вместо мачты. Двое его приятелей решили принять бой и остановились.

Вольф был восхищен ловкостью и мужеством, с которыми сражался Абиру. Вскоре его спутник пал с копьем в груди, но Абиру продолжал махать саблей. Он убил двух дикарей, а третий обратился в бегство. Как только негроид исчез, Вольф бесшумно подкрался к хамшему сзади и ударил его ребром ладони по руке. Хамшем выронил ятаган.

Увидев Вольфа, он так испугался и удивился, что потерял дар речи. А при виде вышедшей из кустов Хрисеиды еще больше выпучил глаза. Не дожидаясь, когда Абиру придет в себя, Вольф спросил его, что здесь происходит, и тот, сделав над собой усилие, заговорил. Все произошло так, как Роберт и предполагал. Преследуя гворлов со своими людьми и множеством шолкинов, в нескольких милях отсюда Абиру настиг их. Вернее, гворлы устроили своим преследователям засаду, и в ходе стычки добрая третья хамшемов погибла или была ранена. Гворлы же, которые метали ножи из-за деревьев и кустов, обошлись без потерь.

Хамшемы дрогнули и побежали, надеясь сразиться с гворлами в более удобном месте — если таковое попадется на пути. Но внезапно беглецы и преследователи наткнулись на орду черных дикарей.

— И скоро кто-нибудь из них вернется за тобой, — заметил Роберт. — А что произошло с Кикахой и фунемом Лейксфалком?

— О Кикахе я ничего не знаю. С гворлами его нет. А вот идшский рыцарь с ними.

Вольф задумался. Что делать с Абиру? Вольф привык убивать противника в честном бою. К тому же ему хотелось как следует расспросить хамшема обо всем. Роберт чувствовал, что работоговец не тот, за кого себя выдает. Подталкивая пленника острием ятагана, Вольф повел его по тропе Абиру заупрямился и закричал, что их могут убить, но Вольф приказал ему заткнуться. Через несколько минут послышались крики и стоны. Путники перебрались через мелкий ручей и оказались у подножия крутого высокого холма.

Каменистую поверхность изредка разнообразила скучная растительность. Вдоль тропы, вьющейся вверх по холму, валялись мертвые и раненые гворлы, хамшемы, шолкины и дикиари. Почти у самой вершины, окруженные кольцом черных тел, прижавшись к скале под двумя нависающими огромными камнями, сражались трое — гворл, хамшем и идшский барон. Не успели Вольф и Хрисеида ступить на тропу, как хамшемский воин пал, пронзенный несколькими копьями, наконечники которых напоминали размерами лопату. Вольф

велел Хрисеиде вернуться. В ответ она натянула тетиву и выпустила стрелу. Один из дикарей покатился по склону с древком в спине.

Вольф мрачно усмехнулся и тоже натянул свой лук. Выбирая тех, кто находился с краю толпы, они с Хрисеидой сумели уложить двенадцать дикарей. И тут их заметили: один из дикарей случайно оглянулся и увидел упавшего собрата. Он закричал и начал дергать за руки тех, кто стоял рядом. Дикии завопили и, потрясая копьями, помчались вниз. Большая часть чернокожих продолжала атаковать гврла и идша. Прежде чем дикии добежали до середины склона, четверо из них свалились на землю.

Затем еще трое упали, пронзенные стрелами, и, перелетев через голову, покатились вниз. Оставшиеся шестеро потеряли желание вступать в рукопашный бой. Они остановились и метнули в лучников копья, но расстояние оказалось слишком большим, и те, без труда увернувшись, ловко и хладнокровно подстрелили еще четверых. Двое уцелевших воля побежали назад. Но добраться до своих им не удалось, хотя один из туземцев получил ранение лишь в ногу.

К тому времени пал гврл. Фунем Лейксфалк остался один против сорока дикарей. Его небольшое преимущество заключалось в том, что негроиды могли нападать на него только по двое. Стены из валунов и баррикада из трупов не позволяли наброситься на него всем сразу. Фунем Лейксфалк проворно орудовал окровавленным ятаганом и громко пел боевую идшскую песню.

Вольф и Хрисеида нашли небольшое укрытие за двумя обломками скалы и возобновили атаку с тыла. Когда пятеро дикарей упало замертво, колчаны стрелков опустели.

— Вытаскивай стрелы из трупов и используй их вновь! — закричал Роберт — А я пойду ему на помощь.

Он подобрал копье и побежал к вершине, надеясь, что дикии в пылу схватки не заметят его. Обогнув холм, Вольф увидел двух дикарей, затаившихся на валунах. Навес из огромных камней мешал им прыгнуть на спину рыцаря, и они ждали момента, когда он выйдет из-под своей защиты.

Роберт метнул копье и попал одному из них в ягодицу. Дикарь закричал и свалился со скалы, надо полагать, прямо на своих сородичей. Другой вскочил, повернулся — и, получив удар ножом в живот, упал со скалы спиной вниз.

Вольф нашел камень побольше и потащил его к краю скалы. Подняв камень над головой, он подошел к обрыву и, крикнув, бросил глыбу вниз. Услышав крик, туземцы подняли

головы — и увидели летящий на них камень. Он проломил головы по крайней мере троим и покатился вниз по холму. Остальные в панике начали разбегаться. Возможно, они решили, что Вольф не один. Или недисциплинированные воины дрогнули, заметив свои огромные потери. Вид перебитых стрелами сородичей усилил общую панику.

Роберт надеялся, что они не вернутся. Чтобы подлить масла в огонь, он спрыгнул вниз, схватил все тот же валун и кинул его вдогонку убегавшим. Тот запрыгал вниз по склону словно волк за кроликами, и, перед тем как достичь подножия, раздавил одного из беглецов.

Хрисеида, укрывшись за скалой, выпустила вслед дикарям еще две стрелы.

Вольф повернулся к барону — тот лежал на земле с копьем в груди. Его лицо было серым, из раны струилась кровь.

— Это вы! — слабо воскликнул он. — Человек из другого мира! Вы видели, как я сражался?

— Я видел все. Вы бились, как истинный воин Иисуса, мой друг. Мне никогда еще не доводилось присутствовать при столь великом сражении. Наверное, вы убили не меньше двадцати врагов.

— Двадцать пять. Я считал.

Фунем Лейксфалк едва заметно улыбнулся, затем его улыбка стала шире.

— Мы оба чуть-чуть преувеличили истину, как сказал бы наш друг Кикаха. Впрочем, это действительно был великий бой. Я сожалею лишь о том, что пришлось сражаться одному, без друзей, почти безоружным, и никто не узнает, как фунем Лейксфалк покрыл свое имя славой — неважно, что ему пришлось биться с ордой вопящих голых дикарей.

— Люди узнают о вас, — ответил Роберт. — Когда-нибудь я расскажу им об этом.

Ему не хотелось давать пустых обещаний. И Вольф, и идущие за ним, что смерть подстерегает их за любым поворотом, нетерпеливо вынюхивая след.

— Скажите, вам известно, что случилось с Кикахой? — спросил Роберт.

— А-а, с этим ловкачом? Однажды ночью он избавился от своих цепей. Кикаха попытался освободить и меня, но ему это не удалось. И он ушел, пообещав вернуться и выручить меня. Наверное, он так и сделает, но будет слишком поздно.

Вольф окинул взглядом холм. По склону поднималась Хрисеида, неся несколько извлеченных из трупов стрел.

Оставшиеся в живых дикии столпились у подножия и оживленно заговорили между собой. Из джунглей показалась еще одна группа чернокожих, спешивших на помощь своим сородичам. Вскоре отряд туземцев снова насчитывал сорок воинов. Главным у них был человек, облаченный в перья и страшную деревянную маску. Он трещал трещоткой, прыгал взад и вперед и, похоже, что-то говорил.

Идш спросил Роберта, что происходит. Тот рассказал ему о том, что видел. Идшский рыцарь что-то тихо зашептал.

— Больше всего на свете мне хотелось сражаться рядом с вами, барон Вольф, — услышал Вольф, склонившись к самым губам барона. — О, какой прекрасной была бы пара благородных рыцарей... в доспехах, с могучими мечами... *S'iz kalt.*

Его губы перестали шевелиться и начали синеть. Роберт встал и огляделся. Со всех сторон к вершине холма двигались дикии, отрезав путь к отступлению. Вольф стал перетаскивать тела и складывать их штабелями. В глубине души он надеялся, что негроиды станут нападать на него по одному или хотя бы по двое. И если он перебьет пару десятков, они поостынут и уберутся восвояси. Эта слабая надежда не имела под собой никаких оснований — слишком уж упорны были дикии, и даже большие потери могли не устрашить их. Кроме того, они могли окружить холм и дождаться, пока голод и жажда выгонят Вольфа и Хрисеиду из убежища. Добравшись до середины холма, туземцы остановились. Человек в деревянной маске что-то прокричал — и они вновь быстро полезли вверх по склону. Роберт и Хрисеида ждали. Наконец брошенные копья зазвенели о края валунов и вонзились в баррикаду из мертвых. Вольф выстрелил дважды, Хрисеида — трижды. И каждая стрела попала точно в цель.

Роберт выпустил последнюю стрелу. Она вонзилась в маску вождя, и тот кубарем покатился вниз. Однако вскоре он вновь стоял на ногах. Не обращая внимания на кровь, струящуюся из-под маски, вождь опять повел своих воинов в атаку.

И вдруг из джунглей донесся жуткий вой. Дикии остановились, обернулись и застыли, всматриваясь в окружавшие холм зеленые заросли. И вновь откуда-то из-за деревьев раздался вой и, постепенно слабея, утих.

Из джунглей выбежал человек с волосами цвета бронзы, одетый в набедренную повязку из леопардовой шкуры. В правой руке он сжимал копье, в другой держал длинный нож. На

одном плече у него висело лассо, на другом — лук и колчан со стрелами. И тут из леса хлынула лавина обезьян, громадных, длинноруких, с мощной грудью и острыми кляками.

При виде их дикари закричали и попытались укрыться на другой стороне холма, но оттуда на них неслась другая обезьяня лавина. Точно две волосатые челюсти сомкнулись, пожирая черные тела.

Бой закончился быстро. Несколько обезьян упали с копьями в животах, а большая часть дикарей, покидав оружие, бросилась наутек. Оставшиеся дрожа распластались по земле — их было двенадцать.

Вольф с облегчением рассмеялся.

— Как же тебя зовут на этом ярусе? — прокричал он человеку в леопардовой шкуре.

Кикаха усмехнулся:

— Сам догадайся. Но только с первой попытки.

Увидев барона, он перестал улыбаться.

— Черт! Мне потребовалось слишком много времени, чтобы найти обезьян и привести их сюда! Он был хорошим парнем, этот идш, и мне нравилась его учтивость. Ах, черт! Так или иначе, я обещал ему, если он погибнет, отвезти его прах в замок предков. И я сдержу обещание — правда, не сейчас. Мы еще не закончили свои дела.

Кикаха подозвал несколько обезьян и представил им Роберта.

— Как видишь, они больше похожи на твоего друга Ипсева, чем на обычных обезьян. Ноги у них длиннее, а руки короче. Подобно Ипсеву и в отличие от больших обезьян любимого автора моего детства, у них человеческий мозг. Эти ребята ненавидят властителя за то, что он сделал с ними. И хотят не только отомстить ему, но и обрести возможность еще раз погулять в человеческих телах.

Только теперь Роберт вспомнил про Абиру. Его нигде не было. Очевидно, он убежал в джунгли, когда Вольф бросился на помочь фунему Лейксфалку.

Ночью, сидя у костра и лакомясь жареным мясом оленя, Роберт и Хрисеида услышали историю о катаклизме, который сотрясал Атлантиду.

Все началось со строительства нового храма, который задумалозвести Радамант, владыка Атлантиды, дабы прославить властителя. Его решено было построить выше любого известного на планете здания. Строить храм Радамант согнал

все население страны. Он возводил этаж за этажом, словно хотел достичь самого неба.

Люди спрашивали друг друга, когда же наступит конец работе. Все жили как рабы, с одной лишь целью — строить. Но никто не смел роптать в открытую. Солдаты Радаманта убивали всякого, кто пытался возражать или не мог трудиться. И вскоре стало ясно, что в безумном мозгу Радаманта крылась не только идея строительства храма. Владыке Атлантиды понадобилось воздвигнуть башню, чтобы взять приступом небесный дворец властителя.

— Здание высотой в тридцать тысяч футов? — удивленно спросил Вольф.

— Да. Конечно, проект немыслимый, даже с технологией атлантов. Но Радамант совсем потерял голову. Он действительно планировал штурм дворца. Возможно, его поощряло многолетнее отсутствие властителя, и он решил, что слухи о его исчезновении верны. Вороны отговаривали его, но ему казалось, что они лгут, перестраховываются.

Кикаха сказал, что стихийные бедствия, разрушающие Атлантиду, нечто большее, чем месть властителя за дерзкое высокомерие Радаманта. По-видимому, властитель в конце концов раскрыл секреты устройств, которые находились во дворце..

Исчезнувший властитель принял меры предосторожности, чтобы новый владелец небес не мог манипулировать законами этого мира. Властителю удалось узнать, где находится устройство для вызова бури. И доказательством тому — гигантские ураганы, торнадо и непрерывный ливень, смывавший почву. Разгневанный властитель решил избавиться от жизни на этом ярусе.

Навстречу путешественникам двигался нарастающий поток беженцев, которые рассказывали об огромных зданиях, разрушенных ветром; о людях, унесенных ураганом; о потопах, смывающих не только деревья и живые существа, но даже большие холмы.

Чем дальше шел отряд Кикахи, тем сильнее становился ветер, и вскоре путешественники с трудом преодолевали его напор. Над ними клубились облака, ливень сек тела, со всех сторон ослепительно сверкали молнии.

Но иногда дождь прекращался и молнии гасли. Энергия устройств, используемых Арвуром, истощалась, и, прежде чем вновь пустить в ход, их приходилось перезаряжать. В периоды сравнительного затишья идти становилось легче, и отряд медленно, но верно продвигался вперед. Они переправлялись

через вышедшие из берегов реки, в водах которых плыли останки цивилизации — обломки домов, деревья, мебель, колесницы, тела мужчин, женщин и детей, трупы собак, лошадей, птиц и диких животных. Леса завалило вывороченными с корнем или рассеченными молнией деревьями. Все долины остались под водой; низины заполняли грязные потоки. В воздухе стояла удушливая вонь.

Но когда путешественники прошли добрую половину пути, тучи начали рассеиваться. Они вновь увидели солнце, но лучи его падали на безмолвную мертвую землю. Лишь шум воды и крики чудом уцелевших птиц разбивали могильное надгробие тишины. Иногда по их спинам пробегал холодок от воя сошедших с ума людей.

С неба исчезли последние тучи. Впереди засверкал белый монолит Идаквиззурхруза, до которого нужно было идти еще миль триста по равнине, лишенной горизонта. Город атлантов или то, что от него осталось, виднелся на расстоянии сотни миль. И потребовалось двадцать дней, чтобы добраться до его окраин.

— А властитель нас может заметить? — как-то спросил Роберт.

— Наверное, может — через какой-нибудь телескоп. Я рад, что ты заговорил об этом — нам действительно лучше идти по ночам. Впрочем, он и так о нас узнает. — И Кикаха показал на пролетавшего ворона.

Проходя через развалины столицы, путешественники оказались неподалеку от императорского зоопарка Радаманта, где чудом уцелело несколько клеток. В одной из них сидела орлица. На загаженном полу валялись кости, перья и черепа: запертые в клетке птицам, обреченным на голодную смерть, пришлось поедать друг друга. Истощенная, слабая и несчастная орлица печально сидела на высоком насесте.

Вольф открыл клетку. И не успели они с Кикахой заговорить с орлицей Армонидой, как та попыталась напасть на них. Но Роберт бросил ей несколько кусков мяса и, пока птица насыщалась, рассказал ей о цели путешествия. Армонида обозвала его лжецом и заявила, что он преследует какую-то свою человеческую, а следовательно, недобрую цель. Но, выслушав Роберта до конца, орлица оставила подозрения — она поверила человеку. И когда Вольф сказал, что у него есть план мести властителю, ее тусклые глаза засветились: идея проникнуть во дворец владыки мира воодушевила ее больше, чем мясо.

Три дня Армонида оставалась со своими спасителями, отъедалась, набиралась сил и запоминала слова, которые требовалось передать Подарге.

— Ты увидишь гибель властителя и вернешь себе молодое прекрасное женское тело, — говорил ей Вольф. — Но только в том случае, если Подарга выполнит нашу просьбу.

Армонида прыгнула с утеса и, взмахнув крыльями, начала набирать высоту. Вскоре она превратилась в черную точку и через миг растворилась в зеленом небе.

Роберт и его отряд укрылись в буреломе и с наступлением темноты отправились дальше. Что-то изменилось — и теперь лидером отряда был Вольф. Прежде, с всеобщего молчания ливого согласия, бразды правления держал Кикаха. Однако что-то произошло, и теперь решения стал принимать Вольф. Он сам не понимал, как это случилось. Кикаха, по-прежнему шумный и энергичный, безропотно уступил власть Роберту который отнюдь не стремился к такому положению дел. Ситуация выглядела так, будто Кикаха только и ждал, когда Вольф узнает от него все, что нужно, а затем добровольно уступил ему свое место.

Они продвигались только по ночам и за это время увидели лишь несколько воронов. Очевидно, в такой близости к монолиту путники находились под пристальным наблюдением самого властителя. А возможно, он просто не ожидал, что кто-то посмеет вторгнуться на эту территорию после того, как его гнев разрешился столь чудовищной катастрофой.

Вскоре отряд подошел к огромной груде развалин башни Радаманта. Здесь они нашли столько металла, что его с лихвой хватило для осуществления плана Роберта. Но возникло две проблемы: где раздобыть достаточное количество еды и как скрыть шум при распилке и ковке металла в их маленьких потаенных кузницах. Обнаружив склад зерна и сущеного мяса, они решили первую проблему. Большую часть запасов уничтожил пожар, а затем потоп, но уцелевших продуктов могло хватить на несколько недель. Со второй проблемой они управились, работая в глубоких подземных мастерских. На рыхте туннелей ушло пять дней, но сроки пока не волновали Вольфа. Он понимал, что пройдет немало времени, прежде чем Армонида доберется до Подарги — если только вообще доберется. В пути с ней может случиться все что угодно, не исключая и нападения воронов.

— Что будет, если она не долетит? — спросила как-то раз Хрисеида.

— Тогда мы придумаем что-нибудь еще, — ответил Роберт. Он погладил рог и нажал на семь маленьких клавиш. — Кикаха помнит, где находятся врата, через которые он покинул дворец. Мы можем воспользоваться ими. Хотя из этого, скорее всего, ничего не получится. Нынешний властитель не так глуп и наверняка выставил там надежную охрану.

Прошло три недели. Еды оставалось так мало, что нескольких обезьян пришлось отправить на охоту. Опасность подстерегала путешественников даже ночью: поблизости всегда мог оказаться какой-нибудь ворон. Кроме того, Вольф догадывался, что у властителя есть приборы ночного видения.

В конце четвертой недели Роберт решил отказаться от своих расчетов на Подаргу. Либо Армонида не добралась до нее, либо хозяйка орлиц отказалась ее выслушать.

Ночью, сидя под огромной пластиной, согнутой из стали, он задумчиво смотрел на луну и вдруг услышал хлопанье крыльев. Вольф взглянул в темное небо. В лунном свете мелькнула бледная тень — и перед ним опустилась Подарга. За ней виднелось множество крылатых силуэтов, и сияние луны отражалось в желтых клювах и пылавших огнем свирепых глазах.

Вольф провел гостей вниз по туннелю в большое помещение. В свете маленьких костров он вновь взглянул на трагически прекрасное лицо гарпии. Но теперь, готовясь нанести властителю ответный удар, Подарга светилась счастьем. Ее стая принесла запас еды, и, пока птицы отдыхали, Роберт объяснил гарпии свой план. Когда они обсуждали детали, одна из обезьян, охранявших вход, привела человека. Она поймала его, когда он крался по руинам. Пленником оказался хамшем Абиру.

— Это несчастье для тебя и печальное событие для меня, — произнес Вольф. — Я не могу связать тебя и оставить здесь. Если ты сбежишь и донесешь о нас воронам, властитель будет предупрежден заранее. Поэтому ты должен умереть — если, конечно, тебе не удастся убедить меня в обратном.

Абиру взглянул ему в глаза и увидел там свою смерть

— Очень хорошо, — ответил он. — Но я не хочу и не буду говорить перед всеми. Поверь мне, я должен переговорить с тобой наедине. Речь идет не только о моей жизни, но и о твоей.

— Мне нечего скрывать от присутствующих, — ответил Роберт. — Рассказывай.

Кикаха нагнулся к уху Вольфа и прошептал:

— Лучше сделай, как он говорит.

Слова друга удивили Вольфа. К нему вернулись сомнения насчет истинного лица Кикахи. Обе просьбы казались настолько странными и неожиданными, что у него на миг возникло чувство неестественной отстраненности. Он как будто уплывал куда-то от всех.

— Если никто не возражает, я хотел бы выслушать его наедине, — произнес Вольф.

Подарга нахмурилась и открыла рот. Но не успела она ничего сказать, как ее перебил Кикаха:

— О Великая, настало время для доверия. Ты должна поверить нам и положиться на судьбу. Неужели ты хочешь упустить единственную возможность отомстить и вернуть себе человеческое тело? Нам нужна твоя помощь. Но если ты сейчас вмешаешься, все пропало.

— Я не знаю, что здесь затевается, но чувствую, что меня хотят обмануть, — сказала Подарга. — Я сделаю, как ты скажешь, Кикаха, ибо я знаю тебя и верю, что ты злейший враг властителя. Но не испытывай моего терпения слишком долго.

И тут Кикаха прошептал Вольфу нечто еще более странное:

— Я узнал Абиру. Меня вводила в заблуждение его борода и краска на коже. К тому же я двадцать лет не слышал его голоса.

Сердце Роберта забилось от смутного и тревожного предчувствия. Он взял ятаган и проводил Абиру, которому связали руки, в маленькую комнату. И здесь он выслушал его.

ГЛАВА 16

Через час Вольф вернулся. Он выглядел совершенно ошеломленным.

— Абиру пойдет с нами, — сказал он. — Он может оказаться очень полезным. А сейчас нам нужны каждые лишние руки. К тому же Абиру многое знает.

— Ты не хотел бы объясниться? — спросила Подарга.

Она сузила глаза, на ее лице застыла маска бешенства.

— Нет, не хочу и не буду, — ответил Вольф. — Я как никогда уверен в себе и в победе. Но не устали ли твои орлицы, Подарга? Они летели сюда всю ночь. Может быть, дать им отдохнуть до завтрашней ночи?

Гарпия ответила, что они готовы хоть сейчас выполнить любое поручение. Она не хотела оставаться здесь ни минуты.

Роберт отдал распоряжения. Кикаха передал их обезьянам, которые подчинялись только ему. Они вынесли наружу большие металлические брусья и веревки, остальные последовали за ними.

В ярком свете луны они скрепили тонкие, но крепкие брусья крест-накрест. Люди и пятьдесят обезьян залезли в плетеные люльки, прикрепленные к крестовинам, и на всякий случай привязались ремнями. Одни орлицы взялись за веревки, продетые в кольца на концах брусьев, другие за канаты, привязанные к перекрестьям. Вольф подал сигнал. И хотя возможности потренироваться не было, все птицы разом захлопали крыльями, оторвались от земли и медленно взлетели. Вольф с Кикахой рассчитали, что для того, чтобы набрать высоту, длина канатов должна составлять не меньше пятидесяти футов, и лишь тогда птицы могли бы поднять конструкции с привязанными к ним пассажирами.

Вольф почувствовал внезапный рывок и оттолкнулся ногами от земли. Крестовина накренилась, несколько лолек едва не врезались в соседние брусья, но Подарга, взлетевшая выше всех, быстро отдала необходимые распоряжения. Орлицы стали подтягивать канаты, и равновесие мало-помалу восстановилось. Через несколько секунд все крестовины оказались на одном уровне.

На земле этот план не удался бы. Птица размером с орлицу могла бы подняться в воздух, лишь спикировав с высокого утеса. Но и тогда ей не хватило бы скорости полета — она бы все больше теряла высоту, пока не рухнула бы на землю. Однако властитель наделил орлиц мышцами, сила которых соответствовала их весу.

Они поднимались все выше и выше. Бледная поверхность монолита в миle от них мерцала в лунном свете. Роберт вцепился в ремни своей люльки и посмотрел на других. Хрисеида и Кикаха помахали ему. Абиру не пошевелился. Руины великой башни Радаманта становились все меньше и меньше. Поблизости не было видно ни одного ворона, а значит, никто не мог предупредить властителя. Но чтобы этого не случилось, орлицы, которым не досталось нести живой груз, развернулись в воздухе широкой цепью. Казалось, они заполнили все пространство; от громкого хлопанья крыльев у Вольфа заложило уши, и ему почудилось, что этот шум разносится на много миль вокруг.

Теперь он мог одним взглядом окинуть опустошенную Атлантиду, которая раскинулась внизу. Вскоре стал виден край яруса, под которым лежала Дракландия — огромный

темный полудиск. Через несколько часов показался массив Америндии — и снова край яруса. Сад Океана казался таким далеким, что почти не был виден.

Здесь, на этой высоте, монолит был настолько узок, что можно было видеть сразу и луну, и солнце. Пока орлицы летели в тени Идаквиззурхруза. Но это не могло продолжаться долго. Вскоре появится солнце, и первый же ворон увидит их за много миль. Поэтому птицы подлетели к монолиту поближе, и теперь их мог заметить только тот, кто стоял бы на самом краю грани.

Через четыре с лишним часа, как раз в тот момент, когда стаи коснулись первые лучи солнца, они оказались у вершины. Прямо у края яруса начинался сад властителя неописуемой красоты. За ним возвышались башни, минареты, арочные и кружевные конструкции дворца высотой футов двести, который занимал, по словам Кикаки, больше трехсот акров.

Но путешественники не успели полюбоваться чудесным зреющим: вороны в саду подняли гвалт. Сотни любимиц Подарги налетели на них и стали рвать в клочья. Другие птицы устремились к многочисленным окнам, намереваясь ворваться внутрь и отыскать властителя.

Роберт заметил, что многим из них это удалось, — но тут начали действовать ловушки. Пролетая в проемы, птицы с громким треском вспыхивали и, обугленные до костей, падали с карнизов на землю, на крыши беседок и арки переходов.

Люди и обезьяны выбрались из люлек недалеко от ромбовидных ворот из розовых каменных плит, украшенных рубинами. Орлицы выпустили из когтей канаты и собирались возле Подарги ожидая ее приказаний.

Вольф отвязал канаты от металлических колец на перечных балках, поднял крестовину над головой и, отойдя на несколько шагов от ромбовидного проема, метнул в него стальной крест. Одна перекладина влетела в проход, а перпендикулярная ей штанга зацепилась за косяк.

Ворота объяло пламя. Грохот оглушил Вольфа. Рядом с ним вспыхнули дуги электрических разрядов. Внезапно из дверей дворца повалил дым, и молнии исчезли. Разрядное устройство либо сгорело от перегрузки, либо временно отключилось.

Роберт быстро осмотрелся. Из всех входов рвалось пламя или валил дым от перегоревших блоков защиты. Орлицы хватали перекладины люлек и бросали их в окна наверху. Вольф перепрыгнул через лужу раскаленной добела жидкости оставшуюся от металлических балок, и ворвался в

здание. К нему присоединились Хрисеида и Кикаха, вбежавшие в другую дверь. За Кикахой ввалилась толпа гигантских обезьян с мечами и боевыми топорами.

— Ты начинаешь вспоминать? — спросил Кикаха.

Вольф кивнул:

— Еще не все, но надеюсь, пока и этого хватит. Где Абиру?

— За ним присматривают Подарга и пара обезьян. Он может воспользоваться ситуацией и навредить нам.

Роберт повел отряд через зал, настенные фрески которого вызвали бы восторг и благоговение даже у самых разборчивых землян. В дальнем конце помещения находился низкий проем, края которого покрывала ажурная сеть из мерцающего голубоватого металла. Не успели путешественники подойти к нему, как под потолком пронесся ворон, пытавшийся скрыться от настигавшей его орлицы.

Птица юркнула в проход — и наткнулась на невидимый экран. В мгновение она превратилась в мелкие кусочки мяса, костей и перьев. Летевшая следом орлица пронзительно закричала и попыталась увернуться, но по инерции проскочила в проем — и ее тоже разрезало на мелкие кусочки.

Вольф осторожно подошел к проходу.

— Теперь все должно быть в порядке, — сказал он. — Хорошо, что ворон первым активировал экран. Я о нем совсем забыл.

На всякий случай Роберт выставил вперед меч, но сообразил, что ловушка, вероятно, настроена на живую материю. Оставалось лишь довериться возвращавшейся памяти. Он шагнул вперед и почувствовал только слабое дуновение ветерка. Остальные последовали за ним.

— Властитель сидит в центре дворца — там, где расположен пульт управления обороной, — сказал Вольф. — Часть охраны рубежей работает автоматически, но остальной аппаратурой он может управлять сам — если, конечно, уже выяснил, как она действует. Впрочем, времени для этого у него было достаточно.

Они прошли не меньше мили по коридорам и комнатам, которые человек со вкусом мог бы рассматривать несколько дней. Время от времени грохот и крики подсказывали им, что где-то во дворце сработала еще одна ловушка.

Раз двенадцать Вольф останавливал отряд. Хмурясь, о чем-то думал, словно вспоминал, и, вспомнив, улыбался. Потом сдвигал какую-нибудь картину под определенным углом или касался какого-нибудь места на фреске: глаза раскрашенного

дикаря, рога буйвола на пейзаже Америндии или рукоятки меча в ножнах тевтонского рыцаря на батальной картине. И отряд двигался дальше.

Наконец Вольф подозвал к себе орлицу.

— Приведи Подаргу и остальных, — велел он. — Им больше не надо жертвовать собой. Я знаю дорогу. — Он обернулся к Кикахе: — С каждой минутой мое *deja vu* становится сильнее. Я почти ничего и не помню — только некоторые детали.

— Но пока они имеют решающее значение, нам больше ничего и не нужно, — улыбнулся Кикаха. Его лицо светилось упоением боя. — Теперь ты понимаешь, почему я не смел объявиться здесь раньше? Наглости у меня хоть отбавляй, но не хватало знаний.

— Ничего не понимаю, — сказала Хрисеида.

Роберт привлек ее к себе и сжал в объятиях.

— Скоро ты все узнаешь — если только нам удастся победить. Мне придется многое рассказать, а тебе многое простить.

Внезапно дверная панель перед ними отъехала в сторону, и в комнату с лязгом шагнул человек в доспехах. В одной руке он держал огромный топор, размахивая им, словно перышком.

— Это не человек! — закричал Вольф. — Это один из толосов властителя!

— Робот! — воскликнул Кикаха.

Да, робот, подумал Вольф, но не совсем такой, какого представляет себе Кикаха. Робот состоял не только из стали, пластика и электрических проводов. Наполовину он представлял собой протеиновое существо, созданное в биобанках властителя. Робот обладал потрясающей жизнеспособностью, недоступной для неодушевленных машин. В этом была его сила и в то же время слабость.

Вольф быстро отдал необходимые распоряжения, и Кикаха приказал стоявшим позади обезьянам подчиниться Роберту. Двенадцать обезьян вышли вперед и, встав бок о бок, одновременно метнули в толоса боевые топоры. Тот попытался уклониться, но несколько топоров попали в цель — и если бы не доспехи, разнесли бы механического человека на части. Робот упал, перекатился и попытался встать. Но Вольф подбежал к нему и ударил ятаганом по шее. Клинок сломался, даже не поцарапав металла. Но толос снова рухнул.

Роберт отбросил оружие, обхватил робота за пояс и поднял. Лишенное голосовых связок, бронированное существо молча отбивалось. Вольф ударил толоса о стену, и чудище в

доспехах рухнуло на пол. Когда робот вновь стал подниматься на ноги, Вольф выхватил кинжал и вонзил его в одно из глазных отверстий. Раздался треск, кончик ножа обломился, и бронированный кулак отбросил Роберта в сторону. Но Вольф тут же снова подскочил к противнику, схватил металлическую руку, вывернул ее и перебросил робота через плечо. После чего поднял толоса и, побежав к окну, бросил с четвертого этажа головой вниз.

Толос несколько раз перевернулся в воздухе и с лязгом грянулся о землю. Несколько мгновений он лежал, как сломанная игрушка, и вдруг снова стал подниматься. Роберт позвал орлиц, сидевших на высокой арке. Они вспорхнули, спланировали вниз — две пары когтей вцепились в руки толоса и подняли его в воздух. Но, очевидно, он оказался слишком тяжелым, и птицы спустились вниз, неся робота в нескольких дюймах от земли. Они полетели над травой между арок и замысловатых резных колонн к краю монолита, с которого намеревались сбросить свой груз. Вряд ли доспехи толоса выдержали бы силу удара при падении с высоты тридцати тысяч футов.

Где бы ни прятался властитель, он видел гибель выпущенного им толоса. Дверь вновь отъехала в сторону, и в комнату вошло еще двадцать роботов с топорами. Вольф велел обезьянам приниматься за дело, и те опять начали метать топоры, сбивая толосов с ног. Обезьяны, каждая размежом поболее гориллы, бросались в атаку и наседали на толосов небольшими группами. И хотя андроиды были гораздо сильнее обезьян, но вдвое уступали им в численности. Пока одна обезьяна боролась с роботами, другая хватала голову шлем и сворачивала ее набок. Металл трещал, шейные соединения лопались с резким звуком, шлемы катились по полу, и из них вытекала жидкость, напоминающая сукровицу. Обезглавленных толосов поднимали, передавали из рук в руки и выбрасывали из окон. А орлицы уносили их за край яруса.

И все же семь обезьян погибли: одни пали под ударами топоров, другим андроиды открутили головы. Быстро обучавшиеся протеиновые мозги полуавтоматов заставляли своих хозяев слепо имитировать действия противников — словно это могло им помочь.

Расправившись с роботами, отряд вышел в коридор. И вдруг спереди и сзади, откуда-то сверху начали опускаться толстые металлические листы. Вольф вспомнил об этой ловушке только тогда, когда перегородки поползли вниз. Они двигались довольно быстро, но Вольф успел опрокинуть мраморную

статую вместе с пьедесталом. Конец упавшей колонны угодил прямо под перегородку и помешал ей полностью закрыться. Край металлической пластины начал медленно крошить камень пьедестала. Люди и обезьяны быстро выползли на спинах через сокращающуюся щель. Коридор начало заливать водой. Если бы перегородка успела закрыться, всех ожидала бы неминуемая гибель.

Бредя по колено в воде, они прошли по другому коридору и поднялись еще на один лестничный марш. Вольф остановился у окна и метнул в него топор. Убедившись, что система защиты обезврежена, он выглянулся наружу и подозвал к себе орлиц. После того как скользящие плиты преградили им путь, птицы выбрались наружу и пытались найти другой маршрут.

— Мы приближаемся к центру дворца, — сообщил всем Роберт. — Здесь в одной из комнат находится властитель. Начиная с этого места, в стенах коридоров установлены дюжины лазерных установок. Лучи создают заслон, через который никто из нас живым не пройдет. — Он помолчал и добавил: — Властитель может сидеть там вечно. Лазеры потребляют очень мало энергии, а еды и питья ему хватит, чтобы выдержать самую долгую осаду. Но есть одно старое военное правило, которое гласит: любую оборону, какой бы внушительной она ни казалась, можно прорвать, если найти правильное направление атаки. — Вольф повернулся к Кикахе. — Когда тебе пришлось отправиться через врата на ярус Атлантиды, ты оставил полумесяц здесь. Может быть, ты помнишь, где он лежит?

Кикаха усмехнулся:

— Конечно! Я сунул его под статую в комнате, которая находится неподалеку от бассейна. А вдруг его нашли гвормы?

— Тогда мне придется придумать что-то еще. Надо посмотреть — может быть, нам удастся найти полумесяц.

— Что ты задумал? — тихо спросил Кикаха.

Роберт объяснил, что у Арвура есть путь к отступлению. Насколько он помнил, в центре управления находится полу-месяц, вделанный в пол, и здесь же хранилось несколько запасных половинок. Каждая из них, входя в контакт с неподвижным полумесяцем, открывала врата во вселенную, на которую была наведена. Но ни одна из этих половинок не обеспечивала доступ на другие уровни многоярусной планеты. И только рог мог открывать врата между ними.

— Хорошо, — согласился Кикаха. — Но даже если мы и найдем полумесяц — какая нам от него польза? Его надо

совместить с другой половинкой. А где ее взять? И потом — любой, кто воспользуется кругом, тут же окажется на Земле.

Вольф ткнул пальцем в кожаный мешок, который висел у него за спиной.

— У меня есть рог.

Друзья зашагали по коридору. Подарга бросилась за ними.

— Что вы затеваете? — свирепо закричала она.

Вольф ответил, что пытаются найти способ проникнуть в центр управления, и попросил Подаргу остаться за старшую, пока их не будет. Но она не согласилась, сказав, что чем ближе они подходят к властителю, тем больше ей хочется не спускать с них глаз. И если они задумали пробраться в покой хозяина дворца, им придется взять ее с собой. Гарпия напомнила Вольфу, что когда-то он пообещал отдать ей властителя, чтобы она могла сделать с ним все, что пожелает. Вольф только пожал плечами и двинулся дальше.

Они отыскали комнату со статуей, под которой Кикаха спрятал полумесяц, но во время битвы обезьян и гволов ее сбросили с пьедестала. По всей комнате валялись трупы. Вольф замер от удивления. С тех пор как они вступили во дворец, он не видел ни одного гволя и считал, что все они погибли во время боя с дикарями. По-видимому, властитель отправил за Кикахой только часть своих помощников.

— Полумесяц исчез! — воскликнул Кикаха.

— Удивляться нечему — прошло столько лет, — произнес Вольф. — Но скорее всего половинки забрали после того, как статую свалили. И я, кажется, знаю, кто присвоил полумесяц. Вы видели Абиру?

Воспользовавшись суматохой в начале штурма, Абиру скрылся, и гарпия, которой поручили не спускать с него глаз, больше его не видела.

Кикаха и Роберт помчались к лаборатории. Подарга, расстопырив крылья, поспешила следом. Пробежав по коридорам около трех тысяч футов, Вольф остановился у двери лаборатории и с трудом отышался.

— Ваннакс мог уже добраться до центра управления и уйти, — сказал Роберт. — Но возможно, он еще складывает полумесяцы, и если мы хотим застать его врасплох, нам надо подкрасться незаметно.

— Ваннакс? — переспросила Подарга.

Роберт выругался про себя. Ему не хотелось до поры до времени раскрывать личность Абиру. Подарга так ненавидела властителя, что тут же убила бы его. А Вольфу он был нужен живым, так как мог оказаться весьма полезным в поисках

властителя. За помощь Роберт обещал отправить его в другой мир, чтобы тот еще раз мог попытать счастья. Ваннакс поведал Вольфу о том, как ему удалось вернуться в эту вселенную.

После того как Кикаха (а тогда Финнеган) по воле случая прошел через круг, забрав с собой полумесяц, Ваннакс, не жалея сил, продолжал поиски другой половинки, и удача улыбнулась ему в скобяной лавке города Пеория, штат Иллинойс. Как он туда попал и какой властитель потерял его на Земле, никто никогда уже не узнает. Несомненно одно: в разных местах на Земле хранились и другие полумесяцы. С помощью найденной половинки он прошел через врата, расположенные на ярусе Америндии. Затем Ваннакс поднялся по Абхарп-лунте в Хамшем, и ему повезло еще раз — он захватил гворлов, Хрисеиду и рог. После этого он отправился в Атлантиду, надеясь так или иначе проникнуть во дворец.

— Старая поговорка гласит: нельзя доверять властителю, — прошептал Вольф.

— Что ты сказал? — вскричала Подарга. — Я еще раз спрашиваю, кто такой Ваннакс?

Вольф облегченно вздохнул — она не знала этого имени.

— Так иногда называли Абиру.

Не желая и не имея больше времени отвечать на другие вопросы, он распахнул дверь и вбежал в лабораторию. Помещение оказалось таким широким, с таким высоким потолком, что, пожалуй, могло вместить дюжину реактивных авиа-лайнеров. Но почти все свободное место было уставлено шкафами и консолями с различной аппаратурой. В сотне ярдах друзья заметили Ваннакса, который склонился над огромным пультом и нажимал какие-то кнопки.

Все трое молча двинулись к нему. Подойдя поближе, они увидели на пульте два соединенных полумесяца. На широком экране перед Ваннаксом появилось призрачное изображение третьей половинки. По экрану побежали волнистые светлые линии.

Когда рядом с изображением полумесяца появилось другое, Ваннакс ахнул от восторга, быстро нажал на несколько клавиш и сблизил половинки. Они слились в одно кольцо.

Роберт знал, что машина запустила частотный искатель и обнаружила частоту полумесяца, вделанного в пол центра управления. Вслед за этим Ваннакс подверг сцепленные на пульте половинки какому-то воздействию, в результате чего их резонансная частота и полумесяца в центре управления совпала. Где Ваннакс раздобыл вторую половинку, оставалось

гайной. Вольф подумал о полумесяце, который Ваннакс прошел через врата в Америндю. Ему как-то удалось скрыть эту вещь при обыске, когда его поймала обезьяна. Очевидно, он прятал полумесяц в каком-то укромном месте.

Ваннакс поднял голову и увидел троих преследователей. Быстро взглянув на экран, он сорвал полумесяцы с пружинных зажимов на пульте. Вольф и Кикаху бросились к нему — но поздно: Ваннакс положил на пол обе половинки, захотел, сделал непристойный жест и шагнул в круг, сжимая в руке кинжал.

Роберт закричал от отчаяния. Они не успели помешать ему. Внезапно помещение озарила мощная вспышка — Вольф остановился и закрыл лицо руками. Он услышал, как позади заскрипнули Кикаха и Подарга. А затем раздался вопль Ваннакса, и в воздухе запахло паленым мясом и горящими тряпками.

Вольф вслепую сделал несколько шагов, и его ноги коснулись трупа.

— Что происходит, черт возьми? — спросил Кикаха. — Боже мой, я надеюсь, мы не ослепнем навсегда!

— Ваннакс хотел проскочить через врата в центр управления, — сказал Вольф. — Но Арвур расставил там ловушку. Он мог бы просто разрушить аппаратуру, но ему хотелось убить человека, который попытается использовать его.

Роберт стоял и ждал, сознавая, что драгоценное время проходит. Но он ничем не мог помочь ни делу, ни друзьям, пока с нему не вернется зрение. Наконец, после невыносимо долгого ожидания, зрение начало восстанавливаться.

Ваннакс лежал на спине, обугленный до неузнаваемости. Оба полумесяца по-прежнему составляли круг. С ними ничего не случилось.

Роберт повернулся к Кикахе и тихо шепнул:

— Он предал нас, но сослужил нам добрую службу. Я собирался проделать такой же трюк. И если бы мы нашли полумесяц под статуей, я бы изменил его резонанс, а затем активировал половинку с помощью рога.

Делая вид, что осматривает пульты в поисках других ловушек, Вольф увлек Кикаху подальше от Подарги.

— Я не хотел этого делать, но, видимо, придется, — прошептал он. — Если мы хотим выманить Арвура из центра управления или добраться до него, прежде чем он сбежит через круг из полумесяцев, нам придется воспользоваться югом.

— Я не понимаю тебя, — сказал Кикаха.

— Во время строительства этого дворца я внедрил термическое вещество в пластиковую оболочку центра управления. Его можно сдетонировать определенной последовательностью звуков рога. Нужно только проделать один небольшой трюк. Мне очень не хочется воспламенять этот материал, потому что тогда пропадет и центр управления. И тогда дворец будет беззащитен перед другими властителями.

— Тебе виднее, — сказал Кикаха. — А тут есть какая-нибудь штука, которая могла бы помешать Арвуру смыться через полумесяцы?

Вольф улыбнулся и показал на пульт.

— Ему следовало уничтожить это оборудование, вместо того чтобы ублажать свое садистское воображение. Как и всякое оружие, оно обоюдоострое.

Он активировал управление, и на экране снова засияло изображение полумесяца и побежали волнистые светлые линии. Вольф перешел к другой стойке и, распахнув небольшую дверцу наверху консоли, открыл панель приборов управления без поясняющих надписей. Щелкнув двумя переключателями, он нажал на кнопку. Экран погас.

— Резонанс его полумесяца изменен, — сказал Вольф. — Когда он захочет воспользоваться им и соединит его с любой из других своих половинок, ему придется испытать дьявольское потрясение. Хотя и не такое сильное, как Ваннаксу. Ему попросту некуда будет бежать — врата исчезнут.

— Вы, властители, подлый, изобретательный и коварный народ, — сказал Кикаха. — И все равно мне нравятся твои манеры.

Кикаха вышел из помещения, и через мгновение в коридоре раздался его крик. Подарга бросилась было на помощь, но у двери вдруг остановилась и устремила на Вольфа подозрительный взгляд. Тот поспешил направиться к двери. Подарга, убедившись, что он следует за ней, выскочила в коридор. Вольф сразу остановился, быстро вынул из футляра рог, сунул палец в раструб и нашупал небольшое отверстие в паутинообразной сеточке. Потом вытащил сеточку, перевернулся, вставил на место, положил рог обратно в чехол и бросился следом за гарпией.

Та уже стояла рядом с Кикахой. Оказалось, что его ввела в заблуждение рыскавшая по коридорам орлица, которую он принял за гворла. Вольф сказал, что им надо вернуться к

остальным. Он не стал объяснять, что рог должен находиться на определенном расстоянии от стен центра управления.

Когда они вернулись к проходу в убежище Арвуря, Вольф открыл чехол. Кикаха встал позади Подарги. Если она вздумает помешать, он просто оглушит ее. Как тогда справиться с орлицами — другой вопрос. Возможно, на них придется на пустить обезьян.

Однако, увидев инструмент, Подарга лишь вскрикнула.

Роберт поднес рог к губам, надеясь, что ему удастся правильно воспроизвести последовательность нот. После слущая с Ваннаксом он многое вспомнил, но большая часть сознания по-прежнему дремала.

Но не успел Вольф протрубить, как в коридоре загремел голос. Казалось, что он шел из пола, стен и потолка — отовсюду. Он говорил на языке властителей. Вольф обрадовался — Подарга не знала этого языка.

— Ядвин! Я увидел рог и узнал тебя. А то все гадал, на кого ты похож. Да, мне следовало бы узнать тебя раньше. Но столько времени прошло! Ты-то сам помнишь?

— Века. А может, тысячелетия. Все зависит от временной шкалы. Итак, мы, два заклятых врага, снова встретились лицом к лицу. Но на сей раз у тебя нет выхода. Ты умрешь, как умер Ваннакс!

— И как же ты доберешься до меня? — проревел голос.

— Я заставлю расплавиться стены твоей, казалось бы, неприступной крепости. А ты либо останешься в ней и зажаришься живым, либо выйдешь ко мне и примешь иную смерть. Но я не думаю, что тебе удастся там усидеть.

Внезапно ему в голову пришла тревожная мысль: а ведь он несправедлив. Если Подарга убьет Арвуря, она отомстит не тому, кто виноват в том, что с ней случилось. И неважно, что Арвур сделал бы то же самое, будь он в то время властителем этого мира.

С другой стороны, Вольф тоже не виноват. Он больше не Владыка Ядвин, который создал эту вселенную и так дурно управлял ею и множеством существ, похищенных с Земли. Потеря памяти оказалась полной. Ядвин исчез, и из пустоты возник Роберт Вольф — совершенно новый человек. И он не мог поступить так, как действовал Ядвин и любой другой властитель.

И, несмотря на возвращение памяти о прожитой жизни, он по-прежнему оставался Вольфом. Воспоминания будили в

нем боль, раскаяние и стремление исправить ошибки. И сейчас он даст Арвуру погибнуть страшной смертью за преступление, которое тот не совершал, — разве это будет достойным началом?

— Ядвин! — проревел Арвур. — Ты можешь думать, что выиграл этот ход! Но на самом деле победил я! Я могу выложить на стол еще одну монету, и ее цена намного выше цены твоего рога!

— И что же это за монета? — спросил Вольф. У него появилось недобродушное предчувствие, что Арвур говорит правду.

— Когда меня выселили из Чиффаенира, я прихватил с собой несколько бомб и одну из них установил под твоим дворцом. Когда мне будет нужно, она взорвется и снесет всю макушку этого монолита. Конечно, я тоже погибну, но прихвачу в могилу своего старого врага. Как жаль, что твою женщину и твоих друзей ожидает смерть! Подумай о них!

Вольф подумал. И ему стало не по себе.

— Каковы твои условия? — спросил он. — Я знаю, что тебе не хочется умирать. Ты жалок, и мне давно следовало бы убить тебя. Все эти десять тысяч лет ты только и делал, что цеплялся за свою никчемную жизнь.

— Довольно оскорблений! Так ты согласен пойти на уступки? Мой палец в дюйме от кнопки! — прокричал Арвур и захотел. — Даже если я блефую, а это не так, ты же не станешь рисковать?

Вольф передал свой разговор с Арвуром друзьям, которые слушали, но не понимали ни слова. Впрочем, они и так догадывались, что грядет решающий момент. Роберт рассказал все, опустив лишь подробности своей связи с властителем.

Подарга выглядела разочарованной и взбешенной.

— Спроси, каковы его условия, — злобно прошипела она. Потом придвинулась к Вольфу и тихо добавила: — После того как все кончится, тебе, о Вольф, придется объяснить мне очень многое.

В ответ на вопрос Арвур злорадно расхохотался:

— Ты должен отдать мне серебряный рог — самую драгоценную и уникальную работу мастера Илмарволкина. Я открою им врата на дне бассейна и спущусь на ярус Атлантиды. Это все, чего я хочу. И ты должен пообещать мне, что никто не последует за мной, пока не закроются врата.

Вольф несколько секунд обдумывал предложение.

— Прекрасно. Можешь выходить. Как Вольф я клянусь тебе рукой Детьюва. Я клянусь, что отдашь тебе рог и не пошлю за тобой никого, пока не закроются врата.

Арвур засмеялся:

— Я выхожу.

Дверь в конце коридора распахнулась. Зная, что Арвур теперь его не слышит, Вольф быстро объяснил Подарге свой план.

— Арвур считает, что мы у него в руках, и, по-видимому, вполне в этом уверен. Он выйдет через врата неподалеку от Иквеквы, пригорода столицы Атлантиды. Он бы достался тебе и твоим орлицам, не будь в десяти милях оттуда другой резо-нансной точки. Когда он протрубит в рог, там откроется проход, через который Арвур войдет в другую вселенную. Я покажу тебе, где находится это место, когда он уйдет через бассейн.

Арвур уверенно приближался. Это был широкоплечий и красивый мужчина с волнистыми белокурыми волосами и голубыми глазами. Он взял у Вольфа рог, отвесил иронический поклон и зашагал дальше по коридору. Подарга смотрела ему вслед с таким бешенством, что Роберт испугался, как бы она не бросилась на врага. Пришлое напомнить гарпии, что он дал слово не только ей, но и Арвуре.

Арвур шел мимо притихших и грозных бойцов с таким равнодушием, словно прогуливался среди мраморных статуй. Роберт не стал дожидаться, когда он доберется до бассейна, и тут же направился к центру управления. Окинув взглядом приборы, он понял, что Арвур включил временной таймер взрывателя бомбы. И конечно же, оставил какой-то запас времени, чтобы успеть уйти. Отсоединяя устройство взрывателя, Вольф взмок от волнения. Вернулся Кикаха, который следил за Арвуром до самых врат в бассейне.

— Он ушел, это точно, — сказал Кикаха, — но переход оказался не таким легким, как он думал. Место выхода было под водой. Он нырнул и поплыл. Когда врата закрывались, он все еще плыл.

Вольф отвел Подаргу в огромный зал с картами на стенах и показал городок, вблизи которого располагались врата. Затем показал этот же район на экране вблизи. Подарга с минуту изучала карту и экран. Потом велела орлицам следовать за собой и стремительно вылетела в окно. Даже обезьян ужаснули глаза птиц, горящих жаждой смерти.

Арвур уже находился в сорока милях от монолита, но ему предстояло преодолеть еще десять миль. А гарпия и ее птицы

покинули ярус на высоте тридцати тысяч футов. Они так рассчитали спуск, что сумели набрать огромную скорость. Подарга начала свою долгожданную охоту.

Отойдя от экрана, Роберт задумался. Когда-нибудь он расскажет Хрисеиде о своей прежней жизни и странном превращении в Вольфа. Он расскажет ей, как однажды отправился в другую вселенную, чтобы навестить одного из друзей-властителей. Порою всемогущим владыкам становилось одноко и время от времени хотелось пообщаться с равными. Возвращаясь в свою вселенную, он попал в ловушку, расставленную Ваннаксом — одним из лишенных владений властителем. Ядавина перенесло на Землю, но он прихватил с собой и своего врага. После жестокой схватки на склоне холма Ваннакс скрылся, унося с собой полумесяц. Что случилось с другой половиной, Вольф не знал. Но и Ваннаксу она не досталась, это уж точно.

А потом Ядавин потерял память. По сути дела он стал младенцем. Некогда грозного властителя нашли и приютили Вольfy, и с тех пор началось его земное существование.

Роберт мог только догадываться о причинах амнезии. Возможно, она наступила после того, как во время схватки Ваннакс ударил его по голове, или всему виной был ужас, охвативший его, когда он оказался на совершенно незнакомой планете. Властили настолько привыкли пользоваться достижениями науки, что, лишаясь этой возможности, становились совершенно беспомощными.

А может быть, потерю памяти вызвал долгий спор с собственной совестью. До того как его насильно вытолкали в другой мир, он долгие годы мучился угрызениями совести, испытывая отвращение к делам своим и терзаясь печалью одиночества и боязнью потерять положение. Никто не мог превзойти властителей в могуществе, но и не было людей более одиноких, чем они. Каждая минута жизни могла стать последней. Против Ядавина ополчились другие властители, и ему все время приходилось быть начеку.

Как бы там ни было, он стал Вольфом. Но оказалось — это заметил даже Кикаха; — что между ним, рогом и точками резонанса существовало некое притяжение. И он не случайно оказался в подвале дома в Аризоне, когда протрубы рог Кикаха давно подозревал, что Вольф — изгнанный властитель, который по каким-то причинам потерял память.

Теперь Роберт понял, почему ему так легко давались местные языки. Он их попросту вспоминал. И это неожидан-

ное влечение к Хрисеиде тоже возникло неспроста. Она была его любимой фавориткой, и он даже подумывал поселить ее во дворце, чтобы сделать своей госпожой. Встретив Вольфа, Хрисеида не узнала в нем своего прежнего владыку. Она никогда не видела лица властителя. Дешевый фокус с ослепительным сиянием всегда скрывал его черты. Что же касается голоса, то он использовал прибор, который усиливал и искажал звуки. Это внушало еще большее благоговение поклонявшимся ему жителям мира. И даже его огромная сила объяснялась не естественным развитием, а использованием биопроцессов, с помощью которых он нарастил свои мышцы.

Ему предстояло ответить за жестокость и надменность Ядавина, который теперь был лишь малой частью его естества. Он создаст в биоцилиндрах новые человеческие тела и вложит в них мозги Подарги, ее сестер, обезьян Кикахи, Ипсева и всех тех, кто захочет новых изменений. Он поможет народу Атлантиды отстроить город и больше не будет для них тираном. Он перестанет вмешиваться в дела многоярусного мира без крайней необходимости.

Кикаха позвал Вольфа к экрану. Арвуру каким-то образом удалось найти в этой опустошенной стране полуживую клячу и теперь он яростно погонял ее.

— Везет же дьяволу, — сказал Кикаха и тяжело вздохнул.

— Нет, я думаю, дьявол гонится за ним по пятам, — ответил Роберт.

Арвур обернулся, взглянул на небо и начал колотить лошадь палкой.

— А ведь он доберется! — воскликнул Кикаха. — Храм властителя всего в полулиме от него!

Вольф посмотрел на огромное белокаменное строение, венчавшее вершину высокого холма. Там находилось тайное помещение, которым он не раз пользовался в ту пору, когда его называли Ядвином.

Он покачал головой:

— Нет, не успеет!

На экране появилась Подарга. Хлопая крыльями и вытянув хищное лицо, которое на фоне зеленого неба казалось смертельно белым, она снижалась на огромной скорости. За ней летела стая орлиц.

Арвур гнал лошадь по склону холма. Внезапно ноги кобылы подкосились, и она упала. Арвур бросился бежать. За ним по пятам летела Подарга. Он запетлял, как удирающий от

ястрема кролик. Гарпия следовала за ним. Когда Арвур в очередной раз метнулся в сторону, она изловчилась и вцепилась когтями в спину властителя. Тот вскинул руки вверх и в ужасе завопил, но люди, следившие за ним у экрана, не слышали крика.

Арвур упал. Сверху на него опустилась Подарга. Со всех сторон к месту происшествия слетались орлицы. Им хотелось посмотреть, что будет дальше.

ВРАТА ТВОРЕНИЯ

ГЛАВА 1

Тысячелетия назад, пытаясь обойтись без сна, властители использовали наркотики, электронику, гипноз и различные виды психотехники. Днями и ночами в течение долгих месяцев их тела оставались бодрыми и энергичными, а глаза — незатуманенными дремотой. Но сознание со временем начинало разрушаться. Возникали галлюцинации, безграничный гнев и беспричинное чувство обреченности. Некоторые в конце концов сходили с ума, и их приходилось убивать или лишать свободы.

И тогда властители поняли, что сон необходим даже им — создателям вселенных и обладателям науки, стоящим лишь ступенью ниже богов. Бессознательная часть ума, лишенная общения со спящим сознанием, взбунтовалась, и ее оружием стало безумие, которое опрокидывало все опоры разума.

Поэтому властители вновь начали спать и видеть сны.

Спал и Роберт Вольф, некогда известный как Ядавин — владыка многоярусной планеты, напоминающей по конструкции Вавилонскую башню.

Ему снилось, что в окно спальни медленно вплыла шестиконечная звезда. Вращаясь, она повисла в воздухе над кроватью у самых его ног. То был пандугалуз — один из символов древней религии, в которую властители больше не верили. Вольф, привыкший думать в основном по-английски, назвал бы ее гексакулумом. Центр шестиугольной звезды казался раскаленным добела, грани вспыхивали разными цветами — алым, оранжевым, лазурным, пурпурным, черным и желтым. Гексакулум пульсировал, как солнечное ядро, пронзая Роберта лучами, которые проникали сквозь веки. Сияние царяло кожу: так домашний кот, вытянув лапу и слегка выпустив когти, настойчиво будит заснувшего хозяина.

— Что тебе нужно? — спросил Вольф, понимая, что это всего лишь сон.

Гексакулум источал опасность, и даже тени между лучами выглядели густыми и зловещими. Вольф знал, что гексакулум

мог послать только его отец Уризен, которого он не видел две тысячи лет.

— Ядвин!

Голос сплетался из безмолвия, и слова создавались шестью лучами, которые тревожно изгибались, свертывались в кольца и извивались, как огненные змеи. Они превращались в буквы древнего алфавита — первоначальной и почти утраченной письменности властителей. Вольф видел их сияние, но смысл воспринимал не глазами, а через голос, который звучал внутри его сознания. И казалось, что цветные лучи проникали в самый центр мозга, воскрешая давно забытую речь. Слова возникали из такой глубины, что буквально сотрясали сущность Вольфа, приводя ее в смятение и угрожая изломать в кошмарные фигуры, которые могли веками сохранять свою форму.

— Проснись, Ядвин! — возвзвал голос отца.

При этих словах Вольф понял, что лученосный гексакулум существует не только во сне, но и в реальности. Он открыл глаза и удивленно осмотрел свод потолка, озаренный мягким струящимся светом с красными, черными, желтыми и зелеными прожилками. Роберт протянул левую руку к Хрисеиде и обнаружил, что жены в постели нет.

Он сел, посмотрел по сторонам и, не увидев ее в комнате, громко позвал:

— Хрисеида!

И тут он заметил сверкавший предмет, который, пульсируя шестью лучами, висел в шести футах над краем его кровати. И из него, но уже не в пламени, а в звуке, донесся голос отца:

— Ядвин! Сын мой! Враг мой! Не ищи малышку, которую ты удостоил чести быть твоей супругой. Она исчезла и больше не вернется.

Вольф спрыгнул с постели. Как этот предмет мог проникнуть во дворец, который он считал неприступной крепостью? Задолго до того как посторонний предмет достиг бы спальни в центре замка, Роберта разбудили бы тревожные гудки; во всем огромном здании захлопнулись бы массивные двери, включились лазерные лучи, готовые искрошить пришельцев в куски, пришли бы в действие сотни других ловушек. Гексакулум должны были разбить вдребезги, рассечь, утопить, сжечь, взорвать и раздавить.

Но ни один огонек не светился на огромной противоположной стене, которая на первый взгляд могла показаться при-чудливой декорацией, а на самом деле представляла собой панель сигнализации, отображавшей состояние охранных ру-

бежей замка. Она тускло мерцала, и это означало, что в миллионе ближайших миль нет ни одного незваного гостя.

Он услышал смех отца

— Неужели ты думал, что твоя ничтожная защита может удержать Владыку властителей? — прокричал Уризен. — Я мог бы сейчас убить тебя прямо там, где ты стоишь, мой изумленный и бледный, дрожащий и покрытый потом Ядавин

— Хрисеида! — снова закричал Вольф.

— Она уже далеко Твоя постель и вселенная не уберегли ее. Бедняжку забрали так быстро и бесшумно, как вор крадет драгоценный камень.

— Что ты хочешь от меня, отец? — спросил Вольф.

— Я хочу, чтобы ты последовал за ней. Попробуй вернуть ее

Вольф взревел, вскоцил на кровать и через спинку прыгнул на гексакулум. На миг он забыл об осторожности и доводах разума, которые говорили ему, что объект может оказаться смертельно опасным. Его руки схватили многоцветный сверкающий предмет — и сомкнулись в воздухе, а Вольф упал на пол, изумленно разглядывая пустое место над собой, где прежде находился гексакулум. Как только его руки коснулись пространства внутри усыпанного звездами многогранника, фигура тут же исчезла.

Возможно, предмет не существовал в физической реальности и был лишь изображением, переданным с помощью каких-то средств

Но Роберт отмел напрасные предположения. Эту конфигурацию энергий, или полей, составили и передали откуда-то издалека. Человек, пославший ее, мог находиться в соседнем мире или за миллионы вселенных отсюда. Расстояние здесь не играло роли. Имело значение только то, что Уризену удалось пройти сквозь стены личного мира Вольфа и тайно похитить Хрисеиду

Роберт не ждал от отца поблажек. Уризен не сказал, куда он забрал Хрисеиду, что с ней будет и как ее найти. Но Роберт знал, что ему предстояло сделать. Так или иначе, он должен определить местонахождение скрытого закапсулированного космоса своего отца, а затем найти врата, которые позволят ему пройти в эту малогабаритную вселенную. А проникнув в нее, он должен вовремя распознать и избежать ловушки, расставленные для него отцом. И если ему это удастся — что весьма маловероятно, — он доберется до Уризена и убьет его. Только так можно спасти Хрисеиду

Вольф снова попал в водоворот древней игры властителей, которая длилась многие миллионы лет. На протяжении

десяти тысячелетий ему, Ядавину, седьмому сыну Уризена, удавалось оставаться живым в этой смертельной забаве, но лишь потому, что он все время был в собственной вселенной. В отличие от большинства властителей Ядавин не уставал от сотворенного им мира. Он наслаждался своим детищем — хотя, как понимал теперь, эти наслаждения были жестокими и грубыми. Жертвами его увеселений становились не только местные жители, но и многие властители, попавшие в ловушки созданной им обороны, — мужчины и женщины, а иногда братья и сестры, которых он обрекал на медленную и ужасную смерть. Вольф раскаивался в том, что издевался над обитателями многоярусного мира, но убитые и замученные властители не вызывали в нем чувства вины. Они знали, на что шли, когда проникали в его вселенную, и, если бы им удалось одолеть защиту, Ядавина ожидали бы не менее долгие муки перед смертью.

А потом властителю Баннаксу удалось забросить его в земной мир. Правда, при этом он тоже оказался там. И миром Ядавина завладел третий властитель — Арвур.

Оставшись без оружия и не имея возможности вернуться в собственный мир, он оказался в чужой вселенной, и потрясение от потери былого могущества лишило его памяти о прошлой жизни. Он превратился в младенца, *tabula rasa*. Усыновленный четой фермеров, позабывший себя Ядавин получил имя Роберта Вольфа. К шестидесяти годам он так и не вспомнил, что произошло с ним до того момента, когда он, едва живой, спустился с гор Кентукки. Всю жизнь проработав преподавателем латыни, иврита и греческого языка, он вышел на пенсию и переехал в округ Финикса, штат Аризона. Осматривая перед покупкой новый дом, Роберт пережил ряд рискованных приключений, прошел через врата и вернулся в созданную им вселенную, которой он управлял как властитель десять тысяч лет.

Вернувшись в свой мир — единственную планету его вселенной, похожую на Вавилонскую башню, размеры которой не уступали Земле, — он с боем одолел путь от самого нижнего уровня до крепости-дворца властителя Арвура. Здесь Вольф встретил Хрисеиду и влюбился в творение собственных рук. Здесь он снова стал властителем, но не тем, который некогда покинул этот мир. Ему удалось остаться по-земному добрым и гуманным. И доказательство тому — горькие слезы от потери Хрисеиды и страх за ее дальнейшую судьбу. Ни один властитель не проливал слез по другому существу, хотя рассказывали, что несколько тысячелетий

тому назад Уризен рыдал от радости, поймав в западню двух своих сыновей.

Не теряя времени, Вольф приступил к осуществлению намеченных планов. Прежде всего ему хотелось, чтобы кто-то поселился в замке на время его отсутствия. Не стоило повторять того, что случилось в прошлый раз, когда он покинул этот мир. Вернувшись, Вольф нашел во дворце другого владельца. И теперь только один человек мог занять его место. Только ему он доверял всей душой. Роберт подумал о Кикахе. Именно Кикаха (некогда Пол Янус Финнеган из Терре-Хота, штат Индиана, Земля) помог ему обрести свой мир, отдав в руки Вольфа заветный рог. Именно его помощь позволила Роберту возвратить прежние владения.

Рог!

С ним он может найти мир Уризена и отыскать засекреченный вход! Роберт торопливо зашагал по плитам из хризопраза и, подойдя к тайнику, опустил часть стены с резным изображением гигантской орлицы. Открыв рот от изумления, он замер на месте. Рог исчез, и углубление в стене, в котором он хранил инструмент, было пустым.

Уризен не только похитил Хрисеиду, но и выкрад древний рог Шамбаримена.

Ну что ж, ладно. Потеря Хрисеиды привела его в отчаяние, но горевать о вещи, какую бы ценность она собой ни представляла, он не станет.

Роберт быстро прошел через несколько комнат, отметив по пути, что ни одно сигнальное устройство не сработало. Вокруг по-прежнему царил покой той мирной и счастливой поры, которая началась здесь с возвращением Вольфа во дворец на вершине мира. Он не мог сдержать невольной дрожи. Роберт всегда боялся отца. И теперь, когда его безумный родитель вновь продемонстрировал свои огромные возможности, этот страх стал еще сильнее. Но он все равно пойдет по его следам. Он должен выследить Уризена и убить его — или погинуть в смертельной схватке.

В одной из огромных комнат с контрольным оборудованием Роберт сел перед пультом, напоминавшим пагоду, и включил аппаратуру, которая автоматически демонстрировала вид тех мест планеты, где находились установленные им видеокамеры. На каждом из четырех уровней имелось по десять тысяч таких устройств, которые он спрятал в скалах и на деревьях. С их помощью можно было видеть все, что происходило в различных местах планеты. В течение двух часов Роберт сидел, разглядывая мелькавшие на экране изображения. Зная, что можно просидеть здесь не один день, он

заложил образ Финнегана в память машины и поставил ее в режим поиска. При появлении Кикаки на экране пульт должен был перейти в режим стоп-кадра и соответствующим сигналом уведомить Вольфа о выполнении задания.

Он задействовал еще десять установок, и те начали автоматическое исследование «параллельных вселенных», разыскивая и отождествляя миры властителей. Последние записи содержали информацию семидесятилетней давности — таким образом к уже известным тысяча восьми сотворенным вселенным могло прибавиться еще сколько-то. А Вольфа интересовали только новые вселенные. Уризен больше не жил в Гардазrintахе — в том мире, где вырос Вольф и его многочисленные братья, сестры и кузены. К этому времени их отец, которому миры надоедали с такой же быстротой, как избалованному ребенку новые игрушки, давно покинул Гардазrintах и успел трижды поменять место обитания. Поэтому теперь он, очевидно, находился в четвертом мире, который требовалось не только отыскать, но и обезвредить.

Однако, несмотря на существование системы регистрации миров, вселенная отца могла остаться необнаруженной. Если мир полностью капсулирован, его просто невозможно отыскать. Расположение вселенных определялось только через врата, но каждый проход отличался уникальной частотой. И если Уризен хотел затруднить Вольфу поиски, он мог создать врата тройного действия, которые открывались бы через регулярные интервалы времени или вообще наугад, по желанию хозяина. А если аппаратура поиска исследовала «параллельный коридор» и врата мира в этот момент оставались закрытыми, вселенная как бы ускользала от глаз наблюдателя и, как бы ни старался определитель врат, зона выглядела абсолютно «пустой».

Но Уризен намеренно завлекал Вольфа в свой мир, и вряд ли он стал бы создавать излишние трудности или делать поиски невозможными.

Властители тоже должны питаться. Вольф проглотил легкий завтрак, приготовленный толосом — одним из полубелковых роботов, похожим на рыцаря в доспехах; их у него было не меньше тысячи. Потом побрился, принял душ в кабинке, вырезанной из гигантского изумруда, и оделся. На этот раз он предпочел вельвет. Наряд состоял из плотно облегавших брюк, туфель и рубашки с открытым воротом, короткими рукавами и высокой стойкой. Роберт подпоясался широким ремнем из мамонтовой кожи и надел на шею золотую цепь, с которой свисал жадеитовый образок Шамбаримена, пода-

ренный ему в честь десятилетия величайшим художником и изобретателем среди всех ныне живущих властителей. Красный жадеит ярким пятном выделялся на фоне однотонной коричневой одежды. В своем замке Вольф одевался просто, а нередко вообще предпочитал ходить голым. Лишь в редких случаях, спускаясь на нижние уровни, чтобы почтить присутствием церемонии и торжества, он облачался в роскошные одеяния и надевал особую шляпу властителя. Но чаще он спускался на ярусы инкогнито, одевшись в наряды местных жителей или вообще без одежды.

Вольф вышел в сад и прошелся по одной из сотен террас, окружавших стены дворца. Здесь, на дереве, обитало Око — огромный ворон размером со стервятника. После штурма замка, когда Роберт отвоевал этот мир у Арвура, в саду осталось лишь несколько таких птиц. И с тех пор как умер Арвур, вороны присягнули на верность Вольфу.

Он приказал ворону разыскать Кикаху. Птице следовало сообщить об этом задании другим Очам властителя и орлицам Подарги. А они должны были передать Кикахе, что во дворце необходима его помощь. Если же Кикаха, получив сообщение, прибудет в замок слишком поздно и не застанет Вольфа, он должен временно возложить на себя обязанности властителя. Если Вольф будет отствовать слишком долго, Кикахе предоставлялась полная свобода действий и предписывалось поступать по своему усмотрению.

Роберт знал, что в этом случае Кикаха станет разыскивать его, но налагать какие-то запреты не имело смысла.

Ворон улетел, безмерно счастливый оттого, что получил задание. Вольф вернулся в замок. Пульт управления видеокамерами по-прежнему отслеживал Кикаху. Определители врат, которым требовалось несколько микросекунд на поиск и обследование огромных пространств, уже неоднократно обыскали все вселенные и сейчас совершили обход в шестой раз. Он дал им закончить цикл на тот случай, если врата каких-то миров работали импульсами и прохождение сканирующего луча до сих пор не совпадало с открытым состоянием этих сложных устройств. Аппаратура вывела на бумагу результаты первых пяти обходов, отпечатав их классическими идеограммами древнего языка.

Из тридцати пяти новых вселенных только одна имела открытые врата, причем единственное.

Роберт вывел их спектральное изображение на экран. Перед ним возникла шестиконечная звезда, но теперь не с белым, а красным центром. Красный цвет означал опасность.

Вольф знал, в чей мир вели эти врата; казалось, что сам Уризен кричал ему: «Я здесь! Приди и возьми меня — если хватит смелости!»

Он вспомнил отца: его красивые соколиные черты лица, большие глаза, похожие на влажные черные алмазы. Возраст не имел значения для властителей: их тела сохраняли физиологическую молодость первых двадцати пяти лет жизни. Но эмоции оказались сильнее науки властителей. Действуя в союзе со временем, они врезались в неприступные скалы плоти. И в последний раз, когда Вольф видел отца, он заметил морщины, оставленные ненавистью. С тех пор Уризен жил лишь зависимостью и злобой, и только Богу известно, как глубоко эти чувства исказили его лицо.

Всю жизнь Ядвин относился к отцу с глубокой неприязнью. В отличие от многочисленных братьев и сестер он никогда не желал ему смерти и просто старался не иметь с ним ничего общего. Но теперь, после похищения Хрисеиды, у Вольфа возникло чувство гадливого отвращения к Уризену. И он решил покончить с ним раз и навсегда.

Изготовление врат, соответствовавших частотной матрице гексакулума, велось автоматически. И все же на сооружение этого устройства машинам потребовалось двадцать два часа. К тому времени система планетарного обзора завершила работу и сообщила, что Кикахи в поле зрения не оказалось. Конечно, это еще ни о чем не говорило, и его неуловимый друг по-прежнему находился на планете. Просто он не попал в сферу обзора видеокамер, а таких мест насчитывалось до нескольких сотен тысяч. По площади планета не уступала Земле, и аппаратура контролировала лишь крошечную часть ее территории. Поэтому могло пройти несколько месяцев, прежде чем Кикаха будет обнаружен.

Вольф решил не терять времени и, едва машины создали аналог гексакулума, тут же приступил к сборам. Не имея понятия о том, что его ждет по другую сторону врат и как долго ему придется обходиться без еды и питья, Роберт слегка перекусил и напился воды. Его вооружение составляли лучемет, нож, лук и полный колчан стрел. Могло показаться странным, что с помощью такого примитивного оружия он рассчитывал одолеть непостижимо сложные устройства уничтожения, с которыми ему предстояло столкнуться. Но, вопреки технологии властителей, условия игры, в которой они принимали участие, делали иногда такое оружие весьма эффективным.

Впрочем, Вольф не рассчитывал, что ему дадут воспользоваться этим оружием. Он слишком хорошо знал, насколько

разнообразными могут быть ловушки, которыми пользовались властители.

«Пора уходить, — сказал себе Роберт. — Нет смысла тянуть время».

Он вошел в узкое пространство воссозданного гексакулума.

Ветер ударили в лицо и засвистел в ушах. Его поглотила чернота. Тело сдавило, словно в стальной хватке огромных рук. Все смешалось в одной ошеломляющей вспышке...

Роберт стоял на траве. Неподалеку возвышались гигантские деревья с широкими листьями, рядом плескалось голубое море, а над головой сияли красные небеса. Он находился на острове. В этом мире не было солнца, и свет шел прямо с неба, со всех сторон. При пересечении врат ему почудилось, будто с него сорвали одежду. Однако это лишь почудилось — он по-прежнему был одет. Его даже не лишили оружия.

Он находился где угодно, но только не в обители Уризена. Это был самый необычный мир, который он когда-либо видел.

Роберт оглянулся, чтобы рассмотреть гексакулум, через который он прошел, но тот уже исчез. Вместо него на широком плоском валуне стоял высокий шестиугольник из фиолетового металла. Вольф вспомнил, как что-то толкнуло его внутрь фигуры, и ему даже пришлось сделать несколько шагов, чтобы удержаться на ногах. Сила толчка была такой, что, пролетев через врата, он выскочил в нескольких футах от валуна.

Значит, Уризен заменил гексакулум другими вратами и переправил Вольфа в какое-то иное место. И вскоре Роберту предстояло узнать, что именно подготовил для него отец.

Он представлял, что могло произойти при попытке возвратиться в пространство врат. Но Вольф не привык отступать. Он вошел в шестиугольник — и оказался с другой стороны валуна.

Как он и ожидал, врата действовали только в одном направлении.

Позади него кто-то тихо покашлял, и Вольф быстро повернулся, приподняв ствол лучемета.

ГЛАВА 2

Берег резко обрывался, и за ним сразу начиналось море. Животное, только что вынырнувшее из воды, находилось всего лишь в нескольких шагах от него. Оно сидело, как жаба, на огромных перепончатых ступнях, изогнув похожие

на столбы ноги, словно те вообще не имели костей. Торс, весь в складках жира, напоминал тело гуманоида, а живот выступал, как грудина гуся, откормленного на День благодарения. Длинную гибкую шею венчала человеческая голова с плоским носом с длинными узкими ноздрями и огромными глазами цвета сочной зелени мха. Рот окаймляли усики из красной плоти. Уши отсутствовали. Голову, лицо и тело покрывал темно-синий маслянистый мех.

— Ядвин! — вскричало существо на древнем языке властителей. — О, Ядвин, не убивай меня! Неужели ты меня не узнаешь?

Вольф удивился, но не настолько, чтобы забыть осмотреться вокруг. Появление существа могло быть отвлекающим маневром.

— Ядвин! Ты не узнаешь собственного брата?

Вольф действительно не узнавал его. Лягушачье тело, тюленья голова без ушей, синий мех и расплющенный нос с длинными прорезями совершенно не способствовали установлению личности. А еще следовало учитывать время. Если он и называл это существо своим братом, то с тех пор, вероятно, минуло несколько тысячелетий.

Вот только голос... Роберт копался в пыльных пластах памяти, как собака, ищащая старую кость. Он перебирал слой за слоем, но...

Вольф покачал головой, оглянулся и осмотрел разлапистую растительность.

— Кто ты? — спросил он.

Существо захныкало, и Роберт понял, что его брат — если только это действительно его брат — находился в теле гадкого чудовища долгие и долгие годы. Обычно властители не хнычат.

— Значит, и ты отказываешься от меня? Значит, и ты такой, как все? Они меня терпеть не могут. Они издеваются надо мной, пллюют в лицо, смеются, пинают, гонят. Они говорят...

Существо со шлепком сложило передние плавники, его лицо сморщилось, и большие слезы побежали из зеленых глаз по синим щекам.

— Ах, Ядвин, не будь таким, как остальные! Я же любил тебя больше всех. Я уважал тебя, как никого на свете! Не будь жестоким, как они!

«Он говорит об остальных, — подумал Вольф. — Значит, здесь побывали и другие. Но сколько времени прошло после их появления?»

— Кем бы ты ни был, довольно хитрить, — сказал он с нетерпением. — Назови свое имя!

Существо приподнялось на гибких ногах и сделало шаг вперед. Под слоем жира на миг простили мощные мышцы. Роберт не отступил, но на всякий случай приподнял ствол лучемета.

— Не приближайся ко мне! Назови свое имя!

Существо остановилось и зарыдало еще горше.

— Ты такой же плохой, как и все. Ты думаешь только о себе, и тебя совершенно не интересует, что случилось со мной. Неужели тебе наплевать на мои страдания, одиночество и бесконечные муки? О безжалостное, неизмеримое время!

— Возможно, я вел бы себя по-другому, если бы знал, кто ты такой и что с тобой случилось, — ответил Вольф.

— О Владыка властителей! И это мой брат!

Существо сделало еще один шаг, и из-под огромной перепончатой стопы брызнула жидккая грязь. Вытянув плавник, словно умоляя дать ему руку, тварь остановилась и быстро взглянула через плечо Вольфа. Роберт тут же отпрыгнул влево и оглянулся, стараясь держать в поле зрения и существа, и того, кто стоял сзади. Но сзади никого не оказалось.

Тварь только этого и ждала. В тот самый момент, когда Вольф отступил и оглянулся, она прыгнула на него. Резиновые ноги выпрямились, подбросили огромное тело, полетевшее, словно из катапульты. Если бы тварь упала на Вольфа, тут бы ему и пришел конец, но он увернулся, и плавник чудовища только задел его по левому плечу. Удар едва не сбил Вольфа с ног. Выронив лучемет, он схватился за плечо. Роберт был необычайно вынослив и силен; благодаря науке властителей сила его мышц в два раза превосходила человеческую, а нервы передавали импульсы от мозга с удвоенной скоростью. Будь Роберт простым землянином, ему не удалось бы уберечься от второго прыжка рассерженного существа.

Тварь приземлилась туда, где только что стоял Вольф, и зависжала от ярости и разочарования. Ее ноги сжалась, словно пружины, мгновенно распрямились, и она вновь прыгнула на Роберта. Все это происходило с такой быстротой, что прыжки существа напоминали порывистые движения актера при ускоренной перемотке кадров.

Вольф метнулся к лучемету. Тварь с пронзительным визгом пронеслась над ним. Казалось, она вопила прямо в ухо Роберта. Он схватил лучемет, перекатился с боку на бок и вскочил. Тварь прыгнула на него в третий раз. Вольф перевернулся оружие и, скав ствол правой рукой, со всего маху

опустил на макушку существа приклад из легкого, но практически неразрушимого металла. Толчок огромного тела отшвырнул его назад, и он покатился по земле.

Морская тварь неподвижно лежала, уткнувшись лицом в траву. Из тюленьей головы сочилась кровь.

Внезапно кто-то захлопал в ладоши. Вольф обернулся и ярдах в тридцати увидел две фигуры, стоявшие в тени широких листьев. Мужчина и женщина, одетые в величественные мантии властителей, двинулись ему навстречу. Они шли с пустыми руками, их мечи были вложены в грубые кожаные ножны. Несмотря на то что выглядели они миролюбиво, Роберт не стал терять бдительности. Когда они приблизились на двадцать ярдов, он велел им остановиться. Существо на земле застонало, шевельнуло головой, но не отважилось подняться. Вольф отошел на несколько шагов — от этой странной прыгающей твари надо держаться подальше.

— Ядавин! — произнесла женщина.

Звуки прекрасного контральто заставили затрепетать его сердце и всколыхнули память. И хотя они не виделись более пяти сотен лет, Вольф узнал ее.

— Вала! — вскричал он. — Что ты здесь делаешь?

Вопрос был чисто риторический; он догадался, что ее, видимо, тоже заманил в ловушку отец. А потом Вольф узнал и мужчину — это был Ринтракх, один из его братьев. Так, значит, сестричка Вала и братец Ринтракх тоже попали в эту западню.

Вала улыбнулась, и сердце Роберта дрогнуло. Она по-прежнему была самой красивой женщиной из всех, кого он знал, за исключением любимой Хрисеиды и его другой сестры, Ананы Светлой. Но вид Ананы не пробуждал в нем таких сильных чувств, а Валу он обожал и смертельно ненавидел.

Она снова захлопала в ладоши.

— Прекрасная работа, Ядавин! Ты не потерял ни ловкости, ни смекалки. Эта тварь опасна. Поначалу она раболепствует и скулит, пытаясь втереться в доверие, а потом — баах! — и впивается в горло! Эта мерзкая жаба едва не убила Ринтракха, когда он впервые попал сюда, — да и убила бы, не будь меня рядом. Мне удалось оглушить ее обломком скалы. Так что, как видишь, я тоже имела с ней дело.

— А почему вы не убили ее? — спросил Вольф

Ринтракх улыбнулся:

— Неужели ты не узнал своего младшего брата? Когда-то ты любил славного, милого малютку Теотормона

— О Господи! — вскричал Роберт. — Теотормон! Кто же сделал его таким?

Никто не произнес ни слова. Впрочем, все и так было ясно. Этот мир создал Уризен, и только он мог так жестоко изменить облик их брата.

Теотормон застонал и сел. Приложив плавник к кровоточащей ране на голове, он тихо заскулил и стал раскачиваться взад и вперед. Зеленые глаза, похожие на два пятна лишайника, злобно уставились на Вольфа, и, не смея подать голос, он беззвучно клял противника на чем свет стоит.

— Ты хочешь сказать, что вы сохранили ему жизнь из родственных чувств? — с иронией спросил Роберт. — Я слишком хорошо вас знаю, чтобы поверить в это.

Вала засмеялась:

— Конечно, нет! Я просто решила, что его можно будет как-то использовать. Он живет на этой маленькой планете с незапамятных пор и знает о ней почти все. Теотормон оказался трусом, брат Ядвин. Он не осмелился испытать судьбу в лабиринте Уризена и предпочел остаться на острове, где превратился в такого же выродка, как все остальные туземцы. Наш отец устал ждать, когда его сын соберет свое несуществующее мужество. И в наказание за малодушие Уризен изловил его и перенес в крепость Аппирмацум, где превратил в отвратительную морскую тварь. Но даже тогда Теотормон не осмелился пройти через врата во дворец заклятого врага. С тех пор он ведет здесь жизнь отшельника, презирая себя и ненавидя все живые существа, особенно властителей. Он живет, питаясь фруктами, птицами, рыбой и другими обитателями моря, которых ловит вблизи острова и поедает сырыми. Если повезет, он убивает и пожирает местных жителей. Впрочем, они вполне заслуживают такой участи. Это сыновья и дочери других властителей, которые подобно Теотормону проявили малодушие. Они прозябают на этой планете: рожают и растят детей, а приходит час — отправляются в мир иной. Уризен поступил с ними так же, как с Теотормоном. Он забирал их в Аппирмацум, уродовал и возвращал на остров. Отец надеялся, что, живя в обличье монстров, они научатся ненавидеть и устремятся в Аппирмацум. Но они оказались слишком трусливы, чтобы мстить за себя. Они могли бы умереть достойно, как истинные властители, но предпочли жизнь в таком виде, от которого желудок выворачивает.

— Я бы с удовольствием выслушал еще пару историй о проказах нашего отца. Но могу ли я вам доверять? — спросил Вольф.

Вала улыбнулась:

— Мы оказались на острове не по своей воле. Нас заманил в ловушку Уризен. Некоторые пробыли здесь только несколько недель, но вот Лувах, например, живет тут уже полгода.

— А кто еще здесь живет?

— Твои братья и кузены. Кроме Ринтраха и Луваха ты встретишь здесь Эньена, Аристона, Тармаса и Паламаброна. — Она весело засмеялась и, протянув руки к красному небу, воскликнула: — О, отец! Ты поймал в западню почти всех! И после тяжкой тысячелетней разлуки мы снова собираемся вместе. Такого счастливого воссоединения семьи не мог бы представить себе ни один смертный.

— Зато я могу представить, — проворчал Вольф. — Но ты не ответила на мой вопрос.

— Нам пришлось заключить соглашение об общем перемирии, — пояснил Ринтрак. — Мы нуждаемся друг в друге и должны действовать сообща, отбросив обычную неприязнь. Только так можно одолеть Уризена.

— Насколько я знаю, об общем перемирии не слышали уже давно, — задумчиво произнес Роберт. — Помню, мать рассказывала мне, что такое случилось однажды, за четыре тысячи лет до моего рождения, когда властителям угрожали Черные Звонари. И теперь я вынужден признать, что Уризен совершил два чуда. Он заманил в ловушку сразу восьмерых властителей и вынудил их заключить перемирие. Это может стоить ему жизни.

Немного подумав, Вольф тоже захотел присоединиться к перемирию. Именем Эпонима Лоса, отца всех властителей, он поклялся соблюдать правила мирного соглашения до тех пор, пока остальные не откажутся от данных обязательств или не умрут. Но, произнося клятву, он знал, что на других полагаться нельзя — каждый из них мог предать его в любую минуту. Роберт чувствовал, что Ринтрак и Вала тоже так думают и доверяют ему не больше, чем он им. Тем не менее они могли бы какое-то время действовать вместе. И вряд ли сейчас кто-нибудь посмеет нарушить перемирие. Они решатся на это лишь тогда, когда представится удобный случай и у них будет полная уверенность в своей безнаказанности.

— Ядавин, — заскулил Теотормон, — мой добрый брат. Ты клялся любить и защищать меня до конца жизни. Но ты такой же, как и все остальные. Ты хотел покалечить и даже убить меня, своего младшего брата.

Вала плонула в него и закричала:

— Ах ты, мерзкая трусливая тварь! Ты больше не властитель и не наш брат! Почему бы тебе не нырнуть в пучину и не остаться там вместе с твоей трусостью и вероломством? Оставь в покое нас и тех, кто дышит воздухом свободы! Пусть рыбы сожрут твою жирную тушу, хотя, мне кажется, даже их будет тошнить от тебя.

Раболепно приседая и жалостно протягивая плавник, Теотормон подполз к Вольфу.

— Ядвин! Ты не знаешь, как я страдаю. Неужели тебе меня нисколько не жаль? Я всегда считал, что у тебя есть то, чего не хватает другим. Я думал, что у тебя есть доброе сердце и сострадание, которые навсегда утратили эти бездушные чудовища.

— Но ты хотел меня убить, — возразил Роберт. — И снова попытавшись это сделать при первой возможности.

— О нет, нет! — запричитал Теотормон, пытаясь улыбнуться. — Ты не так меня понял. Да, я согласился влечь жалкое существование, хотя мог бы принять благородную смерть как властитель. И мне казалось, что ты возненавидишь меня за такой выбор. Я хотел отнять у тебя оружие, чтобы ты в гневе не причинил мне вреда. А потом бы я рассказал тебе о том, что со мной произошло. Тогда бы ты понял, как я дошел до такой крайности. Тогда бы ты пожалел своего брата и сохранил те чувства, которые питал ко мне, когда возился со мной во дворце нашего отца. Я только хотел объяснить тебе свое положение. Мне не нужна твоя ненависть — мне нужна любовь. Я не хотел причинить тебе боль, клянусь Лосом.

— Мы поговорим с тобой позже, — ответил Вольф. — А сейчас уходи.

Теотормон поплелся прочь. Но, подойдя к обрывистому берегу, он повернулся и начал выкрикивать в адрес Роберта непристойности и оскорблении. Чтобы припугнуть его, Вольф поднял лучемет. Тварь вскрикнула и, словно гигантская лягушка, прыгнула в воду. В воздухе мелькнули толстые ноги и перепончатые пальцы. Теотормон скрылся в воде и больше не появлялся.

— Как долго он может оставаться под водой? — спросил Роберт.

— Не знаю. Возможно, полчаса. Но сомневаюсь, что он станет утруждать себя, удерживая дыхание. Скорее всего, залезет в одну из пещер под корнями деревьев или в какую-нибудь из пустот, которые находятся в основании острова, — ответила Вала. — А не желаешь ли ты повидаться с родичами?

Роберт согласился.

Шагая рядом с братом по роще широколиственных деревьев, Вала начала рассказывать ему о физических особенностях этого мира.

— Ты, наверное, уже заметил, как близок здесь горизонт. Диаметр планеты составляет 2170 миль. («Почти как у земной луны», — подумал Вольф.) Однако сила тяжести чуть меньше, чем на нашей родной планете. («Не больше чем на Земле», — подумал Вольф.) Гравитация резко убывает при подъеме в атмосферу и почти незаметна в окружающей вселенной, — продолжала Вала. — Все другие планеты обладают подобной структурой поля.

Роберта это абсолютно не интересовало. Властители могли выделять с энергетическими полями и гравитацией такое, что землянам даже и не снилось.

— Эта планета целиком покрыта водой.

— А как же остров? — спросил он.

— Он плавает. В его основании находятся растения, которые начинают свой жизненный цикл на дне моря. Когда они созревают, их пустоты заполняются газом, выделяемым бактериями. Они отрываются от корней, всплывают на поверхность и выпускают отростки, которые переплетаются с отростками других растений этого вида. Постепенно возникает общирная колония. Со временем растения верхнего слоя погибают, а нижняя часть продолжает разрастаться. Сгнившие остатки верхнего слоя образуют почву. Птицы удобряют ее пометом и таким образом разносят семена. Так появляются деревья, кусты и другая растительность. — Вала показала на заросли растений, которые немного походили на бамбук.

— А откуда берутся эти камни? — Вольф кивнул в сторону нескольких беловатых глыб, видневшихся за бамбуковыми зарослями. Диаметр каждого камня составлял как минимум футов двенадцать.

— Растения с газовыми полостями, из которых создан остров, — один из нескольких тысяч видов. Некоторые из них цепляются к глыбам на морском дне и, поднимаясь на поверхность, увлекают камни за собой. Местные жители собирают небольшие скальные обломки и обкладывают ими остров. Эти белые камни чем-то привлекают птиц гаржу, которых туземцы убивают или приручают и разводят в домашнем хозяйстве.

— А как насчет питьевой воды?

— Тут ее целый океан.

Вольф взглянул поверх усыпанных ягодами кустов и в просветах между пурпурными листьями, раскрашенными жел-

тыми полосами, увидел огромный черный полукруг, который выполз из-за горизонта. Через шестьдесят секунд он превратился в сферу, медленно восходившую над морем.

— Это наша луна, — сказала Вала. — Здесь все наоборот. Солнца нет — свет излучает все небо. А ночь наступает с приходом луны, которая закрывает собой часть неба. Конечно, это не настоящая ночь, но все же лучше, чем ничего. Чуть позже ты увидишь планету Аппирмациум. Она находится в центре вселенной Уризена, и вокруг нее врашаются пять планет-спутников. Отсюда они выглядят как черные диски, заполняющие собой все небо, и во многом похожи на луну.

Вольф поинтересовался, откуда у нее столько сведений об этом мире. Оказалось, что обо всем им рассказал Теотормон, и, конечно же, не по собственной воле. Находясь в плену у Уризена, он многое узнал, но делиться с кем-либо своим секретом не торопился, поскольку был угрем и эгоистичен. И вот как-то раз братья и кузены поймали его и заставили отвечать на вопросы.

— У него зажили почти все раны, — закончила Вала и расхохоталась.

«Значит, у брата есть веская причина желать им всем смерти, — подумал Вольф. — Интересно, правду ли говорила сестра, рассказывая об их взаимоотношениях? Надо будет еще раз побеседовать с Теотормоном. Да не забыть братьям держаться во время разговора на безопасном расстоянии».

Внезапно Вала схватила Вольфа за руку. Он попытался вырваться — что она задумала? Но Ринтрак и сестра с тревогой смотрели куда-то вверх.

ГЛАВА 3

В небе за деревьями, достигавшими в высоту шестидесяти футов, висел какой-то объект. Вскоре Вольф рассмотрел черную массу, которая проплывала в пятидесяти футах над островом, — огромный овал в четверть мили шириной, милю длиной и около пятидесяти футов толщиной. Объект несло по ветру, который дул с неизвестной части света. В этом мире без солнца понятия «север», «юг», «восток» и «запад» теряли всякий смысл.

— Что это? — спросил он.

— Остров, который дрейфует в воздухе. Поспешим. Мы должны добраться до деревни, пока не началась атака.

Вольф побежал за братом и сестрой. Время от времени он посматривал через просветы в кронах на аэронезус. Тот

быстро опускался на противоположный конец острова. Догнав Валу, Роберт спросил ее, как управляется этот небесный паром. Она ответила, что его обитатели применяют особые клапаны в гигантских пузырях, наполненных водородом. Клапаны открываются вручную, и такая процедура требует участия почти всего населения летающего острова. Поэтому во время спуска им в основном приходится заниматься навигацией.

— Но как они управляют такой машиной?

— Пузыри имеют отверстия. Когда абуталам необходимо двигаться в определенном направлении, они выпускают газ из пузырей на противоположной стороне острова. Они очень искусны и научились обходиться без сильных рывков. Однако им приходится бороться с ветрами, поэтому маневры не всегда удаются. Абуталы уже дважды пробовали атаковать нас, но всякий раз проскакивали мимо острова. Для медленного спуска они используют морские якоря — большие камни, привязанные к концам канатов. Два раза абуталы опускались рядом с нашим островом, и, вместо того чтобы сражаться с нами, им приходилось биться с морскими волнами. Так что у них ничего не получилось. — Вдруг Вала остановилась. — О нет! — вскричала она. — Это илмавиры. Да поможет нам Лос!

От летающего острова отделилось около пятидесяти механизмов, которые Вольф поначалу принял за небольшие самолеты. Но когда они начали заходить на посадку против ветра, он понял, что это планеры. Зубчатые крылья длиной в пятьдесят футов были сделаны из какого-то бледно мерцающего материала. На нижней стороне каждого крыла был нарисован красный глаз, а над ним — скрещенные мечи. Кожух на фюзеляже отсутствовал, и вся оснастка, элероны и рули, выкрашенные в ярко-красный цвет, были на виду; место пилота находилось в плетеной корзине чуть впередиmono-крыльев. Закругленный нос планера оканчивался длинным рогом, который выступал вперед почти на двадцать футов. «Прямо как нарвал», — подумал Вольф. Позже ему удалось узнать, что это были рога гигантских рыб.

Планер прошел над ними, направляясь к тропе, вполне пригодной для посадки. Роберт мельком увидел пилота. Его рыжие волосы, ежиком торчавшие почти на фут, блестели от фиксирующего масла. На лице виднелась боевая раскраска, которая придавала ему сходство с краснокожим индейцем. Черные полосы сбегали вниз по щекам и плечам, пересекая красные и зеленые круги.

— До дерёвни осталось не больше полуимили, — сказала Вала. — Она находится на самом конце острова.

Вольф не понимал, почему она так обеспокоена. С каких пор властителей волновала судьба других людей? Вала объяснила, что, если илмавирам удастся опуститься, они перебьют все население острова, а затем оставят здесь своих людей для образования новой колонии.

Плавучий остров лишь на первый взгляд казался плоским. То тут, то там встречались небольшие холмы, образованные гигантскими пузырями. Роберт взобрался на вершину одного из них и осмотрелся. Абута опустилась до пятидесяти футов и, медленно снижаясь, стала приближаться к деревне, которая представляла собой скопление сотни похожих на соты хижин, построенных из бревен и листьев. Деревню окружала стена в двадцать футов высотой, возведенная из камней, бамбука и каких-то тускло-серых столбов, которые, похоже, были костями колоссальных морских животных.

За стеной мужчины и женщины готовились к бою, несколько групп находилось на открытой местности. Все их вооружение состояло из копий, луков и стрел.

Позади деревни располагались доки, сооруженные из бамбука. У пристани и вдоль берега стояли лодки разных размеров и конструкций.

Снизу летающий остров представлял собой густое переплетение толстых корней. В днище находились отверстия, откуда на землю падали большие камни, привязанные к тросам из растительных волокон. Белые камни, с виду похожие на гипс, вырезанные в форме плоских дисков, с плеском шлепались в море. Когда их подтаскивали к острову, они цеплялись за грунт. Несколько канатов зацепилось за настил доков.

Другие якоря падали на защитную стену и увязали в гуще материала, заполнившего ее. Камни сыпались на деревенские улицы и рушили стены хижин. Из люков в днище абуты на людей внизу валились стрелы, копья, камни и горящие предметы. Некоторые из островитян падали, сбитые с ног. Хижины начали гореть. Взрывались газовые бомбы, из них валил густой черный дым.

Но и защитники не оставались в долгу. Из большого строения в центре деревни мужчины и женщины выносили странные круглые приспособления. Они поджигали их, те быстро взмывали в воздух, застревали в переплетении корней, и корявые заросли начинали гореть. А потом взрывался газ внутри шаров, и огонь растекался по днищу абуты.

Крыша центральной хижины поднялась, откинулась, словно крышка люка; стены разъехались и опустились на землю. На невысокой платформе стояла катапульта — гигантский лук для стрел, сделанный из рога того же существа, из которого изготавливались тараны на носах планеров. К каждой стреле крепилось несколько горючих пузырей. Тетиву отпустили, и горящая стрела полетела вверх, неся огонь к утробе летающего острова.

Люди у катапульты начали снова оттягивать тетиву. Но тут из отверстия в днище абути выныгнул человек, а за ним еще около десятка. Они спускались на некоем подобии парашютов — связках пузырей, прикрепленных ремнями к плечам и груди. Первого абутиала стрела пронзила еще в воздухе. Вскоре смерть настигла и трех других воинов.

Оставшиеся в живых приземлились в нескольких шагах от катапульты. Они быстро отстегнули ремни — и пузыри вззвились вверх. Десантников окружили, но абутиалы сражались с такой яростью, что одному из них удалось прорваться к катапульте. Смельчака остановили двумя ударами копья.

Летающий остров стало сносить ветром. В воздухе снова замелькали камни на канатах, и несколько штук застряло в переплетении стены. Около десятка веревок упало на деревья, огромные петли затянулись вокруг стволов. Летающий остров развернулся и навис над поверхностью острова плавучего.

Закончили посадку планеры, но не всем им удалось приземлиться удачно. Остров так порос растительностью, что пилотам приходилось опускаться на деревья. Некоторые из них повисли на макушках деревьев, другие застряли среди ветвей, третьи увязли в густой поросли кустарника.

Однако Вольф насчитал не меньше двадцати пилотов, которые устремились в джунгли. Там, видимо, прятались и другие абутиалы.

Вольфа окликнули — у подножия холма стояла Вала.

— Что ты собираешься делать? — сердито спросила она. — Хочешь ты или нет, но тебе придется стать на чью-то сторону. Иначе абутиалы убьют тебя.

— Наверное, ты права, — ответил он, спускаясь. — Про сто я хотел посмотреть, что происходит. Не в моих правилах бросаться в бой, не зная, где кто находится и как развиваются события.

— Всегда осторожный и хитрый Ядавин, — сказала она. — Ладно, все правильно. Вижу, ты уже не тот глупец, которого

я когда-то знала. Поверь, ты нужен мне так же, как я тебе. Нам не справиться поодиночке.

Вольф пошел вслед за Валой, и вскоре они заметили Ринтраха, который прятался за стволом дерева. Жестом он велел им молчать. Затаившись рядом, Вольф взглянул туда, куда указывал брат. Слева из сломанных кустов поднимался хвост разбитого планера, а в двадцати ярдах от них стояли пятеро воинов-абуталов. Их вооружение состояло из небольших круглых щитов из кости и бамбуковых копий с костяными наконечниками. У некоторых были луки и стрелы. Короткие и сильно изогнутые луки, сделанные из какого-то материала, похожего на рог, состояли из двух частей, которые соединялись в центральном углублении дуги. Воины находились слишком далеко, и Роберт не слышал, о чем они говорили.

— Как далеко бьет твой лучемет? — спросила Вала.

— Он убивает на расстоянии пятидесяти шагов, — ответил Роберт. — Следующие двадцать футов — третья степень ожога, еще двадцать — вторая, еще дальше — легкий ожог, ну а еще дальше — ничего.

— Тогда действуй. Напади на них. Ты можешь уничтожить всех пятерых одним махом, и они даже не поймут, что произошло.

Вольф вздохнул. Придет ли такое время, когда ему не нужно будет выслушивать наставления Валы? Прежде он был давно перебил абуталов и с удовольствием следовал советам сестры и Ринтраха. Но он больше не считал себя Ядвином. Он стал Робертом Вольфом, и Вала либо не догадывалась об этом, либо принимала его колебания за проявление слабости. Он не хотел убивать, но чувствовал, что уговоры на абуталов не действуют. Вала знала этих людей и, вероятно, говорила о них правду. А значит, нравится ему это или нет, он действительно должен занять чью-то сторону.

Позади них раздался крик. Вольф откатился в сторону, сел и увидел в сорока футах от себя трех абуталов, которые выбежали из-за деревьев и помчались к ним навстречу, грозно вскинув копья.

Роберт повернулся к нападавшим, нажал на пластиину в нижней части трехфутового ствола — и ослепительно белый луч, с карандаш толщиной, чиркнул по животам трех воинов. Трава у них под ногами задымилась. Все трое упали ничком, выронив копья.

Роберт встал на одно колено и повернулся к оставшимся пятерым абуталам. Двое из них остановились и выкинули луки. Вольф срезал их первыми, затем справился с остальными.

После чего пригнулся к земле и осмотрелся, выискивая тех, кто мог прийти на зов абуталов. Но тишину нарушил лишь ветер в листве, приносивший из деревни крики и приглушенные звуки далекой битвы.

Запах горелой плоти вызывал тошноту. Роберт поднялся и осмотрел сначала три трупа, затем — остальные пять. Он понимал, что никто из них не мог оставаться в живых, но ему хотелось убедиться в этом наверняка. Луч рассек тела пополам. Кожа вдоль глубоких ран покрылась запекшейся кровью. Энергия луча, поглощенная телом, сожгла легкие и внутренние органы. Мускульное сокращение кишечника извергло испражнения.

Вала взглянула на лучемет. Ее распирало любопытство, но сестра знала, что Вольф не даст оружие в чужие руки и просить его об этом бесполезно.

— Я смотрю, у тебя две степени регулировки, — сказала она. — И что он может делать на полной мощности?

— Может разрезать десятифутовую стальную плиту, — ответил Роберт. — Но тогда заряд иссякнет через шестьдесят секунд. На половинной мощности лучемет работает до десяти минут без перезарядки.

Она посмотрела на его карманы. Вольф улыбнулся: он не собирался говорить ей, сколько у него там зарядов.

— А где ваше оружие? — спросил он.

Вала тихо выругалась и ответила:

— Его украли, пока мы спали. И я не знаю, кто это сделал. Скорее всего Уризен или этот скользкий Теотормон.

Вольф направился к месту битвы, сестра и брат старались не отставать от него. Летающий остров отбрасывал бледную тень, которая вскоре обещала стать более густой, поскольку луна, приносящая ночь, все больше наползала на эту сторону планеты. Илмавиры, мужчины и женщины, выпрыгивали из отверстий в днище острова. Другие, зависнув в воздухе на связках пузырей, тушили пожар у корневищ основания с помощью странных многосегментных предметов, из которых разбрзгивалась вода.

— Это живые морские существа, — объяснила Вала. — Вид амфибий, которые могут передвигаться по суше резкими рывками, выбрасывая струи воды.

Вольф установил лучемет на полную мощность и по пути стал перерезать канаты, на которых висели каменные якоря, и веревки, затянутые вокруг деревьев. Трижды ему попадались абуталы, и Робертправлялся с ними, переключая лучемет на половинную мощность. К тому времени, когда они

приблизились к деревне, он перерезал сорок канатов и убил около двадцати мужчин и женщин.

— Нам повезло, что ты появился здесь, — сказала Вала. — Мне кажется, мы бы не справились без твоей помощи.

Вольф пожал плечами. Он достал силовой пакет и вставил в затвор оружия небольшой цилиндр. У него осталось шесть обойм, и, если дело так пойдет, он вскоре останется с пустыми руками. Но экономить боезапас в подобной обстановке не приходилось.

Деревню штурмовали около девяноста абуталов. Те, кто спустился на шарах внутрь укрепления, погибли. Большая часть местных жителей теперь тушила пожар. Им уже не приходилось опасаться нападения сверху. После потери такого количества якорей остров илмавиров снесло ветром на четверть мили, и лишь сотня канатов удерживала его над сушей.

На вершине единокого холма у самой деревни Вольф уничтожил лучом группу абуталов. Как только осаждающие деревню поняли, откуда исходит опасность, половина воинов окружила холм. Все его подножие ощетинилось копьями. На властителей в любую минуту мог обрушиться мощный залп стрел, и они укрылись за спинами четырех белых каменных идолов, стоявших на вершине холма.

— Теперь им придется подумать об обороне, — сказала Вала — Если они этого еще не поняли, то скоро поймут. И тогда мы этим воспользуемся. Возможно...

Она замолчала, ожидая, пока Вольф расправится с тремя воинами, которые побежали к оврагу у холма.

— Возможно — что? — спросил он.

— Наш любимый папочка оставил на этом острове послание. Он сообщил нам, что мы должны сделать, если захотим добраться до его замка. Прежде всего следует отыскать врата, ведущие туда. На нашем острове их нет, но он намекнул, что пара врат есть на другом острове, хотя и не сказал, где именно. Нам придется искать их самим, поэтому я подумала...

Над толпами абуталов пронесся пронзительный крик, и воины, стоявшие в передних рядах, бросились в атаку. Стрелки прикрывали их, выпуская разом по тридцать стрел. Вольф велел Вале и Ринтраху спрятаться за идолами, что они и сделали весьма охотно. Как ни жаль было тратить заряд, обстоятельства вынуждали к этому. Роберт переключил лучemet на полную мощность и повел белым лучом по головам приближавшихся воинов. От растений и тел повалил дым. Лучники, пытаясь сделать прицельный выстрел, высакивали из укрытий, попадали под луч и гибли один за другим.

Вокруг Вольфа мелькали стрелы и отскакивали от каменных идолов. Одна оцарапала его плечо, другая, отрикошетив, вонкнулась в землю между ног. Вскоре поток стрел иссяк. Увидев обуглившиеся тела и вдохнув запах горелого мяса, абуталы дрогнули. И едва Роберт направил луч на задние ряды, люди в ужасе бросились в джунгли.

— Так что ты задумала? — спросил он Валу.

— Если мы будем плавать на этом острове, наши поиски могут длиться тысячелетиями, и, возможно, нам никогда не удастся найти остров, на котором установлены врата. Очевидно, это и входило в планы отца. О, как бы он наслаждался, наблюдая за нашими тщетными поисками, за нашим отчаянием, разногласиями, а то и резней, которые неизбежно возникли бы среди нас в столь длительном путешествии. А вот на абуте мы будем двигаться быстрее, к тому же сверху все очень хорошо видно.

— Прекрасная идея, — сказал Вольф. — Но как мы уговорим абуталов принять нас в свою компанию? И где гарантии, что они не набросятся на нас при первом удобном случае?

— Ты забыл, какими способностями обладает твоя младшая сестра. Неужели после стольких лет нашей любви ты не помнишь, как я умею убеждать?

Она встала, повернулась в сторону джунглей, где, казалось, не было ни души, и громко изложила условия сделки. Ответа не последовало. Немного подождав, она повторила свой ультиматум. Вскоре из зарослей вышел офицер — высокий, хорошо сложенный мужчина, чуть старше тридцати лет и довольно красивый — это было заметно даже несмотря на то, что его лицо было размалевано разноцветными кругами. Помимо черных узоров на шее и плечах его украшало изображение птицы иифтарз, нарисованное на груди, — знак отличия командира эскадрильи. За офицером следовала его жена, одетая в короткую юбку из красных и синих перьев морской птицы. Рыжая коса была уложена кольцами на макушке, лицо пестрело зелеными и белыми ромбами, на шее висело ожерелье из костей отрубленных пальцев. На обнаженной груди тоже виднелось изображение иифтарз, вокруг пупка были нарисованы три круга: малиновый, черный и желтый. По обычаям абуталов она сопровождала мужа в бою. Если он погибал, ей полагалось отыскать убийц супруга и либо уничтожить их, либо погибнуть в отчаянной схватке.

Пара приблизилась к подножию холма и по приказу Вольфа остановилась. Вала вновь заговорила. Слушая ее, мужчина улыбался, а его жена внимательно следила за каждым движением властителей.

ГЛАВА 4

Офицер Дагарн согласился на капитуляцию только после согласования определенных условий. Он наотрез отказался покинуть остров без компенсации потерь и потребовал, по крайней мере, хотя бы часть того, что илмавиры намеревались захватить в ходе атаки. Вала без колебаний пообещала ему в качестве трофеев домашнюю птицу и животных (морских крыс и небольших тюленей), принадлежавших защитникам деревни. Кроме того, абуталам разрешили изувечить трупы своих врагов и снять с них скальпы.

Обитатели плавучего острова, которые называли себя фриканами, узнав о таких условиях, начали протестовать. Но Вольф предупредил их вожаков, что, если они не примут предложения, битва будет продолжаться. И он, Вольф, на сей раз не встанет на их сторону. Фриканы с угрюмым видом согласились выполнить его требования, и абуталы отняли у жителей деревни все, что посчитали ценным.

Владельцы Лувах, Эньен, Аристон, Тармас и Паламаброн во время сражения отсиживались за высокими стенами. Увидев Роберта, они удивились и с завистью взорвались на его лучемет. Наверное, только Лувах искренне обрадовался появлению Вольфа. Самый низкорослый из всех, с волосами песочного цвета, он мог бы слить красавцем, если бы не слишком широкий и пухлый рот. Его лицо оживляли темно-синие глаза и россыпь бледных веснушек на щеках и горбатом носу.

Лувах обнял Роберта, прижался к его груди и чуть не расплакался. Вольф не стал вырываться, от души надеясь, что брат не воспользуется случаем, чтобы нанести предательский удар кинжалом. Детьми они были неразлучны; их объединяли не только фантазии и игры, но и полное безразличие к делам и помыслам других честолюбивых братьев. Фактически Лувах не принимал участия в смертельной игре владельцев, которая заключалась в том, чтобы убивать или лишать других власти и владений.

— Как отцу удалось выманить тебя из мира, где ты наслаждался счастьем и покоем? — спросил Роберт.

Лувах криво усмехнулся:

— Я мог бы спросить тебя о том же. Возможно, он проделал с нами один и тот же трюк. Ко мне явился его вестник — пылающий гексакулум, — якобы посланный тобой, и сообщил, что ты зовешь меня в гости, ибо, устав от одиночества, хочешь пообщаться с одним из членов семьи, который не желает твоей смерти. Приняв меры предосторожности, которые мне тогда казались достаточными, я покинул свою

вселенную. Посчитав эти врата твоими, я вошел в них — и оказался на острове.

Вольф покачал головой:

— Ты, как всегда, поторопился, брат, и поплатился за свою опрометчивость. Но я польщен, что ты пренебрег собственной безопасностью и решил навестить меня. Вот только...

— Только мне следовало быть настороже и убедиться, что сообщение пришло действительно от тебя. В другое время я бы так и поступил. Но в тот момент мне вспомнилось детство, и я затосковал о тебе, мой брат. Сам знаешь, даже у властителей есть слабости.

Вольф помолчал, наблюдая, как ликующие илмавиры тащат домашнюю птицу, животных, ожерелья и кольца из морских зеленовато-желтых камней.

— Мы попали в очень неприятную ситуацию, Лувах, — сказал он. — Конечно, самая опасная персона — наш отец. Но не менее опасны и те, от кого мы будем во многом зависеть. Несмотря на слово чести, мы должны присматривать за нашими союзниками. Поэтому я предлагаю тебе взаимную поддержку. Когда я буду спать, ты будешь сторожить мой сон. Когда ты заснешь, я встану рядом с тобой на страже.

Лувах печально улыбнулся.

— Но даже во сне ты будешь следить за мной. Не так ли, брат? — Заметив, что Вольф нахмурился, Лувах торопливо добавил: — Не сердись, Ядавин. Нам с тобой удалось прожить так долго лишь потому, что мы никогда не теряли веры в лучшее будущее. И у нас были на то основания. Я часто с печалью вспоминаю, как когда-то все мы, братья и сестры, жили вместе. Мы росли, учились и играли. Мы были чисты, невинны и любили друг друга. А теперь нас превратили в алчных, ненасытных волков, готовых перегрызть друг другу глотки. Но почему? Почему? У меня есть ответ на этот вопрос. Потому что властители сошли с ума. Они возомнили себя богами, хотя все время были простыми людьми и ничем не отличались от этих дикарей. Им просто посчастливилось стать наследниками великой цивилизации, и они слепо используют ее науку и технологию, не понимая даже принципов, стоявших за ними. Они, как злые дети, забавляются, создавая и разрушая целые миры. Великие мудрецы, одарившие их могуществом, давно обратились в прах, их знание и наука на грани вымирания, а добро, присущее космическим силам, низведено до злобных утех властителей, которые пестуют свою неуемную гордыню.

— Мне это известно, брат, — сказал Вольф. — И, возможно, даже лучше, чем тебе, потому что еще недавно я был

таким же эгоистичным и порочным существом, как остальные. Но мне пришлось многое пережить, и когда-нибудь я расскажу тебе о своих приключениях. Переживание изменило меня и превратило в человека, которого, я надеюсь, ты оценишь по достоинству.

Илмавиры опустили с абути огромные шароподобные лестницы с тяжелыми грузами. К ним привязали награбленное добро и с помощью направляющих тросов втянули в отверстия нижней части летающего острова. Туда же подняли планеры, которые можно было починить. Затем наверх подлезли абуталы, закончившие грабеж.

На Роберта надели кожаный корсет, привязанный к паре пузырей, и он начал подниматься. Вольф держал лучемет наготове, поскольку абуталы могли воспользоваться случаем и попытаться убить его. Однако тревоги и опасения оказались напрасными. Роберта втянули в отверстие, две улыбающиеся женщины подхватили его под руки, оттащили в сторону и освободили от лямок. Пузыри унесли в темное нутро огромного помещения, где, очевидно, находилось хранилище шаров.

Когда все властители оказались на летающем острове, Дагарн и его жена Ситаз повели их по винтовым пролетам лестниц на верхнюю часть острова. Ступени были сделаны из легких, тонких как бумага, но очень прочных затвердевших оболочек газовых пузырей. На абуте, где вес играл решающую роль, применялись лишь самые легкие вещи. Эта особенность, как позднее обнаружил Вольф, повлияла даже на разговорный язык. В целом речь абуталов почти не отличалась от языка предков. Тем не менее произношение некоторых звуков изменилось, и появились новые слова, связанные с весом, формой, гибкостью, размерами, вертикальными и горизонтальными направлениями движения. Они использовались для определения понятий, о которых старшее поколение даже не догадывалось. Все имена существительные, а также некоторые прилагательные применялись только с соответствующими новыми определениями. Вдобавок абуталы разработали более подробную терминологию для морской и воздушной навигации.

Лестничная клетка представляла собой ствол шахты, вырезанный в густом переплетении корней. Поднявшись наверх, Роберт оказался в центре некоего амфитеатра. Полом служили широкие полосы затвердевших оболочек, а покатые стены состояли из огромных пузырей, скрепленных друг с другом корнями. На огромной палубе имелось только одно строение — длинная, открытая со всех сторон беседка с соломенной

крышой. Это общественное здание предназначалось для увеселений и торжеств. Здесь же находились плоские камни, на которых каждая семья готовила себе пищу. Повсюду носились морские крысы и разгуливала домашняя живность, а в небольшом бассейне в центре палубы играли тюлени, которых разводили на мясо.

Ситаз, жена вождя, показала гостям их жилье. Комнаты представляли собой крошечные спаленки, вырезанные в толще корней. Пол и стены покрывали оболочки пузырей. Отверстия в полу позволяли спускаться вниз по складным лестницам. Свет проникал через люк или шел от небольших ламп, заправленных рыбьим жиром. Места едва хватало, чтобы сделать пару шагов от стены до стены. Каждая комната имела нишу в стене, где в углублении, похожем на гроб, лежал тюфяк из тюленьей кожи, набитый перьями морских птиц. Большая часть дневной иочной жизни острова проходила на «главной палубе». Ни о каком уединении не могло быть и речи. Единственным исключением являлся капитанский мостик.

Вольф ожидал, что абуаталы поднимут якоря и тут же отправятся в путь. Но Дагарн заявил, что придется немного подождать. Во-первых, прежде чем начинать полет над открытым морем, острову необходимо набрать высоту. Бактерии, которые вырабатывали газ, при усиленной подкормке работали очень быстро, но, по расчетам Дагарна, на заполнение пузырей требовалось около двух дней, и только тогда расход газа на маневры не стал бы влиять на высоту.

Во-вторых, при вторжении абуаталы понесли значительные потери. Для оперативного управления островом не хватало людей. Поэтому Дагарн предложил последовать обычаю, к которому абуаталы прибегали в крайне редких случаях, и восполнить численность населения завербованными фриканами. Убедившись, что «гости» благополучно разместились, вождь илмавиров решил спуститься на плавающий остров. Вольф из любопытства последовал за ним, а Вала напросилась в провожатые. Роберт так и не понял, что побудило ее к этому — любознательность или желание не спускать с него глаз. Скорее всего, свою роль сыграли оба мотива.

Дагарн объяснил вождю фриканов свои требования, и тот удрученно махнул рукой, давая понять, что теперь ему уже все равно. Предводитель илмавиров собрал уцелевших жителей, огласил предложение о вербовке, и, к удивлению Вольфа, многие из них согласились. Вала сказала, что эти два народа обычно враждуют между собой, но сейчас фриканы

потерпели поражение. Кроме того, молодых людей влекла романтика жизни на летающем острове

Дагарн осмотрел добровольцев и выбрал тех, кто хорошо проявил себя в бою, но в основном отдал предпочтение женщинам, особенно тем, у кого были маленькие дети. После этого последовала церемония ритуальной пытки, которая состояла из легкого прижигания паха у выбранных мужчин и женщин. Обычно захваченного врага пытали и мучили до смерти, но, если он выказывал исключительную смелость и стойкость, его принимали в племя. Однако в критических ситуациях пытки были чисто символическими.

Позже, когда остров поплынет по воздушным просторам, новобранцам предстояло принять участие еще в одной церемонии, во время которой каждый из них смешает свою кровь с кровью илмавиров. Это предотвратит возможную месть и предательство, поскольку кровное братство считалось здесь священным.

— Есть и другая причина для пополнения команды, — заметила Вала. — Жители островов, как плавающих, так и летающих, склонны к инцесту. Поэтому, чтобы избежать вырождения, пленников часто принимают в племя

Вала теперь вела себя с Вольфом очень дружелюбно и старалась проводить с ним все время. Она снова начала называть его словом «уйвкрат», которое на языке властителей означало «милый». При любом удобном случае Вала льнула к нему всем телом и даже пару раз дарила легкий поцелуй. Вольф на это никак не реагировал. Он не мог забыть, как пятьсот лет назад, в самый разгар их любовной связи, она пыталась убить его

Роберт отправился к шестиграннику, через который попал на этот остров. Вала пошла вместе с ним. На ее расспросы он отвечал, что хочет еще раз поговорить с Теотормоном.

— С этим морским слизняком? Чего ради он тебе потребовался?

— Возможно, он мне что-нибудь расскажет

Они приблизились к вратам. Теотормон не появился, и Вольф подошел к краю острова. Почва под ногами раскачивалась и проседала. По всей вероятности, пузыри здесь прилегали друг к другу не очень плотно

— Интересно, сколько таких островов на планете и каков их максимальный размер? — спросил он

— Я не знаю, — ответила Вала. — С тех пор как меня забросило сюда, мы видели издали парочку, но фриканы говорили, что их очень много. Туземцы упоминали о Матери островов — относительно большом куске суши, о котором

они слышали. Еще есть множество летающих островов, и их размеры ничем не отличаются от абути илмавиров. Но зачем нам обсуждать такие скучные вещи, когда мы могли бы поговорить друг о друге?

— И о чём же, например? — спросил Вольф.

Она повернулась и придинулась к нему. Ее губы почти касались его подбородка.

— Почему бы нам не забыть того, что случилось между нами? В конце концов, прошло столько времени, а мы были тогда молоды и глупы.

— Сомневаюсь, что ты изменилась с тех пор, — сказал он.

Вала улыбнулась.

— Откуда тебе это знать? Позволь мне доказать, что я стала другой. — Вала обняла Роберта и прижалась лицом к его груди. — Я другая во всем, кроме одного. О, какая страсть сжигала меня в ту пору. Ты помнишь? И стоило мне увидеть тебя вновь, как я поняла, что любовь в моем сердце так и не угасла.

— Зачем же ты пыталась убить меня в постели? — спросил он.

— Ах, ты об этом! Милый мой, я думала, ты спутался с этой мерзкой и хитрой Алаграадой. Мне казалось, что моя любовь предана. Как ты можешь обвинять женщину в том, что она сходила с ума от ревности? Ты же знаешь, какая я ужасная собственница.

— Вот это я знаю очень хорошо, — сказал он, отталкивая Валу. — Ты с детства любила только саму себя. Все властители эгоистичны, но ты в этом отношении — непревзойденный лидер. Понять не могу, что я в тебе тогда нашел.

— Мерзавец! — закричала она. — Ты любил меня, потому что я Вала. Я — Вала, и этого достаточно!

Он покачал головой:

— Возможно, когда-то так оно и было. Но теперь все изменилось. И никогда не повторится.

— Ты любишь другую! Я ее знаю? Это, случайно, не Анана, моя глупая и кровожадная сестра?

— Нет, — ответил он. — Анана кровожадна, но не глупа — даже Уризену не удалось заманить ее в ловушку. По крайней мере, я не вижу здесь нашей любимой сестры. Или с ней что-то случилось? Она умерла?

Вала пожала плечами и отвернулась.

— Я ничего не слышала о ней уже триста лет. Но твое беспокойство доказывает, что она тебе не безразлична. О, Анана! Кто бы мог подумать?

Вольф не стал разубеждать ее. И счел неразумным упоминать о Хрисейде. Хотя Вала никогда с ней не встречалась, такими вещами рисковать не стоило.

Вала повернулась к Вольфу:

— А что случилось с той девчонкой с Земли?

— С какой еще девчонкой? — спросил он, застигнутый врасплох.

— С какой девчонкой? — передразнила она его. — Я говорю о Хрисейде, той глупышке-смертной, которую ты похитил с Земли около двух с половиной тысяч лет назад. Там рядом находился город, который назывался Троя — или как-то в этом роде. Потом ты сделал ее бессмертной, и она стала твоей возлюбленной.

→ Как и несколько тысяч ей подобных, — небрежно ответил он. — А почему ты вспомнила о ней?

— О, я знаю! Я все знаю! Ты и впрямь стал выродком, мой братец Вольф-Ядавин.

— Откуда тебе известно мое земное имя? Да, теперь я предпочитаю называться именно так. А что ты еще узнала обо мне? И главное, откуда?

— Я всегда была любопытна и старалась получить любую возможную информацию о каждом из властителей, — ответила она. — Вот почему мне удалось прожить так долго.

— И вот почему погибло так много других людей.

Ее голос снова стал нежным, она улыбнулась ему:

— У тебя нет причин для ссоры со мной. Почему бы нам не оставить прошлое в прошлом?

— А кто ссорится? Ты права: что прошло, то прошло. На то оно и прошлое. Но властители не помнят добрых дел и никогда не забывают своих обид. И пока ты не убедишь меня в обратном, я буду относиться к тебе, как к прежней Вале — такой же красивой и даже более прекрасной, чем раньше, но по-прежнему с черной и прогнившей душой.

Она попыталась улыбнуться.

— Ты, как всегда, слишком резок. Но, возможно, поэтому я тебя и люблю. Ты лучший из всех мужчин. И я считаю тебя первым в числе моих любовников.

Она ожидала, что он вернет ей комплимент, но Роберт ответил:

— Людей в любовников превращает любовь. И я любил тебя. Но эти времена прошли.

Он повернулся и зашагал по краю берега, изредка оглядываясь. Она шла за ним на расстоянии двадцати шагов. То тут, то там почва проседала под ногами.

Вольф остановился, подождал Валу и разочарованно сказал:

— На дне, должно быть, много пещер. Как же нам вызвать Теотормона?

— А никак. Пещер здесь действительно много. Иногда погибает целая группа пузырей — от болезни, возраста, или их объедают рыбы, которым нравится вкус оболочек, — и тогда возникают пустоты, хотя со временем их заполняет новая поросль.

Роберт принял ее слова на заметку. Если дела сложатся слишком плохо, человек всегда может укрыться под островом. Но Вала, очевидно, догадалась, о чем он подумал, — этот дар выводил Вольфа из себя, когда они были супругами.

— Я бы туда ни за что не полезла. Вода буквально кишит пожирателями плоти.

— А как же тогда удается жить Теотормону?

— Не знаю. Возможно, он слишком быстр, силен, и рыбам его не одолеть. И потом, он полностью приспособлен к такой жизни — если только это можно назвать жизнью.

«Жаль, что не удалось повидаться с Теотормоном», — подумал Вольф и зашагал обратно в джунгли. Вала поспешила за ним. Роберт позволил сестре идти сзади, зная, что, пока он нужен ей, она не решится на убийство.

Но не прошел Вольф и нескольких ярдов, как его сбил с ног сильный удар. Сначала он подумал, что на него набросилась Вала. Он откатился в сторону, пытаясь вытащить лучемет из кобуры, и увидел того, кто швырнул женщину ему в спину. На него летело огромное, блестящее и мокрое тело Теотормона. Массивная туша навалилась на Роберта, и от четырехсотфунтовой тяжести перехватило дыхание. Теотормон усился на поверженного брата и яростно заколотил по его лицу плавниками. Первый же удар поверг Роберта в полубессознательное состояние, второй — погрузил в бездну тьмы.

ГЛАВА 5

Вольф на несколько секунд лишился чувств, но частичку сознания ему удалось сохранить. Высвободив руки, он крепко ухватился за оба плавника и развел в стороны покрытые скользкой слизью конечности. Как только к нему вернулась способность соображать, он рывком вывернул их. Теотормон завизжал от боли, приподнялся, и Вольф тут же воспользовался этим. Он оттолкнул от себя выпиравшее брюхо, откатился в сторону и, согнув правую ногу, изо всех сил пнул. Теперь дыхание перехватило у Теотормона.

Роберт вскочил на ноги и ударил противника еще раз. Конец туфли угодил в самое слабое место монстра — в голову. Теотормон схватился за лоб и опрокинулся на спину. Вольф ударил его в челюсть, а затем пнул в живот. Зеленые, как мох, глаза остекленели и закатились, ноги подогнулись, прикрывая пах.

Но морской зверь не сдался, и, когда Роберт подошел поближе, чтобы закончить расправу, Теотормон нанес ему удар огромной ступней. Вольф ухватился было за нее, но не удержал и отлетел назад. Монстр вскочил, пригнулся и прыгнул. Роберт метнулся навстречу, выставив правое колено. Удар пришелся Теотормону в подбородок, и оба вновь упали на землю. Вольф выскоцил из-под противника, потянулся за лучеметом, но кобура оказалась пустой. Его брат поднялся на ноги. Соперники стояли лицом к лицу, тяжело дыша, — их разделяло шесть футов. Только сейчас они начали ощущать боль от полученных ударов.

Когда-то с помощью особых процедур Роберт удвоил естественную силу своих мышц. Его кости окрепли и вполне соответствовали приобретенной силе. Но через это прошли все властители, поэтому, вступая друг с другом в рукопашный бой, они обладали примерно одинаковой мощью. Уризен придал телу Теотормона другую форму, и тот был тяжелее Вольфа на добрых сто шестьдесят фунтов. Однако силу его Уризен увеличивать не стал, поэтому Вольфу пока удавалось давать отпор. Тем не менее вес имел для поединка большое значение, и Роберт в этом уже успел убедиться. Он знал, что, если Теотормон еще раз воспользуется своим преимуществом, встреча может закончиться печально.

Немного отдохнувши, чудище прорычало:

— Сейчас я выбью из тебя дух, Ядвин. А когда ты потеряешь сознание, унесу твоё тело в море, затащу в пещеру под островом, и мои рыбки будут поедать тебя заживо.

Роберт осмотрелся вокруг. Вала стояла невдалеке — на ее лице сияла возбужденная улыбка. Он не стал тратить силы и время на просьбы о помощи, а бросился вперед и подпрыгнул, надеясь ударом обеих ног свалить Теотормона на землю. Тот на мгновение замер от неожиданности — и присел. Именно на это и рассчитывал Роберт, целясь ему в живот. Но Теотормон оказался проворнее и пригнулся еще ниже. Вольф пролетел над чудовищем — его туфли скользнули по мокрой спине — и приземлился на ягодицы позади противника. Мгновенно перекатившись по земле, он вскочил. Теотормон развернулся и прыгнул, ожидая застать Вольфа лежащим, но, к своему огорчению, получил очередной удар в челюсть.

И Теотормон не устоял. Его темная тюленья шкура окрасилась кровью, вытекавшей из лопнувшей губы, разбитой челюсти и сломанного носа. Он лежал на земле, тяжело дыша и всхлипывая. Роберт несколько раз ударил его по ребрам и, убедившись, что тот не скоро встанет, отошел.

Вала захлопала в ладоши и закричала:

— Ну ты ему и дал! Недаром я тебя когда-то любила... и до сих пор люблю.

— Почему же ты мне не помогла?

— А тебе не требовалась помощь. Я знала, что ты выбьешь из этого рыдающего увальня все его дурацкие мозги.

Вольф быстро осмотрел траву — лучемет исчез. Вала как ни в чем не бывало стояла на месте.

— Почему ты не пырнул его ножом?

— Зачем? — удивился Роберт. — Я не хотел его убивать. Мы возьмем его с собой.

Ее глаза удивленно расширились.

— О Лос! Какая от него польза?

— Нам могут пригодиться его способности.

Теотормон застонал и сел. Присматривая за ним краем глаза, Вольф продолжал свои поиски.

— Ладно, Вала. Давай его сюда, — наконец сказал он.

Раздвинув складки мантии, она вытащила лучемет.

— А ведь я могу сейчас убить тебя.

— Тогда поспеши и не трать время на глупые угрозы. Тебе меня не испугать.

— Ах так! Тогда получай! — яростно крикнула она и вскинула лучемет.

«Зря я так раздразнил ее, — пронеслось в голове у Вольфа. — Властители горды — слишком горды и очень быстро реагируют на оскорблений».

Но она направила оружие на Теотормона, и белый луч рассек конец одного из плавников. Заклубился дым, запахло горелой плотью. Теотормон упал на спину, разинув рот в беззвучном крике и выпучив от боли глаза.

Вала, улыбаясь, передала лучемет Вольфу. Тот выругался и сказал:

— Какая ты злая, Вала. Злая и глупая. Я же говорил тебе, что однажды он может склонить чашу весов в нашу пользу. И, возможно, от него будет зависеть, жить ли нам дальше.

Вала медленно подошла к поверженному существу и склонилась над ним. Осмотрев его, она приподняла плавник с обугленным концом.

— Он еще жив... пока. Если ты хочешь, его можно спасти. Но плавник придется ампутировать — он обгорел почти наполовину.

Роберт молча зашагал прочь.

Он попросил илмавиров помочь ему доставить Теотормона на остров. С помощью четырех пузырей морское чудовище подняли и втащили через люк. Затем его отнесли в сторону и уложили на полу «брига» — клетки с очень легкими, но крепкими как сталь прутьями из расщепленных оболочек пузырей.

Вольф сам взялся делать операцию. Влив в горло Теотормона наркотический напиток, который принес колдун илмавир, он осмотрел несколько пил и хирургические инструменты. Весь набор принадлежал колдуну, который заботился не только о духовном, но и о физическом благе людей своего племени.

Отобрав несколько пил с зубьями акулоподобной рыбы, Роберт принялся пилить плавник чуть ниже плеча. Плоть расчленялась легко, но, чтобы отпилить кость, Вольфу пришлось сменить две пилы. Колдун опалил огромную рану пылавшим факелом, на рану наложили целебную мазь. По словам колдуна, она спасала жизнь даже тем, кто обгорал наполовину.

Вала наблюдала за ходом операции и тихонько улыбалась. Когда Вольф на секунду оторвался от работы, их взгляды встретились и она засмеялась. Он вздрогнул, хотя ее прекрасный и удивительный смех напоминал звук гонга, который он слышал однажды, путешествуя по реке Газирит в стране Хамшем на третьем уровне своей планеты. Звук казался сотканным из золотистых нот, и смех Валы был таким же. Бронзовый гонг висел в темном адитуме древнего полуразрушенного храма из жадеита и халцедона. Звук приглушали каменные стены и густые заросли зеленых джунглей. Он был бронзовым, но излучал золотистые вибрации. И они звучали, как смех Валы, бронзово-золотой и в то же время какой-то неуловимо зловещий.

— Если дать ране зажить, ему никогда не удастся отрастить новый плавник. Ты же знаешь: если рана начинает рубцеваться, восстановления тканей не происходит.

— Это уже не твоя забота, — ответил он. — Ты сделала все, что могла.

Она фыркнула и стала подниматься по узкой винтовой лестнице на главную палубу. Вольф выждал некоторое время и, убедившись, что шок Теотормона миновал, последовал за ней.

Принятых в племя фриканов обучали новым обязанностям, и Роберт с интересом понаблюдал за их муштрай. Потом он спросил у Дагарна, чем питаются огромные газовые растения. Ему казалось, что запасы корма должны быть довольно большими, ведь на острове насчитывалось по меньшей мере четыре тысячи пузырей, каждый размером с отсек цеппелина.

Дагарн объяснил, что растущий пузырь не нуждается в питании. Созрев, он отмирает, его оболочка засыхает, твердеет, но ее обрабатывают особым материалом, и она сохраняет гибкость и способность растягиваться. Затем в этот пузырь помещают колонии газообразующих бактерий. Вот их-то и подкармливают, но количество газа, которое они производят, во много раз превышает вес требуемой пищи. На корм в основном идет сердцевина растений, но бактерии могут питаться и рыбой, мясом или разлагающейся растительной массой.

Сославшись на занятость, Дагарн ушел. Тень от луны сползла с острова, и над ним вновь засиял дневной свет. Абута с силой натягивала удерживающие ее веревки. В конце концов вождь решил, что газа для взлета накопилось достаточно. Каменные якоря были подняты, и веревки, обмотанные вокруг деревьев, обрублены. Летающий остров стал медленно подниматься; ветер подхватил его и понес. Какое-то время абута лежала на высоте ста пятидесяти футов, но, когда газ полностью заполнил пузыри, она поднялась на пятьсот футов. Дагарн приказал приостановить питание бактерий. Он лично осмотрел весь остров и вернулся на мостик только через несколько часов.

Вольф спустился вниз навестить Теотормона. Колдун доложил, что их пациент идет на поправку быстрее, чем можно было ожидать.

Роберт поднялся по лестнице на вершину боковой стены. Здесь он встретил Луваха и Паламаброна — прекрасно сложенного красавца, самого темнокожего в их семье. Его коническую шляпу с шестигранным ободом по обеим сторонам украшали изумрудно-зеленые фигурки сов. Черный плащ со стоячим воротником и эполетами в форме львов, приготовившихся к прыжку, был подбит зеленовато-мерцающим материалом с узором — трилистник, пронзенный окровавленным копьем. На сине-зеленой рубашке выделялся кант с изображением белых черепов. Талию стягивал великолепный кожаный пояс с золотой отделкой, расшитый алмазами, изумрудами и топазами. Мешковатые штаны в черно-белую по-

лоску доходили до икр. Наряд завершали ботинки из мягкой светло-красной кожи.

Удивительно красавая фигура — предмет гордости Паламаброна — была результатом действия особых устройств. Он кивнул в ответ на приветствие Вольфа и ушел. Взглянув ему вслед, Роберт тихо рассмеялся:

— Паламаброн всегда старался не замечать меня. Я бы встревожился, если бы его отношение ко мне изменилось.

— Пока мы здесь, на летающем острове, они ничего не предпримут, — сказал Лувах. — Если, конечно, поиски не затянутся. Интересно, сколько на это уйдет времени? Мы можем вечно летать над морем, но так и не найти врата.

Вольф окинул взглядом красные небеса, зелено-синий океан и оставленный ими остров — кусочек дрейфующей суши, который с высоты казался не больше монетки. Над головой, истошно крича, кружили белые птицы с огромными крыльями. Желтые изогнутые клювы и обведенные оранжевыми кругами глаза придавали им такой вид, словно они знали обо всем на свете. Одна из птиц уселась неподалеку от братьев и, вытянув шею, уставилась на Роберта зеленым немигающим глазом. Вольф вспомнил о воронах многоярусного мира. А что, если в этих не по-птичьи огромных черепах находятся частички человеческого мозга? Не исключено, что они — соглядатай Уризена. Ведь отец должен был позаботиться о средствах наблюдения, иначе не получил бы полного удовольствия от своей игры.

— Дагарн сказал, что абута всегда следует одним и тем же курсом. Она обходит мир воды виток за витком по спиральной орбите. Так что в конечном счете траектория полета охватывает всю площадь планеты.

. — Но остров, на котором находятся врата, может двигаться в ином направлении.

Роберт пожал плечами.

— Тогда мы не найдем его.

— По-видимому, Уризен этого и добивается. Он получит огромное удовольствие, если мы сойдем с ума от досады и скуки, а затем перегрызем друг другу глотки.

. — Да, похоже на правду. Но абута может менять курс по желанию людей. Это очень медленный процесс, но осуществимый. Вот только...

Он молчал так долго, что Лувах потерял терпение.

— Что «вот только»?

— Наш добрый отец населил этот мир не только людьми, но и прочими тварями — птицами, рыбами и животными. Мне кажется, на некоторых островах, как плавучих, так и

летающих, мы можем встретить очень злобных летающих тварей.

Снизу братьев окликнула Вала: всех властителей приглашают на обед. Они спустились на палубу и устроились в конце стола. Дагарн поведал им свои планы. Он хотел изменить курс абуты, потому что где-то на юго-западе дрейфовал еще один летающий остров, который населяли их злые соперники — ваериши. Теперь, когда у илмавиров есть Вольф и его лучемет, они могли бы окончательно разделаться с врагами и добыть в битве победу, которая навеки покроет славой великое племя. А недругов пусть поглотят воды океана.

Вольф согласился: возражать в данный момент не имело смысла. Он надеялся, что они не найдут ваеришь, и хотел сохранить силовые пакеты для более важных дел.

Бесконечной чередой тянулись ярко-красные дни и бледно-розовые ночи. Поначалу Вольф еще находил для себя занятие. Он разузнал все, что мог, об управлении абутой. Он изучал нравы племени и характерные особенности обитателей острова. Остальные властители, за исключением Валы, практически не интересовались подобными вещами. Все свое время они проводили на носовой палубе, проклиная абуталов, переругиваясь друг с другом и высматривая остров с заветными вратами Уризена. Среди них всегда находился обидчик и оскорбленный, но пока властители старались не доводить ссоры до откровенной свары.

С каждым днем Роберт чувствовал к ним все большее отвращение. Кроме Луваха, никто из них не заслуживал спасения. Надменность властителей раздражала абуталов. Вольф несколько раз предупреждал об этом братьев, напоминая, что сейчас их жизни во многом зависят от островитян. Стоит разгореться вражде, и зазнавшихся гостей просто вышвырнут за борт. К его советам прислушивались, но проходило время, и ими овладевала тысячелетняя вера в свое богоподобие.

Большую часть времени Вольф проводил на мостице рядом с Дагарном, считая необходимым хоть как-то разряжать напряженность, создаваемую его беспечными братьями и кузенами. Он начал посещать занятия по планеризму, поскольку человек, не освоивший крылатый аппарат, не мог рассчитывать на дружбу и уважение абуталов.

Однажды Роберт спросил вождя, почему полетам придается такое большое значение. Сам он считал планеры забавой и источником проблем, ненужной тратой ресурсов и времени.

Дагарна удивил такой вопрос. Он даже не сразу нашел нужные слова.

— Как почему? Потому что... так надо. Человек становится взрослым только тогда, когда совершил свою первую самостоятельную посадку. И я не согласен с твоим утверждением, что планеры не окупают внимания и затрат. Придет день, когда мы найдем своих врагов, и ты поймешь, как ошибался.

На следующий день Вольф совершил пробный полет. Он и Дагарн сели в двухместный учебный планер. Два огромных пузыря, привязанных к концу каната, подняли машину в воздух. Они набирали высоту до тех пор, пока абута не превратилась в небольшой коричневый овал. Быстрые верхние потоки воздуха отнесли планер на несколько миль от острова. Дагарн, выполняя обязанности инструктора, отсоединил подъемный механизм. С помощью тонкой, но крепкой веревки пузыри втянули назад на абуту, чтобы использовать еще раз.

За свою долгую жизнь Вольф-Ядавин летал на многих приспособлениях. На Земле у него имелось удостоверение пилота, позволявшее управлять небольшим одномоторным самолетом. И хотя последний раз Роберт летал много лет назад, он не забыл прежних навыков. Когда планер начал спиральное снижение, Дагарн доверил Вольфу рычаги управления. Через пару минут он похлопал ученика по плечу, одобрительно кивнул и вновь взялся за штурвал. Машина неслась, подгоняемая ветром, затем отклонилась в сторону и плавно приземлилась на посадочной полосе широкой палубы.

Роберт совершил пять тренировочных вылетов, причем два последних — с самостоятельной посадкой. На четвертый день он поднялся в воздух без инструктора. Это произвело на Дагарна огромное впечатление, и он сказал, что большинству новичков обычно требуется вдвое больше времени. Как-то Вольф поинтересовался, что происходит с тем, кто промахивается при посадке на абуту. Его интересовало, как островитяне поднимают планер наверх.

Дагарн улыбнулся и, подняв ладони к небу, сказал, что неудачника оставляют на волю судьбы. Больше на эту тему они не говорили, но Роберт заметил, что при каждом его вылете вождь приказывал оставить на острове лучемет. Вольф доверял оружие только Луваху, зная, что в случае его гибели тот не употребит лучемет во зло. Вернее, не до такой степени, как остальные властители.

После полета Роберту приходилось ходить с обнаженной грудью, как полагалось мужчине, на груди которого кра-

совалось изображение иифтарз. Дагарн выразил желание стать его братом по крови. Услышав об этом, остальные властители получили повод для язвительных насмешек:

— Неужели Ядавин, прямой потомок Лоса, сын великого владыки Уризена, станет брататься с разрисованным невежественным дикарем? Да есть ли у тебя гордость, брат?

— Только не вам говорить о братстве, — ответил он. — Во всяком случае, абуталы не таят ко мне ненависти и не желают смерти, чего не скажешь о всех вас, за исключением Луваха. На вашем месте я бы не презирал этих людей. Они хозяева своих маленьких миров. А вы — бездомные крикуньи, загнанные в ловушку, как стая безмозглых гусей. Так что не торопитесь задирать нос передо мной и ими. Лучше найдите среди них друзей. Могут прийти такие времена, когда их помочь вам очень пригодится.

В мелком бассейне, прижимая к груди розовый полуотросший плавник, сидел Теотормон. Услышав спор братьев, он тоже выразил свое мнение:

— Все равно вам крышка, проклятые подонки. Вот уж вы покричите, когда Уризен в конце концов захлопнет свою западню. А если говорить о Ядавине; я скажу, что он, в отличие от вас, настоящий мужчина. И только ему я желаю удачи! О, как мне хочется, чтобы он добрался до нашего любимого папаши и отомстил за все его дела. Вам же, остальным моим братьям, я желаю погибнуть ужасной смертью.

— Закрой свою пасть, гадкая жаба! — закричал Аристон. — Хватит того, что нам приходится смотреть на тебя. У меня желудок выворачивает от твоего вида. Я не желаю слушать такую мразь, как ты. Хотелось бы мне оказаться в моем прелестном мире и увидеть тебя в цепях у подножия трона. Вот тогда бы, чудовище, я позволил тебе говорить, но в твоих словах была бы только мольба о пощаде. А потом я скормил бы тебя, дюйм за дюймом, моим маленьким крошкам. Ах, мои прекрасные девочки! Как мне их не хватает!

— Однажды ночью я сброшу тебя с летающего острова, — зашипел Теотормон, — и буду хохотать, наслаждаясь, как ты машешь руками в воздухе и визжишь от страха.

— Довольно этих детских перебранок, — оборвала их Вала. — Разве вы не знаете, что каждаяссора между нами лишь радует Уризена? И он обрадуется еще больше, когда вы разорвете друг друга на части.

— Вала права, — сказал Вольф. — Вы называете себя властителями, творцами и правителями огромных вселенных, а ведете себя как избалованные злые дети. Неужели ваша взаимная ненависть так сильна, что вы забыли о том, кто научил вас этому лютому чувству? Но помните, Уризен жив

и уже готовит для вас эшафот. Мы можем его остановить! И мы уничтожим его, даже если ради этого нам придется погибнуть. Поэтому постарайтесь вести себя с достоинством — хотя бы теперь. И, быть может, это облагородит ваш конец.

Аристон зарычал и рванулся к Роберту. Его лицо покраснело, рот искривился от злобы. Он был значительно выше Вольфа, но уступал ему по комплекции. Картинно взмахнув руками, Аристон сбросил с плеч шафрановую мантию с орнаментом из зеленовато-алой чешуи.

— Я достаточно натерпелся от тебя, ненавистный брат! — вскричал он. — Твои оскорблении и намеки выводят меня из себя. Ты превращаешься в одного из этих скотов, но считаешь, что чем-то лучше нас. И я ненавижу тебя. Я ненавидел тебя всегда! Сильнее, чем всех остальных! Ты просто ничтожество... ты подкидыши!

Обвинение в том, что властитель не является прямым потомком избранной расы, считалось самым страшным оскорблением, и после такого очевидного вызова Вольф уже не удивлялся, увидев нож в руке Аристона. Роберт встал в боевую стойку и приготовился к поединку, от души надеясь, что до этого не дойдет. Скора властителей на виду у абуталов могла сильно подорвать их престиж.

С гондолы на носу острова раздались крики. Забили боевые барабаны, и абуталы побросали все дела. Вольф поймал пробегавшего мимо мужчину и спросил, чем вызвана тревога.

Илмавир указал на левый борт и ткнул пальцем куда-то вверх. Роберт повернулся и увидел на красном куполе неба какой-то темный пушистый предмет.

ГЛАВА 6

Когда Вольф побежал к мостику, в небе появился новый объект. Не успел он достичь гондолы, как впереди возникли еще два пятна. Роберт встревожился; по спине пополз холодок недоброго предчувствия. Сначала он не понимал, чем вызвана тревога, но люди в гондоле объяснили ему причину смятения. Объекты не дрейфовали по ветру — они двигались под прямым углом к потокам воздуха. Значит, их приводила в движение какая-то сила.

Дагарн попросил Вольфа остаться на мостику, затем повернулся к своим помощникам и отдал несколько распоряжений. Остальным властителям предложили оправдать их пребывание на острове. Дагарн слышал, как они похвалялись доблестью, и вот наступило время, когда хвастливые воины могли доказать свою храбрость мечами, а не болтовней.

Во время боя связь на летающем острове осуществлялась с помощью барабанов. Приказы тем, кто находился во внутренних помещениях или занимал посты у бортовых бойниц и люков днища, передавались через хитроумные устройства. Всю абуту пронизывала сеть тонких труб. Изготовленные из костей рыбы-гиррель, они обладали высокой проводимостью звука. До семидесяти пяти футов абуталы вели переговоры по трубам. На более далекие расстояния сигнал передавался кодом, который выстукивали маленьким молотком.

Вольф наблюдал за Дагарном, чьи приказы прекрасно обученная команда выполняла быстро и точно. Даже дети по мере возможности брались за мелкие поручения, освобождая тем самым взрослое население для более трудных и опасных дел. Увидев Валу, которая тоже поднялась на мостик, Роберт тихо шепнул:

— Мы называем себя богоподобными властителями, а этих людей — дикарями, но они многому могли бы научить нас по части взаимоотношений и сотрудничества.

— Не сомневаюсь, — ответила Вала, потом осмотрелась и добавила: — Их уже шесть. Что это за шары?

— Дагарн назвал их гнездами ничиддоров, но не успел объяснить мне, кто они такие. Потерпи. Скоро мы все узнаем. И я полагаю, даже слишком скоро.

К планерам прикрепили подъемные пузыри. Пока пилоты рассаживались по кабинам, «земные» команды подвешивали к крыльям взрывчатые бомбы-пузыри. Вдоль строя планеров пропдефилировал облаченный в плащ и маску колдун. Поднимая раздвоенный посох, он благословлял машины и пилотов. Колдун останавливался перед каждой парой планеров, тряся священным посохом над носами летательных аппаратов и выкрикивал заклинания. Дагарн терял терпение, но не смел торопить колдуна. Как только посох коснулся последнего из двадцати пилотов и молитва закончилась, вождь дал сигнал. Пузыри с белокрылым грузом отпустили. Они поднимались все выше и выше, пока не достигли высоты в тысячу футов над поверхностью летающего острова.

— Они сбросят бомбы, когда будут пролетать над гнездами ничиддоров, — сказал Дагарн. — Храны их Лос, потому что лишь немногим удастся вернуться. Но если гнезда будут разрушены...

— Их уже восемь! — воскликнул Роберт.

До ближайшего из них осталось не больше полутора. Объект походил на шар диаметром около трех сотен ярдов. Из-за множества неровных отростков его очертания казались расплывчатыми. Поросль скрывала газовые пузыри, распо-

ложенные неравномерными концентрическими кругами. На поверхности сфериондного гнезда виднелись сотни крошечных фигур. «Как помет в воздухе», — подумал Вольф.

Дагарн указал в небо, и Роберт увидел несколько маленьких темных точек.

— Их разведчики, — сказал вождь. — Ничиддоры не начнут атаки, пока не получат о нас предварительных сведений.

— А кто они такие, эти ничиддоры?

— Вон один из них спускается, чтобы рассмотреть нас получше.

Размах крыльев с черным оперением достигал по крайней мере пятидесяти футов. Они росли из широких пятифутовых плеч, ниже которых виднелся безволосый человеческий торс. Грудная кость выступала на несколько футов, а под ней находился живот с человеческим пупком. Тонкие ноги заканчивались огромными ступнями с большими когтями-пальцами. Позади торса торчал длинный, черный оперенный хвост. Лицо походило бы на человеческое, если бы не чрезвычайно гибкий нос, который вытягивался на несколько футов, словно хобот слона. Пролетая над ними, ничиддор поднял патрубок носа и пронзительно затрубил.

Дагарн бросил взгляд на лучемет Вольфа, но тот покачал головой:

— Не стоит раскрывать наше преимущество раньше времени. Запас питания моего луча ограничен. Я хочу дождаться момента, когда одним выстрелом можно будет сразить нескольких врагов.

Он наблюдал, как ничиддор, энергично замахав крыльями, полетел к ближайшему гнезду. Крылатые люди, вне всяких сомнений, были творением Уризена, который поселил их здесь ради забавы. Когда-то они, скорее всего, были людьми, и неизбежно властителями, но злобный тиран превратил их в чудовищ. Он мог похитить этих людей из других миров, и некоторые, видимо, происходили от землян. С тех пор они вели странную жизнь под красными небесами и темной луной, рождаясь и вырастая в воздушных гнездах, которые носило ветрами над бесконечной гладью океана. Основным продуктом питания служила рыба, которую ничиддоры ловили на лету когтями. Но, встречая плавучие и летающие острова, они убивали их обитателей и поедали сырое человеческое мясо.

Теперь Вольф понял, каким образом гнезда двигались против ветра. Сотни ничиддоров, ухватившихся когтями за отростки, дружно махали крыльями. Загаженную небесную

колесницу тащили самые странные из когда-либо существовавших птиц.

Когда гнездо приблизилось на четверть мили, взмахи крыльев замедлились. Постепенно приближались другие гнезда. Два из них заходили снизу — ничиддоры собирались атаковать остров со стороны днища. Еще одна пара перекрыла тыл и заняла позицию с противоположной стороны. Дагарн хладнокровно ожидал, когда ничиддоры выстроятся боевым порядком.

Вольф спросил, почему он не прикажет планерам атаковать.

— Если планеры сбросят груз до того, как основная масса ничиддоров ринется в бой, крылатые люди взлетят и перехватят бомбы, — ответил вождь илмавиров — И новым планерам не прорвать их строй. Но когда мы отвлечем основные силы на себя, у пилотов появится возможность добраться до гнезд. Я это знаю по собственному опыту

— Неужели ничиддоры не понимают, что сначала надо уничтожить планеры? — спросил Роберт

Дагарн пожал плечами.

— Ты сразу уловил суть дела. А вот они никогда не следуют тому, что, казалось бы, подсказывает сама стратегия боя. На мой взгляд, лишившись рук, ничиддоры потеряли и часть разума. Конечно, они могут манипулировать предметами с помощью ног и хоботов, но используют орудия труда только в очень редких случаях. Я могу ошибаться, но мне кажется, что ничиддоры получают какое-то наслаждение, оставляя нам шанс на победу. А может быть, они самонадеянны, как морские орлы, которые атакуют акул, на тысячу фунтов превосходящих весом птиц. Акулы коварны и опасны, поэтому орлы не могут их убить, но и в противном случае у них не хватило бы сил перетащить добычу куда-нибудь на поверхность острова.

Ветер доносил до абути бормотание множества голосов и рев сотен хоботов. Внезапно наступила тишина. Дагарн застыл, настороженно озираясь. Затем медленно поднял руку. Воин, стоявший рядом с ним, держал в руке пузырь. У его ног лежал похожий на чашу камень с горящими углями. Юноша не спускал глаз с вождя.

Тишину разорвал дружный вопль ничиддоров, затрубивших в носы-змеи. Со всех сторон послышался рокот, напоминавший далекий гром. Крылатые люди выпрыгивали из гнезд, складывая крылья за спиной перед первым взмахом. Дагарн махнул рукой. Воин погрузил короткий запал в огонь и выпустил шар. Он взмыл на пятьдесят футов вверх и взорвался.

Планеры отсоединили подъемные пузыри и устремились к гнездам. Вольф взглянул на темную волну приближавшихся тел, и, несмотря на лучемет, который он держал в руках, его охватили сомнения. Илмавиры не раз уже отбивали атаки ничиддоров, хотя и несли при этом большие потери. Но никогда еще абуту не окружали целых восемь гнезд.

В вышине пронеслась огромная белая птица. Вольф услышал ее крик и снова подумал, что она могла оказаться «оком» Уризена. Не следил ли отец за ними, используя глаза и разум этих птиц? Если это так, он увидит зрелище, от которого затрепещет его кровожадное сердце.

Ничиддоры окружили остров густым черно-коричневым облаком. Оставаясь за пределами досягаемости стрел, они принялись летать вокруг острова. Они кружили и кружили вокруг абуты, все ближе и ближе. Илмавиры-лучники, все как один мужчины, ждали сигнала вождя. Рядом с ними стояли женщины, вооруженные пращами.

Дагарн понимал, что, разместив людей вдоль стен, он лишь ослабит оборону, поэтому основные силы сконцентрировались на носу. Ничиддоры могли без помех совершить посадку на противоположном конце острова, но они не воспользовались такой возможностью. Скорее всего, им не хотелось участвовать в битве, передвигаясь на слабых и немощных ногах.

Вольф поиском взглядел планеры. Некоторые исчезли из поля зрения и, видимо, атаковали два гнезда под днищем острова. Другие в крутом вираже приближались к цели. Из обители врага им навстречу летели ничиддоры.

Две машины промчались над ближайшим гнездом. От них отделились маленькие шарики, которые, оставляя в воздухе полосы дыма, попадали в центр птичьего острова. Хлопая крыльями, к ним помчались самки ничиддоров. Раздался взрыв, полыхнул огонь, и в небо взметнулся столб дыма. За ним последовал следующий взрыв.

Оба планера резко взлетели вверх. Пользуясь восходящим потоком взрывной волны, они сделали вираж, набрали высоту и развернулись для нового, последнего захода. Их бомбы достигли цели. Огонь в мгновение ока распространился по сухим растениям и добрался до гигантских газовых ячеек. Пронзительный визг самок наполнил пространство и перекрыл шелест крыльев и трубный вой кружившихся орд. Самки вылетали из пожарища, унося в когтях своих детенышней. А потом пузыри взорвались. Пылавшие клочья гнезда сжигали самок в полете, жар опалял их крылья, и детеныши падали в море, беспомощно размахивая слабыми крыльшками.

Вольф видел, как отважная мать, по-ястребиному сложив крылья, бросилась вслед за падающим детенышем. Ей удалось поймать его, и, отчаянно замахав крыльями, она медленно набирала высоту, направляясь к уцелевшему гнезду.

Еще два сферида, охваченные пламенем, взорвались и упали в океан. Несколько сотен самцов нарушили кольцо блокады и понеслись к планерам, которые далеко внизу готовились к посадке на воду.

Гнезда за бортом оставались вне пределов досягаемости лучемета. Но Вольф подумал о тех двух шарах, которые атаковали абуту снизу. Сообщив вождю о своем плане, Роберт спустился по пятидесятифутовой лестнице к люку в днище острова. Как он и полагал, здесь гнезда находились совсем близко. Установив лучемет на полную мощность, он одним движением поразил оба сферида. Взрыв пузырей оказался настолько мощным, что волна горячего воздуха подбросила его вверх и ударила о платформу. Люк заволокло густым дымом, а когда немного прояснилось, Роберт увидел летящие вниз куски горящих растений. Тела детенышей и самок с плеском падали в море.

Воины-мужчины из этих гнезд попытались ворваться в люки на дне острова. Вольф без устали косил их лучом, работавшим вполсилы. Очистив пространство под собой, он перебегал по трапу от люка к люку и жег противника огнем. Роберт уничтожил около сотни нападавших, но ничиддоры пробили брешь в обороне абуталов и проникли в недра острова через кормовые люки. Вольф сражался с ними довольно долго, так как приходилось действовать с предельной осторожностью, чтобы не попасть лучом в многочисленные огромные пузыри. Уничтожив на корме около тридцати противников, Вольф понял, что со всеми ему не справиться. Величина острова не позволяла защищать лабиринты нижней части в одиночку.

Когда он снова поднялся на палубу, ничиддоры предприняли массированную атаку. Носовую часть острова захлестнул визжащий, кричащий и вопящий водоворот. Повсюду валялись мертвцы.

При первой атаке лучники и пращники нанесли врагу тяжелый урон, но второй вал накрыл палубу, ничиддоры насыли на абуталов, и битва превратилась в рукопашный бой. Используя в качестве оружия лишь крылья и когти на ногах, летающие люди компенсировали этот недостаток потрясающей силой. Взмахом крыла ничиддор сбивал илмавира с ног и, прыгая на теле оглушенного, истекавшего кровью противника, разрывал его на части крючковатыми когтями. Абуталы за-

щищались копьями и мечами, лезвия которых усеивали зубы акул. В ход шли ножи, изготовленные из крепкого, похожего на бамбук, растения.

Вольф методично убивал всех ничидоров, которых встречал на пути. Властители сбились в кучу и, встав спиной к спине, отбивали очередное нападение. Тщательно прицелившись, Роберт перебил наседавших на них врагов. Заметив мелькнувшую рядом тень, он упал на спину и выстрелил в воздух. На палубу рухнули два ничидора. Один из них едва не свалился на Вольфа. Его накрыло огромным крылом, в ноздри ударили запах рыбы. Он выбрался из кучи смятых перьев и успел сразить двух противников, которые прижали Дагарна к стене. Рядом лежала Ситаз, жена вождя. Ее копье застряло в животе крылатого человека. Лицо и грудь женщины были истерзаны в клочья. Раненый ничиддор в ярости разрывал ее живот. Вольф выстрелил — и чудовище рухнуло на спину, сжимая в лапах кишki своей жертвы.

А затем и Роберт оказался на грани смерти. На него со всех сторон налетали враги, он крутился как волчок, и луч, рассекая пространство вокруг, встречал все новых и новых ничидоров. Дымящихся, разрезанных пополам трупов становилось все больше и больше. Переbrавшись через мертвые тела, Вольф побежал на другой фланг. Он стрелял налево и направо, луч разил врагов, но пару раз в пылу сражения под него попали и абуталы. Этого избежать не удалось, и ему повезло, что подобных жертв оказалось немного.

Несмотря на отчаянное сопротивление, илмавиры потеряли половину своих воинов и, как ни старался Вольф, терпели поражение. Атака ничидоров, понесших огромные потери, превратилась в безумный шквал ярости. Они и не думали отступать. Они жаждали истребить врага, пусть даже ценой гибели собственного племени.

Роберт еще раз очистил пространство вокруг властителей. Залитые кровью, они твердо стояли на ногах и ловко орудовали мечами. Вольф крикнул, чтобы братья собирались вокруг него. И пока они отбивали нападение с флангов, он защищал их от атак сверху. Стоя на груде мертвых ничидоров и упираясь ногами в скользкие трупы, Роберт хладнокровно продолжал обстрел. У него осталось только два силовых пакета. Он знал, что этот боезапас понадобится в коридорах крепости Уризена. Но у него не оставалось выбора — если он не воспользуется лучеметом, ему, да и тем, кто сражался вместе с ним, придется умереть.

Услышав крик Валы, которая стояла впереди, Вольф взглянул туда, куда она указывала, и увидел стремительно при-

ближавшийся темный объект. По небу мчалась черная комета. Она появилась в самый разгар битвы, и люди заметили ее слишком поздно.

Стоявшие неподалеку абуталы тоже посмотрели вверх. Издав вопль отчаяния, они побросали оружие и, не обращая внимания на крылатых людей, побежали к ближайшим людям. Ничиддоры, обнаружив в небе причину их паники, с криками заметались по палубе. Одни взмывали в воздух и мчались к гнездам, другие пытались скрыться под днищем острова.

Крепко сжав лучемет, Вольф вслед за остальными бросился к ближайшему укрытию. Дагарн рассказывал ему о черных кометах, которые время от времени проносились над планетой, поэтому Роберт знал об опасности, которая сопровождала каждое их появление.

Подбегая к люку, Роберт услышал позади тихий свисающий звук. На поверхности стен появились дыры; из обшивки главной палубы показались маленькие струйки дыма. Ничиддор, зависший в десяти футах над палубой, неистово замахал огромными крыльями, пронзительно закричал и рухнул на палубу. На его теле виднелись кровавые раны, от крыльев валил дым. На палубу все падали и падали крылатые люди, а затем смерть настигла и нескольких абуталов. Трупы подергивались под градом крохотных капель.

Мощный удар ртутной капли выбил лучемет из рук Роберта. Он остановился, подобрал оружие и снова побежал. Однако подобраться к люку ему не удалось, потому что вокруг толпились властители. Одни отпихивали друг друга, ругались и взвывали к Лосусу. Другие молили Уризена о пощаде и выкрикивали имя давно умершей матери.

На миг Вольфа охватила паника, и ему захотелось расчистить себе дорогу лучеметом. Именно так и поступил бы любой из них, за исключением разве что Луваха. Палуба стала пастью смерти, и в счет шли секунды.

Застрявший в люке человек наконец протиснулся внутрь, остальные ногами и руками пробивали себе путь к спасению.

Вольф нырнул в люк, как в воду. Что-то чиркнуло по его брюкам, опалив икры ног. Летящие брызги просвистели над головой, горячая ртуть впилась в затылок. Он кубарем скатился по ступеням короткой лестницы, выронил лучемет и, приземлившись на руки, перекувырнулся, чтобы ослабить силу удара. Роберт поднялся и обнаружил рядом Паламаброна, который начинал спускаться по второй лестнице. Испугавшись, что его опередят, Паламаброн закричал и, заспешив, сорвался вниз. Вольф заглянул в шахту лестничной клетки и

увидел его в куче упавших властителей. Все кричали и проклинали друг друга. Однако никто не пострадал.

В другое время Роберт бы от души посмеялся. Но теперь приходилось думать о себе, и он начал выскабливать из волос мелкие шарики горячей ртути. Вольф осмотрел ноги и, убедившись, что капли только задели его, спустился по лестнице к братьям. Он понимал, что сейчас лучше всего находиться в самом низу. Если этот тяжелый и неторопливый ливень разрушит верхнюю палубу, раскаленная ртутная дробь пробьет большие газовые пузыри — и тогда обитателям абути конец.

ГЛАВА 7

В полумраке у трата возле круглого отсека Вольфа встретила Вала. Она смеялась, и ее смех не казался истерическим. Роберт знал, что, будь здесь достаточно света, он увидел бы в ее глазах блеск радости и счастья.

— Я рад, что ты находишь это забавным, — сказал он. Его с ног до головы покрывала кровь ничиддоров, которую постепенно смывал обильный пот. Тело сотрясал озноб. — Ты всегда казалась мне странной, Вала. Даже ребенком тебе нравилось дразнить нас и разыгрывать грубые шутки. А став женщиной, ты испытывала наслаждение не от любви, а от вида крови и страданий других людей.

— Да, я настоящий отпрыск властителей, — ответила она. — Я дочь своего отца. И могу добавить — сестра своего брата. Ты ничем не отличался от меня, дорогой Ядвин, пока не превратился в сентиментального человеколюбивого Вольфа, дегенерата-полуземлянина. — Она подошла к нему и, понизив голос, сказала: — У меня давно не было мужчины, Ядвин. А ты не касался женщины с тех пор, как прошел через врата. Я же знаю, что ты еще тот самец и начинаешь скрипеть зубами, если хоть раз в сутки не переспишь с женщиной. Может быть, отложишь столь очевидную ненависть ко мне, которую я, кстати, не понимаю, и немного прогуляешься со мной? Здесь сотни укромных мест, где тепло, темно и уютно... где нам никто не помешает. Ты видишь, я почти забыла о своей гордости и прошу тебя об этом.

Она говорила правду. Роберта переполняла сила и энергия мужчины. И теперь он чувствовал, как им овладевало желание, которое он день за днем подавлял, с головой погружаясь в дела и заботы. А когда наступала ночь и он укладывался спать, ему приходилось отвлекать себя составлением планов

предстоящей битвы с отцом, где Роберт старался учесть тысячи случайностей и выискивал самые лучшие варианты.

— Сначала кровавый пир, а на десерт похоть и страсть, — усмехнулся он. — Но тебя возбуждали звон клинов и струи крови, а не я.

— Ты прав — и то, и другое, — сказала она, протягивая руку. — Идем же со мной.

Он покачал головой:

— Нет. И я не хочу больше слышать об этом. Между нами все кончено — раз и навсегда.

— Как скоро будет покончено и с тобой! — закричала она. — Еще никто не смел...

Вала резко отвернулась и ушла, а когда он вновь увидел ее, она о чем-то возбужденно говорила с Паламаброном. Через несколько минут они встали и скрылись в полумраке коридора.

В какой-то миг ему захотелось вернуть их. Формально они покинули свои посты. Опасность нападения ничидоров, похоже, миновала, но, если ртутный дождь усилится и верхние перекрытия будут серьезно повреждены, летающий остров начнет разрушаться.

Он пожал плечами и отвернулся. В конце концов, у него нет никакого права командовать этими людьми. Сотрудничество среди властителей подкреплялось лишь устным соглашением, поэтому никаких твердых условий, а тем более системы наказаний между ними не предполагалось. К тому же любое вмешательство с его стороны могли расценить как проявление ревности. И такое обвинение имело бы реальные основания. Увидев, что Вала уходит с другим мужчиной, он почувствовал приступ боли и тоски. Она до сих пор много значила для него, и, несмотря на прошедшие пятьсот лет, ее измену и попытку убить его, Вольф по-прежнему хранил в сердце частичку любви.

— Как долго длится ртутный ливень? — спросил он у Дагарна.

— Около получаса, — ответил вождь. — Капли несутся в хвосте черных комет. Мы называем их «смехом Уризена», потому что они — творение его рук. Уризен самый жестокий и кровожадный бог. Он радуется, когда его народ страдает.

Предводитель илмавиров относился к Уризену иначе, чем властители. За те многие тысячелетия, которые прожили здесь потомки попавших в ловушку властителей, имя Уризена стало синонимом зла, а сам он превратился в злого демона божественного пантеона абуталов. Представления Да-

гарна о космосе поражали невежеством и наивностью. Он считал свой мир единственным во вселенной, а властителей причислял к рангу полубогов, как сыновей и дочерей Уризена от смертных женщин. Он знал, что властителей можно убить, несмотря на всю их сверхъестественную мощь.

Раздался взрыв. Вольф подумал, что в дальнем конце острова пробило один из газовых пузырей, и испугался. Но абуаталы, стоявшие у люков, закричали, что это взорвалось еще одно гнездо ничиддоров. Менее защищенное, чем остров, оно попало под ртутный дождь; пузыри начали взрываться один за другим, и цепная реакция охватила весь сфероид.

Вольф подошел к Теотормону, который скорчился в темном углу. Младший брат посмотрел на него с ненавистью и страданием и, когда Роберт заговорил с ним, гордо отвернулся. Вольф молча сел рядом. Через минуту Теотормон беспокойно заерзал на месте и, в конце концов взглянув на Роберта, сказал:

— Отец говорил мне, что есть четыре планеты, которые вращаются вокруг пятой. На центральной планете — Аппирмацу — расположена его крепость. Все планеты равны по размерам, и каждую из них от Аппирмаума отделяет не более двадцати тысяч миль. Вселенная Уризена довольно старая. Отец создал ее по меньшей мере пятнадцать тысяч лет назад, но держал свои планеты закрытыми, активируя врата только в тех случаях, когда хотел войти или выйти. Вот почему ваши определители миров не могли обнаружить эту вселенную.

— До сих пор я видел только три планеты, — задумчиво произнес Роберт. — Значит, они расположены по углам квадрата, и противоположная планета всегда скрыта Аппирмацумом.

Его не интересовало, каким образом столь большие небесные теладерживаются в сравнительной близости друг от друга и остаются на постоянных орбитах. Наука властителей выходила за рамки его понимания — как, в сущности, и всех других потомков древней расы. Они унаследовали и использовали силы, принципы действия которых никто уже не понимал. Но знание основ науки не заботило властителей. Им хватало того, что они владели этими силами.

Иногда недостаток знаний делал властителей очень уязвимыми. У каждого из них имелось множество машин и механизмов. Если какая-нибудь вещь ломалась, терялась или ее похищали, властителям не оставалось ничего другого, как в свою очередь красть такую же вещь у сородичей — если только у тех имелось нечто подобное. Создаваемые ими

оборонительные системы, несмотря на, казалось бы, абсолютную неприступность, всегда имели слабые места, которыми пользовались другие властители. Вся стратегия заключалась в умении выжить в настойчивых атаках и поиске подобных слабых мест. Поэтому какой бы беспомощной ни казалась их группа, Вольф не терял надежды на победу.

Ожидая окончания ртутного ливня, он погрузился в размышления. Из глубины сознания совершенно не к месту пришла мысль, которая занимала его последнее время. Она не имела никакого отношения к сложившейся ситуации. Но ее, видимо, направило к нему подсознание, чтобы хоть как-то облегчить тревогу о Хрисенде, которой он в этот момент ничем помочь не мог.

С тех пор как он восстановил в памяти всю прожитую жизнь Ядавина — владыки многоярусного мира, — Роберта не переставали удивлять имена его отца, братьев, сестер, кузенов и кузин. Уризен, Вала, Лувах, Анана, Теотормон, Паламаброн, Эньен, Аристон, Тармас и Ринтрах — все эти имена упоминались в обширных мрачных родословных, которые можно найти в дидактических и символических произведениях Уильяма Блейка. И Вольф не верил, что данный факт объяснялся простым совпадением. Но как о них узнал английский мистик? Неужели он встретил изгнанного властителя, который скитался по Земле и по каким-то причинам рассказал поэту о древней расе создателей вселенных? Такое вполне могло произойти, после чего Блейк положил некоторые из его рассказов в основу своих апокалиптических поэм. Но если это так, то Блейк сильно исказил услышанную историю.

Вольф решил, что, если ему когда-нибудь удастся выбраться из ловушки отца, он обязательно отправится на Землю и проведет там исследования, а затем расспросит всех властителей, которые согласятся с ним встретиться и поговорить.

Стук ртути о борта прекратился. Подождав для большей уверенности еще с полчаса, островитяне поднялись на главную палубу. Настил оказался сломан, прожжен и пробит во многих местах. Стены изрешетило так сильно, что корни и листья превратились в поччерневшие лохмотья. Но больше всего пострадала гондола — от нее остались одни обломки. По всей палубе валялись маленькие блестящие шарики.

— Ртутный ливень абсолютно не похож на метеоритный дождь, — сказал Теотормон. — Капли летят со скоростью около сотни миль в час, но, попадая в атмосферу, замедляют скорость, а перед тем как упасть в море, разлетаются на мелкие брызги. Однако сам видишь...

Он махнул плавником, указывая на разрушенную поверхность летающего острова.

Роберт осмотрел пространство над морем. Уцелевшие гнезда медленно удалялись к горизонту. У крылатых людей теперь хватало своих проблем, и илмавиры их больше не интересовали. Одно гнездо оказалось настолько перегруженным беженцами с разрушенных сфероидов, что начало постепенно терять высоту.

Дагарн выглядел мрачным и опечаленным. Большая часть племени погибла; абуталам едва удавалось управлять островом, и любая встреча с противником могла окончиться гибелю их летающего дома. Отныне им предстояло беспомощно дрейфовать над океаном, обходя по спирали небольшую планету. Они могли вернуть себе бытую славу только после того, как подрастут дети. Но вряд ли враги оставят их в покое на такое долгое время.

— Мой народ обречен, — грустно произнес вождь.

— Ничто не потеряно, пока ты продолжаешь сражаться, — ответил Роберт. — В конце концов, вы можете избегать стычек с летающими и плавающими островами. Я слышал, что единственной причиной ссоры между двумя абутами служит то, что они подходят друг к другу слишком близко. Но этого можно избежать. А ничидоры появляются очень редко, и за последние пятнадцать лет вы ни разу не встречали столько гнезд.

— О чём ты говоришь! Уклоняться от сражений! — вскричал Дагарн, у которого от удивления отвисла челюсть: — Это же... Такое и в голове не укладывается. Нас посчитают за трусов, и наши имена станут словом презрения в устах врага.

— Все это вздор, — сказал Вольф. — Другие абуталы даже не разглядят вас, если вы не позволите им приблизиться. Впрочем, поступай, как знаешь. Если илмавиры не захотят отказаться от своих предрассудков, ваша гибель неизбежна.

Роберт начал помогать другим очищать остров от трупов. Мертвых и раненых ничидоров побросали за борт. Павшим в сражении абуталам устроили долгую похоронную церемонию, которую пришлось проводить вождю, поскольку колдуну во время битвы открутили голову. В конце ритуала тела героев перекинули через борт, и их приняло море.

Дни и ночи остров медленно сносило ветром. Вольф часами следил за движением огромных коричневых планет, которые, как и центр вселенной, Аппирмацум, находились всего лишь в двадцати тысячах миль. И близко и далеко. С таким же

успехом планета могла находиться за миллионы миль. Неужели он никогда не попадет туда? У Роберта возникла идея, и идея настолько фантастическая, что он почти отказался от нее. Хотя при наличии необходимых материалов он, наверное, мог бы воплотить в жизнь этот план.

Абута пролетала над полярной областью, но поверхность воды внизу ничем не отличалась от других районов планеты. Дважды на горизонте появлялись вражеские острова. Однако когда они начинали приближаться к абути илмавиров, вождь скрепя сердце приказывал отходить на предельной скорости. По бортам открывались клапаны газовых пузырей, летающий остров набирал боковое ускорение, и расстояние между двумя абутами не менялось. Через какое-то время противник пре-кращал преследование, не рискуя больше тратить газ своих пузырей.

Дагарн объяснил, что маневры абуталов перед началом битвы иногда занимают до пяти дней.

— Я никогда не встречал людей, которые бы так стре-мились к смерти, — ответил на это Вольф.

Многие властители уже потеряли всякую надежду и счи-тали, что полет над пустынными водами океана никогда не приведет к намеченной цели. Но однажды крик дозорного заставил их вскочить на ноги.

— «Мать островов»! — кричал он. — Прямо по курсу! «Мать всех островов»!

По сравнению с «мамашей», «детки» ее были совсем кро-хотные. С высоты трех тысяч футов Вольф одним взглядом окинул плавающую массу от берега до берега. Кусок суши не превышал двенадцати миль в длину и тридцати — в ширину. Но величина — понятие относительное, и по меркам этого мира остров действительно мог считаться континентом.

Здесь имелись заливы и бухты, в низинах виднелись озера морской воды. В былые времена какая-то сила — а может быть, и столкновение с другими островами — изменила берега острова, образовав при этом холмы. И вот на вершине одного из них Роберт заметил врата.

Он увидел пару шестиугольников из какого-то мерцающего металла, огромные отверстия которых напоминали арки анга-ров для дирижаблей.

Вольф поспешил к Дагарну. Но вождь уже заметил врата и отдавал приказы. Когда-то он дал Роберту клятву, что, когда врата найдутся, илмавиры исполнят свое обещание и высадят с абути Вольфа и других властителей.

Времени на выпуск газа и снижение почти не оставалось. Прежде чем достичь желаемой высоты, абута могла пройти

над Мицей — «Матерью всех островов». Поэтому властители поспешили на нижнюю палубу, где для них уже подготовили упряжь парашютов-пузырей. Застегнув ремни на плечах, груди и ногах, они столпились вокруг люка. Здесь же собирались илмавиры: им хотелось проводить гостей. Но слова прощания предназначались только Вольфу и Луваху. Им с поцелуями вручили по цветку молодого растения, производящего газ. Роберт произнес ответную речь, а затем скользнул в люк. За ним последовали остальные властители.

Падение ничем не отличалось от прыжка с раскрытым парашютом. Вольф попытался спуститься на поляну среди деревьев, но, не рассчитав силы ветра, налетел на макушку дерева, которая согнулась под ним и замедлила падение. Все приземлились довольно удачно, правда, некоторые получили синяки и царапины. Теотормону, который весил четыреста пятьдесят фунтов, для спуска выделили дополнительную оснастку, но он все равно приземлился раньше всех. Его резиновые ноги спружинили, он покатился кувырком, ударился головой и вскочил, завывая от боли.

Пока родичи приходили в себя, Роберт помахал рукой илмавирам, которые наблюдали за ними из люков. Остров пролетел над Мицей и вскоре скрылся из виду. Властители направились через джунгли к холму. Рассматривая Мицу с абыты, они видели множество туземных поселений, поэтому шли с опаской, замирая при каждом звуке. Но на пути к вратам они не встретили ни одного аборигена и без происшествий добрались до огромных шестигранников.

— А почему их два? — спросил Паламаброн.

— Я уверена, что это еще одна из загадок нашего отца, — сказала Вала. — Одни врата должны вести в его дворец на Аппирмацууме. Но вот куда ведут другие, никому не известно.

— Как же мы узнаем, куда нам идти? — спросил Паламаброн.

— Глупый! — захотела Вала. — Мы это поймем, когда войдем в какой-нибудь гексакулум.

Роберт чуть заметно улыбнулся. С тех пор как сестра прогулялась с Паламаброном в темный уголок, она обращалась с ним еще с большим презрением и ненавистью, чем с остальными. Паламабrona это озадачивало. Видимо, он ожидал от нее большей благодарности.

— Мы все должны пройти в одни врата, — сказал Вольф. — Неразумно делить силы. Угадаем мы или нет, но нам надо держаться вместе.

— Ты прав, брат, — ответил Паламаброн. — Кроме того, если мы разделимся и одной группе удастся уничтожить

Уризена в его крепости, она может захватить власть. И тогда вторая группа будет обречена.

— Я не это имел в виду, предлагая оставаться вместе, — проворчал Вольф. — Но мыслишь ты логично.

— Только неизвестно чем, — подхватила Вала. — Паламаброн такой же никчемный мыслитель, как и любовник.

Кузен побагровел и положил руку на эфес меча.

— Мне надоело сносить твои оскорблении, ты, грязная, течная сука! — закричал он. — Еще одно слово, и твоя голова покатится с плеч.

— Нам еще представится случай помахать мечом, — вмешался Роберт. — Прибереги свою ярость для тех, кто нас ждет по другую сторону этих врат.

Вдруг в кустах за сотню ярдов от холма он заметил какое-то движение. Из-за кустов показалось лицо: за ними наблюдал туземец. «Интересно, — подумал Вольф, — неужели никто из местных жителей не пытался пройти через врата? И если такие попытки все же предпринимались, исчезновение людей должно было приводить аборигенов в ужас. Возможно, сюда им вообще не разрешается ходить».

Отношение туземцев к вратам интересовало Роберта по той причине, что он в будущем рассчитывал на их помощь. Но сейчас на расспросы не оставалось времени. Вернее, он не хотел терять это время. Хрисеида находилась в крепости Уризена, и каждый миг промедления мог приносить ей нестерпимые мучения. Отец способен не только на душевные, но и на физические пытки.

Вольф вздрогнул и попытался выбросить из головы мрачные картины, которые рисовало его воображение. Всему свой черед.

Властители выжидающе смотрели на Вольфа. Они давно считали его своим лидером, хотя всячески отрицали это. Самым старшим среди них был Тармас, но братья не признавали старшинства по возрасту. Когда им в этом мире угрожала опасность, помощь шла только от Вольфа, и только он принимал неотложные и эффективные меры. К тому же у него имелся лучемет, но, помимо прочего, они чувствовали в нем что-то такое, чего не хватало им. Однако они отрицали и это. Пожив на Земле, Роберт без труда справлялся с тем, что властители считали для себя слишком приземленным и недостойным внимания. Не приученные к тяжелому труду, не соприкасавшиеся раньше с вещами и проблемами, они чувствовали себя в чужой вселенной потерянными. Да, они создавали свои личные миры и правили ими как боги или полубоги. Но теперь властители чувствовали себя не лучше —

а иногда даже и хуже — дикарей, которых они так презирали. И только Ядавин — или Вольф, как они уже начинали называть его, — знал, как выжить в этом диком мире.

— Ну что же, братья! От судьбы не уйдешь, — воскликнул он. — Орел или решка.

— Это что еще за варварский язык? — спросила Вала.

— Один из земных. И вот что я вам скажу. Раз уж Вала среди нас единственная женщина...

— Но более мужественная, чём многие из вас, — добавила она.

— ...пусть она и выбирает, в какие врата нам войти. Думаю, этот вариант решения ничем не хуже других.

— Эта мерзавка ни разу в жизни не поступала правильно! — вскричал Паламаброн. — Но я согласен, пусть она выбирает врата. И мы не ошибемся, если войдем в те, на которые она не укажет.

— Дело ваше, — сказала Вала. — Но я говорю — вот те врата! — И указала на правый шестигранник.

— Хорошо, — произнес Вольф. — Я с лучеметом пойду первым. Не знаю, что нас ждет по ту сторону. Вернее, знаю — смерть, но неизвестно, в какой форме. Поэтому, прежде чем уйти, мне хочется сказать вам пару слов. Были времена, братья, кузены и ты, сестра, когда мы любили друг друга. Нас опекала мать, и мы жили счастливо. Конечно, мы боялись отца — мрачного, далекого и неприступного Уризена. Но мы не питали к нему ненависти. А потом наша мать умерла. Как она умерла, мы до сих пор не знаем. Как и некоторые из вас, я думаю, что ее убил Уризен. Ровно через три дня после ее смерти он взял в жены Арагу, правительницу соседнего мира, и тем самым объединил их владения. Но кто бы ни убил нашу мать, мы знаем, что произошло после этого. Мы быстро поняли, что стали обузой Уризену. Он был одним из немногих, кто растил детей настоящимиителями. Наша раса вымирает. Мы разыгрываем из себя бессмертных богов и обладаем огромным могуществом, но все же постепенно угасаем. Цена власти — потеря единственного чувства, которое наполняет жизнь смыслом, — любви.

— Любви! — повторила Вала.

Она захохотала, и вместе с ней засмеялись остальные. Только Лувах улыбался украдкой.

— Вы похожи на стаю гиен! — закричал Вольф. — Вы похожи на пожирателей падали — сильных, пакостных и злобных существ, чье зловоние и мерзкие повадки вызывают у всех ненависть и презрение. Но даже гиены бывают полезны, чего нельзя сказать о вас.

Да, я говорил о любви. И повторю это слово еще раз. Для вас оно пустой звук — слишком много тысячелетий прошло с тех пор, как мать дарила вам это чувство. И сомневаюсь, что кто-нибудь из вас потом испытывал что-то подобное. Но я помню тот момент, когда мы догадались о злобных планах Уризена. Возможно, он хотел изгнать нас из владений или низвести до уровня туземцев на одной из планет его вселенных. Он мог оставить тот мир без врат, и нам никогда не удалось бы нанести ему ответный удар. Но мы бежали. Он погнался следом, пытаясь уничтожить нас. А мы выжили и, победив других властителей, завладели чужими мирами.

Мы забыли о том, что когда-то были братьями и сестрами. Жизнь превратила нас в настоящих властителей — злобных интриганов, завистливых собственников и убийц, беспощадных друг к другу и тем несчастным существам, которые населяли наши миры...

— Хватит болтать, братец, — перебила его Вала. — К чему ты клонишь?

Вольф вздохнул. Он напрасно терял время и силы.

— Я хочу сказать, что Уризен, сам того не желая, оказал нам большую услугу. И теперь мы снова можем воскресить в себе нашу детскую любовь, те братские чувства... — Он умолк.

Лица властителей напоминали равнодушные лики каменных идолов. Их могло разрушить время, но любви уже никогда не разглядеть эти черты.

Вольф повернулся и вошел в правые врата.

ГЛАВА 8

Вольф поскользнулся, упал на бок и покатился по гладкому, похожему на стекло склону холма, на вершине которого находились врата. Поверхность под ним была сухой и скользкой, но казалась какой-то маслянистой. Как он ни пытался притормозить каблуками, как ни хватался руками, скорость все увеличивалась, как при спуске с ледяной горы.

Перевернувшись одним конвульсивным движением на живот, он бросил взгляд вниз. Склон впереди мягко выравнивался, падение немного замедлилось, но, будучи не в силах остановиться, Вольф по-прежнему скользил со скоростью не меньше шестидесяти миль в час. Приподняв голову, чтобы не поранить лицо, Вольф вытянул руки вперед. Благодаря одежде он не обжигал тело, а ощущал лишь легкое тепло; к тому же без нее Роберт наверняка бы весь изранился.

Над ним сияли пурпурные небеса, над краем горизонта показалась луна — он почему-то решил, что это именно

луна. На фоне неба ее полукруг выделялся темным пурпурным пятном. Он снова не попал во дворец отца. Его забросило на другую планету. Судя по расстоянию до горизонта, она почти не отличалась по размерам от только что покинутого им мира. Значит, он находился на одном из тех небесных тел, за которыми наблюдал с летающего острова.

Уризен опять посмеялся над ними. Врата перебросили их на одну из планет, вращавшихся вокруг Аппирмацуума. Не исключено, что другой шестигранник в мире воды действительно был вратами крепости отца. Однако скорее всего он тоже вел сюда. Теперь об этом можно было лишь гадать.

Куда бы ни вел другой проход, ситуацию не изменишь. Вольф снова попал в очередную ловушку Уризена. Веселенькая шутка — если только смерть можно назвать веселой.

Когда Роберт проехал на животе около двух миль, скат начал выравниваться, а затем пошел вверх. Вскоре скорость уменьшилась до тридцати миль в час, хотя утверждать что-либо наверняка он, пожалуй, не мог, поскольку не хватало точек отсчета. Справа вдали виднелось несколько странных деревьев. Но, не зная, какова их высота и удаленность, он не мог судить о скорости падения.

Когда ему показалось, что движение замедлилось до десяти миль в час, поверхность под ним вдруг резко пошла вверх. Его вынесло на край ледяного трамплина, подбросило в воздух, и Вольф полетел в пропасть. Из его груди вырвался крик: внизу, в сорока или пятидесяти футах, мчался бушующий поток около ста футов в ширину. На другой стороне виднелась стена из того же стекловидного материала, по которому он недавно скользил.

Роберт падал в каньон и извивался в воздухе, пытаясь сохранить вертикальное положение, чтобы упасть в воду солдатиком. Река оказалась немного ближе, чем он думал, — футах в тридцати пяти от края пропасти. Он глубоко погрузился в теплую воду, но быстро выплыл на поверхность. Течение понесло его вдоль стен каньона по большой дуге плавного изгиба. Перед поворотом он оглянулся и увидел, как в воду рухнул следующий властитель, а другой с криком летел вниз.

Каньон вдруг расступился, и река стала шире. Вольфа понесло через пороги. К счастью, камни оказались из того же стекловидного вещества, гладкими и ровными. Он не изразился, не порезался, но набил немало синяков. После порогов течение замедлилось. Роберт поплыл к берегу, который плавно вставал из воды, но на сушу ему выбраться не удалось — он вновь и вновь соскальзывал в реку.

Поток нес его вдоль берега, и Вольф надеялся, что рано или поздно он найдет более пологое место, где можно будет выбраться на сушу. Одежда, лук, колчан, нож и лучемет тянули Роберта вниз. Ему не хотелось лишаться их, и он боролся, сколько мог, но вскоре начал уставать. Сначала он расстался с луком и колчаном стрел, потом отстегнул пояс с кобурой и ножнами, а лучемет и нож засунул в брюки. А еще через какое-то время он избавился от ножа.

Время от времени Вольф оглядывался и видел, как среди волн мелькают восемь голов. «Пока все живы», — подумал он. Но если и дальше берега такие же неприступные, вскоре они все найдут свой конец на дне реки. Все, кроме Теотормона, который, несмотря на полуутрашенный плавник, мог держаться на воде сколько угодно.

И тут Роберта осенило. Он поплыл против течения, борясь с волнами, и, поравнявшись с Лувахом, Валой и Тармасом, крикнул, что им следует плыть против течения, если они хотят спасти свои жизни.

Через пару минут рядом с ним показалась огромная, маслянистая темно-синяя туша Теотормона. За ним плыли Аристон, Эньен и Ринтрак. Самым последним оказался хвастливый Паламаброн, из трусости прошедший врата после всех. Его лицо побледнело, дыхание было хриплым и прерывистым.

— Спаси меня, брат! — закричал он. — Я больше не могу держаться на воде. Я умираю!

— Побереги дыхание, — отозвался Вольф и, повернувшись к Теотормону, сказал: — Ты сейчас нам очень нужен, брат. Только ты, когда-то презираемый всеми, можешь помочь нам. Без твоей помощи мы все утонем.

Теотормон рассмеялся и легко поплыл против течения.

— А зачем мне это? Вы все время плевали мне в лицо и говорили, что вас тошнит от моего вида.

— Я никогда не плевал на тебя, — ответил Вольф, — и никогда не говорил тебе обидных слов. Вспомни: только благодаря моим настояниям ты пошел вместе с нами. И я знал, что нам понадобится твоя помощь. Новое тело позволяет тебе делать то, чего не можем мы. Смешно, но Уризен, который приготовил для нас эту ловушку, не учел, что сам превратил тебя в морское существо, способное выжить в такой западне. Он дал тебе возможность не только спастись самому, но и выручить из беды всех нас.

Борьба с течением и долгий монолог лишили Вольфа сил, но он не забыл воздать должное Теотормону — ведь тому ничего не стоило бросить братьев умирать, глумясь над ними в последние минуты их жизни.

— Ты хочешь сказать, что Уризен перехитрил самого себя? — спросил Теотормон.

Вольф кивнул.

— И как же я вам могу помочь?

— В воде ты быстрый и сильный, как тюлень. Ты можешь разогнаться и выскочить на берег. И вытолкнуть на сушу нас, одного за другим. Я знаю, для тебя это не составит труда.

Теотормон лукаво усмехнулся:

— А чего ради мне выталкивать вас на берег?

— Если ты этого не сделаешь, то останешься один в незнакомом мире, — ответил Вольф. — Возможно, тебе удастся прожить здесь очень долго. Но ты всегда будешь одинок. И сомневаюсь, что ты найдешь кого-нибудь, с кем можно хотя бы поговорить. Не забывай: чтобы выбраться из этого мира, тебе придется разыскать врата, ведущие из него. Ты сделаешь это в одиночку? Там, на суще, тебе понадобимся мы.

— Да катитесь вы ко всем чертям! — закричал Теотормон. Он подпрыгнул вверх и скрылся под водой.

— Брат! — воскликнул Роберт.

Остальные эхом повторили его зов. Они барабантились в воде и с отчаянием смотрели друг на друга. В эти минуты на их лицах не осталось и следа прежней надменности и высокомерия.

Внезапно Вала закричала и, взмахнув руками, исчезла под водой. Она скрылась с такой быстротой, будто ее дернули за ноги.

Прошло несколько секунд, и над водой появилась темно-синяя маслянистая голова Теотормона, а через миг и рыжие локоны Валы. Длинными пальцами ног он вцепился в волосы сестры, поддерживая ее голову над водой.

— Ну давай, извиняйся! — закричал Теотормон. — Проси у меня прощения! Скажи, что ты больше не считаешь меня отвратительным слизняком! Расскажи мне, как я прекрасен. Обещай любить меня, как ты любила на острове Паламброна!

Она вырвалась из его лап, оставив в корявых пальцах несколько клочков темно-красных волос.

— Я убью тебя, жалкий прыщ! И умирать я пока не собираюсь! Но если мне это все же предстоит, я лучше выберу смерть, чем буду умолять тебя, придурок!

Глаза Теотормона расширились. Он отплыл от нее по дальше и повернулся к Вольфу.

— Видишь? — закричал он. — Зачем же мне спасать ее или кого-нибудь другого? Вы все равно будете ненавидеть меня, а я вас.

Паламаброн закричал и яростно заколотил руками по воде.

— Спаси меня, Теотормон! Мне больше не удержаться. Я слишком устал. Я сейчас утону!

— Вспомни мои слова об одиночестве, — тяжело дыша, произнес Вольф.

Теотормон усмехнулся и нырнул. Вынырнув, он уперся головой в ягодицы Паламаброна и, мощно загребая воду плавниками и огромными перепончатыми лапами, стал толкать его к берегу. Паламаброн вылетел на стеклянный берег, откатился на шесть-семь шагов, да так и остался лежать, дыша как загнанная лошадь. Из его носа текла вода, изо рта тянулась струйка слюны.

Теотормон по очереди вытолкал на берег всех властителей, и те повалились на склон, едва живые от усталости. Одна лишь Вала отказалась от его помощи. Собрав последние силы — Вольфу даже не верилось, что у нее осталось их так много, — она разогналась, сделала рывок, выскочила на берег и, помогая себе локтями, медленно поползла вверх по наклонной поверхности. Выбравшись на относительно ровное место, она осторожно села и, осмотрев мужчин, презрительно сказала:

— И это мои братья? Всемогущие повелители вселенных? Кучка полузадохшихся крыс! Пресмыкающиеся перед морским слизняком, выпрашающие разрешение на жизнь.

Теотормон выскочил на берег и прошелепал мимо спасенных людей. Проходя мимо Валы, он даже не взглянул на нее.

Придя в себя и отдошавшись, властители тоже поползли на ровный участок суши. Вид у всех был жалкий — многим пришлось избавиться от одежды и оружия. Только Вала и Вольф остались одетыми. Он умудрился сохранить лучемет, Вала — меч. Ее одежда имела водоотталкивающие свойства, и, если бы не мокрые волосы, со стороны можно было не догадаться, что она побывала в воде.

Лувах дважды порывался встать и подойти к Вольфу, но оба раза поскользывался и падал на ягодицы. Его лицо снова порозовело, веснушки на щеках и носу перестали быть такими заметными.

— Отец поймал нас, как детей, игравших в прятки, — сказал он. — Но сейчас из детей мы превратились в грудных сосунков. Мы даже не можем ходить и вынуждены ползать. Тебе не кажется, что наш отец хочет этим что-то сказать?

— Не знаю, — ответил Вольф. — Но не сомневаюсь, что Уризен вынашивал свой план долгие и долгие годы. Я начинаю

верить, что он создал планеты вокруг Аппирмацуума только по одной-единственной причине: и этот, и другие миры предназначены для того, чтобы муками и болью испытать нашу волю.

Лувах невесело рассмеялся:

— Какой же будет награда, если мы пройдем через все испытания?

— Мы получим возможность убить его... или сами погибнем от руки отца.

— Неужели ты действительно веришь, что он поведет честную игру? А если он сделал свою крепость неприступной? Я никогда не поверю в честность Уризена.

— Честность? А что такое честность? Согласно неписаному договору, каждый властитель оставляет в своей системе обороны несколько лазеек, какой-нибудь дефект, воспользовавшись которым ловкий и умный противник может пробраться внутрь. Не знаю, многие ли следуют этому правилу. Но властителей убивали и лишали собственности, несмотря на то что они чувствовали себя в полной безопасности. И я не думаю, что победителям везло только потому, что им удавалось обнаружить эти специально оставленные лазейки. Они пробивали брешь в защите совершенно по другой причине.

Причина в том, что властители наследуют оружие от своих предшественников. Они не могут получить его иным путем, и, если нет наследства, оружие приходится красть или отбирать силой. Наша раса потеряла древнюю мудрость и мастерство; мы стали потребителями и расточителями. Мы перестали создавать. Поэтому каждый властитель может пользоваться только тем, что у него есть. И если его средства обороны не предусматривают каждую случайность, если в защите остаются дыры, ими обязательно кто-нибудь воспользуется.

И еще. Властители сражаются для того, чтобы остаться в живых и убить другого. Тем не менее многим удается выжить в течение долгого времени. Им все уже надоело; они давно желают смерти. В глубоких безднах подсознания, под пластами тысячелетних воспоминаний, пресыщенные властью и иссущенные отсутствием любви, все они жаждут смерти. И именно поэтому в их стенах появляются щели.

Лувах открыл от удивления рот.

— Неужели ты веришь в эту диковинную теорию? Давай возьмем в пример меня. Я ничуть не устал от жизни. Я люблю ее так же сильно, как и в первую сотню лет. И другие тоже будут защищаться до последнего.

Вольф пожал плечами.

— Это только моя теория. Я придумал ее после того, как стал Робертом Вольфом. Знаешь, сейчас я замечаю то, чего не видел раньше и что не видит никто из вас. — Он подполз к Вале и сказал: — Одолжи мне на минуту меч. Я хочу проделать один опыт.

— Хочешь выяснить, легко ли моя голова отделяется от плеч? — спросила она.

— Если бы я хотел убить тебя, то воспользовался бы лучеметом, — ответил он.

Вала вытащила из ножен короткий клинок и вручила его Вольфу. Он слегка стукнул острием по стекловидной поверхности. И когда лезвие не оставил никаких следов, он ударил посильнее.

— Что ты задумал? — закричала Вала. — Ты же сломаешь острье!

Он указал на отметину, оставленную вторым ударом.

— Выглядит как царапина на льду. Это вещество более скользкое и твердое, чем лед, но в остальном, как мне кажется, похоже на замерзшую воду.

Он отдал ей меч, вытащил лучемет и, установив его на половинную мощность, выстрелил в поверхность склона. Стекловидный материал вспуился, и из него потекла жидкость. Он выключил лучемет и выдул жидкость из выемки. Заинтересованные происходящим, к ним стали подползать другие владельцы.

— Странный ты человек, — сказала Вала. — Ну кто еще додумался бы до этого?

— Зачем он делает дырки? — спросил Паламаброн. — Может быть, наш братец спятил? — К нему вернулось былое высокомерие, и он вновь говорил надменным тоном.

— Нет, он не спятил, — ответила Вала. — Просто он любознательный, вот и все. Наверное, ты забыл, что такое любознательность. Разве не так, Паламаброн? Неужели ты такой же вялый, как... и все, что ты делаешь? Впрочем, нет, извини. Несколько минут назад ты вел себя довольно живо.

Паламаброн вспыхнул, но ничего не сказал. Нахмутив брови, он наблюдал, как на стенках дыры и вдоль ее краев появились и начали расти крошечные кристаллы.

— Самовосстановление, — произнес Вольф. — Я прочитал о древней науке наших предков все, что мог достать, но не встречал и никогда не слышал ничего подобного. Очевидно, Уризен обладает знаниями, которые утрачены другими.

— Возможно, он получил их от Рыжего Орка, — сказала Вала. — Говорят, что Орк знает больше, чем все остальные

властители, вместе взятые. Он последний из древних, и говорят, будто ему уже полмиллиона лет.

— «Говорят, говорят», — проворчал Вольф. — Рыжего Орка никто не видел около сотни тысячелетий. Я думаю, он давно уже умер и от него остались одни легенды. Но хватит об этом. Нам нужно найти следующую группу врат, хотя трудно сказать, куда они нас могут привести. — Он осторожно поднялся и медленно сделал несколько шагов.

Помимо бесплодного стекла этот мир имел и растительность. На расстоянии нескольких сотен ярдов виднелись редкие деревья, и между ними росли кусты, похожие на грибы. Тонкие спиральные стволы деревьев с красными и белыми полосками напоминали щипцы парикмахера. Они поднимались на двадцать футов, а затем изгибались вправо и влево. Там, где начинался изгиб, росли ветви, и каждая из них выглядела как положенная горизонтально цифра «9». Ветви покрывал тонкий серый пух, нити которого достигали двух футов в длину.

Обнаженный Ринтрак задрожал.

— Мне не холодно, — сказал он, — но я чувствую какую-то тревогу. Возможно, все дело в тишине. Вы только прислушайтесь — как тихо.

И они прислушались. До них доносился лишь шелест ветра в кустах, легкое постукивание петлеобразных ветвей и плеск воды у берегов. На этом перечень звуков исчерпывался. Ни пения птиц, ни криков животных, ни человеческих голосов. Только ветер и река. Но даже они звучали так тихо, словно их накрыло пуховиком пурпурных небес.

Во все стороны до горизонта простиралась глянцевая белая равнина. Невдалеке возвышалось несколько округлых холмов; самым высоким был тот, с которого путешественники столь молниеносно спустились. Осматривая ландшафт, Роберт с минуту разглядывал этот холм и врата — темное крошечное пятнышко на самой вершине. Остальные, более низкие холмы располагались на относительно ровной местности.

«Как же выбраться отсюда? — подумал Вольф. — Мы должны разгадать намек Уризена, иначе поиск врат может затянуться на века. И мы будем бродить по ледяным холмам до конца жизни — если только найдем по пути какую-нибудь еду».

— Мне кажется, нам следует идти вдоль реки, — сказал он вслух. — Она течет по наклонной плоскости и, следовательно, приведет нас к какому-то большому водоему. Уризен не зря бросил нас в реку. По всей вероятности, это

намек на то, что река может стать нашим проводником к следующему гексакулуму... или группе врат.

— Возможно, ты и прав, — сказал Эньен. — Но у твоего отца и моего дяди уродливый и извращенный ум. Его мозги работают в другую сторону, и он мог использовать реку как намек на движение вверх, а не вниз.

— Ты прав, кузен, — ответил Вольф. — Но есть только один способ выяснить это. Я предлагаю идти вдоль берега вниз по течению, хотя бы потому, что так легче двигаться. — Он повернулся к Вале и спросил: — А ты как считаешь?

Она пожала плечами:

— Не знаю. В прошлый раз я ошиблась с выбором. Почему ты меня спрашиваешь?

— Потому что ты всегда была ближе всех к отцу. И ты лучше других знаешь его манеру мышления.

Она чуть заметно улыбнулась:

— Не думаю, что ты хотел польстить мне этим. Но я готова считать твои слова комплиментом. Несмотря на свою ненависть к Уризену, я восхищаюсь им и уважаю за ум. Он вышел живым из переделок, где погибла большая часть его современников. Но раз уж ты меня спрашиваешь, я говорю, что нам надо идти вниз по реке.

— Что думают об этом остальные? — спросил Роберт.

Для себя он уже сделал выбор. Но ему не хотелось выслушивать жалобы, если путь окажется неверным. Пусть все разделят ответственность за принятое решение.

Паламаброн выступил вперед и закричал:

— А я говорю, «нет»! Я настаиваю, чтобы...

ГЛАВА 9

Ветер принес издалека странный вопль; путешественники повернулись и стали разглядывать берег вверх по течению реки. В нескольких сотнях ярдов от них из-за холма появилось высокое животное ростом со слона. Заметив людей, оно остановилось между двумя крупными камнями. Если бы не оленьи рога, его голова на конце длинной шеи была бы похожа на верблюжью. Хотя огромные глаза и мощные клыки, как у плотоядного хищника, придавали ей несколько иной колорит. Скошенное от плеч к спине мускулистое туловище покрывала красно-коричневая шерсть. Тонкие, как у жирафа, ноги заканчивались огромными темно-синими чашами, и казалось странным, что столь немощным конечностям удавалось поддерживать такое тяжелое тело.

Увидев чашеподобные ступни, Вольф тут же догадался об их назначении. Это было одно из приспособлений, с помощью которых животные передвигались по гладкой поверхности, своего рода присоски, или вакуумные прокладки.

— Стойте спокойно, — сказал он остальным. — Нам от него не убежать. Да и в любом случае бежать некуда.

Тварь фыркнула и медленно двинулась к ним. Она выгибалась шею вперед и назад, вертела головой во все стороны и часто оглядывалась. Правая передняя и левая задняя ноги одновременно поднялись, чаши на ступнях издали чмокающий звук, и животное сделало шаг. Затем поднялись левая передняя и задняя правая ноги, и все повторилось аналогичным образом. Подойдя ярдов на пятьдесят, тварь остановилась и подняла голову. Из ее пасти вырвался вопль, похожий на крик осла и звук сирены воздушной тревоги. Зверь изогнулся, уперся нижней челюстью в землю и начал скрестить зубами по стекловидному грунту, царапая глянцевую поверхность.

Это движение напомнило Вольфу земного быка, который роеткопытами землю. Роберт установил лучемет на половинную мощность, но решил не торопить события. Внезапно существо подняло голову и, завизжав, как раненый кролик, галопом помчалось на людей. Скасало оно сравнительно медленно, так как присоски мешали набрать скорость. Тем не менее людям его бег казался слишком быстрым.

Немного подождав, Вольф убедился, что тварь настроена серьезно. Когда расстояние между ними сократилось до двадцати ярдов, он прицелился туда, где шея переходила в грудь. Бурый мех задымился и почернел. Животное снова завизжало и побежало быстрее. Вольф продолжал разить его лучом. Но, обнаружив, что зубастая голова вот-вот дотянется до них, переключил оружие на максимальную мощность.

Тварь издала последний вопль. Длинные тонкие ноги подогнулись. Чаши копыт присосались к почве, колени раскрычились в разные стороны, и грузное тело мягко опустилось вниз. Шея вытянулась, голова поникла, красно-пурпурный язык вывалился наружу, карие глаза остекленели.

Наступившую тишину разорвал смех Валы:

— Вот наш ужин, завтрак и обед. Причем мясо уже прожарено.

— Если только оно съедобное, — добавил Вольф.

Вала и Теотормон, который сжимал нож пальцами ноги, выбрались из укрытия и отрезали по куску полусгоревшего мяса. Понюхав, Теотормон пробовать его отказался. Роберт осторожно заскользил к ним, но ноги его разъехались в

стороны, и он упал набок. Вала и Теотормон, которым удалось добраться до зверя, ни разу не поскользнувшись, расходились. Вольф поднялся и продолжил свой путь.

— Если смелых нет, мясо придется пробовать мне, — сказал он. — Возможно, оно и несъедобно, но голосованием этого не решишь.

— Я не боюсь, — сказала Вала. — Просто немного противно. От него так мерзко пахнет.

Она откусила кусочек, брезгливо пожевала его и проглотила. Теперь Вольфу было незачем рисковать. Как и другие, он стал ждать, а когда прошло полчаса и Вала не почувствовала себя плохо, Роберт тоже отведал мяса. Остальные, кто ползком, кто с трудом переставляя ноги, добрались до туши и принялись есть. Однако утолить голод им не удалось, так как большая часть мяса обуглилась, и оставалась лишь узкая полоска, где плоть оказалась прожаренной, или, точнее, полупрожаренной.

Вольф взял у Теотормона нож, отрезал еще кусок мяса и неохотно, жалея заряд, пропек сочную вырезку. Каждый взял свою порцию, и отряд зашагал вниз по реке. Роберт немного задержался: ему хотелось отделить стопы-присоски, чтобы использовать их для передвижения. Но, проверив толщину костей и прочность хрящей в месте соединения ноги и вакуумной стопы, он отказался от своей затеи. Правда, с помощью меча Валы Вольф справился бы с этой работой, но острье клинка испортил бы безнадежно.

Передвигаясь ползком, они преодолели пару миль и добрались до зарослей кустов неподалеку от берега реки. Кусты достигали трех футов в высоту и напоминали по форме грибы. Верхняя часть выдавалась вперед и нависала над тонким гибким стволом. Толстые штапорообразные ветви покрывал пух. При более близком рассмотрении пушинки оказались похожими на тонкие иглы. С концов ветвей свисали грозди больших темно-красных ягод.

Вольф сорвал одну и понюхал. Она пахла орехом пекан. Гладкую кожицу покрывала какая-то маслянистая влага.

Он долго не решался отведать ее. И снова Вала оказалась отважнее всех, первой вкусив незнакомую пищу. Она попробовала ягоду и издала одобрительное восклицание. За полчаса она съела еще штук шесть. Вольф тоже проглотил несколько ягод. И тогда к ним присоединились остальные. Паламаброн ждал до последнего, а потом пожаловался, что ему почти ничего не досталось.

— Кто же виноват, что ты такой трус? — удивилась Вала.

Паламаброн свирепо взглянул на нее, но ничего не ответил. Теотормон, решив, что пристыженный сородич теперь не посмеет отвечать на оскорбления, поспешил добавить к мнению Валы свое. И когда Паламаброн ударил его по лицу, он взревел от ярости, прыгнул вперед, но поскользнулся и упал под ноги обидчику. Паламаброн рухнул, словно сбитая кегля, и тут же откатился в сторону, уворачиваясь от мощного удара плавником. Оба настойчиво, но безуспешно пытались вцепиться друг другу в горло.

Наконец Вольф, который не стал презрительно хохотать со всеми, приказал им остановиться.

— Эти детские выходки отнимают время. Если такое еще раз повторится, мне придется вмешаться. И я не буду прибегать к помощи лучемета — мне жаль тратить заряд на таких, как вы. Мы просто уйдем или прогоним вас. В нашем союзе не должно быть разногласий. Иначе Уризен порадуется, увидев, как мы уничтожаем друг друга.

Теотормон и Паламаброн обменялись плевками, но драку прекратили. Отряд молча продолжал двигаться по скользкой поверхности. Равнину медленно покрывала бледно-пурпурная тень луны. С наступлением ночи тишине пришел конец. Послышался далекий блеющий крик, словно где-то заблудилась овца. Ему вторило мычание крупного животного, вдали кто-то рявкнул, как лев. Проходя мимо зарослей кустов, путешественники заметили небольших двуногих животных, поедавших ягоды. Существа достигали двух с половиной футов в высоту; их тела покрывал коричневый мех, а узкоглазые мордочки, похожие на физиономии лемуров, украшали большие заячье уши. Верхние конечности заканчивались лапами, нижние — дисками с присосками. Сзади виднелись короткие, как у кроликов, алые хвостики. При виде людей они перестали есть и, шевеля носами, уставились на непрошеных гостей. Убедившись, что пришельцы не представляют опасности, звери снова вернулись к ягодам, исcosa посматривая на властителей и изредка облаивая их по-собачьи.

Внезапно из-за низкого холма выскочило четырехногое животное размером с норвежскую охотничью собаку. Покрытое желтоватым мехом и косматое, как овчарка, оно походило на лису. Ноги существа заканчивались тонкими костяными «коньками», и хищник на огромной скорости помчался к двуногим «зайчатам». Те пролаяли сигнал тревоги, стая выбежала из кустов и бросилась наутек. Несмотря на присоски, они двигались довольно быстро, но «волк-конько-бежец» догонял их без видимых усилий. Сообразив, что бегством не спастись, вожак двуногих приотстал и поравнялся

с самым последним из бегущих. Он толкнул слабака, сбил его с ног и бросился бежать за остальными. Жертва закричала, попыталась подняться на присоски, но ее тут же повалил рычащий «волк». Последовала краткая схватка, и вскоре че-люсти хищника сомкнулись на шее двуногого существа.

— Так вот откуда царапины, которые мы замечали на поверхности, — сказал Вольф. — Некоторые из этих животных катаются на коньках.

Он замолчал. Как быстро они могли бы передвигаться, будь у них коньки. Вот только где их достать?

Вскоре путешественникам встретилось еще одно животное с длинной шеей, телом гиены и олеными рогами на голове. Не обращая внимания на чужаков, оно вплилось зубами в скалу из стекловидной массы, отломало кусок и принялось жевать. Не сводя с незнакомцев глаз, оно порыкивало от удовольствия, наслаждаясь вкусом глыбы. В его желудке громыхало, как в водопроводных трубах старого дома.

Владельцы отправились дальше и по пути в трехстах ярдах увидели стадо существ, которые паслись на скалах. Среди них были детеныши. Одни малыши неуклюже играли друг с другом, другие прижимались к материам. При виде пришельцев некоторые самцы закричали, а один даже побежался за ними. Чуть позже отряд прошел мимо животных, похожих на антилоп. Белые шкуры, были покрыты красным ромбовидным узором. На головах ветвились густые рога. Вместо копыт на ногах были костяные коньки.

Вольф начал подыскивать место для ночлега. Для стоянки он облюбовал ложбину, окруженную четырьмя холмами.

— Первым дежурить буду я, — сказал он.

После себя Роберт назначил Эньена, за ним Луваха. Эньен стал возражать: дескать, по какому праву Вольф ему приказывает.

— Если хочешь, можешь не дежурить, — ответил Вольф. — Но если во время своего дежурства ты будешь спать, то рискуешь оказаться в пасти вон того зверька. — И показал пальцем за спину Эньена.

Тот резко повернулся и едва устоял на ногах. Остальные тоже взглянули туда, куда показывал Вольф. С вершины одного из холмов за ними следило огромное гривастое животное Кошачье тело венчала голова короткорылого крокодила, а ноги заканчивались широкими чашами присосок.

Роберт поставил лучемет на минимальную мощность и, прицелившись в гриву, выстрелил, слегка коснувшись активирующей пластины. Шерсть зверя задымилась, и тварь, зарычав, скрылась за холмом.

— Настало время сосредоточить власть в одних руках, — сказал Вольф. — До сих пор мы, а точнее вы, уклонялись от принятия этого решения. Пока никто из вас не возражал против того, что предлагал вам я. Впрочем, вы слишком ленивы и заняты своими собственными проблемами, чтобы взять на себя ответственность за всех нас. Но больше откладывать нельзя. Мы погибнем, если среди нас не окажется лидера, приказы которого будут исполняться в критических ситуациях беспрекословно. Поэтому я жду ваших предложений.

— Милый братец, — сказала Вала. — Я думаю, ты уже доказал всем нам, что можешь повести за собой. Я отдаю свой голос за тебя. Кроме того, ты обладаешь лучеметом, что делает тебя самым сильным из нас. Конечно, если только некоторые не прячут оружия, о котором мы не знаем.

— Лишь на тебе есть одежда, в которой можно что-то скрыть, — ответил он. — Что касается лучемета, то он будет в руках каждого, кто станет на страже.

При этих словах все удивленно подняли брови.

— Я по-прежнему не доверяю вам, — пояснил Роберт. — Но не думаю, что кто-нибудь из вас окажется настолько глуп, чтобы пытаться присвоить оружие и использовать его для собственной выгоды. Я надеюсь, что завтра перед выступлением в поход лучемет мне вернут.

За Вольфа проголосовали все, кроме Паламаброна. Тот отказался принимать участие в голосовании, сославшись на то, что его мнение все равно будет отвергнуто большинством.

— Я надеюсь, брат, ты не собирался выставить свою кандидатуру? — спросила Вала. — Конечно же, нет. Даже с твоим чудовищным эгоизмом до этого трудно додуматься.

Паламаброн пропустил ее слова мимо ушей. Он повернулся к Вольфу и спросил:

— Почему ты не назначил меня в караул? Ты мне не доверяешь?

— Можешь дежурить первым завтра вечером, — ответил Роберт. — А теперь давайте спать.

Вольф остался на страже, а остальные властители уснули на твердых белых камнях. Он чутко прислушивался к далеким крикам животных — вою, визгу и каким-то непонятным звукам, которые сменялись пронзительным свистом, жалобными рыданиями и треском. Один раз что-то проужжало над головой и послышался шелест крыльев. Он вскочил и медленно осмотрелся вокруг. А еще через полчаса Вольф разбудил Эньена и отдал ему лучемет. У него не было часов, но, как и все властители, он мог определять время с

точностью до секунды. Еще ребенком он прошел несколько сеансов гипноза, после чего развил способность чувствовать время с точностью хронометра.

Заснул Роберт не сразу. Его мучила тревога по поводу завтрашнего первого дежурства, когда лучемет перейдет к Паламаброну. Из всех властителей он оказался самым неустойчивым. К тому же его ненависть к Вале переросла в настоящее безумие. Устоит ли он перед искушением убить ее спящей? Вольф решил поговорить с ним утром. Кузен должен понять, что, убив сестру, он должен будет расправиться и с остальными. Завладев лучеметом, Паламаброн без труда может уничтожить всех, но тогда он останется один. А самое любопытное заключалось в том, что, хотя властители и не терпели друг друга, еще больше они страшились одиночества. При других обстоятельствах братья лишней секунды не оставались бы вместе, но сейчас их объединял страх перед отцом, и каждый чувствовал себя спокойнее перед лицом столь огромной опасности, имея товарищей по несчастью.

Едва он стал засыпать, его осенила идея. Роберт даже выругался. Почему он не подумал об этом раньше? Почему до этого не додумались другие? Как просто и очевидно! Нет нужды ползти и скользить по земле. Плыть на лодке не только гораздо быстрее, но и намного безопаснее, так как в воде им не угрожало нападение хищников. И Вольф решил, что утром они должны обдумать этот вопрос.

На рассвете его разбудили крики. Роберт сел и увидел, что Тармас стреляет в гравастую тварь той же породы, что и тот львиный аллигатор, которого он отпугнул, подпалив ему жесткую гриву. Тварь быстро спускалась с холма, чмокая присосками. Позади нее лежали три мертвые самки. До людей оставалось не больше десяти шагов, когда ужасный хищник упал с рассеченным надвое рылом.

Уставившись на тушу, Тармас продолжал кромсать ее лучом. Вольф закричал, чтобы он выключил питание. Луч метнулся по склону холма. Тармас пришел в себя иdezактивировал оружие, но большая часть заряда уже пропала. Выругавшись, Вольф забрал лучемет. Теперь у него остался только один силовой пакет.

Все принялись за работу. Ножами Теотормона и Валы они по очереди снимали жесткие шкуры мертвых животных. Дело шло медленно, поскольку работать никто не умел, да и не хотел. К тому же приходилось действовать на скользкой поверхности. Властители не могли удержаться от споров, раздраженно заявляя Вольфу, что этот тяжелый труд абсолютно бесполезен. Ну где же они достанут каркас для лодки,

которую он задумал? Даже если использовать эти шкуры, их все равно не хватит.

Он велел им замолчать и продолжать работу. Роберт знал, что делать. Взяв Луваха, Валу и Теотормона, он направился к ближайшим кустам. Здесь ему пришлось воспользоваться лучеметом, чтобы убить животное, похожее на китайского дракона, которое поедало ягоды и не хотело покидать свое убежище. Когда они приблизились к логову, чудовище зашипело и угрожающе бросилось на них. Толстая кожа в складках и зубьях напоминала броню, и ее удалось пробить лишь лучом, установленным на полную мощность. Глаза дракона оказались прекрасно защищенными. Вольф выстрелил в них, но луч попал в прозрачные щитки. Тварь затряслась головой, и Роберту не удавалось удержать луч на одном месте. Но он нашел слабое место в панцире на затылке чудовища и сделал смертельный выстрел. Хищник завалился набок, ощетинился зубчатыми пластинами и окончил, задрав вверх крохотные диски присосок, на которых передвигался.

— Если и дальше так пойдет, мы останемся без лучемета, — проворчал Роберт. — Нам остается только молиться, чтобы этот момент не наступил слишком скоро.

Осмотрев кору кустарника, Вольф убедился, что она достаточно крепка. Теперь предстояло срубить кусты, вырезать из ветвей рейки для остова лодки — но этот долгий и кропотливый труд приведет в негодность их последний меч. И вот тут, взглянув на дракона, Роберт увидел в нем почти готовый челн — пусть не совсем доведенный до ума, но для его завершения требовалось гораздо меньше усилий, чем для создания судна, которое он первоначально задумал.

Мощными ударами меча он начал отделять двигательные пластины от бронированного тела дракона. Ножом и мечом они вырезали внутренние органы. Вскоре к ним присоединились остальные властители и, сменяя друг друга, завершили работу. Кровь чудовища, покрывавшая их с ног до головы, залила площадку у кустов, отчего поверхность стала еще более скользкой, а ее запах привлек нескольких львиных аллигаторов. Обезумев от терпкого аромата крови, хищники набросились на людей, и, чтобы избавиться от них, Вольфу пришлось еще немного разрядить последний силовой пакет.

Вместо весел они решили использовать петлеобразные ветви спиральных деревьев. Кора не поддавалась острию меча, и Вольф снова воспользовался лучеметом. Он срезал несколько ветвей, из которых властители сделали десять весел. Поскольку Теотормон мог грести плавником, у них

оказалось три запасных весла. Иголочки колючего пуха легко удалялись ножом.

В результате получилось довольно сносное каноэ, длина которого составляла около шестидесяти футов. Единственными отверстиями оставались рот и ноздри дракона. Но этот дефект устранили, загнув переднюю часть лодки кверху и привязав к ней плащом Валы небольшой обломок скалы. Бес камня не давал носовой части распрямиться и таким образом поддерживал ее над уровнем воды — по крайней мере, на это надеялись. Выжигая куски хрящей и кровь, прилипшую к внутренним стенкам костяной брони, Роберт потратил еще часть заряда. А затем, передвигаясь ползком и на коленях, властители потащили импровизированное судно к реке.

У кромки воды они поднялись на ноги и, перевалившись через борта, забрались в драконий челн и уселись парами, бок о бок, стараясь удержать лодку в равновесии. Когда все устроились, Вольф и Вала столкнули судно на воду, запрыгнули на борта, и братья втянули их в лодку.

Из-за горизонта показалась луна, наступила ночь, а драконий челн все плыл и плыл по течению. Двое властителей остались дежурить на веслах, остальные постарались уснуть. А когда луна ушла на другую сторону планеты, над ними засиял яркий пурпур небес. Река плавно несла свои воды; рябь и волны улеглись. Путешественники миновали череду каньонов и снова поплыли вдоль покатых берегов. День прошел без происшествий. Властители жаловались на запах гниющего мяса и крови. Вскоре вонь стала невыносимой. Но каждый раз, когда кого-нибудь тошнило и выворачивало наизнанку, остальные начинали высмеивать беднягу. Все ворчали, твердили о том, что почти не спали предыдущую ночь, и со страхом говорили о ловушках, которые могли ожидать их на пути, когда — и если — они найдут врата, ведущие во дворец отца.

Властители плыли день и ночь. Утром на вторые сутки каноэ миновало широкий изгиб реки. Впереди появилась скала — большой белый купол тридцати футов в высоту, который рассекал русло на два рукава. На его вершине, почти касаясь друг друга, стояла пара золотистых шестигранников.

ГЛАВА 10

Сидя на берегу реки рядом с вытащенным из воды драконьим челном, Вольф размышлял. Бесполезно карабкаться по скользкой и почти отвесной скале без помощи каких-либо средств. А если бросить наверх веревку и зацепить ее за

что-нибудь? Но ширина гексакулумов не позволит накинуть на них петлю.

Мог бы помочь абордажный крюк. Допустим, на той стороне врат — то есть на другой планете, как он надеялся — есть за что зацепиться.

Если разрезать шкуры животных, можно связать полосы вместе и сделать веревку. Но чтобы придать коже гибкость, их сначала придется как следует выдубить. А вот где достать металла для крюка?

Конечно, в этом мире где-то есть металл, и даже, возможно, не очень далеко. Но чтобы найти и пронести его по этой стеклянной равнине, понадобится слишком много времени. Хотя можно придумать кое-что получше. Однако Вольф сомневался, что с его планом будут согласны те двое, от кого зависел успех операции.

Так оно и оказалось. Вала не хотела отдавать меч, а Теотормон наотрез отказался жертвовать ножом.

Роберт спорил с ними несколько часов, доказывая, что, если они сейчас не отдадут оружие, их все равно со временем ждет смерть.

Наконец после решительного отказа Теотормона Вольф заявил:

— Ладно. Пусть будет по-вашему. Оставайтесь при своем упрямстве. Но если нам удастся добраться до врат, мы не возьмем вас с собой. Клянусь! И вы будете скитаться в мире блестящих ледяных камней, пока вас не сожрет какой-нибудь зверь или не подкосит старость.

Вала осмотрела властителей, которые сидели вокруг, и, улыбаясь, произнесла:

— Ты меня уговорил. Вот мой меч.

— Вы все равно не получите мой нож! — закричал Теотормон. — Я это вам тоже обещаю!

Властители начали потихоньку приближаться к нему. Он вскочил и попытался убежать. Огромные ступни позволяли ему передвигаться по скользкой поверхности склона, где остальные не могли бы удержаться, но Вольф поймал его за лодыжку и опрокинул на спину. Теотормон отбивался изо всех сил, но на него навалилась куча тел. В конце концов он расплакался и сдался, а затем, бормоча проклятия, отошел в сторону и уселся у воды.

Найдя камень, похожий на мел, Роберт прочертил на мече Валы несколько линий и, установив лучемет на полную мощность, быстро нарезал несколько треугольников. Потом закрепил три куска и установил на них круглые пластины, тоже вырезанные из лезвия. Включив лучемет на половину

мощность, он приварил зубцы к круглым деталям конструкции, охладил раскаленный металл в холодной воде и, вновь разогрев зубцы в середине, придал им слегка изогнутую форму. Он вырезал из меча еще одну полоску и, нагревая и постукивая по ней рукояткой лучемета, аккуратно согнул в кольцо. Приварив эту деталь, Роберт получил трехпалый крюк, к которому можно было крепить веревку.

Кинжал не пригодился, и его вернули Теотормону. Вольф заострил уцелевшую часть меча, сделал из него некое подобие короткого кинжала и отдал Вале.

— Все лучше, чем ничего, — сказал он ей.

На изготовление веревки ушло несколько дней. Убить и освежевать животных, а затем нарезать полосы из шкур не составило труда. Вся проблема заключалась в дублении. Несмотря на долгие поиски, нужные материалы найти не удалось. В конце концов Вольф решил смазать сплетенную веревку жиром убитых животных в надежде, что это как-то поможет.

На рассвете, когда багряная тень луны очистила небо, драконий член спустили по воде к скале с вратами. Пока властители гребли против течения, Вольф встал на носу судна и забросил в арку врат абордажный крюк с привязанной веревкой.

Трезубец влетел в шестиугольник и исчез. Роберт потянул его, и лодка ударилась носом о скалу. Поначалу ему показалось, что крюк зацепился, но трезубец вылетел из врат, и Вольф едва устоял на ногах. Лодка сильно качнулась, перевернулась на бок, и все оказались в воде. Властители уцепились за перевернутую лодку. Роберту удалось удержать в руке веревку и крюк.

Через полчаса они сделали еще одну попытку.

— Попытка — не пытка, — подбодрил их Вольф. — Это старая поговорка землян.

— Слушай, избавь меня от своих пословиц! — закричал Ринтрак. — Я промок, как тонущая крыса, и чувствую себя хуже некуда. Неужели ты думаешь, что в твоих попытках есть какой-то смысл?

— А разве у нас есть выбор? За дело, ребята. Вспомним прежние студенческие годы.

Братья недоуменно взглянули на него и со вздохами уселись за весла. На сей раз Вольф задумал более трудный бросок. Он забросил крюк на самую вершину шестигранника. Гексакулум возвышался над скалой по крайней мере на двенадцать футов, и расстояние от воды до вершины составляло

около сорока двух футов. Тем не менее бросок удался, и крюк перелетел на другую сторону сооружения.

— Попал! — закричал Вольф, широко улыбаясь.

Он подтянул веревку, выбирая свободный конец. Лодка вдруг скользнула вдоль правой стороны белого купола скалы. Вольф велел команде грести против течения, но челн притирало к монолиту, и все усилия властителей оказались напрасными. Лодку занесло в стремительный поток. Вольф, стоявший на носу, понимал, что, если их снесет еще немного, зубья крюка соскочат с вершины гексакулума.

Он вцепился в сыромятную веревку, и драконий челн уплыл из-под него. Вольф повис на веревке, по пояс погрузившись в воду. Он попробовал подтянуться и упереться ногами в скалу, но они скользили по гладкой поверхности. Роберт отказался от такого способа и начал подтягиваться, перебирая руками по сальной веревке. Это требовало огромных усилий, так как скала изгибалась куполом, веревка плотно прилегала к поверхности, и самое сильное натяжение приходилось на то место, где он держался. Роберт с трудом просовывал руки между веревкой и скалой.

Тем не менее он медленно поднимался вверх. На полпути к вершине Вольф почувствовал, что веревка поползла. Раздался треск, почти не слышный в шуме водоворота у основания скалы, и, вскрикнув от разочарования, Роберт упал в реку.

Когда Вала и Эньен вытащили его из воды, он обнаружил, что на крюке обломились два зубца — как раз в том месте, где они соединялись с основанием. И теперь обломки лежали где-то на дне реки.

— Что еще прикажешь делать? — сердито закричал Паламаброн. — Ты изломал все наше оружие, израсходовал почти весь заряд лучемета, а мы ни на шаг не приблизились к вратам. Но если бы только это! Посмотри на нас. Посмотри на меня. Я блюю водой, как старая рыба, поднятая из бездны. Мы все устали. О, Лос, как я устал!

— Да брось ты! Мы только запустили пробного змея, — сказал Вольф. — Это еще одна земная поговорка.

Он вдруг замолчал — его глаза расширились — и задумчиво произнес:

— А если мы...

Паламаброн вскинул руки к небу.

— О нет, довольно с меня твоих замечательных идей! закричал он.

— Замечательные они или нет, но это идеи, — ответил Вольф. — И пока я единственный, кто хоть что-то предлагає... а не скулит, не ноет и не злословит.

Некоторое время он лежал на спине, устремив взгляд в пурпурное небо, и жевал кусочек мяса, который ему дал Лувах. А не слишком ли фантастична мысль о воздушном змее? И даже если им удастся его построить, взлетит ли он?

Идею о воздушном змее пришлось оставить. Если сделать полотно настолько большим, чтобы оно понесло тяжелый крюк, змей не пройдет в шестигранник. Хотя постой-ка... А что, если воздушный змей со свисающим на веревке крюком пролетит над шестиугольником? Вольф чертыхнулся и еще раз отказался и от этой идеи. Он понял, что ничего не получится.

Внезапно Вольф сел.

— А все-таки можно сделать! Двумя!

— О чём ты? — спросил Лувах, очнувшись от дремоты.

— О змеях!

— Разве кто-то говорил о змеях?

— Потребуются две лодки и двое мужчин для броска! — вскричал Вольф. — И тогда мы можем рассчитывать на удачу. Вот так-то лучше. А то я уже начал думать, что мои идеи иссякли, а от вас их и ожидать не приходится. Вы тысячелетиями использовали мозги только для того, чтобы убивать друг друга. На остальное у вас уже не хватает сил. Но, клянусь Лосом, я заставлю вас сгодиться на что-нибудь иное!

— Ты устал, — сказала Вала. — Ляг и отдохни.

Она улыбалась. Это удивило Роберта. Чему тут радоваться? Она промокла, расстроилась, да и тело у нее, должно быть, ломит от усталости, как у всех других.

Но, может быть, под слоем ненависти в ее сердце по-прежнему жила любовь к нему? Возможно, она гордится тем, что он продолжает искать выход и борется, тогда как остальные лишь возмущаются? Или только притворяется, что по-прежнему любит его и гордится им? А нет ли у нее тайных причин разыгрывать дружелюбие?

Ответа он не знал. Оставалось следовать правилу, которое гласило: ни один властитель не должен доверять мотивам другого властителя. До сих пор это правило действовало без исключений.

Когда его помощники заканчивали мастерить остины двух лодок, Вольф доработал план. Поначалу он хотел сделать два небольших каноэ, которые обошли бы белый купол скалы с обеих сторон. Но потом Роберт решил, что три лодки спрятятся с задачей лучше.

Из ветвей кустов и деревьев, расположив шкуру на крепежный материал, он сделал высокий помост. На трех лодках и драконьем челне располагалось по одной из его четырех опор. После того как властители несколько раз отрепетировали порядок действий, Вольф начал операцию. Лодки в основании четырехугольного помоста аккуратно спустили на воду. Течение у берега было медленным и не шло в сравнение со стремниной в центре реки, поэтому властителям без труда удавалось сохранять расстояние между лодками. Пока они расставляли лодки, Вольф вскарабкался на помост по узкой лестнице, прикрепленной к одной из опор. Ее специально установили на драконьем челне, поэтому жестко закрепленный столб не слишком сильно раскачивался. Тем не менее задача оказалась непростой, и в какой-то момент Роберт едва не опрокинул лодку. Он медленно пополз на животе по тонким планкам помоста, и сооружение снова выровнялось.

Остальные властители парами расположились в большой и трех маленьких лодках. Чтобы сохранить равновесие, они следовали заранее определенному порядку. Вала, Теотормон и Лувах одновременно забрались в маленькие каноэ и помогли усесться Паламаброну, Эньену и Аристону. Тармас, самый проворный из всех, одним движением поднялся на борт драконьего челна и быстро перекатился на дно.

Властители взялись за весла и начали выравнивать помост, но поначалу им это плохо удавалось. Каноэ готовили под опоры, и их чрезмерная ширина мешала управлять. Однако по пути к скале гребцы немного приоровились, и это позволило им доставить сооружение к цели.

Вольф цеплялся за переднюю часть постройки, которая возвышалась над водой. Мостик раскачивался, его края занесило то в одну, то в другую сторону, и дважды Роберту казалось, что настил вот-вот проломится под ним. Прямо впереди возник купол скалы с парой золотых шестигранников. Вольф крикнул властителям, и те начали выгребать против течения. Надо было уменьшить скорость, чтобы помост не врезался в скалу. Шаткое строение не выдержало бы сильного удара.

Роберт решил пройти через левые врата, потому что в прошлый раз Вала выбрала правые. Но когда помост приблизился к скале, его снесло в сторону. Он резко накренился и наискосок пошел к правому шестиугольнику. Вольф поднялся на ноги, пригнулся и, выждав момент, прыгнул. Помост с громким треском врезался в скалу, но Роберт уже влетел в гексакулум. За его поясом торчал лучемет, с плеча свисала свернутая в моток веревка.

ГЛАВА 11

Вольф не имел ни малейшего представления о том, что ожидало его на другой стороне, но надеялся, что окажется на другой планете или, возможно, даже в крепости Уризена. Он подозревал, что их отец еще не наигрался с ними, а значит, его, скорее всего, занесет на третью планету, которая вращалась вокруг Аппирмацуза. При доле везения Роберт мог удачно приземлиться или, наоборот, еще раз свалиться в пропасть. В одном из худших случаев его могла подстерегать яма с дикими хищниками.

Но, пролетев через врата, он увидел перед собой склон холма. Склон оказался гладким, но не скользким. Наклон не превышал сорока пяти градусов. Осмотревшись, Роберт понял, почему его абордажный крюк выскочил назад при первой попытке. Основание шестигранника Уризен выложил гладкими каменными плитами, и зубьям просто не за что было зацепиться.

Роберт усмехнулся и покачал головой. Отец предвидел использование крюков и пресек такую возможность. В отличие от врат, через которые они попали в мир воды, этот гексакулум действовал в обоих направлениях. По-видимому, Уризена не волновало, что его дети могут вернуться на планету с пурпурными небесами. А возможно, он знал, что им не захочется возвращаться на нее.

Пройдя по каменным плитам, Вольф достиг вершины холма. Там он обвязал один конец веревки вокруг небольшого дерева, спустился к вратам и швырнул сквозь них свободный конец. Веревку дернули, и вскоре в пространстве шестиугольника появилось лицо Валы. Он помог ей выбраться, и они вдвоем начали вытаскивать властителей, которые карабкались через проход.

Последним поднялся Ринтрах, и, оказав ему помощь, Роберт просунул голову во врата, чтобы бросить прощальный взгляд на мир, который они только что покинули. Едва он это сделал, его охватил испуг. «Как странно сознавать, что тело находится на планете, удаленной на двадцать тысяч миль от головы, — подумал Вольф. И если бы в этот миг Уризен дезактивировал врата, это стало бы одной из его лучших мрачных шуток — как раз в духе отца.

Край помоста находился в трех футах ниже шестигранника. Он по-прежнему держался прямо, но через какое-то время течение утащит одну из лодок, опоры разъедутся в стороны, и вся конструкция рухнет.

Вольф отошел от гексакулума с таким чувством, словно только что встал из-под гильотины.

Властители могли бы ликовать, но слишком уж они устали от трудов и тревог о будущем. Все понимали, что их забросило на следующий спутник Аппирмацума. Небо над ними отливало темной желтизной. Вокруг, во все стороны от холма, тянулась равнина. Землю покрывала трава в шесть дюймов высотой. Повсюду виднелись заросли кустарника. Растительность во многом напоминала известные Вольфу земные растения, и по крайней мере дюжины видов усыпали ягоды разных размеров, цветов и форм. Однако ягоды имели одно общее свойство — от них шел очень неприятный запах.

Неподалеку от холма с вратами начинался берег моря. Широкая желтая полоса песчаного пляжа тянулась насколько хватало глаз. Вольф взглянул в противоположную сторону и увидел горы. Склон одной из них имел странные очертания, которые напоминали человеческий лик. Чем дальше он всматривался в них, тем больше убеждался, что это действительно изображение лица.

— Мне кажется, наш отец подает нам знак, — сказал Роберт остальным властителям. — Скорее всего это указатель на пути к следующим вратам. Хотя сомневаюсь, что его подсказка пойдет нам на пользу.

Они направились по равнине к далекой горной гряде. Подойдя к широкой реке, властители устроили привал. Вода оказалась чистой и свежей. Пищей им служили ягоды и мясо, которые они прихватили с собой из пурпурно-белого мира. А затем горизонт накрыла луна, принесшая ночь. Она была лиловато-красной и, подобно спутникам других планет, окутывала поверхность бледными сумерками.

Наутро властители вновь пустились в путь и шли весь день. Отряд двигался в полном молчании; люди устали и сбили ноги, многие нервничали, потеряв все свое оружие. Их молчание сливалось с тишиной, нависшей над этим миром, и ее не тревожили ни крики зверей, ни пение птиц. Кроме растений, не было заметно никаких признаков жизни. Несколько раз путешественникам казалось, что вдали пасутся группы каких-то небольших существ, но, подойдя ближе, они никого не находили.

Путь в горы занял три дня. Черты изображения на скале начали проясняться. Вечером второго дня они узнали лицо Уризена. Оно улыбалось им, глаза пристально смотрели на пришельцев. Властители стали еще более молчаливыми и нервными. От гигантского каменного лица отца некуда было деться. Оно насмехалось над ними все время.

На четвертый день они достигли подножия горы, как раз под подбородком Уризена. Огромная гряда из монолита прочной и твердой скалы сводила с ума цветом розоватой плоти. Неподалеку виднелась расщелина — узкий каньон, который рассекал гору надвое. Отвесные стены уходили к самой вершине как минимум на десять тысяч футов.

— Похоже, другого пути, кроме этого прохода, мы не найдем, — сказал Вольф. — Хотя можно обойти гору. Но, думаю, выбрав второй вариант, мы только зря потеряем время.

— Зачем нам делать то, что хочет отец? — спросил Паламаброн.

— У нас нет выбора, — ответил Роберт.

— Да, и мы будем танцевать под его дудку, пока он не поймает нас и не насадит на вертел вместо жаркого? — возмутился Паламаброн. — У меня есть предложение: нам надо отдохнуть перед этой утомительной и постылой дорогой.

— И где ты собираешься расположиться? — спросила Вала. — Здесь? В этом райском уголке? Ты, конечно, слишком глуп, чтобы заметить, братец, что у нас почти не осталось еды. Мясо на исходе, а запас ягод иссяк сегодня утром. В этом мире мы не видели ничего съедобного. Если хочешь, можешь попробовать дары местной природы. Но мне кажется, они ядовитые.

— О, Лос! Ты думаешь, Уризен хочет уморить нас голодом? — вскричал Паламаброн.

— Да, если мы не найдем какой-нибудь еды, то, безусловно, умрем с голода, — ответил Вольф. — А мы ее точно не найдем, если останемся здесь.

Он повел отряд в каньон. Их путь пролегал по голой гладкой скале, которая некогда была дном горного потока. Река передвинулась к другой стороне каньона и ревела в нескольких шагах ниже каменных берегов. Изредка то здесь, то там по краям потока встречались кусты.

Властители шли извилистой тропой целый день. Вечером они доели остатки мяса, и с приходом рассвета каждый встал не только с пустым животом, но и с горьким чувством, что на сей раз удача покинула их. Роберт вел отряд почти без остановок, понимая, что им лучше побыстрее пройти этот мрачный каньон. На всем протяжении пути они так и не нашли ничего съедобного. Рыба в реке не водилась; птиц и насекомых не было.

На второй день вынужденной голодовки люди увидели первую живую тварь. Они молча и не спеша огибали очередной поворот, и их неожиданное появление с подветренной

стороны застало животное врасплох. Не больше двух футов ростом, оно чем-то напоминало мелкого кенгуру и, стоя на мощных задних ногах, перебирало передними лапками ветви куста. Заметив их, животное перестало поедать ягоды, быстро осмотрелось вокруг и бросилось наутек большими прыжками, вытянув торчком длинный тонкий хвост.

Роберт устремился за ним, но вскоре отказался от погони: зверек улепетывал слишком быстро. Отбежав на сотню ярдов, животное остановилось и обернулось. Если бы не уши, как у американского зайца, его голова походила бы на голову чистопородного персидского кота. Тело покрывала короткая шерстка цвета хаки, шоколадную голову венчали красные, как фуксин, длинные уши.

Вольф направился к нему, но животное вновь поскакало по тропе и скрылось из виду. Он решил вооружить владельцев дубинками на тот случай, если им снова удастся подкрасться к прыгающему животному. С этой целью он нарезал в кустах массивные и тяжелые сучья, которые согнулись бы для такого дела.

На вопрос Паламаброна, почему он не убил животное пучеметом, Вольф ответил, что у них осталась только часть заряда, поэтому его надо экономить. К тому же зверь убегал так быстро, что он вряд ли попал бы в него. Однако Роберт понимал, что в следующий раз ему придется забыть об экономии. Если он не воспользуется оружием, им нечего будет есть.

Они продолжали идти по тропе, встречая все новых и новых прыгунов. Звери держались на безопасном расстоянии и убегали при приближении людей, очевидно, предупрежденные тем животным, с которым путники столкнулись ранее.

А еще через два часа отряд подошел к широкой трещине, которая рассекала обе стены каньона. Вольф исследовал ее, и небольшой проход вывел его в закрытое с трех сторон тупиковое ущелье, которое располагалось на тридцать футов ниже основного каньона. Ущелье уходило в глубь скалы на четыреста ярдов; ширина составляла около трехсот ярдов. И там, в уще кустов, он увидел прыгуна.

Роберт вернулся к братьям и рассказал им о своем плане. Тувах и Теотормон остались в узком проходе, а остальные вошли в ущелье. Они обошли животное подальше и стали подкрадываться к зверю сзади.

Прыгун стоял на широкой прогалине, подергивал носом и быстро мотал головой из стороны в сторону. Вольф велел владельцам остановиться и медленно пошел к нему, спрятав

дубинку за спиной. Животное подпустило Роберта на десять шагов и — исчезло.

Вольф быстро развернулся, решив, что зверь перепрыгнул через него с такой скоростью, что он не заметил, как это произошло, — но животного позади не оказалось. Роберт увидел лишь удивленные лица братьев и их разинутые рты. Все задавали один и тот же вопрос.

Примерно через три секунды зверь возник перед ними снова. Он появился в тридцати шагах от людей, но, когда Роберт направился к нему, прыгун опять испарился в воздухе.

Еще через три секунды они увидели на прогалине двух животных. Одно из них стояло в десяти футах от Валлы, другое находилось слева от Вольфа — в каких-нибудь пятнадцати шагах.

— Что за черт? — воскликнул Роберт.

Чудеса с прыгуном удивили его — не только удивили, но и привели в замешательство.

Животное, возникшее недалеко от Валлы, вновь исчезло. И теперь на поляне остался только зверек, который находился слева от Вольфа. Роберт бросился к нему и, замахнувшись дубинкой, закричал, надеясь ошеломить животное и нанести удар.

Зверь исчез. И чуть позже появился справа. Тут же стоял и второй прыгун.

Властители начали приближаться к ним. Внезапно на поляне очутились пять животных.

Ущелье заполнилось криками надежды и разочарования. Несколько зверьков запрыгали за спинами властителей, и часть загонщиков бросилась за ними в погоню.

А потом осталась только пара существ.

Как только вместо двух появились трое, дикая охота возобновилась.

Через три секунды двое животных исчезли.

Властители кинулись к последнему зверьку, но рядом возникла еще одна пара прыгунов.

Три секунды люди преследовали их.

Затем снова осталось одно животное.

Загонщики метнулись к нему со всех сторон — из воздуха материализовались еще два прыгунов, один из них оказался прямо перед Паламаброном. Это так удивило властителя, что он споткнулся на бегу и растянулся во весь рост. Зверь перепрыгнул через него и, заметив Ринтраха с поднятой дубинкой, исчез.

Теперь на поляне скакали два прыгуна.

Потом их стало трое.

Какой-то миг не оставалось ни одного.

Властители замерли на месте и изумленно смотрели друг на друга. Тишину ущелья нарушали лишь порывы ветра и тяжелое дыхание людей.

Внезапно между ними появились три зверька.

Охота началась сначала.

Остался один.

Пять.

Три.

Шесть.

В течение шести секунд они видели трех животных.

Потом их снова стало шесть.

Вольф велел прекратить бессмысленную беготню. Властители вернулись в узкий проход и уселись на камни, переводя дыхание. Немного отдохнув, они начали обсуждать невероятные повадки прыгунов. Каждый находил все новые и новые вопросы, но отвечать на них было некому.

Вольф задумчиво рассматривал шестерых зверьков, которые паслись в сотне ярдов от них. Забыв о панике, животные как ни в чем не бывало поедали ягоды.

Властители притихли и выжидающе уставились на Роберта.

— Что ты об этом думаешь, Ядавин? — спросила Вала, нарушив затянувшееся молчание.

— Я все вспоминаю, как исчезло то первое животное, — сказал он. — Мне хочется отыскать взаимосвязь между периодом исчезновений и возросшим числом прыгунов. — Он с сомнением покачал головой. — Не знаю. Все говорит о том, что это невозможно. Но как тогда объяснить происходящее? Или, вернее, не объяснить, а хотя бы как-то описать. Скажите, кто-нибудь из вас слышал о властителе, которому удавалось бы перемещаться во времени?

Паламаброн засмеялся.

Вала обозвала его болваном и, обратившись к Вольфу, сказала:

— Ходят слухи, что Рыжий Орк много лет бился над загадкой времени, пытаясь раскрыть его принципы. Но говорят, он отказался от этой затеи, заявив, что расчленить время так же невозможно, как объяснить происхождение нашей галактики.

— А почему ты об этом спрашиваешь? — поинтересовался Аристон.

— Существует крошечная субатомная частица, которую земные ученые назвали «нейтрино», — ответил Вольф. —

Эта частица не несет заряда и обладает нулевой массой покоя. Вы понимаете, о чем я говорю?

Все отрицательно покачали головами.

— Ты же знаешь, мы все когда-то получили прекрасное образование, — сказал Лувах. — Но с тех пор прошло несколько тысячелетий. И вряд ли кто-нибудь из нас интересовался проблемами науки, помимо той техники, которую мы использовали для своих целей.

— Тогда вы действительно кучка невежественных богов, — усмехнулся Вольф. — Самые могущественные существа в космосе на самом деле оказались неграмотными варварами.

— Какое это имеет отношение к нашей ситуации? — возмутился Эньен. — Зачем ты обижаяешь нас? Ты сам сказал, что мы должны прекратить взаимные оскорблении, если хотим выжить.

— Прошу прощения, — извинился Вольф. — Просто меня самого иногда поглощают несоответствия характера... Не обращайте внимания. Так вот, нейтрино ведет себя очень странно. В частности, предполагается, что оно может перемещаться во времени.

— И оно действительно перемещается? — спросил Паламброн.

— Сомневаюсь. Но независимо от того, поворачивает оно вспять хронологический процесс или нет, поведение нейтрино можно описать в терминах временных перемещений. И мне кажется, такой подход вполне применим к прыгунам. Возможно, они действительно носятся во времени взад и вперед. Возможно, Уризену известна тайна создания таких существ. Но я сомневаюсь в этом. Скорее всего, он переместил их сюда из какой-нибудь вселенной, о которой мы еще не знаем. Тем не менее, каким бы ни было происхождение прыгунов, их способ переноса создает у нас впечатление, будто они скачут во времени. И я бы даже сказал, что они скачут с трехсекундной задержкой. — Концом дубинки он нарисовал на земле круг. — Допустим, это животное, которое мы увидели первым. — Он начертил линию, идущую от круга, и на ее конце нарисовал второй круг. — Эта линия изображает исчезновение зверька или его несуществование в нашем мире. Она как бы переносит его во времени.

— Я могу поклясться, что первый зверь исчез сначала не больше чем на три секунды, — сказала Вала.

Вольф продолжил линию из второго круга, нарисовал на ее конце третий круг, после чего провел под прямым углом следующую черту и изогнул ее назад к позиции, противоположной второму кругу.

— Итак, он прыгнул в будущее — вернее, это мы описываем его действие как прыжок во времени. Затем зверек вернулся по временному следу на то же место, которое занимал перед первым прыжком. Таким образом, мы видели его шесть секунд, но не знали, что он уже побывал в будущем и вернулся. После этого животное — давайте назовем его кенготемпусом — сделало еще один прыжок в тот период, где оно побывало в первый раз. И тогда мы с вами получили двух прыгунов. На самом деле это было одно и то же животное, удвоенное времененным перемещением. Первое существо прыгнуло на три секунды вперед, и мы потеряли его из виду. Второе в этот момент скакало по поляне. Но стоило второму номеру закончить временную петлю, как номер первый вернулся назад. И мы снова увидели двух животных.

— А как потом появилось сразу пять? — спросил Ринтракх.

— Давай посмотрим. Мы видели двух. Теперь номер первый делает прыжок и становится первым из пяти. Он прыгает обратно и превращается в одного из предыдущих двух. Затем он снова переносится в будущее и становится номером третьим из пяти. В тот момент, когда перед нами оставался только один кенготемпус, номер второй совершил прыжок и стал вторым из пяти. Первый и второй номера прыгнули вперед и вернулись, став номером четыре и номером пять. Далее четвертый и пятый номера ушли в будущее — в тот период, когда здесь остались только два зверя. Тем временем номер первый совершил прыжок на три секунды, номер четыре остался на месте, а номер пять вернулся. Поэтому мы снова увидели только двух. — Он усмехнулся, глядя на откровенно скучающие лица. — Теперь вы понимаете?

— Все это чушь! — сказал Тармас. — Перемещения во времени! Ты сам знаешь, что они невозможны!

— Да, я знаю. Но если животные не путешествуют во времени, то что же они делают? Ни тебе, ни мне это неизвестно. Поэтому, если я опишу поведение зверей с хронологической точки зрения и такое описание поможет нам их поймать, зачем же возражать против теории?

— Почему бы тебе не воспользоваться лучеметом? — спросил Ринтракх. — Мы все очень проголодались. А после охоты за этими мельтешащими призраками я совсем обессилен.

Вольф пожал плечами, встал и пошел к кенготемпусам. Они продолжали насыщаться, искоса посматривая за ним. Когда он приблизился на тридцать ярдов, они поскакали прочь. Роберт последовал за ними, и вскоре они оказались

перед тупиковой стеной ущелья. Кенготемпсы начали разбегаться. Вольф установил лучемет на половинную мощность и прицелился в одного из них.

Наверное, зверька напугало поднятое оружие. Как только Вольф выстрелил, животное исчезло, и энергию луча поглотила каменная скала.

Он выругался, пожалев заряд, и нацелил оружие в другого прыгуна. Зверь легко уклонился от выстрела и отпрыгнул в сторону. Роберт повел стволов и почти настиг добычу, но животное сделало еще один прыжок, едва увернувшись от луча. Вольф плавным движением поймал кенготемпса в прицел, однако зверек тут же исчез.

Он быстро развернулся и направил оружие на группу остальных животных. Прямо перед ним возник еще один прыгун, и Роберт чиркнул по его боку белым лучом.

Зверь мгновенно исчез; позади Вольфа послышались крики. Он оглянулся и увидел, что властители показывают на мертвое животное, которое лежало в нескольких ярдах слева от него. На шерсти кенготемпса чернели следы лучевого ожога.

Вольф заморгал от удивления. Подбежавшая Вала объяснила ситуацию:

— Он выскочил из воздуха живым и здоровым, а когда коснулся земли, превратился в мертвую, зажаренную тушку.

— Но я же не попал ни в одного, кроме последнего, — возразил он. — И зверь, которого я задел лучом, до сих пор не появился.

— Прыгун умер при выходе из временной петли, — сказала она. — Ровно за три секунды до того, как ты выстрелил в другого зверька. — Она замолчала, улыбнулась и добавила: — Хотя при чем здесь другой? Это и есть тот самый, которого ты убил. Он умер раньше, чем тебе удалось в него попасть. Или нет... ты сначала попал в него, а потом он прыгнул назад во времени.

— Ты хочешь сказать, что я убил его еще до выстрела? — тихо спросил Вольф.

— Конечно, на самом деле тут все по-другому. Но выглядело именно так. Впрочем, не знаю. Я запуталась.

— Как бы там ни было, у нас теперь есть еда, — сказал он. — Правда, не слишком много. Этот кусочек нас не насытит.

Он повернулся и прочертил лучом горизонтальную линию. Луч прошелся по скалам, приблизился к кенготемпсу и неожиданно исчез. Вольф продолжал нацеливать лучемет на зверя, но животное твердо стояло на ногах и кротко мигало большими глазами.

— Черт, заряд иссяк, — проворчал Вольф.

Он извлек силовой пакет и сунул лучемет за пояс. Оружие превратилось в бесполезный механизм, но он не собирался его выбрасывать. Вольф надеялся добить несколько заряженных пакетов в крепости Уризена.

Он велел властителям взять дубинки и продолжить охоту.

Но братья запротестовали. Слабые и голодные, они требовали свою долю пищи немедленно. И хотя мясо полуобгорело, все с жадностью набросились на него. Урчание в животах утихло. Люди немного отдохнули, набрались сил и начали новую облаву.

Они решили растянуться в широкое кольцо, а затем медленно сокращать его, пока дело не дойдет до дубинок. При их приближении звери отчаянно запрыгали. Кенготемпсы то появлялись, то исчезали из реальности... или времени. В какой-то миг их стало девять — очевидно, они одновременно прыгнули в будущее и вернулись назад. Но то, что происходило во время охоты, почти не поддавалось описанию.

Сначала Вольф без труда вел счет животным — шесть, ни одного, снова шесть, потом три, еще раз шесть, один, семь.

Вперед-назад, туда-сюда, из одного времени в другое. А властители бегали вокруг, завывая, как стая голодных волов, и размахивали дубинками, надеясь зацепить какого-нибудь прыгуна в момент его выхода из хронопрыжка. Внезапно дубинка Тармаса размозжила голову кенготемпса, который возник перед ним. Прыгун свалился, дернулся несколько раз и затих.

Из воздуха материализовались восемь зверьков. Один остался позади лежащей тушки, а остальные исчезли. В следующий момент вместо семи животных появилось восемь. Через три секунды их число сократилось до трех. Еще через три секунды на поляне оказалось девять прыгунов. Ни одного. Девять. Два. Одиннадцать. Семь. Два.

Когда их стало одиннадцать, Вольф метнул дубинку и попал в спину одного из зверьков. Удар сбил животное с ног. Вала оказалась рядом и добила прыгунов, прежде чем тот очнулся.

Число животных возросло до пятнадцати, но тут же уменьшилось до тринадцати: Ринтрак и Теотормон убили по одному кенготемпсу. Зверьки исчезали и появлялись вновь.

За минуту численность кенготемпсов резко возросла. Страшно напуганные, они носились по времени взад и вперед. Их стало двадцать восемь, потом ни одного, снова двадцать восемь, ни одного, пятьдесят шесть или около того, если только Вольф не ошибался. Конечно, точный подсчет тут был

невозможен. Но чуть позже, считая, что всякий раз их становится вдвое больше, Роберт дошел до невероятной суммы — вокруг скакали тысяча семьсот девяносто два кенготемпса.

И как бы ни хотелось властителям сократить это число, новых потерь среди животных не оказалось. Несмотря на мельтешащие орды, людям не удалось убить ни одного животного. Прыгуны сбивали их с ног, колотили со всех сторон, напрыгивали сверху, царапали, лягали, колотили лбами.

А затем зверьки в панике помчались к выходу из ущелья. Они стремительно пронеслись мимо людей, битком набились в узкий проход, но каким-то образом протиснулись в него и убежали прочь.

Избитые и расстроенные властители медленно поднимались с земли. Увидев четырех мертвых животных, они потрясенно покачали головами. Из восемнадцати сотен животных, крутившихся под самым носом, остались только четыре маленькие тушки. И что бы там ни говорила теория вероятности, им еще крупно повезло.

— По половине прыгуна на каждого — не так и плохо, — сказала Вала. — Все лучше, чем ничего. Но что мы будем делать завтра?

Этого никто не знал. Братья начали собирать дрова для костра. Вольф одолжил у Теотормона нож и принялся снимать со зверей шкуры.

Утром путешественники позавтракали остатками от вчерашнего пира, и Вольф повел их дальше. В каньоне было так же тихо, как и прежде; безмолвие нарушало лишь журчание воды в реке. Скалы в далекой вышине почти сходились друг с другом, а между ними сияло желтое небо. Иногда поодаль появлялись кенготемпсы. Роберт бросал в них камни, и однажды чуть не попал в одного. Прыгун исчез, словно растворился в воздухе, но через три секунды появился в двадцати шагах от Вольфа и быстро поскакал по тропе, будто вспомнил о каком-то важном деле.

Через пару дней после последнего завтрака властители стали все чаще посматривать на местные ягоды. Паламаброн утверждал, что скверный запах еще ни о чем не говорит и ягоды могут оказаться вполне съедобными. И даже если их вкус не очень приятен, вряд ли они ядовиты. А раз уж им все равно суждено умереть, то почему бы не отведать ягод?

— Ну так давай, — сказала Вала. — Это твоя теория и твое предложение. Чего же ты ждешь? Проглоти несколько штук!

Она злорадно усмехнулась, видя, как в нем борются голод и страх.

— Нет! — вскричал Паламаброн. — Я не стану вашей подопытной свинкой. Зачем мне жертвовать собой ради вас? Я начну есть ягоды только вместе со всеми.

— Тебе захотелось умереть в хорошей компании? — спросил Роберт. — Кончай, Паламаброн. Или покажи себя, или заткнись, как говорят земляне. Ты только тратишь наше время на споры. Либо делай дело, либо забудь об этом.

Паламаброн понюхал ягоду, которую держал в руке, и, скривив гримасу, бросил ее на скалистый грунт. Вольф пошел дальше, остальные последовали за ним. А еще через час он заметил новое боковое ответвление и отправился на разведку. Входя в ущелье, Роберт поднял круглый камень. Он хотел незаметно подкрасться к кенготемпусу и сбить его с ног, когда тот попытается скрыться.

Узкое ответвление не шло в сравнение с тем ущельем, в котором властители вели свою первую охоту. В дальнем его конце, обедая ягоды с куста, стоял единственный кенготемпус. Вольф опустился на четвереньки и медленно пополз к нему, прячась за камнями. Вольф преодолел уже половину пути, когда животное что-то заметило. Прыгун вдруг перестал жевать, сел и настороженно осмотрелся. Его нос задергался, уши завибрировали, словно телевизионные антенны при сильном ветре.

Вольф припал к земле и застыл. Голодная диета давала себя знать — от усилий и нервного напряжения он обливался потом. Ему хотелось вскочить, помчаться к прыгуну, наброситься на него, разорвать на части и съесть сырым. Он мог бы съесть его целиком, от кисточек ушей до кончика хвоста. Он переломал бы ему все кости и высосал костный мозг.

Но, преодолев голодное безумие, Роберт неподвижно распластался на земле. Он надеялся, что животное вскоре забудет о причине испуга и тогда к нему можно будет подползти поближе.

Но тут из-за скалы рядом с кенготемпусом появилось еще одно животное. Серый хищник напоминал размерами лису или койота. Длинную заостренную морду украшали волчьи уши красного цвета; сзади виднелся пушистый хвост. Пока кенготемпус смотрел в другую сторону, серый хищник припустился и прыгнул на зазевавшуюся жертву.

Но челюсти зверя поймали только воздух. Прыгун исчез, улизнув в будущее перед самой пастью врага.

Едва коснувшись земли, хищник тоже пропал из виду.

А затем перед Вольфом появились трое животных — два прыгунов и один хищник. Роберт, которому нравилось давать

имена, тут же назвал его хроноволком. Он впервые видел существо, которое по воле природы или Уризена не давало кенготемпусам перенаселять этот мир.

Устроившись поудобнее, Вольф с интересом следил за развитием событий. Пара прыгунов исчезла, затем их число увеличилось до трех. А значит, первый кенготемпус и хроноволк прыгнули в будущее, но прыгун задержался там только на долю микросекунды и вернулся. Он как бы продублировал себя, и теперь хищник гонялся за двумя прыгунами.

Звери снова растаяли в воздухе, и вскоре Роберт увидел уже четверых — двух кенготемпсов и двух хроноволков. Охота продолжалась не только в пространстве, но и в странах коридорах прошлого и будущего.

Дождавшись, когда животные вновь одновременно прыгнули в никуда, Вольф подбежал к валуну, вокруг которого росло несколько кустов, юркнул под их защиту и выглянул из-за ветвей.

Рядом с ним появились семь животных. На этот раз при выходе из будущего волк оказался позади прыгуна. Он бросился на добычу, впился зубами в шею кенготемпса — послышался громкий хруст, и жертва упала замертью.

Осталось семь живых зверей и одно мертвое. Животные носились взад и вперед.

Прыгуны исчезли. Волк отложил трапезу до лучших времен и последовал за ними. Он, видимо, не хотел оставлять их в покое.

И вновь шесть животных заметались по поляне. Внезапно два волка сцепились друг с другом, и один перегрыз другому горло.

На три секунды животных поглотило будущее. Вольф выскочил из-за кустов и замер. На этот раз он не прятался, надеясь, что неподвижная поза плюс ужас кенготемпсов и кровожадность волков на время отвлекут внимание животных, и они не заметят человека.

Из матки времени родился еще один волк — прямо какой-то партеногенез хроновиаторов.

Два волка набросились друг на друга, в это время третий хищник наблюдал за ними со стороны. Вокруг, охваченные паникой, скакали кенготемпсы.

Третий хроноволк отделился от своих сородичей, рванулся в гущу прыгунов и схватил за горло кенготемпса, который в суматохе едва не налетел на него.

Теперь на земле лежали два хроноволка и два прыгуна.

Живые звери опять исчезли. При возвращении из будущего волку удалось поймать еще одного кенготемпуса. Жертва пискнула и упала со сломанной шеей.

Роберт медленно поднялся на ноги и повернулся к паре сцепившихся хищников. Когда один из них умер, он бросил камень в победителя. Тот, должно быть, краем глаза уловил движение и тут же исчез. Камень ударился о скалу. Вскоре хроноволк вновь появился из потока времени и быстро помчался к выходу из маленького ущелья.

— Прости, что я лишил тебя законной добычи! — крикнул ему вслед Роберт. — Но ты можешь поохотиться где-нибудь еще.

Он вернулся к своим спутникам и объявил, что удача вновь улыбнулась им. Мяса шестерых животных хватило, чтобы не только наполнить животы, но и запастись еды на следующий день.

Хорошие времена длились недолго, и наступил момент, когда властители трое суток оставались без еды. Они исхудали, их щеки запали, глаза ввалились, животы прилипли к спинам. В тот день Вольф разбил их по парам и отправил на охоту. Он думал попытать счастья в одиночестве, но Вала настояла, чтобы Роберт взял с собой Луваха. Ей захотелось поохотиться самостоятельно. Он спросил ее о причинах такого решения, и сестра ответила, что не намерена оставаться наедине с голодным мужчиной.

— Неужели ты считаешь, что кто-то из нас может съесть тебя? — пошутил Вольф.

— Вот именно, — ответила она. — Ты сам знаешь, что, если нам не подвернется какая-нибудь пища, мы начнем поедать более слабых. Возможно, это и задумал Уризен. Он будет млечь от восторга, видя, как мы убиваем друг друга и набиваем животы плотью и кровью родственников.

— Тогда поступай, как знаешь, — сказал Вольф.

Вместе с Лувахом он осмотрел несколько боковых ответвлений. В одном из них они заметили стайку прыгунов, обедавших кусты. Братья терпеливо подкрадывались к ним пару часов и были уже в дюйме от успеха. Но камень, брошенный Робертом, пролетел над головой предполагаемой жертвы, и все их усилия оказались напрасными. Кенготемпусы даже не стали скрываться во времени. Они ускакали в расщелину и исчезли из виду.

Вольф и Лувах гнались по следу прыгунов, пока не взошла луна, ознаменовавшая наступление очередной голодной и бессонной ночи. Когда незадачливые охотники подошли к

месту встречи, обеспокоенные властители сообщили им, что Паламаброн и его напарник Эньен не вернулись.

— Не знаю, как остальные, — сказал Тармас, — но я слишком истощен, чтобы идти на поиски этих проклятых дураков.

— И все же нам придется идти, — ответила Вала. — Возможно, им повезло, и они теперь наедаются от пуз. Вряд ли наши братья станут делиться с нами.

Тармас выругался, но все-таки отказался от участия в поисках.

— Если им повезло, — проворчал он, — я все равно узнаю об этом по их лицам. Им ничего не удастся скрыть от меня. И тогда я убью их за эгоизм и жадность.

— Если бы тебе повезло, ты поступил бы точно так же, — сказал Вольф. — И я не понимаю, почему вы все так раскричались. Мы же не знаем, что с ними произошло на самом деле. В конце концов, это только предположение Валы. Пока нет доказательств, одних обвинений недостаточно.

Властители поворчали, поругались, но вскоре усталость и истощение взяли свое, и люди заснули тяжелым сном. Роберт тоже заснул, но что-то разбудило его посреди ночи. Ему показалось, что он услышал в отдалении чей-то крик. Вольф сел и осмотрелся. Все его спутники, кроме Паламаброна и Эньена, спали у костра.

Вала тоже проснулась и приподняла голову:

— Ты что-то услышал, брат? Или это урчание наших желудков?

— Крик раздался в верховьях реки, — сказал он, поднимаясь на ноги. — Думаю, мне надо пойти и посмотреть.

— Я с тобой, — воскликнула она. — Мне больше не заснуть. Мысль о том, что они, возможно, пируют там без нас, приводит меня в ярость и лишает сна.

— Прыгуны слишком малы для большого пира, — сказал он.

— Ты думаешь... — тихо прошептала Вала.

— Не знаю. Ты уже описала один из возможных вариантов. И по мере того как мы слабеем от голода, такая ситуация становится все более правдоподобной.

Он взял дубинку, и они пошли вдоль берега реки. Глаза без труда различали тропу: лунная ночь была похожа на сумерки. И хотя стены каньона сгущали их, света вполне хватало, чтобы уверенно продвигаться вперед.

Они увидели Паламаброна еще до того, как он их заметил. Его голова на миг показалась над валуном около стены каньона. Профиль хищного лица мелькнул и тут же исчез.

Они начали подкрадываться, прижимаясь к скале. Ветер донес до них звуки, похожие на стук камней.

— Он пытается развести огонь, — шепнула Вала.

Вольф не ответил. Он представил себе причину, которая заставила Паламаброна разводить огонь, и ему стало дурно. Роберт подполз к огромному камню, за которым находился Паламаброн. На миг его захлестнуло отвращение. Он не хотел видеть того, что сулило ему воображение.

Паламаброн сидел к ним спиной. Он склонился над кучей хвороста и колотил куском кремня о большой тяжелый камень.

Вольф с облегчением вздохнул. Тело, лежавшее рядом с Паламаброном, оказалось убитым прыгуном.

Но где Эньен?

Приподняв дубинку, Вольф тихо зашел за спину Паламаброна и громко произнес:

— Ну что, брат, попался?

Властитель вскрикнул и нырнул головой в кучу хвороста. Сделав кувырок, он вскочил на ноги и повернулся к ним лицом. В его руке Роберт увидел грубый кремневый нож.

— Это мое! — закричал Паламаброн. — Я убил зверя без вашей помощи и хочу съесть его один. Он мой! Я умру, если не съем хотя бы кусочка мяса.

— Но мы все в таком состоянии, — ответил Роберт. — А где твой кузен?

Паламаброн сплюнул и закричал:

— Эньен скотина, а не мой кузен! Откуда мне знать, куда он подевался? Почему я должен об этом волноваться?

— Ты ушел вместе с ним, — напомнил Вольф.

— Я не знаю, где он. Во время охоты мы разошлись в разные стороны.

— Нам показалось, что мы слышали крик, — сказала Вала.

— А это прыгун кричал, — торопливо произнес Паламаброн. — Да-да, прыгун. Я ведь убил его совсем недавно. Он попался мне спящим... и когда я ударил его, зверь закричал и умер.

— Странно, — с сомнением сказал Роберт.

Не спуская глаз с Паламаброна, он медленно отошел на безопасное расстояние и направился вдоль берега реки. Не пройдя и сотни ярдов, Вольф заметил руку, торчащую из-за валуна. Он обошел обломок скалы и увидел Эньена. Тот лежал с размозженным черепом, а рядом валялся окровавленный заостренный камень, которым его убили.

Роберт вернулся к тому месту, где они обнаружили Паламаброна. Вала по-прежнему стояла у валуна, но брат и кенготемпус исчезли.

— Почему ты его не задержала? — спросил Вольф.

Она пожала плечами и улыбнулась:

— Я только женщина. Не требуй от меня слишком много.

— Ты бы запросто справилась с ним, — сказал он. — Я думаю, ты захотела насладиться погоней. Но вынужден тебя огорчить — охоты на Паламаброна не будет. У нас не осталось сил осматривать здесь каждую щель. А после сытной пищи он убежит от любого из нас.

— Ну и ладно, — ответила она. — А что ты предлагаешь делать нам?

— Идти дальше и надеяться на лучшее.

— И подыхать от голода? — вскричала она. Потом указала на глыбу, за которой лежало тело Эньена: — Там хватит еды для каждого из нас.

У Вольфа даже не нашлось слов, чтобы ответить. Ему не хотелось думать об этом, но обстоятельства требовали принятия радикального решения. Вала была права. Как бы ему ни претила мысль о *такой еде*, без нее им не выжить. В некотором смысле Паламаброн оказал им любезность. Совершив убийство, он взял всю вину на себя. И теперь они могли утолить голод, не превращаясь в братоубийц. Конечно, сам факт подобной смерти вряд ли встревожит остальных. Но Вольф сошел бы с ума, если бы ему пришлось для этой цели убить человека.

Что касается еды, Роберт чувствовал лишь легкое отвращение. Голод притупил его естественный ужас перед каннибализмом.

Вала подняла острый обломок, брошенный Паламаброном, а Вольф отправился будить остальных. Когда они вернулись, она не только развела огонь, но и разрезала тело на куски. Сначала Вольф отошел в сторону, но потом решил, что, согласившись принять участие в еде, он должен разделить и долю труда. Роберт попросил у Теотормона нож и занялся разделкой тела. Другие предлагали свою помощь, но он отказывался от нее. Выполняя самую грязную работу, он как бы нес искупительное наказание.

Когда мясо поджарилось, или, вернее, полупрожарилось, Роберт взял свою порцию и укрылся за валуном. Он чувствовал, что его может стошнить. Вольф знал, что, если он увидит за едой других властителей, его вывернет наизнанку

И Роберт от души надеялся, что в одиночестве ему не будет так плохо.

Рассвет застал их за трапезой; в путь они тронулись только к полудню. Оставшееся мясо властители завернули в листья и забрали с собой.

— Если Уризен наблюдал за нами, — заметил Вольф, — он, должно быть, неплохо повеселился.

— Пусть веселится, — сказала Вала. — Когда-нибудь придет и моя очередь.

— Твоя? Ты хотела сказать, наша?

— Вы можете делать все, что вам угодно. Меня же интересует то, что сделаю я.

— Вполне типично для властителей, — бесстрастно прознес Вольф.

Он еще долго следил за ней, удивляясь ее жизнеспособности. Конечно, основательно подкрепившись, можно было шагать так быстро. Но откуда этот румянец на щеках и такая сила в теле? Вопрос показался ему интересным. Даже тогда, когда все отчаянно голодали, она не страдала, как остальные, и не выглядела истощенной.

«Если кому и удастся выжить, а затем вцепиться в глотку отца, то это будет Вала, — подумал Вольф. — О Боже, не дай мне отстать от нее, — молился он. — Я почти забыл о мести Уризену. Мне бы только спасти Хрисейду».

ГЛАВА 12

Мясо кончилось, а еще через сутки тропа наконец вывела путешественников из каньона. Перед ними начинался длинный пологий склон, а ниже расстилалась равнина, уходящая до самого горизонта. В четверти мили от горы находился небольшой холм, на котором виднелись два гигантских шестигранника.

Заметив долгожданную цель, люди застыли на месте.

— Я предлагаю побыстрее пройти через какие-нибудь врата, — сказал Вольф. — Возможно, на той стороне мы найдем что-то съедобное.

— А если нет? — спросил Тармас.

— Лучше погибнуть, прорывая оборону Уризена, чем медленно умирать от голода. А в данный момент наши дела выглядят... — Он замолчал, понимая, что властители и без того чувствуют себя не лучшим образом.

Спутники вяло последовали за ним к подножию золотых, украшенных драгоценными камнями сооружений. Роберт повернулся к Вале:

— Сестра, окажи нам честь и выбери врата. Но поспеши. Я чувствую, что мои силы на исходе.

Она подняла камень и, повернувшись спиной к шестиугольникам, бросила его через голову. Тот влетел в правый гексакулум, едва не ударившись о перекладину.

— Так тому и быть, — объявил Роберт. — Он осмотрел остальных и усмехнулся. — Ну что, ребята! Бравые властители, а вернее, бродяги! Готовьте к бою дубины, сломанный меч, нож и мышцы, дрожащие от слабости. Подтяните жизни, скулящие от голода. Когда еще крепость властителя атаковала такая жалкая компания?

Вала засмеялась:

— Но у тебя-то, Ядавин, осталось немного мужества. А это что-нибудь да значит.

— Надеюсь, что так, — отозвался он.

Вольф разбежался и, прыгнув в правые врата, оказался под темно-голубым небом. Земля, на которую он приземлился, немного проседала под ногами. Плоскую местность разнобразило несколько крутых холмов — таких шероховатых и темных, что они выглядели скорее как нарости, чем как геологические образования. Его сомнения усиливал и тот факт, что поверхность под ним не походила на землю. Она была коричневой, гладкой и испещренной маленькими отверстиями. Из каждой дыры рос тонкий и трубчатый стебель в фут высотой.

«Словно кожа гиганта», — подумал он.

Единственной так называемой растительностью являлись редкие деревья около сорока футов в высоту, с тонкими стволами и ровными заостренными ветвями, которые тянулись вверх под углом в сорок пять градусов. Ветви отличались более темной окраской, чем шафрановые стволы, и их местами покрывали лезвиеобразные листья не менее двух футов в длину.

Через минуту из врат начали выходить остальные властители. Вольф повернулся к ним и язвительно сказал:

— Я рад, что не нашел ничего, с чем не мог бы упрашиваться без вашей помощи.

— Они надеялись, что врата на этот раз приведут в крепость Уризена, — объяснила Вала.

— И ждали, что я приму на себя удар первых ловушек, — добавил Роберт. — Решили пожертвовать мной, чтобы пожить на пару минут дольше?

Властители молчали. Вольф с упреком посмотрел на Луваха — щеки того покраснели.

Роберт проверил врата, но их, видимо, уже отключили, либо они действовали только в одну сторону.

Чуть дальше он увидел длинную черную линию, которая могла оказаться берегом озера или моря. Этот мир, в отличие от предыдущего, не имел указателей направления, в котором им следовало двигаться. Однако с той части склона, куда выводили врата, он заметил два шершавых темных холма, стоявших неподалеку друг от друга. Они могли служить своеобразным знаком, установленным Уризеном. Но правильность любой догадки проверяется только действием. Поэтому Вольф принял решение без колебаний.

Он зашагал по слегка пружинящей почве. Остальные поспешили следом. Рядом мелькнула тень, и все посмотрели вверх. Белая птица с красными лапами превосходила размерами стервятника. На обезьяньей мордочке вместо носа торчал загнутый крючком птичий клюв. Она пролетела так низко, что Лувах не удержался и бросил в нее дубинку. Толстая палка задела яркий разноцветный хвост. Птица негодящё вскрикнула и быстро набрала высоту.

— Мне кажется, на дереве есть гнездо, — сказал Роберт. — И, возможно, мы найдем там яйца.

Лувах побежал вперед, чтобы подобрать дубинку, но вдруг резко остановился. Вольф взглянул туда, куда он указывал.

Почва покрылась рябью. По ней пошли волны в дюйм высотой, приближаясь к дубинке. Лувах развернулся, собираясь убежать, но передумал, метнулся к палке и поднял ее. Прямо за ним земля вспухла, вздыбилась и понеслась вперед, словно штормовая волна.

Вольф закричал. Лувах оглянулся и стремительно бросился в сторону, пытаясь уклониться от надвигавшегося вала. Роберт помчался за движущимся гребнем, еще не зная, чем помочь брату, но рассчитывая на какой-нибудь случай.

Внезапно волна исчезла. Роберт и Лувах остановились. Вдруг Вольф почувствовал, как земля вздулась прямо у него под ногами, и увидел другую волну, которая поднялась в десяти шагах от Луваха. Братья повернулись и бросились бежать. Но то, что находилось у них под ногами, гналось за ними следом.

Они поспешили к вратам, надеясь, что там почва окажется более устойчивой.

Братья добрались до безопасного места как раз вовремя. Поверхность склона за их спинами внезапно провалилась, и возникла широкая и мелкая дыра, которая начала сужаться и углубляться. А когда стенки сблизились друг с другом, раздался чавкающий звук, и процесс пошел в обратную сторону

Яма расширилась, стенки разгладились, почва стала такой же ровной, как и раньше, только тонкие ростки в фут высотой продолжали подрагивать.

— О, Лос! Что же это было? — вскрикивал Лувах снова и снова.

Он побледнел от страха. На его лице темной чертой проявилась дорожка веснушек.

Роберт тоже чувствовал себя неважно. Колебания почвы под ногами напоминали сильное землетрясение. И он подозревал, что его первая догадка могла оказаться печальной истиной.

Кто-то вскрикнул за его спиной. Вольф оглянулся и увидел Паламаброна, который безуспешно пытался ускользнуть в гексакулум, из которого только что вышел. Очевидно, он следил за ними по пятам, а потом какое-то время ждал по ту сторону врат. Решив, что они удалились на значительное расстояние, он прошел в шестигранник и попал в ту же ловушку, что и остальные.

Но его ожидало кое-что похуже, и у Роберта появилось несколько идей по этому поводу. Он растолкал братьев, которые навалились на Паламаброна, и велел им оставить его в покое. Они неохотно повиновались и отошли от лежавшего на земле дрожащего властителя.

— Паламаброн, — сказал Вольф, — ты нарушил перемирие и убил нашего брата. За это мы приговариваем тебя к смерти.

Осознав, что ему не грозит немедленная расправа, Паламаброн набрался мужества. Возможно, он надеялся заслужить прощение и тем самым сохранить свою жизнь.

— По крайней мере, я не ел моего брата, как вы! — закричал он. — Да, мне пришлось его убить, но он напал на меня первым!

— Ты ударил Эньена сзади! — возразил Роберт.

— Я сбил его с ног! — кричал Паламаброн. — Он начал подниматься, и мне ничего не оставалось, как проломить ему череп. Разве я виноват, что он подставил затылок? Неужели я должен был ждать, пока он повернется ко мне лицом?

— Теперь нет смысла говорить об этом, — оборвал его Вольф. — Ты можешь уходить. Мы не хотим пачкать руки твоей кровью. Но мы требуем, чтобы ты ушел немедленно. Иначе никто из нас не будет чувствовать себя в безопасности, засыпая по ночам или поворачиваясь к тебе спиной.

— Вы разрешаете мне уйти? — удивился Паламаброн. — Но почему?

— Довольно болтать! — рявкнул Вольф. — В твоем распоряжении десять минут, а потом тебе уже никто не поможет. Так что лучше уходи. Время пошло.

— Нет, подождите, — встревожился Паламаброн. — В этом есть что-то подозрительное. Я никуда не пойду!

Вольф подал знак:

— Вперед! Убейте его!

Паламаброн завопил и бросился бежать. Пробежав ярдов тридцать, он начал спотыкаться — видимо, голод и одиночество лишили его сил. Обернувшись несколько раз, он понял, что погони нет, и устало перешел на шаг.

Почва позади него взбухла и взметнулась вверх, пока не достигла высоты в два человеческих роста. В тот миг, когда она, закручиваясь, нависла над своей жертвой, Паламаброн еще раз оглянулся. Увидев гигантскую волну, которая настигала его, он захлебнулся в диком крике и бросился бежать. Волна опала, почва содрогнулась, и Паламаброн не удержался на ногах. Но тут же вскочил и, шатаясь, побежал дальше.

Прямо перед ним раскрылась дыра. Вскрикнув, он круто свернул вправо. Ужас придал ему сил. Дыра исчезла — и снова появилась перед ним. И вновь ему удалось спастись, отпрыгнув в сторону.

Навстречу поднималась еще одна волна. Он попытался повернуть, но поскользнулся и упал. Перекатившись по земле, Паламаброн хотел встать и снова оступился. Огромный вал, возникший позади него, достиг такой высоты, что скрыл беглеца от глаз властителей. На миг волна застыла, ее края слегка завибрировали — а потом она медленно опала, и равнина вновь стала плоской, за исключением пологого холмика в шесть футов длиной.

— Эта штука сожрала его! — вскричала Вала.

Она дрожала от возбуждения, широко раскрытые глаза излучали восторг, в уголке рта повисла струйка слюны, язычок нервно бегал по губам.

— Похоже, что наш отец создал настоящего монстра, — произнес Роберт. — И я не удивлюсь, если вся планета покрыта кожей этого... вельтира.

— Кого? — спросил Теотормон.

Его глаза остекленели от ужаса. В ядовитом мире прыгунов он страдал от голода больше всех. Кожа и так обвисла на нем складками, но, судя по виду, за две последние минуты Теотормон потерял не меньше пятидесяти фунтов.

— Вельтири — мир-зверь. Я взял это название из земной, а точнее, германской мифологии.

«Планета, покрытая кожей, — подумал он. — Или, может быть, не кожей, а амебой размером с целый континент, которая растянулась по всей поверхности». Эта идея испугала его.

Тем не менее кожа существовала — сей факт Вольф отрицать не мог. Но как она до сих пор не умерла от голода? Миллионам тонн протоплазмы необходима пища. Возможно, она поедает животных, но вряд ли они водятся здесь в таком количестве, чтобы удовлетворить ее аппетит.

Вольф решил выяснить этот вопрос, как только представится возможность. Он был любопытен, как обезьяна или сиамский кот. Его ум постоянно оценивал, размышлял, рассчитывал и анализировал. Он не мог успокоиться, пока не находил решения или не узнавал причины.

Роберт подсел к остальным и погрузился в раздумья. Все властители, кроме Валы, расположились на отдых. Она же, двигаясь осторожно и внимательно, уходила из «безопасной зоны» все дальше. Наблюдая за ней, Вольф понял, что задумала сестра. И как он сам не догадался? Вала шла, избегая соприкосновений с волосками, которые тянулись из пор кожи. Пройдя по кругу радиусом в двадцать пять ярдов, она вернулась к вратам, но смертоносная рябь так и не появилась. Кожа ни разу не дрогнула.

Вольф встал и восхищенно произнес:

— Ты молодец, Вала. Я потрясен. Значит, эта тварь — как ты ее ни назови — обнаруживает добычу по сигналам, идущим от щупальца, или волосков. Если мы будем продвигаться с предельной осторожностью, то можем пересечь эту местность. Но меня тревожат те горки. Как нам их одолеть?

Он указал на видневшиеся вдали роговые нарости, похожие на холмы. У их основания волоски росли очень густо, а за ними вообще устилали землю сплошным ковром.

Вала пожала плечами:

— Не знаю.

— Ладно, подойдем поближе, а там видно будет, — сказал он.

Вольф пошел вниз по склону, осторожно обходя чувствительные усики. Властители гуськом следовали за ним, и только Вала шла справа от Роберта на расстоянии пяти-шести ярдов.

— Трудновато будет охотиться в таких условиях, — произнес Вольф. — Придется одним глазом следить за волосками, а другим высматривать добычу. Ситуация — хуже не придумаешь.

— Я бы на твоем месте так не переживала, — засмеялась она.

— Может быть, тут вообще нет зверей.

— В существовании одного из них я уверен, — ответил Вольф.

Вала недоуменно взглянула на него, но он не пожелал объяснить смысл своих слов и направился к дереву, на ветвях которого заметил гнездо. Круглая кучка из веток и листьев около трех футов в поперечнике покоялась на стыке ствола и массивного суха. Ветки гнезда крепились друг к другу каким-то клейким веществом.

Вольф шагнул между двумя чувствительными усиками и на всякий случай постучал дубинкой по стволу. Взобравшись до середины дерева, Роберт осмотрелся и увидел на одном из холмов-наростов верхние перекладины двух шестигранников. Оказавшись под гнездом, Роберт покрепче прижался к стволу, просунул руку сквозь сучья и, вытащив два больших яйца, бросил их Вале. Яйца, раза в два крупнее индюшиных, имели странную окраску из зеленых и черных пятен.

В тот же миг его атаковала птица. Более крупное, чем у стервятника, тело покрывал белый пух с голубоватыми полосками. На обезьяньей морде торчали волчьи уши, ястребиный клюв и огромные острые клыки. Парад нелепостей завершали крылья летучей мыши, хвост археоптерикса и лапы грифа.

Сложив крылья, она помчалась к нему и едва не нанесла удар. Подлетев к дереву, птица с треском раскрыла крылья и издала крик, похожий на звук при распиливании железа. Скорее всего она пыталась ошеломить своего врага, но это ей не удалось. Роберт разжал руки и съехал по стволу. Над ним раздался треск и еще один крик, полный разочарования и паники, — птица промахнулась и врезалась в гнездо. По-видимому, она намеревалась вцепиться в тело Вольфа и в порыве ярости не рассчитала скорости.

Роберт слетел на землю и покатился кубарем, не в силах избежать соприкосновения с чувствительными усиками. Он вскочил на ноги и попал под град склеенных сучьев и листьев, которые посыпались из разоренного гнезда. Вольф отпрыгнул в сторону и успел уклониться от падающего тела полуоглушенной птицы. Инстинктивно раскрыв крылья, она замедлила падение, и удар о землю не причинил ей большого вреда.

К тому времени земля-кожа получила сигнал от волосков. Их потревожил не только Вольф, но и властители, суетливо отбежавшие назад при падении Роберта.

— Все к дереву! — закричал Вольф.

Вале его совет не понадобился — она уже карабкалась по стволу. Он полез вслед за ней и вдруг почувствовал, как острые, словно раскаленные добела крюки, когти впились ему в спину. Летающая тварь, ожив, атаковала снова. Роберт свалился с дерева. Падая, он зацепился ногой за ствол и приземлился на спину, но на свое счастье придавил собой птицу, иначе удар мог оказаться очень сильным.

Быстро прия в себя, Вольф скатился с пернатой хищницы, вскочил и пнул ее по ребрам. Коричневый клюв твари раскрылся, обнажая два острых клыка, покрытых слюной и кровью. Роберт ударила ее еще раз, повернулся к дереву, но его тут же сбили с ног два властителя, которые совсем обезумели от паники. Тармас наступил ему на голову и уцепился за нижнюю ветвь. Ринтрак стащил его вниз, оттолкнул и начал карабкаться по стволу. Тармас свалился на Вольфа, который в этот момент поднялся было на четвереньки.

Сидя на ветке у самой макушки дерева, Вала заливалась истерическим смехом. Она хотела и хлопала себя по бедрам. Вдруг ее голос превратился в визг: сорвавшись с ветки, Вала полетела вниз, сломала несколько сучьев, перевернулась в воздухе, рухнула неподалеку от ствола и потеряла сознание.

Теотормон перепугался больше всех. Несмотря на потерю многочисленных фунтов жира, он никак не мог забраться на дерево. Его плавники скользили по стволу, он раз за разом срывался, то и дело оглядывался назад и что-то жалобно бормотал:

Роберту наконец удалось подняться на ноги. Вокруг него — вернее, вокруг дерева — кожа ходила ходуном. Она вздымалась бушующими волнами, которые преследовали Луваха и Аристона. Оба брата бегали кругами сломя голову. Страх наполнил силой их слабые, изможденные тела. Но земная плоть поднималась все выше, и огромный вал уже настигал беглецов, нависая над их головами. Впереди появлялись все новые и новые волны, а ямы под ногами становились все глубже и глубже.

Внезапно Лувах и Аристон пробежали мимо друг друга. Два шквала бугров и впадин, которые преследовали каждого из них, столкнулись с мощным чавкающим звуком. А затем Вольфа ошеломил хаос метаний, взлетов, ударов и глотательных движений протоплазмы. То, что происходило вокруг, напоминало скопление гигантских водоворотов.

Не получив новых сигналов для переориентации, кожа потеряла Луваха и Аристона. Они побежали к дереву, но в панике никак не могли на него взобраться. Пока испуганные

братья отталкивали друг друга, Вольф поднял тело птицы и щвырнул его как можно дальше. Оно упало на приближавшуюся опухоль, и, соприкоснувшись с тушей, волна мгновенно улеглась. Вокруг тела тут же образовалась выемка. Она медленно углубилась, затем затянулась толстой пленкой. Края дыры закрылись, и на месте погребения остался лишь небольшой бугорок с неровным швом.

Вольф пожертвовал птицей, которую хотел сохранить для еды. Поверхность вокруг дерева выровнялась и, дернувшись несколько раз, неподвижно застыла, словно действительно была земной твердью. Вольф обошел ствол и помог Вале подняться. Она села, тяжело переводя дыхание, и ее лицо исказилось от боли. Кожа спружинила, удар оказался не таким уж и сильным, но она ушибла плечо, лицо и не могла шевельнуть рукой.

Роберту показалось, что больше всего пострадало ее чувство собственного достоинства. Она проклинала властителей, называя их кучкой трусливых дураков и самцами, достойными лишь рабской доли. Мужчины рассердились. Они знали, что она права, и многим было на самом деле стыдно. Но властители не собирались признавать истинность ее слов.

Ситуация показалась Вольфу настолько забавной, что он захохотал, но, почувствовав боль в спине, со стоном выпрямился. Он забыл о ранах, нанесенных когтями летающего зверя. Лувах осмотрел спину брата и пощелкал языком: из ран сочилась кровь.

— Скоро она уймется, — сказал он, — но возможна инфекция, ведь у нас нет никаких лекарств.

— Ты очень любезен, — проворчал Вольф. — А что с яйцами?

Оказалось, что одно яйцо разбилось и его содержимое размазалось вокруг дерева, а второго не нашли — вероятно, его проглотила кожа.

— О, Лос! — застонал Аристон. — Что же нам теперь делать? Мы умираем от голода, потеряли последнее яйцо и рискуем быть поглощенными чудовищной землей, если отойдем от дерева. Отец почти погубил нас, а мы так и не приблизились к его крепости.

— Да, — согласился Роберт. — Вы, повелители и создатели вселенных, довольно жалкие существа, когда вас лишают оружия. Но я скажу вам еще одну земную поговорку. Запомните ее, братья: безвыходных ситуаций не бывает. А по поводу нашей гибели — это еще бабушка надвое сказала.

— Какая бабушка? Где? — оживился Теотормон. — Я бы сейчас мог съесть дюжину бабушек.

Вольф поднял глаза к небу и ничего не ответил. Он велел всем залезть на дерево или спрятаться за ствол. Взяв у Теотормона нож, Роберт отошел на несколько шагов, присел на корточки и изо всех сил воткнул лезвие в кожу. Убедившись в том, что она эластична и способна создавать различные псевдоформы, он хотел выяснить, насколько она уязвима.

Роберт выдернул нож, встал и отошел на десяток шагов. В коже появилась дыра, похожая на конус, и превратилась в кратер. Вольф терпеливо ждал. Вскоре кратер уменьшился, разровнялся, и дыра исчезла. Вместо крови появилась то-ненькая струйка бледной жидкости.

Избегая чувствительных волосков, Роберт снова подошел к этому месту. Он быстро проткнул кожу, вырезал кусок дрожащей плоти и отбежал к дереву. И вновь протоплазму охватило бурей форм — взметнулись волны, замелькали кратеры, гребни и быстрые водовороты, из которых вскипали винтообразные столбы. Но прошло время, и все улеглось.

— Кожа вокруг дерева кажется более крепкой и менее податливой, чем на расстоянии, — заметил Вольф. — Думаю, здесь мы находимся в безопасности, хотя кожа может слопать нас, смыв... приливной волной. Но мы ее тоже попробуем.

Властители по очереди отбегали от дерева и вырезали куски кожи. Сырая плоть оказалась жесткой, скользкой от сукровицы и дурно пахла, но ее можно было жевать и глотать. Набив желудки, путешественники почувствовали себя лучше, и это прибавило им оптимизма. Некоторые отправились спать, а Вольф решил прогуляться к берегу. Вала и Теотормон пошли вместе с ним. Увидев, что они уходят, Лувах тоже присоединился к компании. У воды поверхность резко обрывалась. Чувствительные усики здесь почти отсутствовали. Спутники Роберта немного расслабились, а он подошел к краю и заглянул в воду. Мир погружался в сумерки, но вода оказалась такой прозрачной, что можно было видеть, что происходит в глубине.

У самого берега плавало множество рыб различных форм, размеров и расцветок. Наблюдая за ними, Вольф увидел, как какое-то длинное, тонкое, белесое щупальце, появившееся из-под края кожи, схватило большую рыбку. Та забилась, но ее быстро втянуло под край берега. Роберт встал на четвереньки и склонился над водой, пытаясь рассмотреть существо, которому досталась добыча. Край берега, на котором он стоял, выдавался в воду довольно далеко, но Вольф так и не заметил основания почвы. Вместо него крутой откос усеивала масса

извивавшихся щупалец, многие из которых тянулись за рыбами. Щупальца виднелись насколько хватало глаз и терялись в непроглядной бездне. Вскоре еще одно из них втянулось, вытащив из глубины гигантскую рыбу.

Вольф торопливо убрал голову, потому что ближайший отросток выполз к самому краю и устремился вверх к его лицу.

— А я-то думал, как этот монстр добывает себе пищу? — воскликнул Вольф. — Значит, он питается морскими обитателями. Я готов поспорить, что животное, на котором мы стоим, — огромное плавающее чудовище. Как и острова в мире воды, оно свободно плавает по океану.

— Конечно, это интересный факт, — сказал Лувах, — но как он нам поможет?

— Сейчас мы должны позаботиться о еде, — ответил Вольф. — Теотормон, ты плаваешь лучше всех. Не мог бы ты прыгнуть в воду и немного поплавать у берега? Но будь готов выскочить в любую секунду. Выпрыгивай очень быстро, как тюлень.

— Но почему я? — возмутился Теотормон. — Ты же видел, как эти щупальца хватают рыбу.

— Мне кажется, они хватают добычу вслепую. По-видимому, отростки улавливают вибрации в воде, но ты достаточно быстр, чтобы ускользнуть от них. К тому же щупальца у самого края небольшие.

Теотормон покачал головой:

— Нет, я не хочу рисковать жизнью ради твоих догадок.

— Ты погибнешь с голоду, если не сделаешь этого, — настаивал Роберт. — Мы больше не можем вырезать куски кожи вокруг дерева. Она становится слишком раздражительной.

Он указал на жирную и вялую рыбу, которая всплыла к самой поверхности. Ее голова немного напоминала сфинкса.

— Неужели ты не хотел бы вплиться в нее зубами?

Теотормон слегкотонул слону, в животе у него заурчало, но он не сдвинулся с места.

— Ладно, давай свой нож, — сказал Вольф.

Теотормона охватил дух противоречия, но, прежде чем он успел дотянуться до рукоятки корявыми пальцами ноги, Роберт выхватил оружие из ножен и, разбежавшись изо всех сил, нырнул как можно дальше в воду. Рыба вильнула хвостом и метнулась в сторону. Она плыла медленно, но в руки не давалась. Но Вольф и не собирался ловить рыбу. Он хотел узнать, потянутся ли к нему щупальца, почувствовав вибрацию всплеска и гребков.

Одно из них выползло из-под края. Извиваясь, словно змея, оно выросло из мясистого основания, к которому крепилось широкой частью, и потянулось за человеком. Опустив голову в воду, чтобы следить за тем, что там происходит, Роберт поплыл к берегу. Увидев, что щупальце быстро движется навстречу, он вытянул руку и схватил кончик отростка. Щупальце могло оказаться таким же ядовитым, как у медузы, но Вольф отбросил эту возможность, поскольку рыба, которую схватил другой отросток, отчаянно вырывалась из колец белесой плоти и не выказывала никаких признаков отравления.

Щупальце изогнулось, сложилось петлей и обхватило кисть руки. Роберт отпустил кончик присоски, развернулся и схватил отросток на расстоянии двенадцати дюймов от своего запястья. Как только он начал отрезать ножом легко поддающуюся плоть, щупальце сократилось, задергалось и стало тянуть его к краю. Он упорно продолжал кромсать его. Вода потемнела — Вольфа все больше затягивало за край. Но нож рассек плоть до конца, и Роберт поплыл назад, зажав в зубах отрезанный кусок.

Он бросил добычу на берег и начал выползать на сушу, но что-то схватило его за правую ногу. Вольф оглянулся и увидел, что его держит другое щупальце с пастью на конце. Пасть была беззубой, но достаточно сильной и крепко держала его за ступню. Он вцепился руками за край берега и закричал:

— Помогите мне!

Теотормон сделал несколько шагов и остановился. Вала заливалась хохотом, не сводя возбужденных глаз с толстого отростка. Лувах выхватил сломанный меч из ее ножен и нырнул в воду. Не переставая смеяться, Вала последовала вслед за ним. Она вынырнула, вырвала у Вольфа кинжал и снова скрылась под водой. Совместными усилиями они быстро отрезали щупальце в нескольких футах от пасти. Роберт выбрался на сушу и выпутался из ампутированного отростка, который накрепко присосался к его ноге.

Два куска плоти съели после того, как хорошенько поколотили их о ствол дерева. Мясо стало немного мягче, но все равно напоминало резину. Тем не менее в животах владельцев появилась пища.

Чуть позже они осторожно пересекли равнину и остановились у первого нароста, где волоски росли густыми пучками. В полумиле от них, на вершине высокого нароста, виднелась пара золотых шестиугольников.

Вольф принес с собой ветвь, которую Вала сломала, падая с дерева, и, размахнувшись, бросил ее изо всех сил в густые

заросли волосков. Поверхность мгновенно пришла в движение. Волны ряби бушевали более яростно, чем там, где волосков было меньше. Кожу буквально штормило.

— О, Лос! — воскликнул Аристон. — Все кончено. Мы никогда не прорвемся к вратам. — Он поднял кулак к небесам и закричал: — Ты слышишь, отец! Я ненавижу тебя! Ты мне отвратителен, и я проклинаю тот день, когда судьба выплеснула меня из твоего гнусного лона! Ты можешь считать, что поимел нас, куда хотел! Но клянусь Лосом и кривым Энитормоном, мы еще доберемся до тебя!

— Вот это уже по-мужски, — заметил Вольф. — Я был думал, что ты собираешься заскулить, как больная собака. Давай, скажи этому ублюдку все, что думаешь! Возможно, он действительно слышит нас.

Задыхаясь от злости и по-прежнему сжимая кулаки, Аристон отвернулся и проворчал:

— На проклятия у меня смелости хватит. Но хотел бы я знать, что мы будем делать дальше?

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил Вольф, оглядывая спутников.

Владители покачали головами.

— Где же ваша дьявольская ловкость и хитрость проворной ласки, которыми так славятся дети Уризена? — укоризненно произнес Роберт. — Я слышал легенды о каждом из вас — о том, как вы нападали на крепости многих владельцев, отнимая целые вселенные одной лишь силой разума. Что же с вами происходит?

— Все они храбрецы и умники, когда вооружены до зубов, — ответила Вала. — Но мне кажется, они еще не оправились от потрясения, после того как наш папочка с неимоверной легкостью прибрал их к рукам и лишил привычных механизмов. Без них они перестали быть владельцами. Теперь это только мужчины, причем довольно жалкие мужчины.

— Мы все очень устали, — сказал Ринтрак. — Мои мышцы болят и горят огнем. Они обвисли и дрожат, словно я нахожусь на планете с большой силой тяжести.

— Мышцы? — воскликнул Вольф. — Мышцы!

Он повел всех обратно к дереву. Несмотря на боль в израненной спине, возникавшую при каждом движении, Роберт работал не покладая рук. Братья дружно помогали ему, и вскоре каждый из них набрал по большой охапке веток. Они вернулись к краю густой поросли волосков и начали по очереди бросать сучья, стараясь закинуть их подальше. Кожа взбесилась. Она бушевала, как море во время шторма. Волны, кратеры и рябь сменяли друг друга в неистовой пляске.

Однако постепенно яростные движения затихали, и, когда запас ветвей подошел к концу, кожа уже почти не реагировала на удары. Последний сук вызвал лишь появление мелкого углубления и слабую, быстро пропавшую волну.

— Теперь она тоже устала, — сказал Вольф. — Но мы не знаем, как быстро она восстанавливает силы, поэтому я предлагаю поспешить.

Он быстро зашагал вперед. Поверхность колыхалась и горбилась. Вокруг появились широкие дыры в три-четыре дюйма глубиной. Вольф обошел их и бросился бежать. Он бежал до тех пор, пока не достиг подножия нароста, который ничем не отличался от первого, мимо которого они проходили, и казался огромной бородавкой на коже великана. Его склоны возвышались над поверхностью почти перпендикулярно, но на них было множество складок, и властители, цепляясь руками и ногами, одолели тяжелый подъем и выбрались на широкую и плоскую вершину.

— Право выбора снова предоставляется тебе, Вала, — сказал Вольф. — Какие врата ты нам укажешь?

— Она ни разу не угадала! — воскликнул Аристон. — Почему все время выбирает сестра?

Вала набросилась на него, как тигрица:

— Если ты, братец, считаешь себя более удачливым, пожалуйста, выбирай сам! Но тогда мы попросим тебя войти в выбранные врата первым!

Аристон отступил и отмахнулся.

— Ладно, ладно. Не будем нарушать сложившихся традиций.

— Ах, это стало уже традицией? Хорошо, я выбираю левый гексакулум.

Вольф знал, что на сей раз они могут оказаться в крепости Уризена, но, несмотря на слабость от голода и отсутствие оружия, без колебаний прошел через врата.

Поначалу он не мог понять, где находится и что происходит. При виде странных предметов, которые проносились над ним, у Роберта закружилась голова.

ГЛАВА 13

Он стоял на огромном сером металлическом цилиндре, который вращался с огромной скоростью. Над его головой и вокруг при каждом обороте на фоне бледно-розового неба появлялись все новые и новые цилиндры.

Между каждой парой продолговатых объектов возникало три пылающих луча лиловато-красного цвета. Два из них

начинались в десяти шагах от концов цилиндра, а третий вспыхивал из середины. Время от времени по лучам пробегали разноцветные огоньки, то вверх, то вниз. Они вспыхивали, как сигнальные ракеты, красным, оранжевым, черным, белым и пурпурным цветами, затем проскачивали по лучам, словно их дергали за невидимые нити. Удаляясь на двенадцать футов от цилиндов, они ярко вспыхивали и быстро угасали.

Вольф прикрыл глаза, преодолевая головокружение и тошноту. Когда он снова открыл их, рядом стояли остальные властители. Аристон и Тармас тут же упали, прижимаясь к поверхности всем телом. Теогормон сел, словно испугался, что сила вращения оторвёт его от металла и швырнет в пространство между движущимися цилиндрами. И только Бала оставалась безучастной. Она улыбалась, но ее мужество, скорее всего, было показным.

И тем не менее она заслуживала восхищения.

Осматривая цилинды, каждый из которых напоминал размерами небоскреб, Роберт тщательно изучал окружающую обстановку.

Он не понимал, почему центробежная сила не сбрасывает их с цилиндра, ведь тела людей не обладали значительной массой. Но они оставались на поверхности.

Конечно, Уризен мог установить баланс сил, который позволял объектам с такой большой, как у цилиндов, массой не падать друг на друга. И, возможно, разноцветные огоньки, пробегавшие по лучам, служили признаком непрерывно возобновляющегося равновесия.

Вольф понятия не имел, какой статике и динамике подчинялись небольшие, но тяжелые небесные тела, не уступавшие по весу Земле. Наука, унаследованная властителями, выходила за рамки того, что знали земляне.

Вокруг мелькали тысячи, даже, вероятно, сотни тысяч подобных цилиндов. Сохраняя между собой интервалы в одну милю; они вращались вокруг оси и медленно перемещались друг относительно друга в сложном и запутанном танце.

«Издалека, — подумал Вольф, — отдельные тела выглядят сплошной монолитной массой». Очевидно, это одна из планет, за которыми он наблюдал из мира воды.

Каким бы отчаянным ни казалось их положение, оно имело одно преимущество. В каждом мире им полагалось отыскать очередную пару врат. На относительно небольшом цилиндре это не должно составить труда, хотя вряд ли Уризен сделал их путь настолько легким.

Роберт вернулся к вратам и вошел в них. Его ожидания оправдались — пройдя через гексакулум, он оказался на краю цилиндра. Вольф снова шагнул в шестигранник — и вышел с другой стороны. Попытка оказалась бесплодной, и тогда он принял искушение искать новые врата, обходя цилиндр по окружности. Преодолев половину пути, Вольф увидел два шестиугольника.

Они находились у самого края и висели в нескольких дюймах над поверхностью. Между нижними перекладинами врат и цилиндром розовой полосой поблескивало бледное небо. Вольф позвал своих спутников и направился к шестигранникам, стараясь не смотреть на пляску объектов над головой.

Вольф шел впереди и поэтому первым заметил неожиданное перемещение гексакулумов-близнецовых. Когда он приблизился к ним на пятьдесят футов, они начали отодвигаться. Он пошел быстрее, но врата продолжали оставаться на том же расстоянии. Роберт побежал — шестиугольники стали двигаться быстрее, но он понемногу начал сокращать расстояние. Вольф остановился — врата застыли на месте. Он бросился к ним — и они тут же пришли в движение. Роберт побежал быстрее и снова выиграл несколько футов.

Владельцы бежали следом. Тонкий слой атмосферы заполнился топотом ног и тяжелым дыханием людей. Вольф снова остановился. Врата по-прежнему висели в пятидесяти футах от него. Все, кроме Валы, собрались вокруг Роберта, и кто-то заголосил:

— О, Лос! Сначала Уризен едва не уморил нас голодом... а теперь решил загонять до смерти.

Переведя дух, Вольф возбужденно сказал:

— Мне кажется, их можно поймать. Они начинают двигаться медленнее, когда я наращиваю темп. Тут есть какая-то пропорциональная зависимость. Но у меня не хватает скорости и сил, чтобы ухватиться за перекладину. Кто из нас самый быстрый?

— На короткой дистанции я мог бы обогнать любого из вас, — сказал Лувах. — Но сейчас я устал, ослаб и...

— И все-таки попробуй, — попросил Вольф.

Лувах неуверенно улыбнулся и направился к вратам. Паря над поверхностью, они начали удаляться. Он стремительно бросился к ним и вскоре скрылся за дугой цилиндра. Вольф повернулся и побежал в обратную сторону. Вала поспешила следом. Невероятно близкий горизонт метнулся навстречу, Роберт понесся изо всех сил — и увидел Луваха, который преследовал врата. Ему оставалось до них около десяти

футов, но он уже устал и постепенно замедлял темп. Его ноги бежали все медленнее, дыхание с хрипом вырывалось из груди, и шестигранники удалялись от него все дальше и дальше.

Вольф побежал вратам наперерез, но, когда он приблизился к ним на то же расстояние, что и Лувах, они скользнули в сторону, словно мыло из рук. Вала попыталась преградить им путь, но пара гексакулумов, поменяв направление движения, убежала и от нее. Люди остановились и, отышавшись, образовали квадрат, в одном из углов которого находились шестигранники.

— Да где же остальные? — сердито крикнул Вольф.

Лувах ткнул пальцем за спину. Роберт оглянулся и увидел встревоженные лица властителей, выползавших из-за дуги их крошечного мира. Он позвал их, и его голос в странной атмосфере цилиндра прозвучал неестественно жутко. Лувах тоже хотел подойти, но Роберт велел ему стоять на месте.

Аристон, Тармас, Ринтрах и Теотормон растянулись в цепь. Следуя указаниям Вольфа, они образовали пятиугольник, посреди которого находились врата. Затем люди начали сближаться, двигаясь с одинаковой скоростью и окружая коварные шестиугольники. Врата дергались то взад, то вперед, но оставались на месте.

После двух минут медленного и терпеливого сближения властители ухватились за стойки гексакулумов. Вольф, не спрашивая совета Валы, прошел в левые врата.

Остальные побежали вслед за ним. Их лица скривились от ужаса, из груди вырвались крики разочарования: они оказались на другом цилиндре, на дальнем конце которого виднелась следующая пара врат.

После утомительной погони люди вновь окружили шестиугольники. Они опять вошли в гексакулум — на этот раз в правый. И оказались на следующем цилиндре.

Это повторялось пять раз. Властители смотрели друг на друга запавшими от голода и красными от усталости глазами. Их ноги дрожали, легкие болели, тела покрывал скользкий пот. В горле было сухо, как в Сахаре. Они с трудом цеплялись за шестигранники.

— Мы не можем больше бегать, — прохрипел Ринтрах.

— Это нам и без тебя известно, — ответила Вала. — В другой раз придумай что-нибудь пооригинальнее.

— Будь осторожна, сестра! — завопил Ринтрах. — Я так хочу пить, что могу соблазниться твоей кровью. И если вскоре мне не дадут глотка воды, клянусь тебе, я так и поступлю.

Вала засмеялась:

— Как только ты ко мне приблизишься, я проткну тебя этим мечом. Твоя кровь пожиже и дурно пахнет, но ею тоже можно смочить пересохшее горло.

— Почему мы всегда выбираем врата, которые ведут куда угодно, но только не в мир Уризена? — воскликнул Роберт. — Может быть, нам стоит разделиться. По крайней мере хоть кто-то доберется до нашего отца.

Все, за исключением Валы и Луваха, заспорили. И тогда Вольф объявил:

— Я пройду через эти врата с Валой и Лувахом. Остальные пересекут другой гексакулум. Вот так и поступим.

— А почему с Валой и Лувахом? — спросил Теотормон. Он подозрительно прищурился, и в его голосе послышались скулящие нотки. — Почему с ними? Наверное, вам троим известно что-то такое, чего не знаем мы. И как давно вы задумали избавиться от нас?

— Я беру Луваха, потому что он единственный, кто вызывает у меня доверие, — ответил Вольф. — А Вала уже не раз доказала, что она лучше и отважнее всех вас..

Оскорбленные братья подняли шум, но Вольф в сопровождении Луваха и Валы все-таки прошел через левые врата. А через несколько минут к ним присоединились и остальные. Все удивленно смотрели друг на друга.

— Но мы же прошли через правые врата! — воскликнул Ринтрак.

Вала засмеялась:

— Отец сыграл с нами еще одну из своих злых шуток. Любые врата в паре шестигранников ведут на один и тот же цилиндр. Я подозреваю, что и остальные пары действуют подобным образом.

— Но это нечестно! — закричал Аристон.

Услышав эти слова, Вольф и Лувах засмеялись — и вскоре хохотали все.

Когда хохот с нотками отчаяния захлебнулся и стих, Вольф печально произнес:

— Я могу ошибаться, но мне кажется, что каждый цилиндр в этом... мельтешащем мире имеет свою пару врат. И если мы будем действовать, как раньше, нам придется побывать на тысячах и тысячах цилиндров. А значит, мы умрем, так и не отыскав истинный путь. Поэтому нам надо придумать что-то другое.

Наступило долгое молчание. Одни властители сидели; другие лежали на твердом сером металле, а над ними в безмолвной сарабанде вращались бесчисленные цилиндры, и

врата, парившие на их концах, казались насмешливым оскалом Уризена.

— Не думаю, что ситуация такая уж безвыходная, — наконец сказала Вала. — И вряд ли наш отец решил прекратить игру. Пока мы дышим и можем бороться, он будет подбрасывать нам все новые и новые испытания. Уризен хочет довести нас до агонии и сломить нашу волю. И я уверена, что по его плану мы должны в конце концов найти врата, ведущие в крепость. Он наверняка подготовил для нас в замке достойный прием и будет разочарован, если не использует всех своих штучек. Поэтому мне кажется, мы упустили какую-то возможность. Нам уже ясно, что врата на всех цилиндрах замкнуты между собой и мы только потеряем время, если будем по привычке проходить с той стороны, которая украшена драгоценными камнями. Что, если врата биполярны, то есть работают с двух сторон? Может быть, другая грань врат приведет нас туда, куда мы хотим?

— Когда мы появились в этом мире, я проверил другую сторону врат, — сказал Вольф.

— Да, ты проверил первые врата. Но ты не опробовал ни один из двойных гексакулумов.

Вольф огорченно покачал головой:

— Усталость и жажда высушили мои мозги. Я мог бы додуматься до этого. Во всяком случае, ничего другого не остается.

— Тогда встаем и начинаем действовать! — скомандовала Вала. — Соберитесь с силами. Возможно, мы в конце концов вырвемся из этого проклятого мира.

Они еще раз окружили пару шестиугольников и ухватились за металлические опоры. Вала первой вошла с той стороны, где отсутствовали драгоценные камни, — и исчезла. Вольф последовал за ней. Пройдя через гексакулум и опять очутившись на цилиндре, он почувствовал, что его воодушевление рассеивается, как вино, выпитое в вакуум. Но потом Роберт увидел золотые врата и понял, что они выбрали правильный путь.

Здесь, у самого края цилиндра, в нескольких дюймах над поверхностью парил один-единственный шестигранник. Он вращался вокруг своей оси, совершая полный оборот за полторы секунды.

К Вале и Вольфу начали по очереди подходить остальные властители. Снова попав в мельтешащий мир, многие принялись ругаться, но при виде единственных вращавшихся врат их настроение переменилось — одни взбодрились, другие

пали духом при мысли о новой опасности, с которой им предстояло столкнуться.

— А почему они врачаются? — испуганно спросил Аристон.

— Этого я тебе, братец, сказать не могу, — ответила Вала. — Но, зная отца, подозреваю, что гексакулум имеет только одну безопасную сторону. Выбрав правильную плоскость, мы пройдем через врата без вреда. Но если ошибемся... сам понимаешь. Как видите, ни одна из сторон не имеет драгоценных украшений; они обе голые и ничем не отличаются друг от друга.

— Я так устал, что меня это уже не волнует, — заявил Аристон. — Я с радостью приму смерть, какой бы она ни была, — лишь бы уснуть на века и освободиться от страданий телесных и душевных.

— Если тебе действительно все равно, можешь первым опробовать эти врата, — предложила Вала.

Все стали в один голос уговаривать брата, Вольф молчал. Однако Аристон, похоже, умирать расхотел и наотрез отказался идти первым, сказав, что не так глуп, чтобы жертвовать собой ради других.

— Да, братец, ты не только слабак, но и трус, — заметила Вала. — Хорошо, первой пойду я!

Уязвленный Аристон рванулся к врачающемуся шестиугольнику, но в двух шагах от него остановился как вкопанный. И стоял так, не сводя глаз с врат, пока Вала не осыпала его насмешками. Она оттолкнула его в сторону, и Аристон, потеряв равновесие, упал на серую поверхность цилиндра. Присев на корточки перед золотой врачающейся дверью, Вала несколько минут следила за ее оборотами. Потом внезапно прыгнула вперед и исчезла в отверстии. Врата продолжали вращаться.

Аристон встал и, не отвечая на насмешки, подошел к гексакулуму. Он подождал несколько секунд, затем присел и нырнул в пространство шестигранника.

Пролетев врата насквозь, Аристон упал на поверхность цилиндра с другой стороны.

Вольф подбежал к нему и перевернул неподвижное тело.

Рот мертвеца так и остался открытым, глаза остекленели, кожа приобрела серый оттенок.

Роберт поднялся на ноги и пожал плечами.

— Он вошел не с той стороны. Теперь мы знаем, что происходит в таких случаях.

— Этой сучке Вале опять повезло. — вскричал Гармас. — Гы не заметил, с какой стороны она прыгнула?

Вольф покачал головой. Он исследовал шестигранник при свете розовых сумерек. Стороны действительно ничем не отличались друг от друга. Роберт не заметил никаких отметин. Он позвал Луваха, они взяли тело Аристона за ноги и за руки, раскачали его немного и по сигналу Вольфа бросили труп в гексакулум. Тот пролетел через врата и снова упал на поверхность цилиндра.

Братья подтащили Аристона к вратам, вновь раскачали тело и бросили его в пространство шестигранника. На этот раз оно исчезло.

Вольф повернулся к Ринтраху:

— Ты считаешь?

Ринтрах кивнул.

— Подними руку и махни, когда появится нужная сторона. Только не тяни.

Ринтрах выждал пару оборотов и подал знак. Вольф бросился в центр шестиугольника, надеясь, что брат не ошибся.

И упал на тело Аристона. Где-то рядом плескались морские волны, над головой сияло красное небо. Неподалеку стояла Вала и весело смеялась, словно ее действительно забавляла шутка отца.

Они вновь вернулись на остров в мире воды.

ГЛАВА 14

Один за другим из врат появлялись остальные властители. Последним прошел Ринтрах. Как ни странно, братья не выглядели удрученными. По крайней мере, они оказались на знакомой земле — можно сказать, почти дома. И как выразился Теотормон, каждый мог отъедаться, сколько душе угодно.

На сей раз они прошли через правые врата огромной пары гексакулумов. Оба шестигранника стояли на низком холме. Окрестности выглядели до странности знакомыми. Расположившись на берегу, властители утолили жажду, после чего зажарили и съели несколько рыбин, которых поймал Теотормон. После чего установили режим дежурств, проспали всю ночь, а на следующий день приступили к осмотру местности.

Вскоре ни у кого не осталось сомнений, что они вернулись на тот сравнительно большой клочок суши, который туземцы называли «Матерью островов».

— Это те самые врата, с которых началось наше печальное хождение по кругу, — сказал Вольф. — Тогда мы

прошли в правые врата. А значит, левые могут привести нас в мир Уризена.

— Но, возможно, мы... — робко произнес Тармас. — Я согласен, здесь не самый желанный из миров. Но лучше радоваться жизни на этом острове, чем умирать или корчиться от мук в одной из клеток отца. Почему бы нам не забыть о вратах? Тут есть еда, вода и местные женщины. И пусть Уризен сидит на своем троне веками. Пусть он сгниет от злости, ожидая, когда мы придем к нему.

— Не забывайте, без необходимых лекарств вы вскоре состаритесь и умрете, — напомнил братьям Вольф. — Нежели вы этого хотите? К тому же, если мы не пойдем к Уризену, нет никаких гарантий, что он сам не заявится сюда. Конечно, если хотите, можете сидеть здесь и грезить о своих мирах, но я намерен сражаться до конца.

— Видишь ли, Тармас, — криво усмехаясь, сказала Вала, — у Ядавина есть хорошая причина для мести. Его женщина — к слову сказать, не нашей расы, а дикарка с Земли — находится в плена у Уризена. И он не может успокоиться, зная, что она в руках нашего отца.

— Поступайте, как знаете, — произнес Роберт. — А я сам себе хозяин.

Он осмотрел красные небеса и две огромные на вид планеты, которые в этот момент зависли над горизонтом. Между ними сияла крошечная полоска, прочерченная черной кометой.

— Но зачем же входить через парадный вход, где нас поджидает Уризен? — воскликнул он. — Почему бы не прокрасться через черный ход? Или через окно, если вам так больше нравится?

И в ответ на вопросы братьев Роберт объяснил им идею, которая осенила его, пока он рассматривал планеты и комету. Братья заявили, что он сошел с ума, а его идея — просто чистое безумие.

— А почему бы и нет? — воскликнул он. — Я же говорю, все необходимое мы можем достать, даже если для этого придется еще раз пройти через врата. А до Аппирмакума всего лишь двадцать тысяч миль. Почему бы нам не отправиться в его крепость на корабле, который я вам предлагаю?

— Космический корабль на воздушном шаре? — закричал Ринтрак. — Ядавин, твоя жизнь на Земле плохо повлияла на рассудок!

— Мне нужна помощь каждого из вас, — сказал Вольф. — Это огромная и сложная задача. Она потребует напряжен-

ной работы и займет много времени. Но ее можно выполнить!

— Допустим, что так, — вмешалась Вала. — Но что помешает нашему отцу обнаружить твой корабль, когда мы будем болтаться между двумя планетами?

— А ты сама подумай! Зачем ему аппаратура для обнаружения космических кораблей? Единственный вход в эту вселенную — врата, которые он контролирует.

— А что, если один из нас предатель? — спросила она. — Ты еще не задумывался о том, что кто-то может оказаться слугой и шпионом Уризена?

— Я думал об этом, как, наверное, и все остальные. Но мне не верится, что предатель стал бы подвергать себя тем опасностям, через которые нам пришлось пройти.

— Вполне возможно, что Уризен прямо сейчас наблюдает за нами и подслушивает разговор, — сказал Теотормон.

— Ты прав, такая возможность существует. Но мне кажется, мы должны рискнуть еще раз.

— Да, это лучше, чем сидеть без дела, — согласилась Вала.

После долгих споров властители в конце концов согласились помочь Вольфу в его начинании. Даже самые ярые оппоненты понимали, что в случае удачного завершения плана всех тех, кто окажется помогать, навсегда оставят на острове. Мысль о том, что братья вновь вернутся в свои владения, а оставшимся придется удовлетвориться жизнью среди туземцев, оказалась на властителей сильнейшее воздействие.

Первым делом Вольф наладил отношения с местными жителями. К его удивлению, аборигены не проявляли признаков враждебности. Они видели, как властители исчезли в шестиграннике, а затем вернулись. Только боги и полубоги могли проделать такое. Поэтому властители превратились в особых, уважаемых и опасных существ. Гуземцы с радостью согласились помочь Роберту, и это решение во многом предопределило их религия — искаженная форма прежней веры властителей. Они верили в доброго бога Лоса и злодея Уризена, которого считали своего рода местным Сатаной. Их предсказатели и знахари утверждали, что однажды злой бог Уризен будет свергнут, и тогда все жители островов взойдут на Элалос — райские небеса.

Вольф не пытался их разубеждать — пусть верят, во что хотят, лишь бы помогали. Поручив братьям работу, которую можно было выполнить с помощью имеющихся в этом мире материалов, он в сопровождении Луваха отправился через

врата на другие планеты. Газовые пузыри, прикрепленные к спинам, несли их по воздуху. Вооружение составляли короткие мечи, лук и стрелы. Они путешествовали от одних врат к другим, выискивая необходимые вещи. Они знали, что ожидало их в пути и каких опасностей следовало избегать. Но приключений, выпавших на долю братьев в этой и во всех последующих экспедициях, хватило бы на несколько толстых книг. А главное, им удавалось обходиться без потерь.

В следующий раз Вольфа и Луваха сопровождали Ринтрак и Вала. Из мира, в котором животные передвигались на коньках и присосках, они принесли куски стекловидного вещества. Из вельтира прихватили птичий помет, который вместе с испражнениями туземцев шел на изготовление кристаллов натриевой селитры.

Ртуть достали у туземцев, которые в больших количествах собирали ее на поверхности острова после пролета черных комет. Капли ртути считались предметами поклонения, и Роберт получил их только после долгих заверений в том, что они потребуются для сражения с Уризеном. Он нашел на острове растение, при переработке которого получался древесный спирт. При обжиге других растений люди заготавливали древесный уголь. Планета кенготемпсов снабдила их серой.

Для получения азотной кислоты в качестве катализатора требовалась платина. Еще находясь в мельтешащем мире и оценивая массу цилиндров, Роберт решил, что они должны состоять из платины или ее сплава. Этот металл плавился при 1773,5 градусов по Цельсию и обладал высокой прочностью. Лувах считал, что выплавить или вырезать куски из цилиндра без соответствующей аппаратуры невозможно, но Вольф заявил, что они будут использовать для этой цели устройства Уризена.

Несмотря на протесты Теотормона и Тармаса, в следующей экспедиции Роберта сопровождали все властители. Окружив подвижные врата-близнецы, они оттеснили их к краю цилиндра. И тогда стало ясно, почему в это путешествие пригласили Теотормона. Его вес понадобился для того, чтобы опрокинуть врата на край цилиндра. Силы, которые удерживали шестигранники в вертикальном положении, не устояли перед общим натиском братьев.

Край закругленного торца вошел в створ одного из шестиугольников. Если бы гексакулум оставался неподвижным, кусок торца просто выступил бы из соответствующих врат на другом цилиндре. Но когда властители начали подталкивать всю конструкцию вдоль края, врата, действуя наподобие

огромных ножниц, срезали ту часть, которая прошла через створ.

Установив гексакулумы вертикально, братья перешли на следующий цилиндр и собрали куски платины. Используя еще один набор шестиугранников, они разрезали металл на более мелкие полосы.

Оказавшись на цилиндре с вращающимися вратами, Вольф кинул в смертоносный проход несколько камней. Отследив грань, в которой камни исчезали, он пометил безопасную сторону желтой краской, специально заготовленной в мире воды. После этого гексакулум смерти уже не доставлял им хлопот.

Вскоре Роберт определил взаимосвязь всех врат и научился попадать в различные миры кратчайшим путем.

Остров в мире воды превратился в огромную дымную кузницу. Властители и туземцы пытались роптать. Выслушивая их жалобы, Вольф смеялся, шутил или угрожал, требовал и без устали подгонял людей. Минуло триста шестьдесят темных лун. Работа продвигалась медленно, принося порою не только разочарования, но и беды. Вольф и Лувах продолжали скитаться по мирам, добывая в ходе рискованных путешествий необходимые материалы.

К тому времени космический аэростат был наполовину построен. Еще немного, и он умчит властителей к вершинам атмосферы. А затем, если верить словам Теотормона, поле псевдогравитации начнет резко ослабевать, и корабль, используя притяжение темной луны, наберет еще большую скорость. Пороховые ракеты придадут ему требуемое ускорение, а маневры будут выполняться благодаря выпуску газа из клапанов пузырей или с помощью небольших взрывов.

Дело оставалось за герметично закрывающейся гондолой. К тому же Роберт еще не решил проблем, связанных с обновлением и циркуляцией воздуха, и его все больше волновал вопрос невесомости. Впрочем, сила тяжести на корабле частично останется. Для компенсации убывающего ускорения можно использовать в пространстве пороховые ракеты. За счет подъемной силы расширяющегося в пузырях газа аэростат будет подниматься до верхней границы атмосферы. Пройдя ее, корабль сбросит подъемное устройство и попадет в зависимость притяжения луны. Небольшой импульс заряда самодельных ракет поможет преодолеть притяжение мира воды.

Тем не менее, вылетев за пределы планеты, они могли оказаться пленниками луны, захваченными полем ее тяготения.

— Нам вряд ли удастся определить безопасную орбиту и необходимый вектор движения, — объяснял Роберт. — Будем действовать по наитию.

— Надеюсь, оно нас не подведет, — сказал Лувах. — Ты и вправду считаешь, что у нас есть шанс?

— С помощью того, что я придумал, мы наверняка прорвемся, — ответил Вольф. — Но на сегодняшний день меня волнует другое. Например, скафандры, которые нам придется носить во время полета. Мы не можем полагаться на полную герметичность гондолы.

Чуть позже они изготовили гремучую ртуть для взрывных капсюлей. Этот темно-коричневый порошок был получен в результате взаимодействия ртути, спирта и концентрированной азотной кислоты.

Азотную кислоту, которая окислила серу до серной кислоты, братья получили с помощью нескольких химических превращений. Нитрат натрия, возникший при кристаллизации птичьего помета и человеческих экскрементов, нагрели вместе с серной кислотой. (Последнюю добывали, сжигая серу с селитрой, то есть с калием или нитратом натрия.)

Свободный азот, содержащийся в воздухе, «фиксировали» соединением его с водородом (из газовых пузырей). Полученный в результате аммиак смешали при соответствующей температуре с кислородом (из пузырей, которые его вырабатывали). Смесь подвергли катализу, пропустив ее через тонкую проволочную сетку, сплетенную из гладких полосок платины.

Образовавшуюся окись азота разбавили водой и путем перегонки превратили в концентрированную кислоту.

Горны, тигли и трубы изготавливались из стекловидного вещества с планеты конькобежцев.

Черный порох сделали из древесного угля, серы и селитры.

Роберту удалось изготовить нитрат аммония — взрывчатый порошок огромной мощности.

— А ты не считаешь, что у нас слишком много взрывчатых веществ? — спросила его однажды Вала. — Мы можем взять на судно лишь часть этих запасов. Иначе корабль никогда не оторвется от земли.

— Верно, — ответил он. — Тебя, наверное, интересует и то, почему я храню взрывчатку в разных местах, по возможности удаленных друг от друга. Видишь ли, порох может самовозгореться. В нашем же случае, если одна из бочек взорвется, другие останутся целыми.

Многие властители побледнели.

— Ты хочешь сказать, что взрывчатка, которую мы возвьем на корабль, может в любую минуту взорваться? — с тревогой спросил Ринтрак.

— Да. Но мы должны рискнуть. Ты сам знаешь, что даже сейчас наши жизни висят на волоске. И все же мне хотелось бы добавить к своим словам веселую нотку. В случае удачи мы сможем посмеяться над тем, что Уризен сам предоставил нам все средства для собственного уничтожения. Он обеспечил нас оружием, которое разрушит его супертехнологию.

— Если мы останемся в живых, то непременно посмеялся, — сказал Ринтрак. — Но мне почему-то кажется, что смеяться будет Уризен.

— На Земле говорят: не рой другому яму, сам в нее попадешь. И есть еще одна поговорка: хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Той ночью Вольф отправился в хижину Луваха. Почувствовав руку брата на плече, Лувах тут же проснулся и потянулся за ножом, который сделал из куска кремня с планеты кенготемпсов.

— Я пришел поговорить с тобой, а не убивать, — сказал Роберт. — Лувах, ты единственный, кому я могу довериться. И мне требуется твоя помощь.

— Я польщен этим, брат. Ты лучший из нас. И я знаю, что ты не станешь предлагать мне измены.

— Часть того, что я планирую сделать, может показаться изменой. Но нам придется пойти на это. Слушай внимательно, младший брат.

Через час, взяв топоры и лопаты, они покинули хижину и направились к холму, на котором стояли врата-близнецы. Там их ожидали около двадцати туземцев, пользовавшихся особым доверием Вольфа. Все дружно начали прорубаться сквозь путаницу сгнивших корней и растений, которые служили основанием острова. Люди работали быстро и слаженно, и к тому времени, когда луна, уходя за горизонт, унесла с собой ночь, канава вокруг холма была готова. Они продолжали вынимать трутн до тех пор, пока лишь несколько дюймов почвы и корней не отделяло их от уровня воды. Затем в канаву заложили нитрат аммония и взрывчатые капсюли. Сделав это, туземцы забросали канаву грунтом и тщательно замаскировали следы земляных работ.

— И все равно я бы с первого взгляда догадался о вырытой канаве, — сказал Вольф. — Но будем надеяться, что сюда никто не придет. Я объявил день отдыха, поэтому братья и сестра не встанут с постелей до полудня. — Он осмотрел врата. — Теперь нам придется сделать последний круг. И мы должны поторопиться.

Когда они оказались на планете кенготемпусов, Вольф передал Луваху одно из своих духовых ружей. Их изготавливали из полых, похожих на бамбук растений, которые росли на «Матери всех островов». Туземцы использовали их для стрельбы заостренными иглами, сделанными из костей особого вида рыб. Смазывая кончики игл усыпляющим веществом, они охотились на птиц и крыс, обитавших на острове.

Вольф и Лувах вошли в каньон и подстрелили там пять кенготемпусов. Роберту удалось найти вход в нору хроноволка. Он сунул конец духового ружья в темное отверстие, выпустил иглу, подождал пару минут и, забравшись внутрь, вытащил оттуда спящего волка.

Животных, все еще находившихся в бессознательном состоянии, бросили во врата, которые вели — вернее, должны были вести — в мир Уризена. Хотя, возможно, оба прохода вели лишь на следующую второстепенную планету, как и те врата, которые они нашли в мире вращавшихся цилиндроў.

— Надеюсь, что эти маленькие зверьки активируют систему тревожной сигнализации Уризена, — произнес Роберт. — И ее сигналы на какое-то время займут его внимание. Умение прыгать во времени и создавать дубли поможет кенготемпусам и волку выжить в самых экстремальных условиях. А когда число дублей увеличится до максимума, они разбегутся по всему дворцу и приведут в действие ловушки и защитные системы. Я думаю, Уризен не скоро поймет, что вызвало такой переполох. И это отвлечет отца от тех врат, через которые он задумал нас встретить.

— Хорошо бы, если так, — отозвался Лувах. — Но эти шестигранники и врата в мире воды могут вести на какую-нибудь второстепенную планету.

— Ты прав. В любой из многочисленных вселенных нет ничего определенного, — сказал Вольф. — И даже бессмертных властителей за каждым углом подстерегает гибель. Тем не менее нам придется завернуть за этот угол.

Они прошли через врата и оказались в вельтире. Роберт с радостью подметил, что прыгунов здесь нет — видимо, животные действительно попали в крепость Уризена.

Братья вернулись в мир воды, и Лувах отправился выполнять свою миссию. Вольф проводил его задумчивым взором. Возможно, он не прав, подозревая Валу в сговоре с отцом. Но слишком уж ей везло. При малейшей угрозе она всегда находила безопасное местечко. А как быстро и ловко она при этом действовала! Даже когда они погибли в реке на планете ледяных скал, она выглядела слишком уверенной и жизнерадостной. Он подозревал, что в поясе на ее талии

находилось устройство, с помощью которого Вала без труда держалась на воде. Выбор врат всегда предоставлялся ей, и братья постоянно попадали на какую-нибудь второстепенную планету. Хотя бы раз, но они должны были наткнуться на врата в мир Уризена! А эта неприкрытая самоуверенность казалась странной даже для нее. Так можно вести себя, когда играешь в хорошо знакомую игру.

Несмотря на смертельную ненависть к отцу, она могла объединиться с ним, чтобы погубить братьев и кузенов. Она ненавидела их не меньше Уризена. Отец, внедрив в ее тело приемник-передатчик, мог не только слышать, но и видеть все, что она делала. Вала наслаждалась игрой, как участник событий, и чем серьезнее становилась грозившая им опасность, тем большее возбуждение испытывала ее порочная натура. А Уризен, сидя перед экраном телеустановки, получал удовольствие, наблюдая за их схватками со смертью, воспринимая опасные приключения сыновей как своеобразное спортивное состязание.

Вольф вернулся к холму и приступил к выполнению последней фазы плана. К тому времени туземцы загрузили судно черным порохом, нитратом аммония и гремучей ртутью. Полуостроенное сооружение состояло из двух каркасов, собранных из стеблей бамбука. В каждом из них располагались ячейки с газовыми пузырями. Первый каркас предназначался для нижних палуб корабля; верхнюю часть планировали присоединить позднее.

Но Роберт с самого начала знал, что аэростат для космических полетов непригоден. Он знал, что корабль не взлетит, а если и взлетит, то все равно полет на Аппирмацум невозможен. В любом случае шансов на успех практически не было.

Тем не менее он притворялся, что уверен в успехе, и работа продолжалась. Все это делалось для отвода глаз тех соглядатаев Уризена, которые могли оказаться среди владельцев и аборигенов.

Возможно, отец наблюдает за ними даже сейчас, ломая голову над тем, что задумал Вольф. Если это действительно так, ему недолго ждать разгадки. Он вскоре все поймет, но будет слишком поздно.

Туземцы освободили от якорей обе половинки корабля, которые поднялись на несколько футов и повисли — тонны взрывчатки не позволяли им взлететь выше. Но эта высота вполне устраивала Роберта. Он дал сигнал, и аборигены потащили обе части корабля вверх по холму, пока нос первого каркаса не оказался перед самым входом в шестиугольник. Собственно говоря, Вольф строил корабль из двух частей

только потому, что целый остов не влез бы в сравнительно небольшое пространство врат. И даже теперь разделенные каркасы могли пройти в отверстие едва ли не впритирку.

Роберт поджег фитили на каждой стороне двух паривших в воздухе половинок и дал сигнал своим людям. Запев молитву, они втолкнули каркасы внутрь врат. Стоя рядом с опорой гексакулума, Роберт видел по другую сторону врат лишь ландшафт острова. Как только первая половинка вплыла в шестигранник, ее будто сжевало, или, точнее сказать, срезало. Вскоре не осталось видно ничего, кроме кормы второго каркаса, но и она потом тоже исчезла.

Лувах вышел из джунглей, неся на плече бесчувственное тело Валы. За ним шагали напуганные, ошеломленные и встревоженные властители. Вольф вкратце объяснил им свой план:

— Я не мог доверять никому из вас, кроме Луваха, и поэтому скрывал истину до последнего. Мне кажется, Вала — шпионка отца, но она может оказаться невиновной. Однако я не мог рисковать и попросил Луваха оглушить ее во время сна. Мы возьмем сестру с собой на тот случай, если мои подозрения напрасны. К тому времени, когда Вала очнется, события уже развернутся, и у нее не останется времени на коварные подноски. А теперь надевайте скафандры. Как я вам уже говорил, они так же хороши в воде, как и в безвоздушном пространстве. Впрочем, в воде они еще лучше, потому что предназначены именно для погружения.

Лувах посмотрел на врата.

— Ты думаешь, взрывчатка уже сработала?

Вольф пожал плечами:

— Трудно сказать. Эти врата односторонние, так что взрыва мы, конечно, не услышим. Но я надеюсь, что первый заслон ловушек уже разрушен. И мне кажется, Уризен сейчас очень расстроен и озабочен тем, что мы сделали.

Лувах надел скафандр на Валу, затем облачился в свой костюм. Вольф приказал поджечь фитили взрывчатки, закопанной у подножия холма. Огоньки побежали через полые трубы из стеблей бамбука, которые вели к капсюлям и смеси взрывчатых веществ.

ГЛАВА 15

Раздался грохот, дрогнула земля. Вместе с огромным облаком черного дыма в воздух взлетели корни грунт и сгнившая растительность. Как только дым рассеялся и град обломков прекратился, Вольф повел властителей к холму. Тот

быстро погружался в воду Его полностью отрезало от острова, нижнюю часть разорвало в куски, и под тяжестью золотых шестиугольников величественный купол холма все больше затягивало вниз.

Чтобы ускорить спуск гексакулумов в море, Роберт бросил в их основание несколько бомб с зажженными фитилями Шестигранники начали заваливаться набок; верхняя часть врат ударилась о край ямы, образованной взрывом. Вольф велел братьям приготовиться и, когда золотые перекладины ушли под воду, подал знак.

Роберт быстро надел маску, включил подачу кислорода и проверил крепление ножа и кремневого топора, висевших на поясе. Сжав в руке копье, он разбежался и прыгнул в воду

Вершина врат исчезла из виду. Вольф вынырнул, чтобы сориентироваться, но взбаламученная вода превратилась в коричневую жижу, в которой плавали куски корней. Нашупав верхнюю грань шестиугольника, падавшего на дно, он ухватился за нее и начал погружаться.

Увидев Луваха, который тащил за собой Валу, Роберт схватил его за лодыжку К ним присоединился еще один властитель. И только Теотормон чувствовал себя как рыба в воде и терпеливо ожидал, когда все соберутся около гексакулумов.

Убедившись, что он находится у левых врат, Вольф вплыл в арку шестигранника — точнее, его внесло туда напором морской воды.

Течение стремительно понесло Роберта по длинному коридору Сияющие стены излучали свет, и взору предстала живописная картина. Некоторые плиты частично вырвало из стены или согнуло дугой. В конце коридора виднелись искошенные створки массивной двери из белого металла. Взрыв удался на славу Если бы двери оказались закрытыми, массы воды из морских глубин все равно сломали бы их, но властители к тому времени погибли бы от огромного давления.

Вольфа пронесло мимо измятых дверей и выбросило в коридор Увидев поворот, он сделал кувырок в воде и поплыл ногами вперед. Ударяясь о стену, воды кипела и изливалась в слегка наклонный коридор Роберт стукнулся о стену ногами, оттолкнулся, и течение потащило его вниз В тусклом свете, идущем от стен, он разглядел под собой ряды длинных металлических шипов Они, видимо, предназначались для незваных гостей, но вода несла властителей гораздо выше

Наклон внезапно увеличился. Поток мчался под углом в пятьдесят градусов, и у Вольфа почти не оставалось времени,

чтобы осмотреться. Проход разделялся надвое, но Роберта неотвратимо влекло к огромному окну в конце коридора.

Он падал вниз, кувыркаясь и едва замечая, как по сторонам мелькают стены.

Мощный удар о поверхность воды оглушил его, но Вольф выплыл из глубины и, почти ничего не соображая, добрался до края пруда, который образовался на месте затопленного сада.

Повезло, подумал Роберт. Не будь здесь столько воды, он мог бы разбиться насмерть. По-прежнему сжимая в руке копье, Вольф выбрался на каменную плиту и стал выуживать из воды остальных властителей, одного за другим. Первым оказался Теотормон, за ним упал Лувах, не выпуская из рук пришедшую в себя, но перепуганную Валу. Через несколько секунд появился Ринтрак. Тармас всплыл лицом вниз у самого края пруда. Раскинув руки в стороны, он безжизненно покачивался на воде. Вольф вытащил его на берег и уложил на каменные плиты. Скорее всего, перед тем как упасть, он ударился о раму окна. Из разбитого колена струилась кровь, на виске виднелась глубокая ссадина.

Вала набросилась было на Роберта с упреками, но он велел ей заткнуться — времени на споры не оставалось. В нескольких словах он объяснил причину и смысл своих поступков.

Вала быстро овладела собой. Все еще бледная, она улыбнулась и сказала:

— Ты еще раз сделал это, Ядавин! Ты снова обратил устройства Уризена против него самого!

— Я не знаю, в говоре ты с нашим отцом или нет, — перебил ее Вольф. — Возможно, моя подозрительность преувеличена, хотя такое трудно представить, когда имеешь дело с властителями. Если ты не виновата, прости меня. В противном случае запомни: наш отец наверняка подумает, что ты предала его и переметнулась на нашу сторону. Он уничтожит тебя, даже не выслушав объяснений. Поэтому именно тебе придется убить его. У тебя фактически нет выбора.

— Ядавин, ты хитер как лиса. Пусть будет так! Я убью отца, как только представится случай! Еще несколько часов назад я поклялась бы, что, вступив в его владения, мы попадем в западню. Но вот мы здесь, и смертельная опасность грозит Уризену! — Она указала на огромное окно, через которое извергалось море. — По-видимому, врата находятся на верхнем этаже дворца. Вскоре вода затопит крепость. И если Уризен в ближайшее время не предпримет самых решительных мер, он утонет, как крыса, пойманная в

собственной норе. — Вала повернулась и осмотрела окрестности дворца. — Как видишь, крепость построена в долине, которую со всех сторон окружают высокие горы. Пройдет какое-то время, и море мира воды перельется на Аппирмациум. Вода будет прибывать и прибывать, пока врата на той планете не окажутся на высохшем дне. Сначала море затопит долину, потом вода потечет из кратера этих гор и покроет остальную часть планеты.

— Я предлагаю отправиться в горы и полюбоваться, как будет тонуть наш отец! — воскликнул Ринтрак.

Вольф покачал головой:

— Нет, где-то здесь находится Хрисеида.

— Ну а нам-то что до этого? — удивленно спросил Ринтрак.

— Скорее всего у Уризена есть летательный аппарат, — добавил Роберт. — И когда ему удастся выбраться на нем из дворца, он перестреляет нас поодиночке. Поймите, если мы скроемся в горах, нас все равно ожидает гибель. Мы окажемся в западне и, возможно, умрем от голода. Нет, если вы хотите выбраться отсюда и вернуться в свои вселенные, вам придется помочь мне убить Уризена. — Он повернулся к Теотормону: — Когда ты был в плену у отца, то относительно свободно мог передвигаться. Если бы мы нашли ту часть дворца, которая тебе известна, нам удалось бы избежать ловушек.

— В саду есть подземный ход, — сказал Теотормон. — Это самый лучший путь для проникновения во дворец. Оттуда мы можем добраться до этажей, которые еще не затоплены. Если мы не будем касаться пола и стен, ловушки не сработают.

Они переплыли пруд и, стараясь не попасть под молот падавшей воды, обогнули водопад сзади. Вход во дворец искать не пришлось — их затащило туда течением. Поток принес их к широкой лестнице, которую украшали скульптуры из красного и черного камня. Они поплыли вверх и, миновав несколько поворотов, выбрались на другой этаж. Тот тоже оказался затопленным, и братья продолжили подъем. Вода залила следующий пролет всего лишь на несколько дюймов, но уровень быстро поднимался, и они решили отправиться на четвертый этаж.

По древней традиции властителей дворец Уризена был прекрасным во всех отношениях. В другое время Вольф часами любовался бы картинами, скульптурами и сокровищами, похищенными хозяином из разных миров. Но теперь

его занимали только два вопроса — как убить Уризена и спасти свою большеокую Хрисеиду.

Перед тем как двинуться вперед, он осмотрелся вокруг и спросил:

— Где Вала?

— Секунду назад она шла за мной, — ответил Ринтрак.

— Значит, с ней все в порядке, — с усмешкой заметил Роберт. — Но теперь у нас могут возникнуть большие проблемы. Если она ускользнула, чтобы присоединиться к Уризену...

— То нам лучше добраться до него быстрее, чем это сделает она, — закончил Лувах.

Вольф шел впереди, каждый миг ожидая, что вот-вот сработает ловушка. Он надеялся только на то, что Уризен не ожидал их появления отсюда. Каждый вход наверняка охранялся какой-нибудь аппаратурой, но отец, видимо, не рассчитывал, что они войдут именно с этой стороны. К тому же вода, прибывающая сверху и снизу, моглаdezактивировать силовые батареи. К каким бы случайностям Уризен ни готовил свою систему обороны, он никогда бы не подумал о том, что в его владения могут перелить море другой планеты.

— Меня держали в заточении этажом выше, — сказал Теогормон. — Там же находятся личные покой Уризена.

Вольф поднялся по лестнице на один пролет. Он двигался медленно, внимательно высматривая признаки ловушек. Братья без происшествий добрались до следующего этажа и остановились, тревожно озираясь вокруг. Чем ближе они подбирались к Уризену, тем быстрее сдавали их нервы. Ненависть к отцу все больше отступала перед напором былого страха и благовения, запавшего в сердца с детских лет.

Они находились в огромном помещении, стены которого покрывал белый мрамор. На многочисленных барельефах изображались сцены и ландшафты различных планет. На одном из них Уризен сидел на троне. Под ним из хаоса возникала новая вселенная. На другой картине он стоял на лугу, а вокруг него бегали дети. Вольф узнал себя, своих братьев и сестер, кузенов и кузин. Он вспомнил те счастливые времена, хотя их уже тогда омрачало смутное предчувствие надвигающихся дней ненависти и тревог.

— Я слышу шум воды, которая поднимается вверх! — крикнул Теогормон. — Еще немного, и этот этаж тоже будет затоплен.

— Возможно, Хрисеиду держат там, где когда-то находился ты! — воскликнул Роберт. — Веди меня туда.

Отталкиваясь мощными и гибкими, как резина, ногами, Теотормон быстро запрыгал вперед. Он без труда находил дорогу в веренице комнат и залов, казавшейся остальным братьям запутанным лабиринтом.

Перед высоким овальным входом из алого камня Теотормон остановился. Арку украшали пурпурные скульптуры косматых крылатых созданий. За проходом виднелось большое помещение, стены которого сияли тускло-красным светом.

— Вот комната, в которой я провел долгие годы, — сказал он. — Но я боюсь проходить через эту арку.

Вольф сунул копье в проход.

— Не спеши, — предупредил Теотормон. — Ловушка может работать с замедлением, чтобы ни одному из вошедших не удалось спастись.

Роберт продолжал держать копье. Он считал секунды и осматривал помещение, в которое им предстояло войти — если только это действительно окажется возможным. Вспышка света ослепила его и отбросила назад.

Когда зрение восстановилось, Вольф заметил, что копье наполовину обрублено. Из прохода повеяло жаром и запахом горелого дерева.

— Тебе повезло, что большая часть тепловой волны локализована и направлена вверх, — заметил Теотормон.

Ловушка тянулась на целых двадцать ярдов. Дальше проход под аркой кончался и начиналось жилое помещение. Всего лишь двадцать ярдов, но как им одолеть смертельную преграду?

Вольф отступил на несколько шагов, швырнул в проем обломок копья и повернулся спиной. Новая вспышка высушила тени властителей на стенах коридора. Из-под арки хлынула волна горячего воздуха. Вольф кинул в ловушку стрелу и быстро отвернулся, считая секунды. Не успел он досчитать до трех, как ловушка сработала.

Роберт объяснил братьям свой план, и они спустились на лестничную клетку, которая уже наполовину заполнилась водой. Надев кислородные маски, они окунулись в воду, а затем бегом вернулись к злополучной арке, надеясь, что вода на их костюмах не высохнет слишком быстро. Вольф бросил стрелу в проход, и как только свет погас, а жар начал расплзаться в стороны, он со всех ног помчался в зал с темно-красными стенами. Теотормон и Лувах последовали его примеру. Преодолев за три секунды двадцать ярдов, они предусмотрительно отбежали на несколько шагов. Жар высушил воду на их костюмах и как следует пропек спины. Но преграда осталась позади.

Ринтрах бросил в проход стрелу и вместе с Тармасом вбежал в жаркое марево. Как только вспышка погасла, Вольф обернулся и, заметив нерешительный старт Тармаса, предостерегающе крикнул. Тармасу надо было подождать и сделать новую попытку, но он не обратил внимания на возглас брата или, возможно, не слышал его. Выпучив от ужаса глаза, он мчался изо всех сил.

Когда Ринтрах выскочил в зал, Роберт отвернулся от прохода. Сверкнула ослепительная вспышка, раздался крик и глухой стук, на властителей пахнуло жаром. Они почувствовали вонь опаленной рыбьей кожи, которая покрывала водолазный костюм, но ее тут же перебил запах горевшей человеческой плоти.

Останки Тармаса темной массой лежали на полу. Пальцы ног и рук сгорели почти дотла.

Братья молча отвернулись и прошли через зал. Недалеко от арочного прохода находилась узкая дверь, и после очередной проверки Теотормон провел их в просторное помещение со сферическим потолком. У дальней стены ярдов на стоянулась шеренга пустых клеток, но в одной из них властители увидели человека.

Вольф взглянул на обитателя этой клетки, и из его груди вырвался крик:

— Уризен!

ГЛАВА 16

Помимо крана питьевой воды, дыры для экскрементов и автоматического раздатчика пищи в клетке размером десять на десять футов имелось лишь тонкое одеяло, которое лежало на полу. Высокий и худой мужчина, стоявший за решеткой, напоминал истощенного, но по-прежнему гордого сокола. Волосы ниспадали по спине до икр, борода доходила до колен. Заметив седые пряди, Вольф понял, что отца держали в клетке очень долго. Даже после того как его лишили лекарств, дарующих так называемое бессмертие, их эффект должен был длиться несколько лет.

Подойдя к решетке, Уризен держался настороженно и старался не касаться прутьев. Роберт шепотом велел братьям остановиться. Шагнув к клетке, он сделал вид, что хочет схватиться за нее. Уризен не сказал ни слова, но его выдали искорки возбуждения, вспыхнувшие в запавших слезящихся глазах. Вольф остановился в нескольких дюймах от решетки.

— Я вижу, твоя ненависть все так же сильна, — сказал он. — И ты по-прежнему желаешь нам смерти.

Он поскреб прутья острием стрелы, и по металлу побежали голубые полоски электрических разрядов.

Уризен мрачно улыбнулся и заговорил глухим, полным боли голосом:

— Прикосновение к решетке болезненно, но не смертельно. А ты, Ядвин, всегда отличался лисьей хитростью! Никто, кроме тебя, не мог бы пробраться сюда — вернее, никто, кроме тебя, твоей сестрицы Валы и, возможно, Рыжего Орка.

— Так, значит, ей удалось не только избежать твоих ловушек, но и поймать самого охотника! — воскликнул Вольф. — Да, моя сестренка действительно замечательная женщина.

— Где она? — спросил Уризен. — Неужели Вала до сих пор жива? Я знаю, она шла вместе с вами. Девчонка как-то рассказала мне о своем плане.

— Вала во дворце и по-прежнему надеется свести с нами счеты, — ответил Роберт. — Все это время она пугала нас тобой, и мы до последней минуты считали тебя владыкой вселенной. Она наслаждалась игрой, делила с нами опасности и притворялась союзником. Я подозревал, что Вала действует в сговоре с тобой, но чтобы так... Такое мне и во сне не приснилось бы.

— Я обречен, — тихо произнес Уризен. — Мне никогда не выйти отсюда, и тебе не удастся открыть клетку, чтобы освободить меня. Даже если вы захотели бы сделать это, вам такое не по силам. А без квалифицированной помощи я скоро умру. Вала ввела мне медленно действующую и очень болезненную культуру раковых клеток. По правде сказать, она делала это три раза, удаляя опухоль как раз перед тем, когда я начинал умирать. Вала лечила меня и, едва я поправлялся, повторяла всю процедуру заново.

— Я соглу, если скажу, что мне тебя жалко, — ответил Вольф. — Впрочем, тебе это и так известно. Ты просто получил по заслугам.

— Ядвин! — воскликнул Уризен. — И это ты читаешь мне мораль?

Его глаза запылали прежним огнем, и Роберт почувствовал, как внутри у него что-то дрогнуло. Даже сейчас он по-прежнему боялся отца.

— Я слышал, что ты сильно изменился после жизни на Земле, но эти слухи казались мне злобным наветом. Теперь я вижу, это правда.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы спорить с тобой, — ответил Вольф. — И для разговоров почти не осталось времени. Скажи мне, отец, как мы можем пробраться к пульту

управления? Если ты хочешь отомстить Вале, то должен нам рассказать. Она снова свободна и, возможно, сейчас уже находится там.

— Зачем же мне вам о чем-то рассказывать? — с усмешкой спросил Уризен. — Я вскоре умру, но умру с улыбкой, зная, что вместе со мной погибнут четыре врага, четыре ненавистных сына — ты, Ринтрах, Лувах и Теотормон.

— А что станет с твоей улыбкой, когда ты узнаешь, что Вала снова одержала верх? Что она жива и будет жить? Что твое тело набыают опилками и выставляют в зале, как охотничий трофей?

Уризен злобно усмехнулся:

— Если я скажу тебе то, что ты хочешь, Вала, возможно, умрет, но вы-то останетесь в живых. О, сын, ты предложил мне очень мерзкий выбор. В любом случае я многое теряю.

— Ты можешь ненавидеть нас, сколько угодно, — воскликнул Вольф, — но мы никогда не издевались над тобой, как Вала...

— Вода скоро заполнит этот этаж, и тогда мы все умрем! — прокричал Теотормон. — А Вала будет сидеть перед экраном в центре управления и хохотать, видя, как мы бьемся в судорогах. А потом она исполнит ту месть, которую приготовила для Хрисеиды!

Роберт почувствовал себя беспомощным. Он понимал, что угрозы на отца не подействуют. А чем еще можно убедить его?

— Уходим, — сказал он. — Мы больше не можем терять время. — Вольф повернулся к Уризену: — Прощай навсегда, отец. Тебе предстоит умереть — причем довольно скоро. Твое сердце жаждет отмщения! И если бы ты ответил на наш вопрос, мы повергли бы Валу в прах. Но ненависть ослепила твой разум, и ты обокрал самого себя.

Они повернулись, чтобы уйти, но Уризен окликнул их:

— Подождите!

Роберт нетерпеливо повернулся к клетке. Уризен облизал пересохшие губы.

— Если я помогу тебе, ты окажешь мне одну услугу?

— Мне не удастся освободить тебя, отец, — ответил Вольф. — Ты сам знаешь, у нас совершенно нет времени. Но даже будь у меня ключи от этой клетки, я бы ее не открыл. Иначе мне пришлось бы убить тебя.

— Услуга, которую я требую взамен, как раз в этом и состоит, — тихо произнес Уризен. — Я прошу смерти. Меня терзает боль, мой сын. До сих пор гордость не позволяла мне сознаться в этом. Но каждая минута жизни кажется мне

тысячелетием. Если бы не гордость, я бы давно встал на колени и умолял вас прекратить мои мучения. Но вы этого не увидите никогда! Уризен не опустится до просьб! Но вот договор, сделка — это другое дело.

— Я согласен, — ответил Роберт. — Стрела, пущенная между прутьями, подведет итог нашей встрече.

Уризен перешел на шепот и в нескольких словах объяснил, как захватить столь необходимый сейчас центр управления. Едва он кончил говорить, из дальнего конца помещения послышался смех. Вольф оглянулся и увидел Валу, которая шла навстречу. Он знал, что без эффективных средств защиты она никогда не посмела бы предстать перед ними, и все же вставил стрелу в тетиву.

Но, разглядев стену сквозь ее полупрозрачное тело, он понял, что это проекция изображения. Роберт надеялся, что сестра не слышала последних слов Уризена. В противном случае они оказались бы в полной ее власти.

— Мой план немного изменился, — сказал ее образ. — Но лучшего я бы и желать не могла. Какая трогательная встреча — отец и дети в последние минуты их жизни. Счастливое воссоединение семьи! Моя мечта исполнилась, и вы станете свидетелями предсмертных конвульсий друг друга. А потом я оставлю эту планету, эту печальную вселенную, и отправлюсь в погоню за последним оставшимся в живых братом и моей любимой сестрой Ананой. Но прежде я задержусь немного и от души позабавлюсь с твоей Хрисеидой.

— Тебе еще ни разу не удавалось взять над нами верх и, поверь, никогда не удастся! — закричал Вольф. — Даже если ты убьешь нас, твоя радость не продлится долго! Ты, наверное, знаешь о яде этсфагво, которым пользуются туземцы островов? Ты знаешь, что его можно подмешать в еду и яд не оставит ни запаха, ни вкуса? Да-да, тот самый яд, который действует внезапно и терзает жертву ужасной болью в течение нескольких часов. Смертельная жидкость, от которой нет противоядия! Так вот, Вала: я давно заподозрил тебя в предательстве. А прошлым вечером я влил этсфагво в твой ужин. Ты вскоре почувствуешь его, сестра, и тогда тебе будет уже не до смеха.

Конечно, Роберт ничего подобного не делал и до последней минуты даже не помышлял об этом. Но перед лицом смерти ему хотелось наказать Валу несколькими часами душевных мук.

Ее изображение закричало от ярости и отчаяния:

— Ты лжешь, Ядвин! Ты бы не поступил так со мной! **У** тебя слишком мягкое сердце. И тебе не удастся меня напугать!

— Скоро ты поймешь, что я говорил тебе правду! — ответил Вольф.

Он повернулся к клетке и, выполняя обещание, данное Уризену, выпустил сквозь прутья решетки стрелу. Но едва он двинулся к выходу, образ Валы поблек, и из скрытых в потолке труб на братьев хлынула зеленая пена. Она в один миг покрыла пол и поднялась до колен. Едкие испарения вызывали кашель. У Роберта заслезились глаза. Он нагнулся, поднял выпавшие из рук лук и стрелы и закашлялся еще сильнее.

Пена поднималась к шее. Вольф отчаянно пробирался через зеленые сугробы к двери в дальнем конце помещения, хотя там их могла поджидать еще одна ловушка. Пена поднялась выше головы. Вольф задержал дыхание, натянул маску и выдул собравшуюся там пену. Он надеялся, что братья тоже вспомнят о масках.

Когда до двери осталось несколько шагов, Роберт почувствовал, что пена начала твердеть. Он продирался сквозь нее изо всех сил. Сопротивление вязкой массы возрастало, и он продвигался вперед слишком медленно. А затем пена вдруг превратилась в желе, и все вокруг поглотил зеленоватый мрак. Его поймали, как муху в янтаре.

Он не мог обернуться и посмотреть на тех, кто шел следом. Вольф видел лишь арку прохода. Он пошевелил руками и обнаружил, что может немного двигать ими. Ценой огромных усилий Роберт передвинулся на дюйм вперед, но желе, словно волна отлива, вернуло его назад и вновь сжало в своих объятиях. Ему оставалось лишь ждать, когда в баллоне кончится воздух. Система подачи кислорода имела закрытую циркуляцию и, поглощая двуокись углерода, перерабатывала выдыхаемый воздух. К счастью, маска была лишена выходных отверстий, иначе смерть наступила бы мгновенно. Желе сжимало тело так плотно, что для выхода отработанного воздуха не оставалось места.

Через какие-нибудь полчаса ему придет конец. Теперь Вала может смеяться до упаду. Но потом она возьмется за Хрисеиду, и страшно подумать, что ждет его прекрасную жену. Неужели ее заставляют сейчас смотреть на сцену их гибели? Или Вала развлекается, описывая ей предстоящие пытки?

Прошло пятнадцать минут, но он думал только о том, как ему выбраться. Ситуация казалась безвыходной. Вот и закончилась его жизнь, длившаяся двадцать пять тысяч лет, — жизнь богоподобного существа, наделенного непостижимой властью. Он прожил ее напрасно, и лучше бы ему было не

рождаться. Он скоро умрет, а потом сестра убьет Хрисеиду, и их мумии будут стоять в ее трофеином зале среди прочих экспонатов.

Но нет, вот этому как раз и не бывать. Сестре придется спасаться бегством. Потоки воды, с шумом вытекавшие из неподвижных врат на верхнем этаже дворца, лишат ее такого удовольствия. И их тела останутся лежать на дне моря, во тьме холодных вод, пока плоть не сгниет и течение не разбросает кости по этажам и залам затопленного замка.

Вода! Он совсем забыл, что, когда они проходили через комнаты этого этажа, вода уже поднималась по лестнице. И если только...

Первая волна, прокатившись под смертоносной аркой, налетела на дрогнувшую массу желе и вырвала из нее огромный кусок. Коридор вскоре заполнился водой, и желе начало растворяться. Время шло, с каждой минутой вода подбиралась к Вольфу все ближе и ближе, проедая себе путь и превращая желе в зеленую пену, которая быстро растворялась в жидкости. Прошло более получаса с тех пор, как он надел маску, и по его оценкам в баллонах почти не осталось воздуха. Каждый глоток кислорода мог стать последним.

Желе превратилось в зеленую пену, и Вольф по-прежнему ничего не видел. Рядом с ним отвалился толстый кусок массы. Вольф мощным рывком вырвался из мягких и цепких оков. Однако теперь ему угрожала еще большая опасность. Кислород кончался, а становиться утопленником Роберту не хотелось.

Разглядев под зеленою вуалью пены неподвижные фигуры братьев, он подплыл к ним и освободил от кусков желе, которые не выпускали их из своих объятий. Ринтрак был мертв. Он вовремя надел маску, но в системе подачи воздуха произошла какая-то поломка. Роберт жестом велел Теотормону и Луваху следовать за ним и поплыли к противоположной двери, на которую возлагал все свои надежды. Они не могли вернуться в коридор, через который врывалась вода. Впрочем, хотели они того или нет, их все равно несло к дальней стене.

Вольф разбросал куски желе, закупорившие проход, и течение потащило его в следующую комнату. Братья рванулись следом и, проскочив на гребне волны всю комнату, врезались в противоположную стену. Выбравшись из колючих и пенистых струй, они поднялись на ноги. Роберт выключил подачу кислорода и поднял маску. Все трое знали, что через минуту или две комната заполнится водой, поэтому

каждый старался сохранить тот маленький запас воздуха, который еще оставался в баллонах.

— Уризен сообщил мне, где находится потайная дверь в аварийный центр управления, — сказал Роберт. — Он оборудовал это помещение специально на тот случай, если кто-то проберется к главному пульту. Там даже есть устройства, которые могут отключить всю аппаратуру основного центра. Чтобы добраться туда, нам придется пройти через дверь с ловушкой из тепловых лучей. Я не успел узнать, как отключается механизм их запуска. Поэтому мы подождем, когда вода заполнит комнату, а затем наденем маски и проскочим. Поток пены должен закоротить пусковые головки лучей. Вернее, я надеюсь на это.

Они подняли маски на лбы и забились в угол, чтобы их не снесло стремительным течением. Вода колотила в стену напротив арочного прохода, мчалась по полу и втекала в дверь, оборудованную ловушкой. Увидев, что пена не активирует лучи, Роберт бросил в проем каменный топор. Вспышка ошеломила его, хотя он и успел закрыть веки. Вода на пороге закипела, и от нее повалил пар.

Море стремительно вливалось во врата на вершине замка. Встревоженные своим положением, владельцы вскоре оказались под потолком. Когда над головой остался лишь фут не занятого водой пространства, они надели маски. Вольф нырнул и поплыл к двери. Внезапно кислород иссяк. Он задержал дыхание и поплыл быстрее. Вспышка света ослепила его, вода обожгла руки и затылок, не защищенные костюмом. Он ударился о край арки, и поток втащил его в следующую комнату. Роберт оттолкнулся ногами от пола и стал вспыльвать, вытянув вверх руки, чтобы не удариться о потолок головой. В глазах после вспышки рябило, и он ничего не видел.

Коснувшись каменной плиты, Вольф сорвал с себя маску и сделал вдох. Легкие наполнились воздухом, но в рот попала вода, и он закашлялся. К тому времени зрение восстановилось. Теотормон и Лувах плавали рядом. Роберт вытащил из воды руку и указал вниз.

— Давайте за мной!

Он нырнул, открыл глаза и быстро подплыл к нише в стене. Здесь находилась небольшая, в фут высотой, статуя из зеленого жадеита — сидевший в позе лотоса идол, которому некогда поклонялись племена ныне далекой вселенной. Вольф повернул голову божка, секция стены отошла в сторону, и вода хлынула в большую комнату, увлекая за собой владельцев. Они вскочили на ноги. Роберт подбежал к пульту и потянул рычаг с красной рукояткой. Дверь медленно, но все

же закрылась, уровень воды на полу успел достичь одного фута.

Отыскав пульт, о котором рассказывал Уризен (а тут их было не меньше тридцати), Вольф нажал на прямоугольную пластину, отмеченную идеограммой древнего символа владельцев. Он отступил назад и впервые за долгое время улыбнулся.

— Отныне Вала бессильна, — сказал он. — Я не только отключил главный пульт, но и запер ее в центре управления. Все врата в тех помещениях дезактивированы, и бегство невозможно. Но я оставил проход из мира воды открытым, поэтому крепость все равно будет затоплена.

Роберт потянулся к кнопке, которая включала экран обзорной камеры, установленной в центре управления, но тут же отдернул руку и на несколько минут погрузился в размышления.

— Чем меньше сестра знает о действительном положении вещей, тем лучше для нас, — сказал он. — Теотормон, иди сюда и слушай внимательно...

Вольф и Лувах спрятались за пультом. Сквозь вентиляционные щели приборной стойки они внимательноглядывались в экран. Теотормон нажал концом плавника на клавишу. Появившаяся на экране Вала изумленно вскрикнула и уставилась на него. С мокрых длинных темно-красных волос стекали струйки воды. Прекрасное лицо исказилось от ярости.

— Ты! — прошипела она.

— Приветствуя тебя, сестричка! — ответил Теотормон. — Не ожидала увидеть меня живым? А как ты почувствуешь себя, узнав, что я перекрыл тебе все пути к спасению? Бедняжка! Я сделал тебя совершенно беспомощной.

— А где твои братья? — спросила Вала, разглядывая комнату у него за спиной. — Где твои лучшие друзья?

— Они мертвы. В баллонах не хватило кислорода. У меня тоже кончился воздух, но благодаря телу, дарованному отцом, я смог удерживать дыхание до тех пор, пока вода не растворила твое желе.

— Ты хочешь сказать, что Ядавин погиб? Я тебе не верю. Ты обманываешь меня, глупая пиявка!

— Ты не в том положении, чтобы распускать язык.

— Покажи мне его тело! — крикнула она.

Теотормон пожал плечами:

— Не сходи с ума. Оно плавает где-то во дворце. Я едва пробрался в эту комнату, и, если выйду отсюда, ее тут же затопит до потолка.

Вала взглянула на пол, залитый водой, и улыбнулась:

— Так, значит, ты тоже в ловушке? Ах ты, провонявшая рыбой идиот! У любой жабы больше мозгов, чем у тебя! Ты сейчас признался мне, что и сам находишься в такой же ситуации!

Теотормон открыл рот.

— Но... но...

— Ты можешь думать, что я в твоей власти, — сказала Вала. — И отчасти так оно и есть. Но ты ничем не отличаешься от меня. А я, между прочим, знаю, где находится космический корабль. Он мог бы унести нас на другую планету, где находятся врата, через которые мы покинули бы эту вселенную. Впрочем, ладно. Наверное, у тебя другие планы. Но мне интересно, что ты собираешься делать?

Теотормон почесал мохнатую макушку кончиком плавника и растерянно ответил:

— Я не знаю.

— Конечно, не знаешь! Потому что ты глуп! Но ты не настолько глуп, чтобы нам не удалось сторговаться. Если ты выпустишь меня, я позволю тебе остаться со мной на корабле. Пойми, у нас нет другого выхода.

Вольф не мог видеть лица Теотормона, но по тону его голоса тут же представил коварную и подозрительную ухмылку брата.

— Но как я узнаю, что могу тебе доверять?

— А нам и не надо доверять друг другу. Мы должны устроить все так, чтобы один не мог заманить в ловушку другого. Ты согласен?

— Ну, я не знаю...

— Центр управления, в котором я нахожусь, не пострадает даже в том случае, если море поднимется на милю, навеки поглотив дворец в своей пучине. Запасов еды и питья мне хватит на год. Я-то отсижуся, а вот ты погибнешь. И тогда, поверь мне, я придумаю какой-нибудь способ, чтобы выбраться отсюда. Я обязательно что-нибудь придумаю.

— Но почему бы тебе в таком случае не обойтись без моей помощи? — спросил Теотормон.

— Потому что я не хочу сидеть в этой комнате целый год. У меня слишком много дел.

— Вот и хорошо. А что будет с Хрисеидой?

— Она полетит со мной. У меня есть кое-какие планы относительно нее, — ответила Вала. Очевидно, к ней снова вернулась подозрительность. — А что это ты вдруг о ней забеспокоился?

— Как же, стану я о ком-то беспокоиться. Просто спросил, вот и все. Хотя знаешь... может быть, ты отдашь ее мне? Ядавин говорил, что она очень красивая.

Вала засмеялась и весело сказала:

— Да, о такой пытке для нее я не подумала. И все же этого мало. Прости, браток, но ты ее не получишь.

— Тогда никакой сделки, — с обидой произнес Теотормон. — Можешь подавиться ею. Сиди там с ней взаперти целый год. В любом случае я не верю, что ты доплынешь до звездолета. А давление воды с каждым днем будет становиться все больше и больше.

— Ты глупый эгоистичный кусок дерьяма! — закричала Вала. — Тебе и умереть не жалко, лишь бы отнять что-нибудь у других! Ладно, забирай ее себе.

Роберт улыбнулся. Чтобы не возбудить подозрений сестры, он велел Теотормону поторговаться насчет Хрисеиды. Его притязания должны были показаться такими неуместными, эгоистическими и смешными, что Вала вполне могла попасться на крючок и поверить в искренность его слов.

Теотормон завизжал и радостно захлопал плавниками. Вольф надеялся, что восторг брата диктовался лишь правилами розыгрыша, но не мог удержаться от мысли о возможном предательстве.

— Ладно, договорились, — сказал Теотормон. — А как мы доберемся до звездолета?

— Сначала освободи меня. Я не могу тебе этого сказать, иначе ты улизнешь один.

— Но если я открою дверь твоей комнаты, ты можешь выйти раньше меня.

— Неужели ты не можешь установить переключатели с задержкой, чтобы моя дверь открылась на несколько минут позже? Сколько тебе нужно времени, чтобы добраться до центра?

Теотормон ругнулся, как бы сожалея о том, что такая простая мысль не пришла ему в голову.

— Хорошо. Только ты должна выйти из комнаты совершенно голой. Вы обе должны выйти без одежды и с пустыми руками. Я тоже приду на встречу без оружия. Мы выйдем из своих комнат одновременно и встретимся в коридоре, который соединяет два наших центра управления.

Вала вздохнула и изумленно произнесла:

— Ах вот как! Значит, ты все время знал, как можно выйти отсюда... Теперь понятно, где находится аварийный пульт управления! А я-то думала, что коридор упирается в глухую стену.

— Все равно эта информация тебе уже не поможет, — сказал Теотормон. — Ты не выйдешь, пока я тебя не выпущу. И запомни: разденешь Хрисеиду тоже! Я не хочу, чтобы ты спрятала на ней какое-нибудь оружие.

— Не любишь рисковать, братишка? — спросила Вала. — Да ты, похоже, умней, чем я думала.

Вольф прикрыл глаза и погрузился в размышления. В чем же заключается ее хитрость? Встретив Теотормона в середине коридора, Вала окажется совершенно беспомощной, и как только она раскроет местоположение звездолета, ее сильный брат может сделать с ней все что угодно. Тем не менее она согласилась на встречу — значит, у нее имелся хитрый план.

На самом деле братья знали, где находится корабль. Теотормон притворялся глупцом только для того, чтобы дать ей чувство мнимого преимущества. Вольф знал свою сестру — если ее не выманить из комнаты, она оттуда не выйдет. Вала скорее умрет, чем сдастся, но при этом она прихватит с собой Хрисеиду. И ее не убедить никакими обещаниями, ибо слово и честь для властителей — пустой звук. Она все равно будет ожидать подвоха. Хотя в каком-то отношении Вала права. Пусть Вольф и не считал себя больше властителем, в душе он знал, что не сдержал бы обещание, данное ей при таких обстоятельствах. А что уж тогда говорить о Теотормоне?

Так что же все-таки задумала Вала?

Теотормон перешел к обсуждению их встречи, всем своим видом демонстрируя неуверенность и страх. Выяснив детали, он dezактивировал экран и повернулся к братьям. Роберт открыл дверь, в которую ему и Луваху предстояло войти раньше назначенного времени. Как и говорил Теотормон, два центра управления соединялись коридором. Оба помещения находились в огромной капсуле, защищенной особо прочной металлической оболочкой, толщина которой составляла четырнадцать футов. Она могла выдержать любое давление воды и уцелела бы даже при прямом попадании водородной бомбы. Внутреннее покрытие стен включало в себя вещество, которое могло отражать излучение нейтронной бомбы. Уризен специально поместил тайный центр управления вблизи от основного пульта, предусмотрев похожую на их случай ситуацию захвата. Любой враг, овладевший главным пультом, превращался в легкую добычу, которую застигали врасплох, проходя в помещение через замаскированный в стене проход.

И хотя коридор предполагалось использовать только в критических ситуациях, в подобной роскоши можно было проводить даже светские приемы властителей. Ни одному

земному миллиардеру, даже самому богатому, не удалось бы приобрести таких картин, скульптур и мебели. Да взять хотя бы люстру, висевшую на массивной цепи из золотистого сплава. Её сделали из цельного граненого алмаза, вес которого достигал полутонны. Впрочем, здесь имелись и более ценные вещи.

Вольф спрятался за тахтой, покрытой шелковистой шоколадно-лазурной шкурой какого-то животного. Лувах скрылся за пьедесталом статуи. Убедившись, что братья приготовились, Теотормон вернулся к пульте и сообщил Вале, что они могут двигаться навстречу друг другу. Он нажал на кнопку и освободил стопор замка её двери.

Стена в другом конце коридора ушла под потолок. Из прямоугольного отверстия заструился свет ярких ламп, и Вала осторожно выглянула из проема. То же самое проделал Теотормон. Он шагнул вперед, готовый в любую секунду при виде оружия отпрыгнуть в комнату и захлопнуть за собой дверь. Вала тихо рассмеялась и вышла в коридор, вытянув перед собой руки. Ее нагое тело казалось невероятно красивым.

Однако Вольф почти не удостоил ее взглядом. Его глаза неотрывно следили за обнаженной женщиной, которая шла следом. Он снова видел Хрисеиду — прекрасную нимфу с большими глазами и волосами в тигровую полоску.

— Рог Шамбарамена! — вскричал Теотормон. — Я чуть не забыл о нем! Где он?

— В комнате, у пульта, — ответила Вала. — Я не взяла его, потому что ты велел мне выйти с пустыми руками.

— Принеси его, Хрисеида, — сказал Теотормон. — Но когда будешь возвращаться, держи инструмент высоко над головой и не направляй его на меня. Если ты сделаешь хотя бы одно резкое движение, я убью тебя.

Смех Валы заполнил коридор.

— Ты так подозрителен, что боишься даже эту девчонку? Хрисеида не причинит тебе вреда! Она скорее умрет, чем согласится мне помочь.

Теотормон промолчал. Следуя инструкциям Вольфа, он играл роль чрезмерно подозрительного властителя, который ожидает любого подвоха. При другом его отношении к событиям Вала тут же почувствовала бы фальшь.

Сестра и брат начали медленно сближаться друг с другом, шагая в ногу. Их величавые ритмичные движения напоминали странные фигуры какого-то плавного церемониального танца.

Роберт пригнулся к полу и ждал. Он заранее избавился от водолазного костюма, и теперь ему ничего не мешало. Тело

от напряжения покрылось потом. И ему, и Луваху приходилось рассчитывать только на силу рук. Они растеряли свое оружие по дороге к центру управления, а внутри потайной комнаты оружия, к их огорчению, не оказалось. Очевидно, Уризен посчитал его ненужным. Или, что более вероятно, он один знал, где его найти. Уризен не успел рассказать об этом — даже если хотел.

По плану полагалось ждать момента, когда Вала будет проходить мимо Луваха, который прятался в той части коридора. Увидев его позади сестры, Теотормон должен был наброситься на Валу спереди. К тому времени Вольф выбрался бы из-под тахты и пришел на помощь братьям.

В нескольких шагах от алмазной люстры Вала остановилась, и Теотормон тут же замер на месте.

— Ладно, мой гадкий братец, кажется, ты выполнил свою часть сделки.

Он кивнул и быстро спросил:

— Так где звездолет?

Теотормон сделал еще один робкий шаг, надеясь, что она тоже подойдет поближе. Однако Вала стояла неподвижно. На ее лице появилась злая улыбка.

— Вход в него — по другую сторону этого зеркала в форме розы. Ты давно мог бы войти в него и оставить меня умирать. К счастью, ты не знал о нем, безмозгшая мерзость!

Теотормон зарычал и прыгнул на нее. Лувах вскочил из-за статуи, но столкнулся с Хрисеидой. Вольф выкатился из своего тайника, вскочил на ноги и устремился к Вале.

Она вскрикнула и вытянула правую руку ладонью вперед. Из центра ладони вылетел ослепительно белый луч, не толще вязальной спицы. Она повела рукой влево — луч чиркнул по шее Теотормона, и у него отвалилась голова. Секунду тело стояло, бурая кровь фонтаном била из шеи. А потом обезглавленный труп рухнул на пол.

Вольф резко остановился и, как сбитый с ног полевой игрок, кубарем покатился к ногам Теотормона. Услышав проклятие Луваха, которым тот выдал себя, столкнувшись с Хрисеидой, Вала обернулась. Вероятно, она подумала, что он подошел к ней ближе всех, и у нее еще будет время разобраться с Робертом.

Хрисеида среагировала молниеносно. Как только голова упала и покатилась, она спряталась за статую, и луч Валы лишь отщепил кусок от пьедестала. Спасаясь от выстрела, Лувах на бегу пригнулся. Вала ловко отпрянула в сторону и нанесла ему удар ребром левой ладони. Лувах свалился на пол и потерял сознание.

Она могла убить его своим крошечным лучеметом, вживленным в плоть ладони, но почему-то не сделала этого. Возможно, Вала хотела сохранить ему жизнь, чтобы потом подвергнуть пыткам, — вполне в духе властителей.

Роберт беспомощно лежал на полу — вернее, Вала считала его беспомощным. Она подошла к нему и засмеялась.

— А сейчас я тебя убью, — сказала она. — Ты так опасен, что тебя нельзя оставлять в живых.

— Но я еще не мертв! — закричал Вольф.

Схватив окровавленную голову Теотормона, он швырнулся в Валу и, вскочив на ноги, рванулся вперед. Вольф знал, что это ему ничем не поможет, но надеялся на какую-нибудь случайность.

Сестра подняла руку, защищаясь от ужасного снаряда. Луч раскроил голову пополам. Потом, скользнув по потолку, луч пробежал по массивной цепи из золотистого сплава, и полутонная алмазная люстра обрушилась прямо на Валу, едва не задев Вольфа. Но тот успел отпрыгнуть в сторону.

Вала смотрела на него снизу, в глазах ее еще теплилась жизнь. Руки и тело злодейки придавило алмазом; по полу растекалась лужица крови.

— Тебе... удалось это, брат, — тихо выдохнула она.

Хрисеида выскользнула из-за статуи и бросилась в объятия Роберта. Рыдая от счастья, она прижалась к его груди. У Вольфа перехватило дыхание. О, как он понимал ее чувства! Но надо было действовать.

Поцеловав Хрисеиду несколько раз, он прижал ее к себе, затем отстранился.

— Нам нужно выбраться отсюда, пока есть возможность. Нажми на третий завиток в левом верхнем углу зеркала.

Она нажала, и зеркало повернулось. Вольф взвалил на плечи бесчувственного брата и пошел к потайному ходу.

— Роберт! — воскликнула Хрисеида. — А что же будет с ней?

Он остановился.

— С ней?

— Неужели ты так и оставил ее? Ей же больно! И неизвестно, сколько продлятся ее муки, прежде чем она умрет.

— Ну и что? — ответил он. — Она это заслужила.

— Роберт!

Вольф вздохнул. На секунду он снова стал властителем, и в нем вновь заговорил Ядвин.

Он положил Луваха на пол и направился к Вале. Вдруг ее рука шевельнулась, часть отколотого алмаза упала на пол. Роберт подскочил к сестре и сжал ее запястье как раз в тот

момент, когда из ладони вырвался луч. Он выкрутил руку так сильно, что затрещали кости. Вала вскрикнула от боли и умерла: направленный Робертом луч рассек ее пополам.

Вскоре Вольф, Хрисеида и Лувах перебрались на космический корабль. Звездолет поднялся по стволу пусковой шахты на вершину дворца и устремился к вратам, спрятанным в горах планеты кенготемпсов. И только тогда Хрисеида поведала Роберту о том, как Вале удалось выманить ее из родного замка и перенести в этот мир.

— Меня разбудил гексакулум, — рассказывала она. — Ты еще спал. Голос Валы предупредил, что, если я попытаюсь разбудить тебя, ты будешь убит самым страшным образом. Но Вала сказала, что я могу спасти тебя, беспрекословно выполнив все ее инструкции.

— Ты просто не знала о ее подлой натуре, — сказал Вольф. — Если бы она могла мне как-то навредить, то сделала бы это без промедления. И мне кажется, в тот момент ты перепугалась за меня. Прекрасно понимая, что ее слова могут оказаться пустой болтовней, ты все-таки не решилась рисковать моей жизнью.

— Да. Я хотела закричать, но испугалась, что она может исполнить свои угрозы. Я так боялась за тебя, что совсем потеряла голову. И мне пришлось войти в указанные ею врата, которые вели на нижний уровень нашей планеты. Перед уходом по ее приказу я отключила систему тревожной сигнализации и забрала рог. Вала встретила меня в пещере по другую сторону врат. Мы прошли в поджидавший нас гексакулум и оказались в этой вселенной. Остальное ты уже знаешь.

Роберт передал управление Луваху, после чего обнял и поцеловал Хрисеиду. Она заплакала, и у Вольфа тоже навернулись слезы на глаза. Его переполняла радость от того, что он вернул ее живой и здоровой; от того, что кончилась невероятно напряженная битва за жизнь любимой женщины. Но это были и слезы скорби по погибшим братьям и сестре. Облик взрослых и безжалостных властителей рассеялся в небытии минувших дней, и он снова видел их детьми, с которыми провел лучшее время жизни. Он оплакивал светлые чувства и взаимную детскую любовь. Он горевал о потере близких, которые так и не стали близкими.

ЭПА АЖ, ИЛИ НЕМНОГО О ИЛИПЕ ФАРМЕРЕ

*В одну реку можно войти дважды —
в воображении.*

Ф. Х. Фармер

Фармер, Фили Хосе. Родился 26 января 1918 года, в г. Норт-Терре-Хота, штат Индиана. Обучался в Университете штата Миссури, Колумбия, 1936—37, 41, Университете Брэдли, Пеория, Иллинойс, 1949—50, удостоен степени бакалавр писательского мастерства в 1950, Государственном университете штата Аризона, Темпе, 1963—65. Служил в ВВС США, 1941—42. Женат на Бетти В. Андре; имеет сына и дочь. Работал: сталеплавильный завод, 1942—52, тех. писатель, оборонная промышленность: «Дженерал Йоторс», Сиракуз шт. Нью-Йорк, 1956—58; «Моторола», Скоттсдейл, шт. Аризона, 1959—62; «Бендикс», Энн-Арбор, шт. Мичиган, 1962; «Моторола», Феникс, шт. Аризона, 1962—63; «Макдоннелл-Дуглас», Санта-Моника, шт. Калифорния, 1965—69. С 1969 — профессиональный писатель. Лауреат премий: «Хьюго», 1953, 1968, 1972.

*Из «НФ писатели XX века»
под ред. Н.Уотсон и П.Шеллингера.*

Эта сухая выдержка из энциклопедии — пожалуй самое скромное, что можно поведать об одном из самых известных и скандальных фантастов Америки.

Трудно предположить, что породило в молодом Филиппе Фармере любовь к фантастике. Во всяком случае, в юные годы он поглощал фантастические журналы, однако карьера его как писателя-фантаста началась сравнительно поздно — в 1946 году, рассказом «О'Брайен и Обренов», опубликованным в «Adventure». Рассказ этот, по словам редактора, «абсолютно ничего из себя не

представлял». Должно быть, подобный отзыв и послужил причиной тому, что на протяжении следующих пяти лет писатель не создал ни одного фантастического произведения. И тем не менее Филип Фармер оставался писателем — если не в жизни, то в душе.

Ему вообще не везло. Обучаясь в трех университетах (Университет штата Миссури, Университет Брэдли в Пеории, Иллинойс, и Государственный университет Аризоны), ухитился получить лишь степень бакалавра писательского мастерства. Сменил массу мест работы (от сталеплавильщика до писателя-популяризатора, причем на последнем поприще добился немалых успехов, судя по тому, что работал последовательно на «Дженерал Электрик», «Моторола» и «Макдоннелл-Дуглас»), и еще больше городов, объездив Америку от восточного побережья до западного. За период с 1937 по 1952 год ему повезло всего один раз — с женой, Бетти Андре, которую он встретил в 1941 году. Их брак оказался на редкость прочным, особенно по американским стандартам. Женаты они и по сей день, а детям (сыну Филиппу Лэрду и дочери Кристен) и внукам писатель посвящает наиболее занимательные из своих книг.

Известность пришла к писателю неожиданно. Повесть «Любовники» (*Lovers*, 1952), отвергнутая прославленным Джоном Кэмпбеллом, одним из «отцов-основателей» американской научной фантастики, который в то время еще был редактором *«Astounding Science Fiction»*, и не менее маститым Горацием Голдом из *«Galaxy Science Fiction»*, появилась в журнале *«Startling Stories»* и почти немедленно принесла автору премию «Хьюго» как «самому многообещающему молодому автору года». Уже в этой работе проявились наиболее характерные черты творчества Фармера: увлеченность сексом, биологией, фрейдистские мотивы, и почти полное отсутствие чувства меры. История любви землянина, принадлежащего к репрессивной культуре далекого будущего, к инопланетной *лалите* — самке разновидности мимикрующих насекомых, была показана с пугающей откровенностью; жестокость, нежность и зоофилия соединялись в единое целое, притягательное и отталкивающее.

Ободренный успехом, Фармер продал в «Startling Stories» следующую повесть — «По женщине в день» («A Woman a Day», 1953, выходила также под названием «Остановка времени» («Timestop!»)) — и завершил работу еще над двумя романами. Несмотря на то что в этих книгах Фармер еще бессознательно отдает дань штампам, словно взятым из «библии Кэмпбелла» — своеобразного устава, разрешающего писателям одни темы и запрещающего другие, оригинальность была фонтанами из текста, еще не приобретшего зрелых, устоявшихся очертаний. Удивительная способность к экстраполяции, проявлявшаяся в ранних повестях и породившая жутковатый мир, подчиненный законам Западного Талмуда и религии, созданной бесноватым Айзеком Сигменом, стала предвестницей буйного миротворчества, так характерного для поздних произведений писателя.

Но неудачи преследовали писателя с неослабевающей силой. Закрылся журнал «Startling Stories», единственный, рисковавший печатать скандальные произведения молодого автора, оставив неизданным роман «Дэйр» («Dare») (книга вышла лишь в 1965 году). Разорилось издательство «Shasta», которому Фармер предложил роман «Взыскуя плоти» («I Owe for the Flesh»), а рукопись так и затерялась в редакционных архивах. Позднее этот роман стал основой первой книги пенталогии «Мир Реки», принесшей писателю «Хьюго», а найденный манускрипт был опубликован в 1983 году под названием «Река Вечности» («The River of Eternity»). Но это будет позже, а пока казалось, что карьера молодого фантаста готова завершиться, едва начавшись.

Тем не менее Фармер не сдался — неудачи будто подстегивали его. Он пишет серию рассказов об отце Кармоди, закоренелом убийце, который, пройдя через сюрреалистический религиозный ритуал на планете Радость Данте, становится святым. Этот небольшой цикл известен в России единственной повестью «Ночь света» («Night of Light», 1957). Журнал «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» согласился опубликовать эти рассказы, несмотря на содержание, способное привести в ярость ортодоксального христианина любой конфессии.

Кажется, писатель не питает особого уважения к религиям, будь то христианство — в романе «Иисус на Марсе» (*«Jesus on Mars»*, 1979) он еще раз вернется к этой теме, — ислам (как в «Нерассуждающей маске» (*«The Unreasoning Mask»*, 1981)) или современные культуры и секты, по поводу которых Фармер прохаживался особенно часто и весьма ядовито.

Эти и другие рассказы и повести (*«Дьявол Растиньяк»* (*«Rastignac the Devil»*, 1954), *«Человек из переулка»* (*«The Alley Man»*, 1959), *«Отвори, сестра моя»* (*«Open To Me, My Sister»*, 1960)), не говоря уже о квинтэссенции фрейдизма — рассказе *«Мама»* (*«Mother»*, 1953), в котором астронавт находит душевный покой в матке инопланетного существа — приумножили славу Филипа Фармера как одного из самых скандальных и анархичных писателей-фантастов. Находились критики, обвинявшие писателя в оскорблении общественной нравственности, чувств верующих, и едва ли не в растлении малолетних. Впрочем, немалую роль в создании образа сыграл и сам Фармер, с конца сороковых годов до начала семидесятых активно и весьма плодотворно сотрудничавший с журналом *«Плейбой»*. Более того, в библиографии писателя можно найти не только фантастические произведения и биографии литературных героев, но и откровенные эротические романы.

А первая книга Филипа Фармера — именно книга, а не повесть в журнале — вышла в 1957 году. Это был роман *«Одиссея Грина»* (*«Green Odyssey»*), принадлежавший к жанру «планетных приключений», то есть посвященный не столько герою или его похождениям, сколько миру, в который забрасывает его судьба. Наибольшую дань этому жанру из американских фантастов отдал Джек Вэнс, но и Филип Фармер внес в него заметный вклад. *«Одиссея Грина»* считается одним из классических произведений этого поджанра наравне с *«Большой планетой»* (*«The Big Planet»*) Вэнса. Сменяющие друг друга экзотические пейзажи далекой планеты, сложность ее средневековой культуры, жестокость ее мужчин и любвеобильность женщин, завороженное отвращение; с которым воспринимает этот своеобразный мир застрявший на нем космонавт, не дают этой книге стереться в памяти.

Следующая его книга, «Плоть» (*Flesh*, 1960), несколько раз издававшаяся на русском языке, стала важной вехой на творческом пути писателя. Многие идеи этой книги почерпнуты Фармером из книги Роберта Грейвса «Белая богиня» (*White Goddess*, 1947), которая внесла в сравнительное религиоведение не меньше, чем такая известная работа Фрейзера, как, например, «Золотая ветвь» (*The Golden Bough*, 1922), но, несмотря на некоторую вторичность, писателю удалось удержаться на той грани, за которой эротизм романа превратился бы в самоцель. Тяжеловатый юмор романа, заставляющий вспомнить «Гаргантюа и Пантагрюэля», был объявлен «шокирующим», но уже на следующий год после выхода «Плоти» известный писатель и критик Альфред Бестер в журнале *The Magazine of Fantasy and Science Fiction* назвал Филипа Фармера в числе семи лучших фантастов Америки наравне с Р. Хайнлином, А. Азимовым и Р. Брэдбери, считая его самым смелым из них. «Он единственный из фантастов, кто не боится довести любую идею до логического конца, каким бы неприятным ни был этот конец», писал Бестер. В дальнейшем Фармер оправдал подобный отзыв, хотя эпизод его ранних произведений со временем поблек. Сцены, повергавшие в ужас публику пуританских пятидесятых годов, десятилетием позже оказались в рамках допустимого, если не ожидаемого.

Не только сексуальные мотивы постоянно прослеживаются в творчестве писателя. Герои его — как правило, люди неуравновешенные психически, неуверенные в себе, и оттого склонные к насилию и агрессии. Им не хватает опоры, некоего внутреннего стержня. Не случайно тема богоискательства доминирует во многих произведениях Фармера. А кто, как не боги, Властители Многоярусного мира и этикалы мира Реки? Но, как боги древнего мира, они в лучшем случае безразличны к человеку, а в худшем — враждебны.

Можно, впрочем, рассматривать подобные мотивы и как упражнения в прикладной психологии. Фармера нередко упрекают в недостатке психологизма, неубедительности характеров. Это не совсем верно — скорее писателя можно было бы обвинить в излишней яркости душевных черт его героев. Это не картины душ,

а комиксы, шаржи, психологические теории, облеченные литературной плотью. Особенное пристрастие питает Фармер к Карлу Густаву Юнгу, в теорию которого о коллективном бессознательном, содержащем символы (названные Юнгом «архетипами»), накопленные человечеством за всю его историю, прекрасно укладываются более поздние произведения писателя о героях масс-культуры.

Еще одна из идей, пронизывающих все творчество Фармера, — путешествия во времени. Собственно говоря, первым романом этой группы можно условно считать «Дэйр» — историю потомков землян XVII века, перенесенных могущественным арра на планету звезды тау Кита, чтобы проверить, сможет ли род человеческий излечиться от терзающей его ксенофобии и научиться жить в мире с непохожими на них, но родственными «лошехвостами». Но по-настоящему это направление началось «Плотью», в которой экипаж межзвездного корабля возвращается на Землю с Веги через восемьсот лет после отлета. И это не единственный пример. В «Пробуждении каменного бога» (*The Stone God Awakens*, 1970) физик Улисс Поющий Медведь пробуждается от анабиоза через миллион лет после нашей эры, чтобы найти Землю очищенной от скверны человечества пришельцами из созвездия Андромеды (действующими, надо заметить, из самых благородных побуждений). А те существа, которым человек подарил разум, — потомки слонов и кошек, енотов и медведей, псов и летучих мышей — разделены на два противоборствующих лагеря: слуги Вурутаны, Великого Пожирателя, и его противники. Схожая посылка использована и в намного более позднем (и объемистом) «Темном солнце» (*«Dark Is the Sun»*, 1979), хотя действие этого романа отнесено уже не на миллион, а на пятнадцать миллиардов лет в будущее, в эпоху, когда расширение Вселенной сменилось сжатием, когда эффект Ольберса заставляет небо полыхать светом обрушающихся друг на друга звезд, и лишь давно погасшее солнце темным кругом ползет по горящему небосклону.

А в романе «Последний дар времени» (*«Time's Last Gift»*, 1972) ученые двадцать первого века отправляются в прошлое — в эпоху палеолита, за двенадцать

тысячелетий до нашей эры. Кажется, что роман развивается по шаблону — мудрые пришельцы из цивилизованной эпохи изучают в меру дикое кроманьонское племя. Но Фармер остается верен себе, выворачивая штамп наизнанку, и путешествие в прошлое оказывается лишь трамплином. Бессмертный хранитель истории человечества, Вечный Дикарь, собственный потомок и предок (носящий подозрительное сходство с любимым Фармером Тарзаном) использует экспедицию, чтобы начать свой путь, замкнув кольцо, и оставляет ученым капсулу со всеми сведениями, собранными им за тысячелетия земного пути.

В романе же «Врата времени» («The Gate of Time», 1966) американского летчика, совершающего воздушный налет на питающие фашистскую Германию горючим нефтяные скважины Плоешти во время 2-й мировой войны, заносит во времена *вбок*, в параллельный мир, где... отсутствует американский континент. Так что миграция индейских племен была направлена не на восток, через Берингов перешеек, а на запад, в Восточную Европу, и река Днепр называется в этом мире Огайо (по-иоркезски «красивая»), а Венгрия — Дакота. Как обычно, Фармер демонстрирует в этом романе недюжинное знание истории, мифологии и филологии.

После «Плоти» творчество писателя развивалось как бы в двух направлениях. Первое, несколько неуверенно начатое «Перевертышем» («Inside-Outside», 1964), продолжили знаменитые «Всадники лурпурной зарплаты» («Riders of the Purple Wage», 1967; название повести является реминисценцией на сборник очерков Зейна Грея «Всадники лилового старца» («Riders of the Purple Sage»)), написанные специально для составленного Харланом Эллисоном сборника «Опасные видения» и принесшие Фармеру «Хьюго» за 1968 год, и «Овогенез птичьего города» («The Oogenesis of Bird City», 1970). Чтение усложненного до предела текста, обильно усеянного непредставимыми (а порой и нецензурными) образами, вызывающими в памяти джойсовского «Улисса», является непростой задачей даже для заядлых любителей «новой волны». Мучительные поиски смысла составляют суть этих произведений, и прежде всего — смысла жизни художника. Главный герой «Всадников» Чайбайабос

Виннеган (фамилия которого опять-таки перекликается с Джойсом — на этот раз с «Поминками по Финнегану») — художник, живущий в мире, где физические нужды человека перестали быть проблемой. Но нужды души остаются. И именно на художника, человека искусства, ложится задача избавить людей от этого цепкого голода.

Второе направление блистательно начал роман «Создатель вселенных» («*Maker of the Universes*», 1965), первый в серии «Многоярусный мир». В течение следующих пяти лет Фармер написал еще три романа этой серии («Врата творения» («*The Gates of Creation*», 1966), «Личный космос» («*A Private Cosmos*», 1968) и «За стенами Терры» («*Behind the Walls of Terra*», 1970)), в 1977 — пятый, «Лавалитовый мир» («*The Lavalite World*»), после чего оставил работу над серией почти на пятнадцать лет. Только в 1991 году появился шестой роман, «Гнев Рыжего Орка» («*Red Orc's Rage*»), а еще двумя годами позже — заключительный, седьмой, «Больше чем огонь» («*More Than Fire*»). В этих романах Фармер продемонстрировал очередную грань своего таланта, дав новый толчок заезженной поколениями фантастов идее. Мир как площадка для игр... богов? Да, пожалуй, фармеровские властители действительно напоминают богов-олимпийцев: своевольные, вздорные, преисполненные презрения к «леблябий» — простым смертным и безумно могущественные. Самый подходящий материал для демонстрации фрейдистских комплексов. Не случайно именно романы «Многоярусного мира» американский психиатр Дженнини использовал для ролевой терапии подростковых неврозов. (Впрочем, автор отплатил психиатру той же монетой, описав в «Гневе Рыжего Орка» незадачливого психиатра, пытающегося «вылечить» одного из властителей.)

В то же самое время, когда писались первые книги «Многоярусного мира», издательство «Essex House», специализировавшееся на эrotической литературе, предложило Филипу Фармеру написать по заказу три эrotико-фантастических романа. Тот, недолго думая, согласился, и в 1968 году на полках книжных магазинов появился роман «Облик зверя» («*The Image of the Beast*»). Эта книга привлекла внимание читателей не только весьма

откровенными сценами — в рамках одного не слишком объемного произведения автор сумел умно и весело спародировать детектив, триллер и роман ужасов! Даже в предусмотренных контрактом непристойных сценах (инопланетяне в этих романах получают психическую энергию, насилия людей) Фармер ухитряется перемежать ужасное и смешное. Продолжение, короткий роман «Взорванный, или наброски среди руин моего рассудка» («Blown, or Sketches Among the Ruins of My Mind», 1969), оказалось несколько слабее, но тем не менее привлекло внимание публики.

Третьим романом, написанным для «Essex House», был «Незнаемый пир» («A Feast Unknown», 1969). Это блистательное исследование садомазохистских тенденций, скрытых в весьма популярной ныне «героической фэнтези», напоминает одновременно дань романам Берроуза и пародию на них. Пародийны и имена главных героев — лорд Грандрит сильно смахивает на лорда Грейстока (более известного читающей публике под именем Тарзан), а Док Калибан — явно аватара Дока Сэвиджа (персонажа известных на Западе приключенческих романов Лестера Дента). А Девять Бессмертных, якобы манипулирующих историей в своих зловещих целях, чьи гнусные планы расстраивают главные герои, развлекаясь попутно пожиранием печени еще живых врагов, — чем не квинтэссенция плетущих подлые заговоры жутких злодеев, заполонивших современную массовую литературу (не только фантастическую).

Возможно, писатель продолжил бы сотрудничество с «Essex House», но в 1969 году издательство прекратило свое существование. Это, однако, не помешало Фармеру закончить обе начатые трилогии — «Лорд Грандрит» (за «Незнаемым пиром» последовали «Повелитель деревьев» («Lord of the Trees», 1970) и «Безумный гоблин» («The Mad Goblin», 1970)) и «Экзорцизм», начатый «Обликом зверя» — третий роман «Предатель живущих» («Traitor to the Living»), практически не связанный с двумя предыдущими книгами, вышел в 1973 году, снова вызвав на голову писателя град упреков — на сей раз в неуважении к спиритам, поскольку речь в романе шла о научно обоснованном способе связи с душами умерших.

И тогда же, почти походя, был написан роман, который многие критики считают наиболее отточенным стилистически произведением писателя. «Владыка Тигр» (*«Lord Tiger»*, 1970) — произведение *почти* фантастическое. Не только по сюжету — ну что, в самом деле, невероятного в безумии американского миллиона, настолько влюбленного в книги Эдгара Берроуза, что целью его жизни является ни больше ни меньше, как создание... Тарзана, владыки джунглей! Рецепт прост и понятен: берется малолетний потомок английского дворянского рода (украден из колыбели) и выращивается среди обезьян (поскольку говорящих обезьян не бывает, роли горилл исполняют карлики из абиссинского цирка). Надо только придерживаться всех описанных Берроузом подробностей. И все будет в порядке. Но человек не может всю жизнь провести в спектакле. Особенно Рас Тигр, владыка джунглей, под ударами которого холстинный мирок изолированной африканской долины рвется в клочья.

Фантастично тут прежде всего литературное мастерство Фармера. Нигде больше в своем творчестве, за исключением, может быть, нескольких поздних произведений, ему не удалось достичь такого блестательного владения стилем и слогом. И в то же время на романе определенно лежит отпечаток «Тарзана» настоящего — дань мастерству Эдгара Берроуза, создавшего образ, заживший собственной жизнью. Лишь к концу романа ирония Фармера становится жестокой — когда новоявленный обезьяночеловек прекрасно приспособливается к современному Лос-Анджелесу.

В эти же, насыщенные до предела годы (1965—71) Филип Фармер опубликовал в журнале «*Worlds of Tomorrow*» серию рассказов, переработанных им в 1971 году в два романа, первый из которых оказался наиболее прославленным произведением писателя. Это были «В тела свои разбросанные вернитесь» (*«To Your Scattered Bodies Go»*, 1971) и «Сказочный пароход» (*«The Fabulous Riverboat»*, 1971), которыми началась пенталогия «Мир Реки».

Любовь писателя к использованию в своих книгах как чужих персонажей, так и исторических личностей проявилась в этих книгах в полной мере. В самом

деле — когда сценой оказывается долина Реки, петляющей по всей планете и загадочным образом служащей собственным истоком, а действующих лиц дозволено выбирать из 36 миллиардов людей, обитавших когда-либо на Земле, какую пьесу можно создать! И, выбирая, автор не поскупился. Среди главных действующих лиц многотомной эпопеи — известный английский путешественник и поэт сэр Ричард Бертон (открывший озеро Танганьика и переведший на английский язык «Тысяча и одну ночь»), Алиса Лидделл Харгривз (та самая, для кого и о ком Чарльз Доджсон, он же Льюис Кэрролл, написал «Алису в стране чудес»), Сэмюэль Клеменс (то есть Марк Твен) и Джек Лондон, король Джон. Безземельный и Герман Геринг, Сирано де Бержерак и двойник самого автора Питер Джайрус Фригейт (инициалы которого совпадают с инициалами Фармера — P.J.F. Это не единственный случай в творчестве писателя, когда он вводит в повествование свои аватары. Одного из героев «Многоярусного мира» зовут Пол Янус Финнеган, то есть опять P.J.F. — и опять уже не раз упомянутый Джойс). Первый роман серии получил премию «Хьюго» в 1972 году. Следующие книги не удостоились литературных наград, но интерес читателей к ним не ослабевает и по сей день.

Однако в 1972 году в творчестве Фармера произошел надлом. Поток создаваемых им книг резко ослабел, а написанные не привлекали особого внимания читателей. Фармер слишком глубоко ушел в литературную игру, чтобы его произведения представляли интерес для людей, мало знакомых с источниками, из которых писатель черпает. Большая часть написанного им в 70-е годы принадлежит серии «Уолд-Ньютон», но единственное, что объединяет их, — это допущение, что упавший в XVIII веке близ английского местечка Уолд-Ньютон радиоактивный метеорит вызвал появление семейства суперменов-мутантов. Центральной в этой серии является «Тарзан в жизни: Биография лорда Грейстока» («Tarzan Alive: A Definitive Biography of Lord Greystoke», 1972) — сатирически псевдоученная «правдивая история жизни» знаменитого героя, снабженная развесистыми генеалогическими деревьями, связывающими его с такими известными личностями, как Джеймс

Бонд и Джек-Потрошитель. В том же ключе написаны и два романа о приключениях Дока Сэвиджа. Из других романов следует упомянуть «Второй дневник Филемаса Фогга» («The Other Log of Phileas Fogg», 1973), «Приключения несравненного современника» («The Adventures of the Peerless Peer», 1974), изданные под псевдонимом «Джон Ватсон, дипломированный врач» — не трудно догадаться, о ком эта книга, — «Айронкасл» («Ironcastle», 1976), изданный как перевод романа Ж. Рони-старшего «Удивительное путешествие Айртона Айронкасла» (1922), но имеющий весьма отдаленное отношение к оригиналу, и «Венера на створке раковины» («Venus on the Half-Shell», 1975), вышедшая под псевдонимом Килгор Траут. Без подсказки и не догадаешься, что Килгор Траут — это персонаж романа Курта Воннегута «Благослови вас Бог, мистер Розутер, или Не мечтите бисер перед свиньями» («God Bless You, Mr. Rosewater», 1965), и имя его — изоццренная пародия на Теодора Старджона (Trout по-английски «форель», а Sturgeon — «осетр»).

Конечно, нельзя однозначно сказать, что литературные игры повредили таланту Филипа Фармера. Ведь, кроме уже упомянутого «Владыки Тигра», на чужих произведениях построены и «Киты ветров Измаила» («The Wind Whales of Ishmael», 1970) — иронический парофраз мелвилловского «Моби Дика», и «Лицедей в стране Оз» («A Barnstormer in Oz», 1982), построенный на чудесных детских книгах Л. Ф. Баума совсем не детский роман, и дилогия «Древняя Африка» («Хадон из древнего Опара» («Hadon of Ancient Opar», 1974) и «Бегство в Опар» («The Flight to Opar», 1976)), написанная почти одновременно с серией «Уолд-Ньютон». Разрешил писателю создание «Древней Африки» сын и наследник Эдгара Берроуза, и не случайно — действие этих книг происходит в городе Опар, упоминаемом мельком в одной из книг о Тарзане, но не в руинах, какие представлял из себя этот город во времена лорда Грейстока, а в цветущем метрополисе десятитысячелетней давности. Однако в общем и целом семидесятые оказались не лучшим периодом в творчестве писателя.

Перебороть себя Фармеру удалось не сразу. Вначале появился долгожданный третий роман «Мира Реки» —

«Темные замыслы» («The Dark Design», 1977). Затем, двумя годами позже, появились произведения, напомнившие читающей публике раннего Фармера. Если «Темное солнце» еще можно было воспринять как перепевы романа «Пробуждение каменного бога», написанного Фармером девятью годами раньше, то опубликованный в том же году «Иисус на Марсе» занял достойное место в ряду произведений, посвященных исследованию религии. Фармер любит мистифицировать читателя, задавать загадки без ответа; вот и в этой работе вопрос «кто же наши боги?», предельно заостренный открытием марсиан, поклоняющихся Иисусу Назареянину — живому Иисусу, — остается без ответа. Быть может, негласный ответ героя этой книги Ричарда Орма: «Кто бы он ни был, бог или пришелец, я готов умреть за него» не хуже любого другого?

Совершенно оригинальной работой оказалась и «Нерассуждающая маска» — «космическая опера» о поисках Бога, телом которого является Вселенная. Но в то же время этот Бог — испуганный ребенок, до которого уже не первую эпоху стремятся дозваться три бессмертных существа, прежде чем иммунная система Бога не выжжет рак разумной жизни из его клеток-миров. В этом романе, как и в заключительных книгах «Мира Реки», проглядывает увлечение Фармера суфизмом.

Вышли в свет и давно ожидавшиеся продолжения «Многоярусного мира» (о них мы уже упомянули) и «Мира Реки» (в 1979 году — сборник рассказов «Мир Реки и другие истории» («Riverworld & Other Stories»), в 1980 — «Волшебный лабиринт» («The Magic Labyrinth») и еще один сборник рассказов «Война в мире Реки» («The Riverworld War»), а тремя годами позже — «Боги мира Реки» («The Gods of Riverworld»)). Сюжеты последних томов, в противовес начальным, становятся все более запутанными — возможно, намеренно.

А в 1985 году появился роман, способный послужить образцом позднего творчества Филипа Фармера — «Мир дней» («Dayworld»). Писатель отбрасывает раблезианскую жизнерадостность своих ранних произведений, которую не слишком успешно пытался восстановить в «Темном солнце». «Мир дней» написан холодными красками, мерная поступь времени слышится в ровных и в

то же время звенивших от напряжения фразах, а юмор если и проглядывает кое-где, то отдает не то сатирой, не то попросту дьявольской усмешкой. Идея романа была высказана писателем еще в 1971 году, в рассказе «Порезанный ломтиками мир только-по-вторникам» («The Sliced-Crossways Only-on-Tuesday World») — в целях борьбы с растущим перенаселением человечество поделили на семь частей. Каждый имеет право жить один день в неделю — скажем, вторник, — а остальное время обязан проводить в анабиозе. Вполне логичное предложение — одной седьмой человечества и пищи, и места требуется всемеро меньше. Есть, конечно, и мелкие неудобства — вроде семи пап римских или двойного календаря — объективного и субъективного. Только вот в памяти почему-то всплывают не менее логичные миры, созданные ехидным пером Джонатана Свифта...

Да и художественное решение романа достойно пера ирландского сатирика. Главный герой достигает своей цели — жить ежедневно — за счет расщепления собственной личности на семь независимых частей. Но нарушение привычного ритма жизни одной из личностей передается другим, покуда весь мир семи ипостасей Джека Кэйрда не рассыпается в прах. Бунт Кэйрда против системы тотального контроля оборачивается даже не разрушением, а саморазрушением, потому что расщепление сознания героя всего лишь отображает шизофрению общества, в котором он живет. Этот бунт, в сущности, эгоистичен, Кэйрд готов разрушить все ради собственного спасения, в то же время бессознательно пытаясь сохранить *status quo*. Лишь в следующих книгах — «Бунтарь мира дней» («Dayworld Rebel», 1987) и «Распад мира дней» («Dayworld Breakup», 1990) — безумие Кэйрда вырывается наружу, сметая невыносимо логичный (а ведь логика, доведенная до абсурда, является одним из характерных симптомов шизофрении), правильный и бессердечный окружающий мир. А сложность сюжетных перипетий заставляет вспомнить лучшие романы Альфреда Ван Богта.

Трилогия «Мир дней» позволила Фармеру удержать зашатавшееся было под ним кресло главного анархиста американской НФ, которое он удерживал на протяжении сорока лет. Но, видимо, это еще не конец. Хотя

писатель уже немолод (в январе 1996 года ему исполнилось 78 лет), он продолжает творить, хотя и не столь интенсивно, как в молодости. Широту его творческого вклада трудно даже оценить, настолько многообразны его творения. Книги его все еще вызывают споры и скандалы. Будем надеяться, что еще немало лет перо Филипа Фармера будет дарить поклонникам его творчества новые плоды его своеобразного таланта.

Д. Смушкович

Содержание

От издательства	5
МНОГОЯРУСНЫЙ МИР	
Создатель вселенных , роман, <i>перевод С. Трофимова</i>	11
Врата творения , роман, <i>перевод С. Трофимова</i>	187
Эпатаж, или немного о Филипе Фармере , <i>Д. Смушкович</i>	335

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том первый

Составитель Д. Смушкович

Редактор М. Проворова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Ж. Голубева, И. Лаздина

Оператор компьютерной верстки Е. Глуховская

Оформление обложки: И. Леонтьев

Оформление шмуктитулов: В. Ковалев

**Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным
издательством.**

ЛР № 062455 от 23.03.83.

Подписано в печать 25.01.96. Формат 84×108¹/32.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

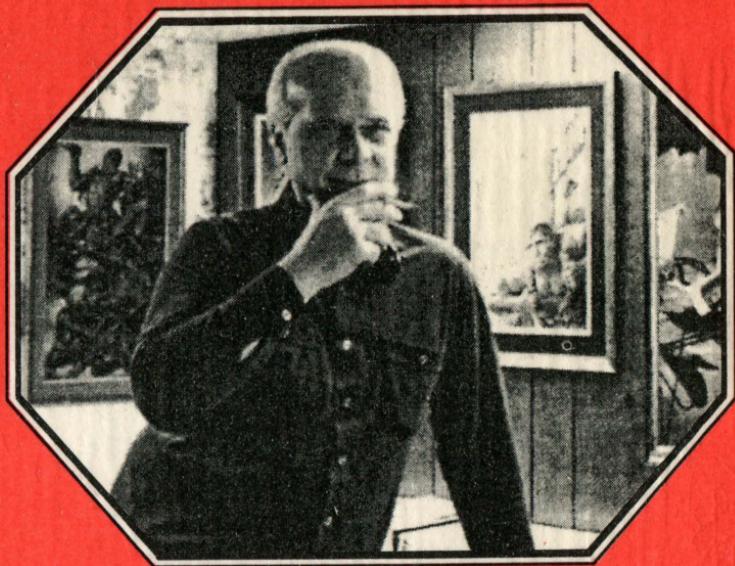
Усл. печ. л. 17,64. Тираж 20 000 экз.

Заказ № 1530. С 138.

**Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, а/я 22**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040 г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46**

Создатель вселенных

Роберт Вольф не знал, какая сила притягивает его к неприметному дому в Аризоне. Не знал он и того, что настоящее его имя — Ядавин, и мир, вход в который скрыт в старом шкафу — его творение и его царство. Но, чтобы вернуть утраченное, Вольфу-Ядавину и его спутнику Кикахе нужно пройти через множество опасностей и свергнуть узурпатора, воссевшего на вершине Многоярусного Мира.

Брата творения

Даже отвоевав свой мир у захватчика, Роберт Вольф не мог чувствовать себя в безопасности. Его отец Уризен, люто ненавидящий свое потомство, подготовил смертельную ловушку для Ядавина и его братьев и сестры. Действительность же обернулась кошмаром...

